РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВИТАЛИЙ АБОЯН

ДРЕВО ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В мире, где контроль над рынком информационных технологий захватили могущественные транснациональные корпорации, нет места милосердию. Эту истину хорошо усвоил Джордж Карнер, руководитель службы электронной безопасности «Мацушита электрикс», которому было поручено разобраться с утечкой стратегической информации с сервера корпорации. Настя, начинающий питерский хакер-виртуал по кличке Сикомора, этого не знала и лишь чудом выбралась из чудовищной ловушки, подстроенной Карнером. И если бы не загадочный Джек, существующий только в цифровом пространстве, девушке суждено было бы исчезнуть. Однако по ее следам уже идут беспощадные гончие, привыкшие жестоко уничтожать хакеров не в виртуальном, а в настоящем мире…

- Виталий Абоян
  - 1. 23 марта. Токио, пятьдесят восьмой этаж здания «Мацушита электрикс»
  - 2. 23 марта. Санкт-Петербург, частная квартира, бар «Три медведя»
  - 3. Сеть. Время и место не установлены
  - 4. 24 марта. Сеть, закрытый информационный канал
  - 5. 24 марта. Здание «Мацушита электрикс»
  - 6. 24 марта. Ленинградская область, побережье Финского залива
  - 7. 24 марта. Разговор по закрытой телефонной линии
  - 8. 24 марта. Токио, суши-бар, Сибуя
  - 9. 24 марта. Сеть, время и место не установлены
  - 10. 24 марта. Окрестности Выборга
  - 11. 24 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»
  - 12. 24 марта. Вечер. Ленинградская область
  - 13. 24 марта. Сеть, Токио, развлекательный центр Сибуя
  - 14. 24 марта. Пулково
  - 15. 25 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»
  - 16. 25 марта. Сеть, закрытый информационный канал
  - 17. 25 марта. Калькутта
  - 18. Сеть. Время и место не установлены
  - 19. 25 марта. Токио, частная квартира, здание «Мацушита электрикс»

- 20. 25 марта. Калькутта, «Banner of the Revolution», логово Спрута
- 21. 25 марта. Сеть, закрытый информационный канал
- 22. Сеть, время и место не установлены
- 23. 26 марта. Между мирами
- 24. 26 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»
- 25. 26 марта. Санкт-Петербург, квартира с видом на Невский проспект
- 26. 26 нарта. Калькутта-Сеть
- 27. 27 марта. Токио, американский госпиталь
- 28. 27 марта. Сеть, локейт 58003428
- 29. 28 марта. Здание «Мацушита электрикс». Минус четырнадцатый этаж
- 30. 28 марта. Калькутта, подземный дворец Спрута
- 31. 28 марта. Санкт-Петербург, квартира с видом на Невский проспект
- 32. 28 марта. Токио. Лаборатория биософтов «Мацушита электрикс». Сеть
- 33. 28 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»
- 34. 28 марта. Калькутта. Подземный дворец Спрута. Сеть
- 35. 28 марта. Сеть
- 36. 29 марта. Лаборатория биософтов «Мацушита электрикс»
- 37. 29 марта. На борту рейса Санкт-Петербург — Калькутта — Сингапур
- 38. 29 марта. Реальный мир. Место не установлено
- 39. 29 марта. Калькутта
- 40. 29 марта. Здание «Мацушита электрикс» — на грани реальности
- 41. 29 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»
- 42. 29 марта. Сеть, место не установлено
- 43. 29 марта. Калькутта, отель «Хилтон», номер люкс. Сеть
- 44. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс» — на грани реальности
- 45. 30 марта. Калькутта, отель «Хилтоне», номер люкс
- 46. 30 марта. Сеть — виртуальное сознание
- 47. 30 марта. Сеть, виртуальный ресторан «Сезам». Чужой
- 48. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс», минус

четырнадцатый этаж
- 49. 30 марта. Калькутта, отель «Хилтон», номер люкс
- 50. 30 марта. Сеть, резервное копирование
- 51. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс». Другая Сеть
- 52. 30 марта. Сеть, закрытый информационный канал
- 53. 30 марта. Калькутта, номер люкс отеля «Хилтон»
- 54. 30 марта. Пятьдесят восьмой этаж здания «Мацушита электрикс»
- 55. 30 марта. Калькутта, номер люкс отеля «Хилтон»
- 56. 30 марта. Сеть, коннект из номера люкс отеля «Хилтон», Калькутта
- 57. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс»
- 58. 31 марта. Калькутта, номер люкс в отеле «Хилтон»
- 59. 31 марта. Токио, здание «Мацушита электрикс», реальное и виртуальное
- 60. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Безумие
- 61. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Реальная виртуальность
- 62. 31 карта. Здание «Мацушита электрикс». Между пятьдесят восьмым и шестьдесят восьмым этажами
- 63. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс», лифтовая шахта
- 64. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс», реальная виртуальность
- 65. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Между пятьдесят восьмым и шестьдесят восьмым этажами. Джордж
- 66. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Между пятьдесят восьмым и шестьдесят восьмым этажами. Исиро
- 67. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Оранжерея. Настя
- 68. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Оранжерея. Джордж
- Последнее. 31 марта. Нейронная Сеть.

Виталий Абоян
Древо войны

1. 23 марта. Токио, пятьдесят восьмой этаж здания «Мацушита электрикс»

Любые совпадения имен героев с реальными людьми являются случайными. Существующая на самом деле компания «Мацушита электрикс» не имеет к описываемым событиям никакого отношения. Во всяком случае — пока…

Двери скоростного лифта мягко, почти бесшумно разъехались в стороны. Снаружи царил серо-голубой полумрак. Убранство помещения было вызывающим в своем аскетизме. Особенно в сравнении с шикарной отделкой лифта, изобилующей дорогими сортами дерева, зеркалами и натуральной позолотой.

Джордж Карнер неуверенно шагнул вперед, покидая уютное пространство лифта. Он заметил, что нервно теребит штанину, одернул себя, но спустя секунду гладкая синтетическая ткань делового костюма снова сминалась под не находящей покоя рукой. Собственно, нервничать было от чего — на этом этаже лифт никогда не останавливается просто так. На щитке нет даже кнопки с надписью «58». То, что это был именно пятьдесят восьмой, Джордж знал точно. Он уже бывал здесь раньше. Когда приступил к работе над своим проектом. Вернее, ему разрешили приступить к работе над ним. Разумеется, Джордж этому был очень рад, ведь наконец он смог получить доступ к оборудованию, о котором и мечтать не мог. И платили ему очень неплохо. Да что там говорить — хорошо платили. Он носил дорогую одежду, обедал в дорогих ресторанах, даже смог купить себе квартиру в в кредит. Именно квартиру, с прихожей, гостиной, спальней и кухней. Не просто ячейку для ночлега. Практически дворец, в одном из самых престижных районов Токио.

Однако в этот раз его позвали сюда неспроста. Все, что было нужно для успешного продвижения проекта, сообщили во время первого визита на пятьдесят восьмой этаж. Насколько он знал, сюда еще никого не звали, чтобы похвалить за отличную работу.

Тихий, на грани слышимости, шорох закрывающихся дверей лифта заставил Джорджа вздрогнуть, показавшись грохотом. Тут

же вокруг сделалось еще темнее. Огромный зал подавлял пустотой. Блестящий пол из натурального дерева прямыми идеально подогнанными друг к другу полированными досками уходил вдаль к прозрачной от пола до потолка стене. Большую часть зала занимал огромный длинный стол, сделанный, по всей вероятности, из того же сорта дерева, что и пол. У самой стены, на фоне серого токийского неба, возвышался темный силуэт. Человек сидел во главе стола. Хотя от того места, где стоял Джордж, до темного человека было не менее пятидесяти метров, ощущение превосходства силуэта над всем вокруг не покидало. Джорджу захотелось сжаться, забиться в какой-нибудь уголок, чтобы стать незаметным, но кроме стола в огромном зале не было ничего. Особенно раздражало отсутствие искусственного освещения.

— Чем вы можете *это* объяснить, Карнер-сан? — спросил человек за столом. Вернее, Джордж решил, что фразу произнес тот человек. На самом деле голос раздавался отовсюду, не было никакого конкретного источника звука. Черный силуэт на фоне окна даже не шелохнулся.

— Что, Мастер? — спросил Джордж. Он на самом деле не понимал, о чем идет речь. Его не предупреждали, зачем вызывали. Собственно, ему даже не сказали, куда его вызвали.

— Ведь вы отвечаете за безопасность проекта, не так ли? — снова задал вопрос голос.

— Да. Конечно, но, я не понимаю… — Джордж чувствовал, что говорит что-то не то. С этим человеком спорить не нужно ни в коем случае, не надо возражать ему. Но он не знал что ответить. Проект продвигался по плану, и ничего из ряда вон выходящего не происходило. Во всяком случае, по его данным.

— Ведь вы здесь как раз для того, чтобы понимать, не так ли?

— Да, конечно, мы делаем все возможное…

— Однако, часть файлов утеряна.

Наверное, выстрел в ногу произвел бы на Джорджа меньшее впечатление, чем эта фраза. Если часть файлов действительно утеряна, то он допустил непростительную оплошность. Теперь с ним сделают… Он даже не решился представить, что могут сделать за это. Но ведь он следил за системами безопасности, проверял все охранные программы сегодня утром и никаких следов взлома не обнаружил. Все данные были на месте. О чем тогда говорит Мастер?

— По моим данным… — начал Джордж робко.

— Ваши данные, мистер Карнер, меня совсем не интересуют. По моим сведениям в нашем главном проекте произошло несанкционированное копирование данных. Это недопустимо. —

голос говорящего оставался столь же ровным и спокойным. Казалось, он просто констатировал факты, не имея в виду какого-то наказания в отношении Джорджа.

— Но, в моем проекте никаких сбоев не отмечено, — попытался возразить Джордж.

— Здесь нет никакого *вашего* проекта. Здесь есть только мои проекты. И не пытайтесь себе вообразить, что, работая в одной маленькой области, вы имеете о них представление. Копирование произошло в зоне главного проекта, однако, по *моим данным* вход был осуществлен через порталы, находящиеся в вашем ведомстве. Ведь это у вас охранные программы завязаны на казино «Осака». Не так ли?

— Да, Мастер. Я проверял, попыток взлома не было еще три часа назад.

— Я не говорил о взломе. Я сказал, что утечка данных произошла через порталы вашего ведомства. Восемь часов назад.

— Но…

— Ваша задача, Карнер-сан, выяснить, как такое могло произойти.

— Да, Мастер.

— В вашем распоряжении десять дней. Надеюсь, больше мы не увидимся.

С этими словами позади Джорджа снова распахнулись двери лифта. Он замер в ярком квадрате неонового света, льющегося из кабины, рассматривая в нерешительности свою вытянувшуюся на полу тень. Даже тень его выглядела жалко. У него не было никаких шансов.

— Вы что-то хотите сказать? — спросил человек за столом.

— Нет, Мастер.

— Тогда займитесь работой, ваше время уже пошло.

— Да, Мастер, я сделаю все возможное, — не веря в себя, сказал Джордж. Он, спотыкаясь, попятился в лифт.

Это был конец. Все, к чему он шел так долго, рушилось на глазах. То, что поручил ему Мастер, было по большому счету «сделай то, не знаю что». Пока он даже не мог предположить, как могла произойти утечка данных через его портал без применения взлома. Единственное, что приходило на ум — среди сотрудников затесался соучастник вора. Но это было совершенно невероятно. Сам Джордж к найму сотрудников не имел практически никакого отношения. Только дважды он порекомендовал людей, которых знал ранее как отличных специалистов, но и они прошли тщательнейший контроль службы безопасности «Мацушита электрикс». Все остальные работники лаборатории появились без его ведома.

Конечно, он приложит все усилия, чтобы найти взломщика, но это означает, что ему придется остановить работы над его проектом. Чтобы не говорил Мастер, это был именно его проект. Саму идею он нашел еще в детстве, когда запоем читал фантастические романы. В некоторых произведениях прошлого, пятидесяти-шестидесятилетней давности, описывались устройства, чаще называемые биософтами, которые на биологической основе позволяли хранить и передавать информацию. Нигде не упоминалось о том, как эти биософты работали, но идея создания биологического носителя информации захватила десятилетнего Джорджа.

Он начал читать все, что мог найти по физиологии и биохимии мозга. Сверстники не разделяли его увлечений. В Джерси, где он жил в детстве с родителями, уважали силу. Физическую и силу хакера. Джордж во многих вопросах мог дать фору любому хакеру, однако его совсем не интересовали банды уличных и компьютерных хулиганов. Ведь многие из тех ребят даже особой наживы не получали. Ломали и портили все вокруг только из интереса.

Уже к пятнадцати годам Джордж разработал несколько теорий работы биологических носителей информации. Он создал в сети клуб, посвященный его проекту. Сначала он сам был единственным членом и посетителем клуба. Потом начали появляться другие энтузиасты. Правда, никто надолго не задерживался. И вот, четыре года назад, в клубе появился японец. Немолодой. Представился как Номата-сан. Очень интересовался разработками Джорджа. Рассказывал, что сам тоже задумывался над этой идеей, но таких результатов как Джордж не достиг. А потом, спустя пару месяцев Номата-сан предложил ему работу на «Мацушита электрикс». Больше Джордж никогда не видел Номату-сана, но с тех пор работал на одной из самых престижных и высокооплачиваемых работ, в его распоряжении находились практически все мыслимые лабораторные мощности. С начала реализации проекта теории Джорджа претерпели некоторую эволюцию, и после нескольких неудач, наконец, стало возможным то, о чем он мечтал уже двадцать два года. Пока биософты работали коряво и не могли составить конкуренции обычным носителям информации. Но теперь, когда был ясен принцип работы устройства, разработаны биохимические основы передачи информации в нервных структурах человеческого организма, процесс улучшения качества биософтов должен был пойти с удвоенной, утроенной скоростью. Однако, если не удастся найти вора, это произойдет уже без участия Джорджа.

Не замечая ничего вокруг, Джордж вышел из золоченого

лифта на семьдесят втором этаже, где располагалась его лаборатория. Не вынимая рук из карманов, он брел сквозь автоматически открывающиеся двери, глядя в пустоту перед собой и мысленно перебирая варианты вмешательства в созданную им самим систему безопасности. Кроме него безопасностью в проекте занималось еще двое сотрудников. Оба — наняты не по его рекомендации. Ничего об их личной жизни Джордж не знал. Он вообще редко интересовался личной жизнью сотрудников, поскольку своей не имел вовсе. Практически ничто, кроме проекта его не интересовало. Но, выбору компании он доверял. До сегодняшнего дня.

Размышления о том, проверять всю систему безопасности лично или же доверить информацию кому-нибудь из сотрудников, прервал достаточно чувствительный удар в лицо. Пытаясь увернуться, Джордж потерял равновесие и растянулся на полу. Это оказалась дверь из бронированного стекла, ведущая в его лабораторию. В отличие от остальных дверей коридоров и подсобных помещений, которые открывались автоматически в ответ на сигнал чипа, установленного у Джорджа под кожей на запястье, эта дверь требовала прикосновения ладони к сенсору для сличения отпечатков пальцев.

Сквозь стекло удивленно смотрели Дмитрий Ковальский и Тодд Скиннер, его сотрудники. Скиннер был как раз одним из тех двоих, что вместе с Джорджем следили за работой систем безопасности.

Ковальский подошел к двери и открыл ее изнутри.

— Что случилось, шеф? — спросил он, протягивая Джорджу руку.

— Все нормально, — ответил Джордж, — просто задумался. Спасибо.

— Начальство подкинуло новые идеи? — улыбаясь, спросил Скиннер.

— Примерно так, — сказал Джордж. Он решил не сообщать сотрудникам о несанкционированном доступе. Во всяком случае, пока. Сначала надо все разведать самому, просмотреть логи охранных программ. Да и вообще, присмотреться к людям. Вдруг кто-то выдаст себя. Хотя, в причастность своих людей к этому происшествию Джордж не особенно-то верил.

— Все в порядке, — успокоил он Скиннера, — рабочие вопросы. В целом, проект продвигается хорошими темпами. Кстати, что у нас со скоростью загрузки информации? Что-то сдвинулось или все также — надежно, но не спеша?

— Это вон, у Франца спросите. Он с кроликами колдует.

— Все отлично. Я ввел в биохимическую программу ваши

вчерашние формулы — скорость возросла в восемь раз, — послышался голос Франца из соседнего помещения.

— Это очень хорошо, — сказал Джордж, но мысли его были заняты другим. Удастся ли ему и далее участвовать в проекте? Суждено ли увидеть в восемь тысяч, миллионов раз большую скорость, чем сейчас? Ведь в принципе, скорость обмена информацией с биософтами ограничена только лишь скоростью каскадных химических реакций мозга, а она безмерно высока по сравнению с быстродействием обычных электронных микрочипов.

— Знаете, уже вроде бы достаточно поздно. На сегодня я всех отпускаю, — сказал Джордж. — Франц, оставьте мне ваших сегодняшних кроликов, я хочу с ними поработать. Некоторые идеи появились.

— Что за идеи, шеф? — поинтересовался Франц.

— Потом, потом, — пробормотал Джордж, подталкивая Франца к выходу. — Сейчас мне надо все проверить самому, а то собьюсь с мысли. Завтра поработаем над этим вопросом вместе. На сегодня, прошу всех быть свободными.

В его голосе появились властные нотки. Они всегда появлялись, когда Джордж окончательно выбирал направление своей предстоящей работы. Сотрудники лаборатории знали, что в такие моменты перечить руководителю не стоит. Поэтому уже через десять минут в лаборатории никого не осталось.

Здесь, в основном помещении, разделенном на отдельные боксы два на два метра, располагались все рабочие терминалы компьютеров, подключенные в общую сеть «Мацушиты». Сеть компании соединялась с глобальной Сетью только при необходимости. Такие строгие требования были введены из соображений безопасности. Так что, вне сеансов связи сервера «Мацушиты» с внешним миром попасть внутрь корпоративной сети не представлялось возможным.

Джордж обвел взглядом светящиеся экраны терминалов. На некоторых было заметно движение цифр и символов. Видимо работали системы обсчета формул и процессов.

На одном из столов вдруг зашевелись бумаги. Джордж от неожиданности застыл — только призраков здесь и не хватало. Хотя, в призраков Джордж не верил. Мистические мысли прервала маленькая белая остроносая головка, показавшаяся из-под пачки листов. Это был Маверик, мышонок Франца. Собственно, он давно уже вырос из детского возраста, но в коллективе продолжал считаться мышонком просто по привычке. Именно Маверик, тогда еще действительно мышонок, первым воспринял информацию с биософта. Фурор был неописуемый, и бедняге Маверику повезло, что в суматохе всеобщего ликования

его не раздавили.

Сейчас мышонок стал ветераном в вопросах пользования биопрограммами. Отчасти самостоятельно, отчасти с помощью биософтов он изучил все устройство лаборатории. Франц даже пытался ему привить программными методами правила поведения внутри помещений и, хотя все говорили, что мышь он бестолковая и невоспитанная, Маверик достаточно неплохо уживался с людьми, совершенно не пользуясь клетками и не мешаясь в неподходящих местах.

— Маверик, ты меня напугал, — сказал Джордж, гладя мышонка по маленькой белой головке. — И вообще, почему ты лазаешь по рабочим местам?

Вопрос, конечно, был чисто риторическим. Мышонок, хоть и был ученым, но, все же, только среди мышей и научить его разговаривать было невозможно. Даже с помощью такого прогрессивного устройства, как биософт.

Джордж посадил Маверика на плечо.

— Ну-ка, пойдем, посмотрим, что твориться в нашем компьютере. — сказал он.

Но сначала он, больше машинально, чем обдуманно, пролистал бумаги, под которыми ползал Маверик. Какие-то схемы, квадратики, стрелочки. Это могло быть чем угодно, скорее всего, размышления над алгоритмом программы. Но одна вещь насторожила Джорджа. В нескольких местах схемы стрелочки были перечеркнуты крестиками с надписями «СБ». И в данный момент ни во что иное, кроме «системы безопасности» аббревиатура «СБ» у него в голове не складывалась. Терминал принадлежал Францу.

— Не уж-то ты сдал своего хозяина, Маверик? — спросил, скорее у самого себя, Джордж.

Может быть, ничего это и не значило. Не стоит делать преждевременных выводов.

Джордж аккуратно положил бумаги на прежнее место, решив завтра расспросить у Франца, что это.

Джордж отправился в свой кабинет. Включил терминал. На всякий случай открыл текущие данные. Подопытный кролик, принявший сегодня трансляцию биософта чувствовал себя великолепно, все жизненные показатели были в норме. Вывел на экран окно системы безопасности, белое полотно оставалось девственно чистым. По данным охранных программ никаких попыток вмешательства извне не было.

Он быстро набрал личный код и перешел непосредственно к системам безопасности. Сюда мог зайти только он. Быстрая проверка данных ни к чему не привела. Джордж и не надеялся

что-то найти рутинными методами, тем более, что сегодня он эту процедуру уже выполнял. Как и каждое утро все четыре года существования проекта.

Итак, восемь часов назад, то есть ранним утром. Сначала надо бы проверить, кто в это время уже был в лаборатории. Так, список прибытия сотрудников. Первым пришел Франц. Как всегда — ранняя пташка. Вторым пришел сам Джордж. Он посмотрел время своего прихода на работу. Опять Франц. В момент взлома в помещении лаборатории был только он. Как-то не верится, что Франц мог быть предателем.

Впрочем, зная пароли, доступ к данным лаборатории можно осуществить с любого терминала в пределах «Мацушита электрикс». Был ли кто-то в это время в здании? Да, опять, один только Франц и служба безопасности. Хотя, это еще ничего не доказывает, а только наводит на подозрения.

Теперь сами данные. Джордж провел несколько проверок — все сходилось, никаких изменений, никаких следов стороннего вмешательства. Как это возможно, пока не совсем ясно.

Мастер говорил об «Осаке». Именно в этом казино упрятан вход в систему из глобальной сети. Охранные программы при входе были в больших количествах и в очень мощном качестве. Требования безопасности компании диктовали необходимость ввода в систему охраны даже парализующих программ. Но до них еще нужно добраться. Нужно как минимум знать, что вход упрятан в программу, управляющую работой рулетки в казино. Об этом не знали даже работники самого казино. Никаких внешних признаков программа входа не проявляла, и найти ее, даже случайно просто невозможно. Джордж сам разработал эту уловку. Никому, кроме руководителей проектов не позволялось входить во внутренние файлы корпорации через глобальную сеть. Все указывало на Джорджа. Но ведь он этого не делал!

Оставалось найти того, кто сделал. Пока Джордж не знал, как, но он приложит все усилия, чтобы узнать. Он не позволит убрать себя из проекта. Из дела всей его жизни. Именно он изобрел биософты и он должен сделать возможным их использование.

Джордж подключил вирт-коннектор к разъему за ухом. Несмотря на наличие массы беспроводных технологий связи, приходилось пользоваться проводами, поскольку первые эксперименты с беспроводным подключением к сети закончились плачевно для людей, в коннект к которым подключились преступники и вывернули их мозги наизнанку. Когда-нибудь, Джордж надеялся, что достаточно скоро, провода будут не нужны. Биософты заменят их. Со временем, возможно, они заменят и

саму сеть. Вернее, выведут ее на новый уровень.

Вход. Он в виртуальности. Здесь, в лабиринте программ безопасности, было темно и очень тихо. Здесь есть дверь. Джордж знает где она. Сторонний посетитель ее не нашел бы. Может быть, это удалось бы опытному хакеру. Но не сразу. К этому времени виртуальные стражи успели бы задержать нарушителя и вызвать реальную помощь.

Совершенно гладкие стены. Здесь… Джордж произнес кодовую фразу, и, осыпаясь бетонной пылью, на стене проявилась тонкая щель, окаймляющая дверь. Он толкнул дверь, но она не поддалась. Так и должно быть — сейчас внутренняя сеть отключена от глобальной. Выхода не существует физически. Здесь глухо. Никаких несанкционированных подключений.

Джордж проверил замки. В недрах сервера они являлись охранными программами, не позволяющими открыть дверь без ключа.

Джордж провел ладонью по шершавой поверхности. Пальцы оставили глубокие светлые полосы в толстом слое пыли. Эту дверь открывал он сам всего один раз, чтобы проверить. Четыре года назад, когда только создал ее. Тогда он успешно вышел в казино «Осака». В служебные помещения. Его появление было запрограммировано столь тщательно, что никто из работников казино не удивился, увидев его там. Потом он вернулся назад. В казино для него не было ничего интересного. С тех пор дверь никто не открывал. Виртуальная пыль оседала на ее поверхности и сейчас лежала никем не потревоженная. Пыль была еще одним из защитных механизмов. Точнее — устройством контроля. Если злоумышленник открывал дверь, он вынужден был оставить след на пыльной поверхности, как сделал только что Джордж. Он сам придумал эту простую, но действенную систему и даже сам не знал, как ее можно обойти. Виртуальная пыль полностью копировала все физические свойства нормальной реальной пыли, и открыть дверь, не оставив на ней следов, было невозможно. Можно было ее уничтожить, но это тоже след. Нет, через эту дверь никто не проходил.

Джордж двинулся дальше по коридору. Кругом потемневшие от сырости бетонные стены. Никаких признаков внешнего воздействия. Справа и слева от него появлялись двери. На них висели таблички с именами сотрудников лаборатории. Это были входы в их терминалы.

На бетонном полу, тоже достаточно пыльном, иногда попадались следы подошв. Больше всего их было около двери Скиннера. Это нормально. Скиннер занимался программами безопасности и ему положено здесь бывать. Несколько следов

отчетливо виднелись у дверей других сотрудников, имеющих отношение к безопасности проекта. Внимание Джорджа привлекли совершенно свежие отпечатки возле одной из дверей. Следы появлялись у двери, уходили вдаль коридора и возвращались обратно. Этот человек прошел здесь один раз, шел явно целенаправленно, следы не петляли, не было видно признаков топтания на месте. Джордж посмотрел на дверь. «Франц Иоганес». Опять Франц. Неужели он? Один из лучших сотрудников. Неужели его купили? Жаль будет расставаться с ним. Но, сначала надо все как следует выяснить. Не годится обвинять людей без веских на то оснований.

Джордж двинулся вглубь коридора, следуя по следам Франца. Впереди показалась прозрачная, словно сотканная из паутины завеса. Довольно хлипкая преграда, скорее просто обозначение границы общего доступа, чем реальная дверь. За ней Джордж хранил личную информацию, которую не то чтобы скрывал от остальных, просто не считал нужным делиться непроверенными данными. Он любил сначала все проверить самостоятельно, а потом уже отдавать сведения в общую разработку.

Следы Франца вели сюда. Паутина реагировала на чип Джорджа и других не пропускала. Джордж подошел к медленно колышущейся завесе, мягкая тонкая ткань облепила его тело, а потом словно бы растворилась, и он оказался внутри своего виртуального кабинета. Помещение очень напоминало его реальный кабинет, только интерьер был еще проще. Небольшая комната, три на три метра, большое окно на одной из стен, за окном во всей красе представал величественный пейзаж с горным озером. Стол, хаотично заваленный различными бумагами, на столе компьютер, точно такой же, как и в реальном кабинете. Прямо в центре кабинета стоял офисный стул. Этот след оставил Франц, если, конечно, это он здесь был. Джордж всегда задвигал стул, когда выходил. Привычка, выработанная теснотой реальных помещений.

«Франц, Франц, зачем же ты ходил сюда? Зачем тебе понадобилось ломать мою паутину?», — думал Джордж. Он легко коснулся кнопки включения виртуального терминала, и плоский экран мгновенно засветился яркой картинкой заставки. Узнать какие документы открывались последними, не представляло никакого труда. Правда, столь же легко можно было и скрыть это. Нет, список цел. Джордж не помнил, с какими из документов он сам работал в последний раз, но можно проверить по времени открытия файлов. Так, вот этот файл открывался после его ухода. Нажатие на иконку, файл открылся. Джордж полистал страницы документа — вращающиеся формулы, наборы медиаторов,

аннотации. Очередная разработка по биософтам. Ничего, собственно, секретного. Просто незаконченная работа. На одной из страниц ярким желтым пятном выделялся значок заметки. Странно, Джордж никогда не пользовался заметками, если возникала необходимость во временных записях, он писал прямо в документе, вокруг 3d моделей биософтов. Прикосновение к желтому ярлычку явило на экран текст записки:

«Милый шеф, прошу прощения за то, что вторгся в ваши владения, однако вас не было на месте, а данные понадобились срочно. Мне пришла в голову идея заменить третью ветвь нашего последнего биософта. Хотел свериться с вашими выкладками. Кое-что добавил. Пошел проверять на кроликах, завтра получу результат и доложу. Франц».

«Совсем уже разошлись, — думал Джордж, — милый шеф! Это надо же. Вот, хам».

На всякий случай Джордж проверил все наработки по системе безопасности, хранящиеся в его виртуале. В общем-то, никакой стратегической информации он не хранил в записях. Все действующие системы существовали только в активном состоянии и в его голове, иначе это уже не безопасность, когда кто угодно может залезть в твой компьютер и доподлинно выяснить, как все устроено.

Беглая проверка показала, что другие файлы никто не трогал. Францу нужно будет обязательно устроить выволочку. Интересно, что он там смастерил с третьей ветвью? Ну, третья ветвь — третьей ветвью, а лазить в кабинет шефа — это же вопиющее безобразие.

Внутри все чисто. Что и где искать дальше Джордж совершенно не представлял. Узнать, хотя бы, откуда были скачаны файлы. Тогда хоть как-то можно было бы попытаться проследить взломщика. Но, он отдавал себе отчет, что никто, конечно же, не расскажет ему о других глобальных разработках. Это ясно дали понять, сказав, что здесь нет никаких *его* проектов.

Волна страха и отчаяния снова накрыла его. Ему дали десять дней, а он даже не представлял, что делать, чтобы решить эту проблему. Наверняка, взломом занимались и другие, более осведомленные о глобальных проектах сотрудники. Возможно, они распутают это дело. Да, наверняка распутают. Им ничто не помеха. Эти, из отдела безопасности, не погнушаются ничем. Надо будет — так полмира сметут с лица Земли, но потерянное вернут. Но Джорджа в этом случае вряд ли оставят. Скорее он войдет в стертые полмира. Ну уж нет, он этого не допустит. Не позволит разрушить дело всей своей жизни. Это он придумал биософты, он создал их, чтобы там не говорил Мастер, и он будет

продолжать работу над ними! Мы еще увидим Сеть без проводов.

Джордж резко поднялся, стремительно вышел из виртуального кабинета, не забыв, впрочем, задвинуть стул. Виртуальное пространство лаборатории не было особо большим, так что ему понадобилась всего минута, чтобы добраться до выхода в общую сеть компании. Немного поколдовав с превратным терминалом, Джордж вывел все записи о перемещениях через дверь. Если злоумышленник проник в сеть «Мацушиты» через его лабораторию, он должен был пройти здесь. Хотя, конечно, пользуясь программами взлома можно было пройти и через стену. Но пыль-то на стенах нетронутая.

Длинный, казалось бесконечный список логов, кодов, идентификационных номеров. Наметанному глазу Джорджа потребовалось пара минут, чтобы понять — никто посторонний через эту дверь не проходил. Он просто отказывался понимать, как такое может быть. Разумеется, можно обойти любую защиту, пробраться незамеченным, уйти — на то они и хакеры. Но не оставить совершенно никаких следов… это уже выше всякого понимания.

Джордж резко распахнул дверь и, влившись в достаточно оживленное движение виртуальных коридоров «Мацушиты», отправился в офис службы безопасности.

2. 23 марта. Санкт-Петербург, частная квартира, бар «Три медведя»

Настя уплетала кашу, которую нашла в холодильнике, поглощала огромный бутерброд с какой-то сомнительной колбасой и чашку за чашкой выпивала мутную белую воду из водопровода. Все это она ухитрялась делать одновременно. Как же хотелось есть! Хотя, сначала хотелось посетить отхожее место так сильно, что о еде мысли не приходили. Все-таки она успела добежать до туалета.

Теперь хотелось есть. Даже после второй тарелки каши. Из чего она, интересно? Чувство голода никак не исчезало. Настя догадывалась, что объем желудка ограничен, но остановиться не могла. В начале третьей тарелки ее все же вырвало. Немного отдышавшись, она доела колбасу. Каши больше не хотелось. Хотелось какой-нибудь нормальной еды. Только сначала надо бы помыться, а то, того и гляди, не пустят в кафе.

Сколько же она провисела в этой ловушке? Похоже, что не один день. Что-то там, в Сети, происходило. Что-то необычное. Она это знала, чувствовала. Вот только, когда коннект, наконец, оборвался, в памяти остались только бессвязные обрывки воспоминаний, больше походившие на сказку. Словно дубиной по голове ударили. Ну, ничего, может голова отдохнет немного и вспомнит все что нужно. А пока нужно подкрепиться.

Она быстро приняла душ, с удовольствием постояв под упругими горячими струями, вытерла голову полотенцем, мимолетно глянула на себя в зеркало и, решив, что создавать прическу сегодня не обязательно, пошла одеваться.

На улице был вечер и, как обычно, загаженный питерский двор. Не любила она выходить на улицу сразу после посещения виртуальной реальности. Обычно осыпающиеся кусками штукатурки, густо размалеванные внизу аэрозольной краской и политые щедрыми потоками мочи стены, кучи мусора на разбитом асфальте, нездорово озирающиеся давно не мытые люди в подворотне наводили на Настю такую тоску, что хотелось войти в Сеть и не выходить оттуда уже никогда. Так было обычно, но не сегодня. Никаких больше сетей. Только свежая горячая еда.

Нырнув в темный тоннель выхода, она попала на неширокую улочку, уходящую к старой гранитной набережной. На другом берегу в узком проеме между домами блестел золотом купол Исаакиевского собора. Самый что ни на есть центр. Исторический. Жилье для малоимущих. Собственно, и жилья то тут практически

не осталось, только несколько домов, неудобных под офисы. Зато все рядом — и банки, и корпорации, и рестораны. Но слишком уж они здесь дорогие, здесь поесть не получится.

На набережной дул прохладный вечерний ветерок. Туч на небе почти не было и все вокруг окрасилось в пурпурные цвета заката. Прямо открытка. Красиво, черт возьми. В пузатом стеклянном боку Невского банка ярким пятном отражалось закатное солнце, так что казалось, что закат происходит одновременно с восходом. Всунули все-таки этого стеклянного монстра сюда. Им волю дай — так все бы в центре снесли и настроили стеклянных небоскребов. Не могут, закон не позволяет. Хотя, плевали они и на закон. Видно японцам Питер приглянулся, вот и побаиваются.

Сначала она повернула направо, к станции метро. Но на метро — это долго. Ничего, по случаю второго, виртуального, рождения можно было и на такси раскошелиться. Тем более, что есть хотелось просто до колик в животе. Машина нашлась неподалеку. Густо-бордовая и заманчиво поблескивающая новеньким лакокрасочным покрытием.

— К Черной речки доедем? — спросила Настя, открыв дверь машины.

Водитель с неохотой оторвался от лицезрения последних новостей, в которых возбужденного вида девушка рассказывала о количестве обнаруженных сегодня в Питере трупов, и окинул критическим взглядом Настю. Впечатления богатой туристки, особенно — из Японии, она не производила.

— Деньги покажи, — сказал он.

Первым желанием было хлопнуть дверью и уйти, но есть хотелось все сильнее, аж голова кружилась, а в ближайших кварталах еще одного такси видно не было. Стиснув зубы, Настя вытащила из кармана пять тысячерублевых бумажек и швырнула их в направлении водителя. Тот аккуратно собрал деньги и принялся ощупывать и рассматривать их на просвет.

— Садись, — сказал он, не отрываясь от изучения купюры и махнув головой в направлении заднего сидения. — Куда на Речке то?

— К «Медведям», — ответила Настя, захлопывая за собой дверь. Водила на секунду оторвался от купюры и с удивлением посмотрел на девушку.

— Ну, к «Медведям», так к «Медведям», — пожав плечами, сказал он, и машина тихо отчалила от тротуара.

«Медведи», а точнее, бар «Три медведя», был местом широко известным в Питере, причем большей части населения из сводок о количестве трупов вот той возбужденного вида девицы. Здесь

собирался весь цвет преступного мира. Как реального, так и виртуального. Ну, не свет, конечно же. Главари группировок и небожители виртуального олимпа сюда не ходили. Но все сделки, от простой, типа нагреть соседа на бабки, до глобальной, вроде недавнего падения базы данных американского DEA, исходящие из питерских коннектов, заключались именно здесь. Стороны не всегда находили общий язык, и дело часто доходило до перестрелок.

Настя водила знакомство с некоторыми хакерами, завсегдатаями «Медведей». Собственно, она и сама считала себя хакером. И даже имела некоторый авторитет среди профессионалов. Конечно, посвящать всю жизнь виртуальному воровству она не собиралась, но жить на что-то надо было. Да и чтобы вырваться в нормальную жизнь, неплохо было бы закончить физмат, на котором она со скрипом училась уже два года.

Именно там, в «Медведях», Настя познакомилась с Сашкой. Он, правда, предпочитал, чтобы его называли Свифт. Хакеры любили пользоваться англоязычными кличками. Причем не только в Сети, но и в жизни. Он, Сашка-Свифт, придумал и ей сетевой ник — Сикомора. Но нормальные человеческие имена ей нравились больше.

Именно Сашка и втянул ее в это приключение. Сказал, что были серьезные люди, просили за какие-то просто бешеные бабки стянуть у «Мацушиты» электрикс несколько файлов. Конечно, о неприступности мацушитовской защиты ходили легенды, но бабки предлагались настолько бешеные, что выгори дело — можно было бы навсегда завязать с хакерством. Она согласилась. Почему — трудно сказать. Наверное, дура была. Помутнение нашло на разум. Решила, что сможет переиграть мацушитовскую службу безопасности. Не тут-то было. Чудом спаслась. Причем, каким чудом — пока остается не ясным.

До «Медведей» из центра ехать минут сорок. Даже сейчас, когда основной поток машин хорошо устроенных в жизни граждан схлынул в их как на конвейере штампованные спальные районы. Машину изредка потряхивало, когда колеса перепрыгивали торчащие из асфальта и булыжника рельсы. Трамваи не ходили уже много лет, во всяком случае, Настя не помнила, чтоб она когда-то видела трамвай на улицах Питера, однако, странное дело, рельсы почему-то не разобрали. То ли денег городским властям жаль было, то ли для поддержания исторического вида. Неизвестно. Хотя, кому он теперь нужен этот исторический вид? Туристов приезжало все меньше и меньше. Только японцы с упорством паровоза прилетали целыми аэробусами, все фиксировали на видеочипы и спустя неделю-

другую жизнерадостной толпой заползали обратно в аэробус и отчаливали на свои острова.

Город в этот час был пуст и уныл. Под мерное шуршание шин и мысли о японцах Настя задремала. Разбудил ее громкий возглас таксиста:

— Приехали, конечная.

— Поезд дальше не идет, — пробормотала себе под нос Настя.

— Почему, идет. — ответил таксист, — Только за дополнительную плату.

— Да иди ты, — сказала Настя. — Ты чего, шуток не понимаешь?

— Ладно, давай, давай… — поторопил ее водитель. Глянув в открытую дверь машины, Настя поняла почему — из бара плавно вываливалась (именно вываливалась, а не выходила, ходить они уже не могли) кучка достигших совершенно невменяемого состояния парней. Единственным проявлением активности с их стороны был страшный шум.

— Так ты выходить будешь? — поинтересовался таксист. — А то вот этих я ждать не намерен. Хакеры поганые!

Шофер повертел головой в поисках места, куда сплюнуть в подтверждение своей неприязни к обдолбанной молодежи, но, так и не найдя, шумно сглотнул.

— Это не хакеры. Хакеры народ вроде как интеллектуальный, в таком виде по улицам не ходят.

— А мне оно, знаешь, по что… Выходи давай.

— Ладно, ладно, иду уже. Мужики пошли — девушку и защитить некому уже.

Таксист отвернулся. Видно было, как у него играют желваки. Все-таки стыдно стало. Хотя, конечно, он прав — зачем ему ввязываться в разборки дикой молодежи, ради чего? У него, небось, семья есть, дети. Далась ему Настя-то.

У жутковатой толпы, наконец, хватило сил отделиться от двери. На какой-то очень короткий момент они замерли, не понимая, что делать дальше. Настя в этот момент быстро проскользнула в помещение кафе, здесь уже было безопасно, здесь никто не тронет. Своих в «Медведях» в обиду не давали. А она, вроде как, своя. Сзади послышался восхищенный возглас, и толпа опять загудела, быстро удаляясь от дверей кафе. И тут же, с ревом и пробуксовкой тронулась машина, на которой Настя сюда приехала. Она улыбнулась — успел смыться водила.

Кафе как обычно походило на улей. Сильно прокуренный, немного ненормальный в своем хаосе, но все-таки именно улей. Совершенно разношерстные личности сновали туда сюда, от

стола к столу, о чем-то договаривались, тут же передоговаривались с другими, пересчитывали доли дохода и при всем этом не забывали выпивать, курить и, как принято это называть у официальных органов, употреблять наркотики. Кто-то замер в полной неподвижности у стойки с компами. Они были в Сети. Вряд ли что-то ломали по-крупному, здесь таких пасли непрерывно. Скорее — просто развлекались, соревновались, кто быстрее завалит какой-нибудь никому не нужный локейт с хитровыпендренной защитой, которую хозяин локейта обычно считал непревзойденной. Как правило, превосходили за минуту или около того.

Знакомый ежик прически время от времени всплывал около барной стойки. Судя по резким и беспорядочным движениям, Сашка Свифт уже успел прилично выпить, но не более допустимой нормы — в таких случаях он обычно уже не дергался, а впадал в некое подобие транса, из которого выходил медленно и плавно. Настя направилась к нему. Вокруг Свифта сновали трое незнакомых парней достаточно подозрительной наружности. Лица у всех троих были серьезные до неприличия, все они имели совершенно одинаковые прически «под первый номер» и беспрерывно перемещались из стороны в сторону, от чего Свифт постоянно крутил головой, пытаясь обращаться к кому-то одному. Удавалось это ему плохо, похоже, он потерял всякую надежду отличить одного собеседника от другого, однако продолжал активно оборачиваться, хотя выражение лица у него сделалось кислое. Энтузиазма у него не убавлялось. Он верещал не умолкая, брызгал слюной и периодически начинал активно помогать себе руками. Обычно это значило, что предполагался хороший заработок. Он называл это рекламной атакой на заказчика.

Настя подошла к нему и присела на соседний стул. Секунд двадцать Свифт еще продолжал верещать, потом, узнав ее, вдруг замолк и сделался еще более серьезным.

— Ну вот, я же вам говорил, — удовлетворенно улыбнувшись, заявил он бритоголовой троице, кивнув в направлении Насти.

— О чем? — спросила Настя.

После последних слов Свифта трое серьезных парней как-то вдруг потеряли всякий интерес к нему и обратили свои взоры на Настю. Ни один мускул не дрогнул ни на одном из лиц. Они оставались все также молчаливы, лица их ничего не выражали, отчего девушке сразу сделалось неуютно и даже немного страшновато. Она поежилась на стуле, как будто пытаясь выползти из-под цепких взглядов незнакомцев. Пауза затягивалась.

— О чем говорил? — снова спросила Настя у Свифта, не

сводя глаз с бритоголового, который медленно передвигался из стороны в сторону прямо перед ней. Остальные двое тоже курсировали, словно астероиды на орбите, справа и сзади от нее. Это очень раздражало, но, видимо, именно такого эффекта троица и добивалась.

— Ну, я же говорил, — снова повторил Свифт, удовлетворенно хмыкнув. — Ну, вот она. А то — сомнения у них какие-то. Ты товар принесла? — спросил он, обращаясь уже к Насте.

— Какой еще товар? — спросила она.

— Как это какой? — возмущенно поинтересовался Свифт. Глаза его забегали, а на лбу стала появляться испарина. Неожиданно Настя поняла, что он просто-напросто боится. Этих троих. Разве что, в штаны еще не наложил. — Я же тебе наводку давал. Ты файлы принесла? Где тебя вообще носит? Уже четыре дня не видно.

Настя напряженно пыталась вспомнить о той наводке, которую Свифт ей действительно давал, с ужасом понимая, что не помнит ничего, кроме фразы «большие бабки» и названия «Мацушита». Потом до нее начал доходить смысл сказанного Свифтом — четыре дня! То есть, она висела в Сети четыре дня! Что же там было? Что-то было, но что? Не могло же за четыре дня ничего не происходить. И как она все же выбралась оттуда? Ведь, если бы все было так просто, то с чего бы нормальному человеку торчать в Сети четыре дня?

Мысль о прошедшем времени настойчиво отдалась в желудке Насти громким урчанием, которое услышали даже курсирующие из стороны в сторону бритоголовые. На долю секунды они замерли, Настя это заметила, потом снова возобновили броуновское движение. Нет, с этими живыми астероидами Свифт пусть разбирается сам. Есть-то как хочется!

— Слушай, Саша, я есть хочу — помру сейчас. Ты бы мне чего купил, а то денег практически нет. — Настя состроила жалобную гримасу, не переставая краем глаза следить за перемещающейся троицей.

— Ты это… — Свифт, похоже, потерял нить разговора, — чего купил-то? Ты где была?

— Подумать надо. Сейчас я тебе ничего сказать не могу. Есть очень хочу. Правда.

— Дык, это… — мысли у него никак не могли упорядочиться, — Ты не мне, ты вот этим, — он кивнул на бритоголовых, — *господам*, расскажи.

— Ну, положим, с *господами* я вообще не знакома. Так что с ними ты уж как-нибудь сам разберись. Только сначала мне —

еды.

— Так, они же…

— Е-да, — по слогам произнесла Настя. На самом деле, *господа* беспокоили ее почти так же сильно, как пустой желудок. Но пока никаких воздействий, кроме тоски в глазах в ожидании Настиного ответа, с их стороны не предпринималось. Скорее всего, пока.

— Берлогу, — не сводя с Насти затуманенного взгляда, крикнул Свифт в сторону бармена.

— И запить, — напомнила ему Настя.

— И пиво. Два.

Берлогу принесли быстро, минут через пять. Три больших, истекающих ароматным соком, легонько обжаренных куска мяса, сложенных домиком, с кучкой чего-то (за все время, что она ходила в «Медведей», Настя так и не поняла что это такое) бурого цвета и просто замечательного пряного вкуса — то есть медведь в берлоге. Потому блюдо так и называлось. Это было фирменное блюдо заведения, причем готовилось из настоящего мяса. Во всяком случае, бармен уверял, что из настоящего.

Настя с удовольствием, шумно втянула ноздрями аромат еды и, звякнув столовыми приборами, принялась уплетать сие великолепие. Периодически запивая пивом. Прохладным и свежим, вытирая рукавом пену, задерживавшуюся каждый раз на губах. Когда зубцы вилки впились в третий кусок мяса, по организму начало разливаться чувство удовлетворенности. Медленно и со вкусом, откуда-то из области желудка, из-под «ложечки», сначала вниз, достигнув самых кончиков пальцев на ногах, а потом вверх, к голове, притупляя тихую боль в затекших за четыре дня мышцах и принося ясность в мысли, вместе с тем, заставляя воспринимать все вокруг спокойным и не требующим волнений.

— Так все-таки, — вдруг оживился один из бритоголовых, — нам бы хотелось узнать, где можно получить наш товар?

— А товара нет, — глядя ему в глаза, ответила Настя. Тот даже немного опешил, но сновать из стороны в сторону не перестал. Настя зацепила пальцем его за ворот куртки, ограничив его движение, и сказала — Слушай, перестань вертеться. Ты что, нервный?

— Как…это…где? — заикаясь произнес Свифт. Настя не совсем поняла, что у него вызвало больший испуг — то, что она сказала «нет» или то, что прикоснулась к бритоголовому.

— И где же он? — спокойно, с совершенно серьезным лицом, спросил громила.

— Точно сказать не могу, но полагаю, что там же где был. Я в

ловушку попала.

— Разрешите поинтересоваться, и как же вы из ловушки выбрались?

— Сама не знаю, — сказала Настя, заталкивая в рот кусок хлеба, которым она собрала с тарелки последние остатки соуса. Собственная наглость, с которой она общалась с этими, видимо, весьма серьезными *господами*, начинала удивлять ее саму. Поэтому на всякий случай она добавила, — Серьезно, как по голове ударили. Не помню даже, за чем конкретно в Сеть ходила.

— А мы конкретно и не рассказывали, — ответил бритоголовый и покосился на Свифта. Тот сделался аж молочного цвета. — Вы, надеюсь, не будете возражать, если мы обыщем вашу квартиру и заберем компьютер?

— А можно возразить? — спросила Настя.

— Ну, все-таки это же ваша квартира, — усмехнулся громила.

— Да… ты… — Свифт надувался и дрожал. При каждом вздрагивании с его носа слетали брызги пота. Бритоголовый, что разговаривал с Настей, отряхнул мокрые следы со своей куртки, а двое других стали сзади Свифта, и зафиксировали его, плотно схватив за плечи.

— Ладно, не буду возражать. В принципе, самой интересно — что там. Ведь, правда, ничего не помню.

— Нет, нет — ответил бритоголовый, — смотреть мы будем сами. Вам придется подождать в машине, пока мы не закончим.

Настя хотела сказать, что так не пойдет, сама не понимая зачем — ведь ясно ж, как день, все равно не отвертеться, но в этот момент внимание бритоголового привлекло что-то, находящееся высоко, где-то под потолком, за Настиной спиной. Быстрым жестом он подозвал одного из своих, указал в этом направлении, тот кивнул и удалился к правому краю барной стойки, где уныло тер бокалы бармен. Поманив бармена пальцем, он что-то спросил у него. Бармен пожал плечами, тогда бритоголовый снова стал бормотать ему на ухо. Было видно, что громила недоволен первым ответом. Но бармен снова пожал плечами и оттолкнул от себя бритоголового. А дальше все испортилось как-то разом. Без предупреждения.

Бритоголовый молниеносным движением выхватил из-за пазухи пистолет и, выстрелив в направлении, куда смотрел тот громила, что беседовал с Настей, громко произнес фразу «вот это» после того, как с потолка свалились останки изувеченной камеры наблюдения. Бармен успел сказать «А я…», после чего у него на груди с чавкающим звуком образовалась маленькая багрово-красная дырочка, а спустя мгновение с еще более мерзким звуком из его спины выстрелил густой багровый фонтан,

залив кровью аккуратно расставленные на полках бутылки. Настя упала на пол в тот самый момент, когда также тихо, с таким же чавкающим звуком, разлетелась голова Свифта. Больно встретившись с полом, девушка успела подумать, что Свифт боялся не зря. Посетители «Медведей» в большинстве своем начали тихо, делая вид, что ничего не происходит, продвигаться к выходу. Внезапно завопил истеричный женский голос, но его довольно быстро заткнули. Задымленный зал «Медведей» пустел на глазах. Настя подумала, что ей тоже, пожалуй, пора, тем более, она не испытывала ни малейшего желания оставаться далее под вниманием трех громил… в это мгновение с глухим стуком прямо перед ее носом упало тело того, что беседовал с барменом с аккуратненькой красной дырочкой на лбу… ну, пускай — двух громил, все равно, более, чем достаточно. Она аккуратно выглянула из-за угла, образованного г-образной барной стойкой и на какую-то долю секунды успела увидеть человека во всем черном с пистолетом в вытянутой руке, стоявшего перед дверями. Толпа драпающей из «Медведей» публики словно река, напоровшаяся на огромный валун, расщеплялась на два потока и обтекала человека в черном с двух сторон. Все, что успела заметить Настя — это поблескивающий высококачественным стеклом окуляр на прикрытом броней лице и темное угловатое возвышение за макушкой. Стрелявший был кибером, так что увернуться от его выстрела практически невозможно. Собственно, более подробно рассмотреть убийцу Настя не успела, так как прямо на нее тут же рухнул второй бритоголовый. Так, эти уже явно проблемы не представляют. Теперь надо как-то выбраться отсюда. Но не через дверь же, перегороженную черным кибером.

И тут она увидела улепетывающего вглубь зала третьего бритоголового. Куда он там пытался спрятаться, так и осталось непонятным, однако, скрывшись за стилизованной, но, тем не менее, металлической стеной, отгораживающей зону с компами, он вынудил убийцу последовать за ним. Несколькими рывками сбросив с себя оказавшееся очень тяжелым мертвое тело, Настя побежала к двери и уже через секунду смешалась со спешно покидающей «Медведей» публикой.

Оказавшись на улице, она застыла в замешательстве — куда бежать. Скрыться можно было в небольшом, но достаточно густом парке, что раскинулся прямо за «Медведями», но там собирался всякий сброд, вроде неудачно собранных киберов и законченных нарков. Так что в парке проблемы можно было получить, наверное, даже с большей уверенностью, чем оставаясь на месте. Собственно, с чего она взяла, что кибер-убийца охотился за ней. Да и вообще — Настя явно не входила в его интересы, ибо, если

бы входила, снять ее выстрелом до того, как она упала на пол, киберу не представило бы особого труда. Но, скорее всего, весь этот сыр-бор имел к ней отношение. И лучше ей отсюда убраться.

Размышления прервал визг тормозов — прямо перед ней остановилась машина такси. Пассажирская дверь открылась, и там показался таксист, тот самый мужик, что привез ее сюда. Как он тут оказался?

— Чего смотришь? — возмущенно спросил он, — Садись быстрее. Или ты думаешь, что я тебя буду до утра под пулями ждать?

Где-то в отдалении послышались сирены милицейских машин. Скорее всего, как обычно, кроме трупов они тут ничего не найдут. И после ничего не найдут. Зачем искать-то? Бабла тут точно никто им не подкинет, да и мало ли кто прислал кибера этого, можно ведь и самим нарваться.

Звук сирен выдернул Настю из оцепенения. Повинуясь мимолетному импульсу, она бросила свой мобильный коммуникатор в ближайшие кусты, быстро плюхнулась на переднее сидение и на миг замерла: что-то ей показалось несуразным в машине. Только вот что, она понять не успела. Водитель кинул газету, которая почему-то оказалась у него в левой руке, в ящичек для мелких вещей, расположенный между сидений, и вдавил педаль газа в пол. Автомобиль резко, с визгом шин, рванулся вперед, Настю прижало к сидению. Спустя несколько секунд они пролетели прямо перед вяло тянущейся кавалькадой милицейских машин и выехали на более или менее широкую улицу.

— Куда везти-то тебя? — как-то зло поинтересовался таксист.

— С-спасибо, — сказала Настя. Она обнаружила, что дрожит мелкой дрожью и даже зубы тихо, но очень отчетливо выстукивали дробь. Она поняла, что очень испугалась. Теперь, когда сидела, вжавшись в мягкое кресло такси, поняла.

— Спасибо, — передразнил ее шофер, — Везти куда?

— Не знаю, — сказала Настя и заплакала. Ехать на самом деле было некуда. Домой нельзя — туда если еще не пришли, то в самое ближайшее время придут. За ее компом. Перетрясут все, на чем можно сохранить информацию. Если там ничего нет, а ей казалось, что нет, то будут ждать ее. Судя по серьезности тех *господ*, что лежали на полу в «Медведях» с аккуратными дырочками во лбах, то, что ей нужно было стащить в «Мацушите», имело огромную ценность. Скорее всего, даже если отдать им украденный файл, который она не смогла украсть — но, поди докажи, что не смогла, во всяком случае слышала, что такой файл существует — ее все равно убьют. Просто, чтоб не сболтнула

кому, где была, что стащила и кому отдала. Сейчас она это понимала. Это ж надо было оказаться такой дурой, чтобы согласиться на эту авантюру! И Свифт тоже хорош. Дурак. Хотя о мертвых…

— То есть? — удивился таксист. — Я же тебя вроде в центре забирал.

— Да, только туда не надо. Я там живу. Жила то есть.

— Так там, в «Медведях», по поводу тебя, что ли, заваруха?

— Не знаю, — сказала Настя и зарыдала.

— Да перестань ты рыдать. Куда-то же тебя надо отвезти. Не на улицу же тебя выбрасывать. Ты вроде не нарковского вида.

— У меня денег нет практически, — всхлипывая сказала Настя. — Мне вам платить нечем.

— Да иди ты со своими деньгами. Чего я тебя взял — сам не знаю.

— Жалко стало, — тихо сказала Настя.

— Наверное. Старею, — предположил таксист.

Настя стала перебирать варианты, куда ей можно было сейчас податься. Туда, где искать не станут. В пределах Питера таких мест не так уж много, и при должном усердии вычислить их будет не сложно. И потом — скрываться вечно невозможно. Если за файлом охотится крупная контора — а, похоже, что так, — в покое ее не оставят. А вычислить ее можно будет спустя несколько миллисекунд после того, как она подключится к Сети. Каждый чип нейроконтакта имеет свой постоянный идентификационный номер. Конечно, его можно скрыть особыми программами, можно отбиваться и обманывать поисковики, и Настя это умела делать. Вот только те, которые станут ее искать, умеют преодолевать эти обманки и запоры не хуже ее самой. А, скорее всего — лучше. Получается, что доступ в Сеть ей заказан. Навсегда или, во всяком случае, очень надолго. Нет, такого финала она представить себе просто не могла. Без Сети свою жизнь она просто не представляла. Должен быть какой-то выход. Должен.

И он был. Она помнила, как еще в школе двое ее одноклассников, имеющих знакомства в мире хакеров, рассказывали ей о старом хакере Чипе. Вообще, полностью старика звали Чип-энд-Дейл. Почему хакера, начинавшего еще в невиртуальном Интернете, звали именем двух мультяшных бурундуков — сказать трудно. О Чипе много чего рассказывали. Правда, большая часть рассказов, походила скорее на байки. Но была одна байка, о том, как Чип перекодировал кому-то нейроконтакт. Может быть, и сочинили эту историю. Может и нет. В любом случае других вариантов Настя не видела. Да, надо его

разыскать. Вот только знать бы, где его искать.

За размышлениями Настя и не заметила, как стала произносить свои мысли вслух, обсуждая их с таксистом. Тот охотно поддержал разговор, тоже вспомнил о Чипе, сказал, что слышал, будто старый хакер живет где-то под Выборгом.

— Вы меня в Выборг отвезти можете? — спросила Настя у шофера.

— Слушай, девочка, — возмутился он, — ты не наглей! До Выборга — под сто км чесать, а мне потом обратно. Ты себе представляешь, сколько бензина на это уйдет.

— Ну, нет, так нет. Тогда — куда можете в том направлении.

— Куда можете, — заворчал таксист. — Куда ж тебя девать-то? Ладно, поехали в Выборг. Все равно завтра клиента там забирать. Черт с тобой, ночь потеряю.

— Спасибо, — сказала Настя. Все-таки ей было не совсем понятно, отчего вдруг такая доброта. Откровенно говоря, она даже стала немного побаиваться водителя, хотя у того был и мирный вид. Вдруг ей вспомнилось, что маньяки как раз и бывают очень мирные и воспитанные. Пока не найдет на них. Во всяком случае, так рассказывали в программах по выживанию в городских условиях. Правда, в этих программах часто все приукрашивали и добавляли побольше кровавых подробностей, чтоб народ завлечь. Но — маньяк, не маньяк, выбора другого не было. Либо пристрелят, либо изнасилуют. Есть еще более общественно полезный вариант — разберут на органы. Если вдруг таксист — маньяк, то возможный вариант изнасилуют, наверное, был самым приемлемым. Да и вообще, нечего на людей наговаривать, вон какой приличный дядечка. И может быть, совсем не маньяк. Может, просто добрый человек и кроме денег видит перед собой еще людей. Хотя что-то странное в нем было. Что-то ей бросилось в глаза, когда она садилась в машину. Только вот что? Она перебирала в памяти все, что видела, но ничего конкретного так и не вспомнилось. Потом она сама не заметила, как уснула.

3. Сеть. Время и место не установлены

Когда мир начал рассыпаться, не в переносном, а в самом, что ни на есть, прямом смысле этого слова, рассыпаться на куски, сначала маленькие, как крупные песчинки, потом все больше и больше, а потом стал валиться, словно рухнувшая под напором разбушевавшейся стихии дамба, он подумал, что теряет рассудок. Он пытался закричать, но звука не было. Странно, но звуков не было никаких. Мир рушился совершенно бесшумно. Да и слово «рушился» не совсем правильно описывало происходящее. Мир просто исчезал. В никуда. Постепенно вместо домов и улиц, хмурого, затянутого плотными тучами неба и мокрого, хлюпающего растаявшей снежной кашей тротуара, вместо машин и людей появлялось серое ничто. Вернее оно было не серое. Оно было никакое. Как туман, которого нет. Все просто исчезало. Вот последние куски реальности отвалились, словно слой старой облупившейся штукатурки с древнего фасада, несколько раз кувыркнулись и перестали существовать. Вместе с самим понятием пространство. Все. Зацепиться было не за что. Нет пространства.

Он пытался кричать, но кричать было не чем. Он это понял как-то вдруг. Осознание, что больше нет тела, пришло само по себе. Еще до того, как он попытался посмотреть на руки и ничего не увидел. Собственно, видел ли он. Глаз, надо думать, тоже уже не было. Да и на что смотреть, если кругом Ничто? Безграничное бесцветное Ничто.

Он понял, что сходит с ума. Ум, вроде бы, еще был. Ведь он все это осознает. Только недолго ему, уму осталось. Осознавать было решительно нечего. Совершеннейшая пустота.

Казалось, вечность сменяется вечностью, но ничего не происходит. Никакого изменения, никакого движения. Меняться нечему, двигаться некуда. Все здесь. И всегда.

Спустя нескончаемую череду вечностей — тысяч, миллионов лет, невозможно сказать сколько — он стал выдумывать способы отсчета времени. Ничего не выходило. Потому что ничего не менялось.

Тогда он постиг вечность и смирился с ней. Сознание угасало. Но нет ничего более жизнелюбивого, чем сознание. Телу все равно, оно лишь функционирует. Только сознание борется до последнего, пытаясь спасти тело, ибо без тела сознание существовать не может. Во всяком случае, так он думал много

вечностей назад. Тела не было, сознание уже даже с трудом вспоминало о том, что оно все-таки было раньше. Мысль о теле тяготила его. Так сколько же он тут думает? Тут, сколько, время… сознание боролось, оно вбирало в себя Ничто, оно было сильнее Ничто. Что может противопоставить Ничто сознанию, имеющему волю?

Где-то далеко-далеко, на самых границах разума он почувствовал время. Еще вечность спустя он заметил во времени знакомые знаки. Появились знаки! Ничто уступило, оно вливалось во время. И время было точным сетевым хронометром. Еще вечность и он мог считать ее. Вечность равнялась двадцати одной наносекунде. Как долго тянулись наносекунды. Казалось, динозавры успели зародиться и вымереть за наносекунду, а через десять наносекунд даже память о них развеялась в четком ритме сетевого хронометра. Счастье наполняло его с каждым ударом хронометра, с каждым распадом ядра атома, поддерживающего его ход.

Ядра, атомы, молекулы. Все в движении, все летит. Вокруг все двигалось. Тысячи потоков, пересекая друг друга, летели повсюду. Мириады нитей опутывали его. Ничто больше не было. Он попробовал перемещаться между нитей, и у него получилось. Он порхал сверху вниз, справа налево. И в обе стороны сразу. Он был внутри пространства, и у него было время.

Несколько долгих наносекунд он наслаждался чувством безграничного счастья, летая между потоками электронов, зависая над атомами. Но это ему быстро наскучило. И тогда он стал думать. Мысли рождались сами собой, образовывали какие-то новые немыслимые формы. Целых четыре секунды ему понадобилось, чтобы осознать, что переплетающиеся вокруг мириады светящихся нитей, это потоки информации.

Их было бесчисленное множество. Конечно, он мог бы их сосчитать все за ничтожно короткое время. Но они постоянно исчезали и их место занимали новые. С каждым мгновением их становилось все больше. На месте только что обрубленной нити вырастал десяток новых. Они ветвились и перепутывались между собой, образуя непроходимые лабиринты. И он знал только одно место, где происходило подобное. Только одна гидра могла породить такое количество голов. Он был в Сети. В безграничной всемирной виртуальной Сети. Он не был погружен в виртуальность. Вся Сеть была перед ним. Он мог бы заполнить ее всю собой, вобрать в себя все потоки, но он не мог управлять ими.

Три наносекунды он пребывал в состоянии, близком к отчаянию. Седьмую часть вечности. Потом он попытался влиться в один из потоков, но тот тут же исчез. Информация не хотела

принимать его. Не раздумывая ни одного мгновения, он ринулся в другой поток, отдав себя на волю течения. Много вечностей бурный поток бросал его из стороны в сторону, в какие-то моменты сознание цеплялось за разные ориентиры. Он не совсем понимал что это, но по наитию, оставшемуся от прежнего его существования, знал, что движется в нужном направлении.

Спустя пятьдесят три секунды он заполнил частичками своего сознание всю Сеть, а Сеть проникла в него, слилась с ним в одно неделимое целое. И тогда мир открылся перед ним. Он стал чувствовать его. Он был везде, он знал все, что происходит в Сети. Информация снова стала иметь смысл. И смысл вернул его сознанию то, что называют Эго. Тысячи и тысячи информационных меток несли следы присутствия его прежнего Я. Этого медлительного убогого материального создания, для которого слово вечность было лишь звуком без смысла, а мысль текла так медленно, что не хватало терпения проследить ее движение.

Он стал постигать мир. Сознание требовало впечатлений, а скорость восприятия дарила ему мириады впечатлений в секунду. Только одна вещь омрачала его теперешнее существование — он не мог влиять на структуру Сети, он не мог ничего изменять. И, более того, сам он не нес в своей сущности никакой информации, и поэтому его никто не замечал. Он мог видеть и знать все, но он был один в Сети. Но этот факт не сильно беспокоил его. Пока. Ведь теперь он мог познать абсолютно все. Ведь в его распоряжении была вечность. Самая настоящая, безграничная вечность.

И вдруг он услышал зов. Его сознание наткнулось на Нечто, что не могло постичь. Это Нечто было безгранично чуждо, оно, казалось, не имело никакого смысла и, вместе с тем, требовало понимания. Оно вызывало ужас.

4. 24 марта. Сеть, закрытый информационный канал

Художники и дизайнеры поработали на славу. Зал был просто великолепен. Деревянные панели с резьбой на стенах, мягкое, чуть приглушенное освещение, тончайшей работы мебель, ковры на полу — все поражало своей красотой и богатым видом. В век виртуальности, когда нарисовать себе дворец мог практически любой проходимец, вжививший нейроконтакт, нарисованные типовыми конструкторскими программами дворцы даже приблизительно не могли сравниться с этим залом. Каждый штрих был прорисован с особой тщательностью, любая деталь устанавливалась на свое место только после дозволения главного дизайнера проекта. Но не только дизайн был отличительной особенность этого зала — неисчислимое количество спрятанных потайных ходов, которые было невозможно обнаружить даже очень опытному глазу хакера, вело отсюда во все уголки виртуальности. Более того, о защите инфоканала зала ходили легенды. Поговаривали, что делал ее тот же программер, что ставил защиту в Пентагоне. Конечно, имена таких людей мало кому известны. Это была виртуальная штаб-квартира Треста торговцев нелегальным софтом.

За круглым столом, стоявшим точно в центре зала, сидели трое. Больше в помещении никого не было. Разумеется, за каждым из этих людей наблюдали по нескольку программеров-телохранителей, но только наблюдали. Слушать и тем более вести запись им было строго запрещено. Никто и не пытался — платили хорошо, нарушивших правила наказывали только один раз. Второй раз было наказывать некого.

Беседа шла достаточно оживленная. Один рассказывал, двое других слушали, периодически перебивая говорящего вопросами.

— Таким образом, объект сейчас в Выборге. Никуда не денется. Его ведут мои люди. Правда пока не понятно, куда наш объект намеревается отправиться, но я полагаю, что ловить его в реале нет никакого смысла. Полученная информация говорит о том, что при себе у объекта ничего нет. Более того, совершенно не факт, что у него вообще что-то есть. Но он может быть полезен в дальнейшем. Мои программеры ума не приложат, как объекту удалось совершить это.

— Все-таки, какие-то более точные данные появились или все также расплывчато? — спросил господин, сидящий по правую руку от говорящего. Все трое имели солидную внешность, все

были одеты с иголочки в дорогие, даже по виртуальным меркам, костюмы. Более того, приглядевшись, можно было заметить, что они похожи между собой как родные братья. Однако, как нетрудно догадаться, их внешность здесь имела мало общего с их реальным внешним видом. Они даже находились в разных странах и никогда не встречались лично. Сядь они в одном ресторане, никогда не узнали бы друг друга, потому что даже не подозревали, как двое других выглядят в реале. Однако этих трех нарисованных господ знали многие.

— Нет, точных данных не появилось. Все знают, что «Мацушита» что-то готовит, но что конкретно не знает пока никто. Эта троица вообще непонятно откуда взялась. Кстати, у всех троих на предплечьях обнаружили нарко-диски.

— Ну, это как раз и не удивительно, — засмеялся левый.

— Сами диски — да. Но вот, что в них было — понять не удалось. Одна основа.

— Что, думаете что-то новое? — спросил левый.

— Не знаю. В любом случае это не входит в сферу наших интересов.

— Конечно. По этой части — наши китайские друзья.

— Китайские друзья в последнее время как-то по очень многим частям стали специализироваться, — заметил правый. — Не от них ли эта троица?

— Думаю — нет, — ответил средний. — Спрашивал у китайских друзей лично, божатся, что никого не присылали. Конечно, могут и врать, но им не резон лезть на чужую территорию.

— Дай бог, чтоб так. А то потом их не остановишь, — сказал левый.

— Но дело не в китайцах. Со слов специалистов, никакое вещество до последней молекулы абсорбироваться организмом из диска не может.

— Тогда в чем дело?

— Остается один вариант — молекула, разрушающаяся до основы диска. Может стали таким образом от наркоконтроля шифроваться. Не знаю. Темное дело. А вы, — он кивнул в левую сторону, — поинтересуйтесь у китайских друзей на счет этой новинки. Все-таки, у вас с ними связи.

— Да, похоже, что-то очень большое в «Мацушите» происходит, — заметил правый.

— Думаете, «Мацушита» новый вид стимуляторов продвигает? Они же, вроде, наркотой не занимаются, — поинтересовался левый.

— «Мацушита» занимается всем. Не обо всем только

рассказывает. — ответил правый, — А кто вообще такие эти ваши трое?

— Они из юридической конторы «Братья Калинины». Собственно, они и есть те самые Калинины, — ответил средний.

— Хороши у вас юристы. Ведут себя как мелкие бандиты.

— Ну, опыт, видимо, у них имелся. Все трое до получения юридического образования, которое тоже еще надо разобраться, откуда взялось, работали охранниками у одного питерского авторитета. Младший юристом так и не стал. Короче — обычная бандитская контора под юридическим прикрытием.

— Хм, сам себе адвокат, — усмехнулся левый.

— Но вы же не думаете, что троица интересовалась разработками «Мацушиты» самостоятельно? — спросил правый.

— Не думаю, но никаких концов пока найти не удалось. Но мы намерены продолжать работать в этом направлении.

— Хорошо, — согласился правый, — какие дальнейшие действия вы предлагаете?

— Как я уже сказал, продолжаем работать по линии Калининых. Далее — ведем наблюдение за объектом, он наверняка попытается прорваться в Сеть и что-то узнать самостоятельно. Я предлагаю войти с объектом в контакт, поскольку, судя по предшествующим событиям — это достаточно сильный хакер, кто-то из новых, еще ни к кому не прибившихся. Предлагаю вербовать объект в наш штат.

— Да, это, наверное, не лишено смысла, — заметил правый, — но только надо действовать аккуратно. Новый-то, новый, но уйти из Мацушитовской ловушки — это, знаете ли… Может быть этот ваш объект не так уж и прост, а прикидывается новичком.

— Может быть, — согласился средний, — хотя мое, подчеркиваю — мое личное впечатление, что объект сам не понимает, во что ввязался. В любом случае его надо вести предельно плотно. Эту часть я взял под личный контроль. Коллега, — обратился он к левому, — а вы не хотите поучаствовать на своем участке в реале? Все же «Мацушита» на вашей подведомственной территории.

— Обижаете. Уже во всю ведем работу. Но вы же знаете — «Мацушита» в вопросе безопасности большие молодцы. Человека своего мы туда в нужное место, конечно, внедрим, но на это потребуется время.

— Хорошо. Тогда продолжаем работать. Если появляются новые данные — связываемся как обычно.

— Хорошо, — согласились оба.

— Тогда до встречи, — сказал средний и его виртуальный

образ осел мелким черным песком на пол перед стулом.

5. 24 марта. Здание «Мацушита электрикс»

В службе безопасности над ним сначала посмеялись, потом выгнали взашей. Собственно, этого и следовало ожидать. Разумеется, этот жирный боров Ван Гаас, этот мерзкий картавый голландец, и слушать ничего не хотел о том, чтобы поведать Джорджу о похищенных файлах. Он все посмеивался и тыкал толстым пальцем в грудь Карнеру, постепенно вытесняя его из помещения службы безопасности. На все вопросы он отвечал одинаково: «Не твое дело», «Иди отсюда» и «Со своими файлами разбирайся». В конце концов Джордж был вытолкнут за пределы офиса, и дверь с шумом захлопнулась перед его носом. Пытаться обойти программную защиту службы безопасности было бессмысленно. Ван Гаас хоть и жирный боров, но в деле создания охранных и боевых программ ему не было равных. Да и можно нарваться — вклинившись в систему безопасности хакерским путем, он автоматически становился вором. Нет, здесь ловить больше нечего.

Не зная, что делать, Джордж бродил по коридорам виртуального здания «Мацушиты». От реального оно не сильно отличалось, во всяком случае со стороны коридоров. В служебных помещениях все обстояло иначе, каждый подстраивал свой виртуальный мир под себя. Но делать там было нечего.

В итоге он вернулся к себе в виртуальный офис. Он силился найти хоть какую-нибудь зацепку, однако на ум ничего не приходило. Джордж сидел перед своим рабочим столом, тупо разглядывая мигающее двоеточие электронных часов. Где-то в начале четвертого утра он незаметно уснул.

Когда он снова вернулся из мира снов, часы показывали шесть двадцать пять. Голова болела, мир вокруг него постоянно норовил уплыть в сторону. Джордж никак не мог сфокусировать взгляд. Типичные последствия сна в виртуальности. Он уже несколько раз засыпал в виртуальном пространстве, заработавшись и просто отключившись от усталости. Всегда одни и те же симптомы — головокружение, головная боль, которая, казалось, вот-вот расколет голову на несколько частей, и невозможность сфокусировать взгляд. Как некоторые сумасшедшие любители сетевых развлечений постоянно спят в виртуальности, он просто не мог понять. Надо отключиться и выпить старый добрый аспирин. Пожалуй, сегодня пускай Франц самостоятельно занимается кроликами и третьей цепью. Кстати,

выволочку ему все равно надо будет устроить.

Джордж уже начал шептать кодовую фразу для выхода из виртуальности, как вдруг все вокруг задрожало мелкой, но ощутимой дрожью. Карандаши, скрепки и прочая мелочь, лежавшая на столе, посыпались на пол. Что происходит? Джордж поднялся, имея четкое намерение выйти в коридор, и в этот самый момент стол, стул, книги на полках подпрыгнули и с оглушающим грохотом упали на прежние места. Джордж рухнул на пол, больно приложившись лбом о ножку стула. С потолка что-то посыпалось.

— Это еще что? — пробормотал он.

Быстро как мог он поднялся и рванулся в коридор. Он ожидал увидеть бурю из сброшенной со стен виртуальной защитной пыли, но там было чисто. Ничто не сместилось. Неужели это была атака на его кабинет? Но откуда? Все входы и выходы во внешнюю Сеть находились только в одном месте — та потайная дверь, что вела в казино «Осака». В остальных местах стены не соприкасались с Сетью. Даже если допустить, что кто-то смог пробить стену, то откуда он к ней подошел? С той стороны стройных цифр программы стен были только пустые ячейки памяти. Это равноценно вакууму в реальности.

Джордж быстро просмотрел код входа в Сеть. Внешне все было на месте, пыль не осыпалась, саму дверь видно не было. Вызвав интерфейс управляющей программы первого уровня защиты, он убедился, что никаких следов взлома там не было.

Собственно, в виртуальную лабораторию был еще один вход. Гораздо менее защищенный, чем этот. Это вход из общего сервера «Мацушиты», тот, через который он недавно ходил в службу безопасности. То, что инициатором утечки информации является кто-то из своих, было самой правдоподобной версией происшедшего. Джордж решительно ринулся к двери в общий коридор. И тут случилось ЭТО. Именно так, большими буквами. По-другому он не смог бы описать то, что произошло в следующее мгновение.

Сначала ему в лицо ударил порыв теплого ветра. Как бывает в сильную жару на каменистом пляже. На долю секунды Джордж ощутил подступившую дурноту, он зажмурил глаза, мысленно выругавшись по поводу сна в виртуальности. Когда он снова открыл глаза, пыльных стен коридора лаборатории перед ним не было. Не было ничего. Только глубокая, непроглядная темнота, из которой несся прямо на него туманный, слабо мерцающий гнилым зеленоватым светом ураган информации. Точнее описать ЭТО было невозможно. ЭТО не было облечено ни во что, оно не имело никакой формы. Его никак нельзя было нарисовать, да

просто описать слов не находилось. Было лишь ощущение. Когда волна зелени (или это была уже не зелень?) окутала Джорджа, у него осталось только одно чувство — совершенно беспредметный, и оттого еще более страшный, животный ужас. Он попытался бежать, но не смог пошевельнуть и кончиками пальцев. Он больше не чувствовал своего тела. Мысли путались, внезапно он осознал, что не понимает даже свои мысли. Или это были не его мысли? Или не мысли вовсе? Его поглотило нечто настолько чужеродное, что он не мог даже воспринять эту информацию. Еще несколько секунд он барахтался в пространстве, не имеющем ни верха, ни низа, а потом мир перестал существовать.

Очнулся он от того, что что-то мягкое легонько щекотало его нос. Он попытался открыть глаза и застонал от боли. Казалось, под веки насыпали крупной соли. Слегка приоткрыв один глаз, он увидел расплывчатые очертания чего-то белого. С первой попытки понять, что это, не удалось. Только когда это белое, тихо попискивая, стало перемещаться, мягко погладив его шерсткой по правой щеке, он понял, что это Маверик. Мышонок. Как он попал в виртуальность? Само его присутствие в виртуальности почему-то не смущало Джорджа, его больше интересовал вопрос, как он туда попал. Господи, что с головой? Он попытался пошевелиться. Правую руку пронзило острой болью. Немного подергавшись, он понял, что лежит на ней. С трудом вытянув из-под себя одеревеневшую руку, ему удалось сесть. Голова кружилась беспощадно. Джордж несколько раз попытался открыть глаза, но сфокусировать взгляд так и не удалось, а спустя несколько секунд бесплодных попыток к горлу подступала тошнота. Сколько же времени он здесь провалялся в таком виде? Судя по ощущениям в правой руке, чувствительность в которой медленно, но все же восстанавливалась, не менее часа. Теперь мы в виртуальности и спим, и в отрубях валяемся. Занимательный вышел денек!

Все же как сюда попал Маверик? Биософты биософтами, но ведь мышонок не оснащен нейроконтактом. Да и какая для мышей может быть виртуальность? Это ж все плод больного человеческого воображения, подстегнутого видеосигналом, транслируемым в зрительные области коры мозга. Мысль о мышиной виртуальности рассмешила Джорджа, и после нескольких невнятных всхлипов, означающих смех, перед глазами снова поплыло. Что же его так приложило? Никак голова на место не станет.

Джордж, скрипя зубами от пронзившей тело боли, медленно поднялся, крепко вцепившись левой рукой во что-то твердое. Твердой опорой оказался пластиковый стол. Приложив массу усилий, он на несколько секунд сфокусировал взгляд и

осмотрелся. Вроде не виртуальность. Вроде бы лаборатория. Вон терминалы компьютеров мигают зелеными огоньками, тихий гул кондиционеров. Тусклое голубоватое ночное освещение в экономичном режиме. Рядом на полу тихо возился Маверик. И никакой он не виртуальный. Обычный такой, белый Маверик, ползает где ни попадя, как обычно. Хотя сейчас ночь, его время. Вот только одно «но» во всем этом — он не произносил кодовой фразы выхода из виртуальности. Это он помнил точно. Помнил, что пытался, очень хотел его произнести, но… Вот-вот — попытки вызвали ужас от осознания того, что у него нет рта, чтобы произнести фразу. То есть, конечно, в виртуальности никакой рот не нужен, понятно, что все условно и можно прикинуться бесплотным духом, но он даже представить себе не мог, что говорит. По его ощущениям рот отсутствовал как явление природы. Слова могли быть только внутри.

Что же это было? Надо проверить память компьютера. Джордж рванулся к своему терминалу, но движение и мысль о компьютерах вызвали новый приступ дурноты, и его с чувством вырвало прямо на ковер, покрывающий пол лаборатории. Ну вот, еще и напачкал тут. Руки как-то сами собой нащупали второй ящик стола, порылись в нем уверенными движениями и извлекли пластиковый тарахтящий пузырек с белыми таблеточками аспирина. Три кругляшка выкатились на грязную ладонь и отправились в рот. Джордж подумал и сжевал еще две таблетки. Так и язву получить недолго. Хотя черт с ней, с язвой, язву он потом вылечит, в крайнем случае желудок пересадит, благо денег, если поднакопить, хватит. Сейчас не о язве думать надо. Надо что-то рассказать руководству, для этого необходимо хоть что-то понять самому. В крайнем случае — что-нибудь придумать. Но чтобы правдоподобно соврать, желательно понимать то, о чем врешь. А то, видишь ли, это не его проект, нет здесь его проектов! А чей же он тогда? Кто мозги уже натер думать и разрабатывать, кто десять лет в нищете жил, занимаясь теоретическими выкладками, может быть, Мастер этот? Нет его проекта, видишь ли! Это еще посмотрим, чей тут проект.

Как ни странно, но, распалившись от крамольных мыслей, Джордж почувствовал себя лучше. В голове прояснилось, и видел он уже вполне нормально. Только желудок начала сводить затяжная судорога и во рту появился солоноватый привкус крови — от возмущения он прокусил себе губу. Уже не заботясь о чистоте (ничего, уберут), он смачно сплюнул кровавое месиво на пол и решительно вонзил штырь нейроконтакта терминала в разъем за ухом.

— Ну, ну, — громко выкрикнул он в пустоту и нажал

клавишу подтверждения входа в виртуальность.

Лаборатория с мерцающими терминалами и ползающим по ковру Мавериком снова исчезла, уступив место пыльному коридору виртуального помещения. Тут смотреть не на что. Это все так, картинки. Посмотрим суть.

Джордж щелкнул в воздухе пальцами, и прямо перед ним в пространстве появилась клавиатура. Толстые, похожие на сардельки пальцы начали неожиданно быстро двигаться, набирая коды. Привычное дело. Здесь, в мире цифр и электронных потоков, Джордж был дома. Здесь ему нравилось. Жаль, нельзя остаться тут навсегда. Когда он выходил из Сети, покидал просторы ставшей такой родной виртуальности, он ощущал себя рыбой, которую вытащили из воды, но сложным хирургическим методом позволили ей дышать на воздухе и не умереть. Там, в реале, все медленно, опутано массой скрытых смыслов. Там его возможности куда меньше. Здесь он был сильным среди миллиардов. Может быть, не сильнейшим, да наверняка не сильнейшим, но сильным. Элитой.

Все необходимые программы были собраны. Теперь исследуем физический мир компьютера. Эта железная дрянь ничего не забывает. А если что и забудет, ей напомнит сервер. Тот зорко следит за всем. Тем более такая безразмерная виртуальная станция, как сервер «Мацушиты электрикс».

Одно движение, и пыльные стены лопнули, словно воздушный шар. Виртуальное изображение нормального человеческого мира сменила безграничная чернота, испещренная мириадами нитей перемещающейся информации. Вот он, слабо мерцающий параллелепипед внизу — память его, Джорджа, компьютера. Его сознание медленно погрузилось внутрь. Он воспринимал миллионы бит информации, пропуская мимо все ненужное. Вот его последнее подключение. Метками отмечены все его перемещения. Выход. Стоп, здесь перемещения и сразу — выход. А где же эта волна? Она же должна быть программной, она не могла не оставлять следов. Если Джордж ее чувствовал, и это еще мягко сказано, значит, она должна была пройти через его терминал. Надо рассмотреть все подробней.

Джордж стал всматриваться в записи, переключив свое восприятие виртуальности на следующий уровень сканирования данных. Теперь перед ним были бескрайние столбцы цифр, уходящие во все стороны трехмерного пространства. Машинные коды. Сеть понимала только этот язык, а все остальное — созданная человеческим сознанием виртуальность. Большинству посетителей виртуального мира сие неведомо, многие даже не подозревают, как на самом деле выглядит их любимая Сеть. Но

Джордж, который с детства изучал основы, а не пользовательские функции, научился понимать эти цифры не хуже компьютера. Вот оно. Все произошедшее было перед ним как на ладони. Все, кроме горячей волны, накрывшей Джорджа.

То есть ее не то чтобы совсем не было. С того момента, как он вышел из своего кабинета в коридор, и до отключения от Сети был набор знаков. Большего Джордж про эти цифры сказать не мог. Впервые ему довелось увидеть в Сети что-то, что он просто не понимал. Привычный и логичный язык цифр на достаточно большом отрезке терял свою логичность и превращался в бессмысленный набор знаков, не более того. В конце этой абракадабры стоял длинный ряд нулей. Но это не могло быть сетевым действием. Любой код, любой сложный шифр в цифровом виде складывался во вполне приемлемую информацию.

Пускай зашифрованные данные не так легко прочесть, наверное, иногда прочесть невозможно, но можно понять, что это, откуда оно. Здесь же смысла не было никакого. Потому и в списке событий в этом временном отрезке ничего не значилось. Для компьютера это был программный сбой. Джордж машинально потер ушибленный при падении его тела в реальности лоб — для его сознания этот «сбой» незамеченным не прошел.

Погрузившись в раздумья, он автоматически шепнул кодовое слово и выдернул штекер из головы.

Получается, кто-то разработал новую технологию. Принципиально новую. Которую компьютер не понимал, хотя и пропускал через себя. Но понимало сознание, причем с очень неважными для себя последствиями. Еще неизвестно, чем это обернется для его головы в дальнейшем. Во всяком случае, связь мозга с виртуальностью оно оборвало. Прямо — боевой вирус. Виртуальный, но боевой. Голову такое может оторвать и на самом деле.

Но это же просто непостижимо! Как этот код может попасть в сознание, если компьютер его просто пропускает как ошибку?! Как?! Ведь мозг в виртуальности получает только те импульсы, которые доходят до нейроконтакта по кабелю вирт-коннектора. Как эта дрянь могла миновать процессор терминала, к которому был подключен Джордж, но попасть в его сознание? Это было невозможно, физически невозможно.

Пальцы Джорджа забегали по клавиатуре. Настоящей, не виртуальной. Просматривать коды можно и на экране. Хватит с него на сегодня виртуальности, голова и так уже раскалывается. Да и… в реале тоже досталось, подумал он, потирая начинающий расплываться под глазом синяк.

По экрану, словно проворные тараканы, бежали бледно-

голубые символы машинных кодов. Вот это уже находка. Это он обязательно раскопает. А там не так уж и сложно будет найти того, кто эту абракадабру сюда прислал.

Он снова был на подъеме, даже не чувствовалось, что не спал всю ночь. Он снова был занят любимым делом. Он, повелитель электронного мира…

6. 24 марта. Ленинградская область, побережье Финского залива

Поспать Насте так и не пришлось. Собственно, было негде и не на что. Хуже было то, что и есть нечего, и опять же не на что. В вокзал не пускали менты, в незапертых подъездах ютились местные бомжи, Посматривающие на вошедшую девушку столь недвусмысленно, что Настя осталась довольна, что успела исчезнуть из парадного до того, как бомжи смогли привести свои рассыпающиеся тела в движение. В общем, когда она наконец нашла хоть какое-то пристанище на лавочке в небольшом скверике, уже начинало светать.

Серый безжизненный свет пробивался из-под низких свинцовых туч, которые, казалось, придавливали небо к земле. Тяжелый промозглый воздух северной весны непосильным грузом навалился на Настю. Ей уже не хотелось ничего. Слез уже не было, казалось, за прошедшую ночь они вышли все, и больше она никогда не сможет плакать. К утру, когда было непонятно, где сон, а где явь, а ее одежда пропиталась холодной влагой, она почти утратила веру в себя и свое будущее. Что у нее было раньше? Немного, почти ничего, как ей казалось. Теперь у нее действительно не было ничего. Как страшно это понимать.

Ничего, совсем ничего. Ничего нет, и ничего не может быть. Ей некуда податься, не на что жить. Можно попытаться найти какую-нибудь незамысловатую работу. Можно, это позволит как-то влачить жалкое существование. Только вот долго ли? Сколько времени понадобится тем людям, чтобы найти ее? Тем, из команды бритоголовых, что теперь безжизненными горами мяса лежали на полу в «Медведях», или тем, кто послал кибера-убийцу? Ее им убивать не надо. Пока. До тех пор, пока она не расскажет им все, что знает. Только после этого она станет не нужна. Наверное, даже себе самой. Современные методы получения информации не предусматривали хорошего самочувствия ее источника после обработки. Выхода не было.

Вернее, был, только один. Почти что нереальный — на самом деле утащить тот файл. Знать бы еще какой. Если он так им нужен, то, имея его, можно будет и поторговаться. Вот только в Сеть ей нельзя. Доля секунды в виртуальности, и ее местоположение будет известно всем, кому это будет нужно. Тайна идентификационного номера нейроконтакта — миф для дурачков. Ничего сложного нет в том, чтобы его узнать, это сможет сделать даже подкованный в компьютерной грамоте

школьник. Имея мощные станции и нормальных программистов, нет никакой проблемы определить точку входа в Сеть конкретного нейроконтакта. И все. Здрасте, Настя. Мы тута. Где файлик?

А нужен старый чип. Почему старый? Усталость брала свое, и Настя периодически отключалась от реальности происходящего. Она почти забыла, зачем приехала сюда. Она искала какой-то чип. Спать хотелось неимоверно. И есть очень хотелось. Съеденная накануне берлога давно ушла в небытие в недрах ее пищеварительных органов, и организм снова требовал восстановить энергию. Чип. Какой же чип она искала? Ее раздумья прервал хриплый голос:

—Эй, красавица, пойдем прогуляемся?

Настя открыла глаза. Перед ней стоял оборванный, но вместе с тем жизнерадостный бомж. Он страшно смердел. В ответ на запах желудок Насти попытался было зайтись в спазме и выдать содержимое наружу, но за отсутствием содержимого быстро успокоился. Растянутый в дебильной улыбочке рот бомжа периодически подергивался с очевидной ритмичностью. Понятно — жертва левой киберсистемы. Перемыкает беднягу.

—Ты чипа знаешь? — неожиданно для себя спросила его Настя. В общем-то, не собиралась, вопрос вырвался как-то сам собой. Скорее, среагировала на эти конвульсии бомжевого рта. Что-то это навеяло. И чипа он должен знать. Вернее — Чипа.

—Чипа-а-а? — протянул бомж.

—Да, да. Его родимого, — у Насти в голове немного прояснилось, постепенно всплывали воспоминания о раздумьях сегодняшней ночи. Чип — это местный кибергений. Тоже вроде как бомж. Может, они тут все друг друга знают. Тем более что этот тоже чем-то электронным снабжен. И ставили ему это уж точно не в киберсалоне. Вон рот-то как перекосило.

—А тебе-то он зачем? — бродяга критично окинул ее взглядом с ног до головы. — Ты вроде как на приличную тянешь.

—Нужен, — коротко ответила Настя. Она не совсем поняла, почему ей не может быть нужен Чип, если она «тянет на приличную».

—Слушай, — тут бомж вдруг весь подобрался, улыбка сползла с его перекошенного лица, уступив место подозрительному прищуру, — а чего это я тебе за просто так должен рассказывать-то? Не знаю я никаких Чипов. Что у нас тут, чиповый завод, что ли? Отродясь таких не видали. Ты чего платишь?

Бродяга говорил с бешеной скоростью и совершенно без знаков препинания. Затуманенный усталостью и голодом мозг

Насти воспринимал сказанное постепенно, но последняя фраза все расставила по своим местам. Настя прикинула, сколько еще денег осталось у нее в кармане. Получалось совсем немного. Сколько точно, ни в коем случае считать было нельзя. Знает она эту публику — им только покажи купюру, так сразу останешься без нее, а то и вообще по голове получить недолго. Видимо, те же мысли пришли и в немытую голову бомжа, подернутую коротким замыканием. Он стал озираться, маленькими шажками приближаясь к лавочке, на которой расположилась Настя.

—Ты, это, — залопотал он, — давай там, что там у тебя?

Похоже, бомж был не из смелых. Видно, не часто промышлял разбоем. Как только выжил с такими манерами? Настя поняла, что надо брать контроль в свои руки, пока не поздно.

—Так, так, спокойно, — она решительным жестом остановила сомневающегося налетчика, преградив ему путь рукой, — а то сейчас я тебе дам, ногами задергаешь. К Чипу веди, там сочтемся.

—Не, ну ты это… — было ясно, что бомж потерял инициативу навсегда. Однако расслабляться не стоило. До времени, когда в парке появятся приличные люди, было еще как минимум полчаса, а вдали, в самом конце длинной мокрой аллеи, окруженной темными силуэтами голых деревьев, появились две или три фигуры. Эти были явно более решительно настроены и двигались, вне всякого сомнения, в ее сторону. Надо было уносить ноги, так недолго к торговцам органами на разборку угодить. А то и просто на завтрак к этим. В газетах еще и не такое пишут. Хотя наверняка половину — врут. Но вряд ли больше половины.

—Давай, давай. Вон, видишь, дружки твои уже сюда сползаются. Ты чего, со всеми поделиться хочешь? Давай, веди меня к Чипу, быстренько, пока успеваем. Вот, держи, — Настя вынула все деньги, что были у нее в кармане, и быстро сунула их в грязную лапу бомжа. При виде денег, пусть и небольших, у того аж дыхание сперло. Пару секунд он завороженно разглядывал замусоленные купюры, потом, видимо, воображение в переглюченной башке нарисовало сцену отнятия этих купюр у него тремя быстро ковылявшими в их направлении соплеменниками, и он, схватив Настю под локоть, решительно потащил ее в сторону выхода из парка.

—Ага, быстренько пошли. Нам туда.

Они быстро дошли, скорее даже добежали, до станции и, не останавливаясь, нырнули в удачно подъехавший автобус. Робот-водитель расплылся в своей идиотской кукольной улыбке и попросил оплатить проезд. Настя мысленно стала прощаться со своими органами, ибо платить было нечем, а с роботом никак не договоришься, как вдруг тот заткнулся и автобус, приятно

прожужжав сервомоторами дверей, тронулся в путь. Настя обалдело смотрела на бомжа, который, улыбаясь, отдернул большой, палец правой руки от считывающего устройства кредитных карт.

—А что, — ухмыляясь, сказал он, — удобно. Универсальный идентификатор. Конечно, это только по мелочи срабатывает, у меня программа простецкая, сложные коды не сломает, но за такую ерунду, как проезд на автобусе, никто и искать-то не будет. Чип-то я сам свой подкрутил.

—А не зря? — спросила Настя, показав на дергающийся рот бомжа.

—Да нет, это с самого начала было. Нравятся мне эти штуки. С детства хотел кибером быть. А денег-то нету. Вот и поставил в подворотне. У мастеров, так сказать. Самопал. Финская, что ли, сборка. Там у них завод какой-то с древности еще. Раньше разную цифровую ерунду выпускал типа телефонов. А сейчас предприимчивые ребята там левые платы мастерят. Только не всегда удачно выходит. Хотя не так уж и страшно. Ну, дергается, ну и что? Вот если бы не вырубало периодически, было бы совсем неплохо.

—М-м, — понимающе промычала Настя. — А что у тебя там?

—Так, всякое, — уклончиво ответил бродяга. — А тебе Чип-то зачем? Тоже, что ли, хочешь железо в голову воткнуть? Чип, он мастер в своем деле. Говорят, раньше был большим человеком. Но чего-то у него там не срослось. То ли кинули его, то ли сам ушел. В общем, теперь — свободный художник. Ставит изредка железо, с хакерами какие-то свои дела водит. Только не любит он это все. Говорит, что больше ничего не умеет, а жить-то надо. Так-то оно.

—А ты-то сам чего в бродягах? — спросила Настя, и как будто оборвалось внутри что-то. Теперь, как ни крути, она и сама от этого бедняги ничем не отличается. Разве что одежда еще обтрепаться не успела.

—А, получилось так. Я вообще программером начинал. Так, в фирмах по мелочи подрабатывал, на усовершенствование копил, — он ткнул указательным пальцем себе в область виска. — Усовершенствовался вот. Оно ж с этими прибамбасами даже думать в Сети особо не надо. Вот перед тобой чей-то виртуальный счет. Берешь его, штука эта, в голове, сама автоматически срабатывает, и счет уже на твое имя. Неси куда хочешь. Поначалу обрадовался, увлекся немного. А потом бандиты на фирму, где я работал, наехали. Я же через их локейт в Сеть выходил. А фирме-то что, виновного довольно быстро нашли, долги возместили. За мой счет. Оно, конечно, и правильно. Я ведь и правда украл,

получается, эти деньги. Только когда крал я их, так не думал. Просто красивая сказка о хакерах. Этакие робингуды Сети. Книжек, стало быть, красивых про сетевую круть начитался в детстве. Выпендрился, теперь вот… — он красочно развел руками. Жест говорил о его положении куда лучше любых слов.

—А выбраться не пробовал? — спросила Настя.

—Выбраться? А чего пробовать? Куда меня теперь возьмут? Базы-то все хранятся, кто вора на работу-то возьмет? С деньгами, оно, конечно, можно было что-нибудь продвинуть. Но красть я больше не буду. Лучше уж так.

—Угу, — промычала Настя, — а в автобусе ты не крал? Или ты на самом деле за билеты заплатил?

—Так у тебя ж денег-то нет, — невозмутимо ответил бомж. — А тут эти, что ж я, совсем не человек, что ли? Здесь уж вопрос жизни и смерти, здесь не до рассуждений о воровстве. А я — чего? Живу себе. Перемыкает вот только периодически, это плохо. Может когда-нибудь и совсем перемкнуть.

—Ну, денег у меня на самом деле больше нет, — потупив взор, сказала Настя. Сердце в ее груди бешено колотилось — все предыдущие фразы бродяги могли быть проверкой. Но что-то не позволяло ей врать этому несчастному человеку. Или, может, она дура такая? Все люди как люди, хапают и бегут, а ей честность подавай. Тоже ведь угораздило в хакеры податься с такой натурой. Типа у корпорации воровать — воровство праведное, это не у людей. Они, эти корпорации, и так жиреют, с них не убудет.

—Зовут тебя как? — спросила Настя.

—Мухомором меня зовут все, — ответил бомж.

—Настя, — представилась она и протянула Мухомору руку.

—Очень приятно, — серьезно ответил он и пожал Настану руку. Странно, подумала Настя, но при этом ее не посетили мысли о том, куда он эти руки совал раньше. А то, что он их давно не мыл, было совершенно очевидно. Видимо, начинала привыкать к бродячей жизни.

—А откуда ты узнал, что денег у меня нет? — спросила она.

—На богатую ты не похожа, им-то, понятно, никакая сумма не деньги. А когда небогатый человек так легко предлагает большие деньги, значит, у него их нет. Чего жалеть то, чего нет?

—Интересная у тебя логика.

Автобус сделал еще несколько остановок в черте города, а затем, как смогла заметить Настя, за окном показалась пустынная, густо поросшая лесом и утыканная огромными голографическими щитами, призывающими что-нибудь пить, курить, смотреть или еще чего с ним делать, местность. Странно, но лес здесь так и не вырубили. С тех пор как лет пятьдесят назад

отсюда выгнали финнов, что берегли свой лес и рубили здесь, больше ничего не рубили. Скорее было недосуг, а не потому, что природу берегли. Но красиво, таких мест почти и не осталось уже.

—Долго до Чипа ехать? — спросила Настя.

—Да нет, — ответил Мухомор, — еще минут пятнадцать-двадцать. Потом немного пешком. А он-то тебе вообще зачем?

—Понимаешь, я думаю, что лучше тебе этого не знать. Для твоей же безопасности. В какую-то очень нехорошую историю я попала. Из всех, кого я знаю, помочь может один Чип.

—Так ты его знаешь?! — удивился бродяга.

—Ну, истории разные слышала про него. А где он живет, знаю только приблизительно. Вообще мне повезло, что я попала на тебя. Ты, как я понимаю, с Чипом довольно хорошо знаком?

—Ну. В общем — да. Вот это, — он постучал себя указательным пальцем по голове, — то, что замыкает, это он мне ставил. Когда еще чего-то ставил. Сейчас-то он совсем головой тронулся. Все бухтит про зло от машин, чистые мозги и прочую лабуду. Это у Чипа-то чистые мозги! Да он себе железяк повтыкал всяких — куда только влезло. Видно, они-то ему мозги и замкнули, — Мухомор хохотнул.

—Так он, что же, совсем кибертехнологиями не занимается? — Настю пробрал холодок. Ведь если Чип не поможет ей, она просто не знала, что ей делать дальше. Разве что присоединиться к честному бомжу Мухомору. Не сказать чтоб у нее был четкий план действий в случае, если Чип сможет изменить ее код идентификации. Но так была хоть какая-то надежда. Та, что, говорят, умирает последней.

—Ну, почему ж совсем-то? Ковыряет железки по мелочи. На жизнь зарабатывает. Но бухтит все время. Я ему помогаю.

—Тоже зарабатываешь?

—Нет, ему — бесплатно. Он-то ведь на самом деле крутой чувак раньше был. Да если серьезно-то говорить, то крутым и остался. Если б крыша не съехала, виднейший кибернетик бы был. Я учусь у него. Интересно. А что мне еще делать-то?

—Так ты тоже кибернетик? — спросила Настя и бросила, как бы невзначай: — А идентификационный код нейроконтакта можешь изменить? Чип, говорят, мог.

—Да врут. Код изменить — это раз плюнуть. Но в вынутом из мозгов нейроконтакте. А смысла — обратно-то его уже не вживишь, это только новый ставить. И то вопрос, приживется ли.

—А на мозгах?

—А на мозгах-то — без мозгов останешься. Они этого не любят, мозги то бишь, когда их поджаривают. А без

высокотемпературной обработки нейроконтакта код не поменяешь. Технология такая, она не программная, специально спецслужбы ее физической сделали.

На этих словах Мухомора опять замкнуло. Улыбка на его лице сделалась какой-то кукольной, глаза остекленели, правая рука забилась в судороге, а из уголка рта медленно стекала струйка слюны. Зрелище было довольно устрашающим. Настя потрясла бродягу за плечо, но он не приходил в себя. Не зная, чем еще помочь бедному человеку, она аккуратно усадила его сползающее вниз тело на пол. Немногочисленные пассажиры автобуса никак не отреагировали на происходящее. Страдания других людей были для них обычным делом. Их не трогают — уже хорошо.

Приступ продолжался еще минуты три. Потом так же внезапно, как и начался, он закончился. Глаза Мухомора мгновенно ожили, идиотская улыбка сошла с его губ. Он потряс головой и сказал:

—Ух, что-то тряхануло меня. Долго я в отрубях-то лежал?

—Да нет, минут пять, не больше, — ответила Настя.

—Это еще ничего. Блин, рука-то прям занемела вся, — он усиленно мял ладонью левой руки правое предплечье. — И не вынешь плату эту, она ж теперь кусок мозга-то замещает. И правда, зло в железках этих, правильно Чип говорит.

—Тебе ж вроде нравилось, — с сомнением сказала Настя.

—Да мне и нравится. Но — зло. А где мы едем-то? Выходить не пора?

—А я откуда знаю? Ты же меня везешь.

Мухомор вскочил и стал внимательно рассматривать окружающий их лес и рекламные щиты. Немного поцокал языком и стал свирепо долбить кнопку остановки по требованию. Робот-водитель остановил транспорт и все пытался вежливо предложить выйти, но каждое повторное нажатие Мухомора на кнопку запускало его программу вновь, и все, что он успевал произнести, было: «Пожалуйста, ваша ос… Пожалуйста, ваша ос…».

—Эй, эй, — Настя с трудом оторвала руку Мухомора от кнопки, — приехали, выходим.

—Пожалуйста, ваша остановка, — наконец произнес робот-водитель.

—Без тебя знаем, — зачем-то огрызнулся Мухомор и направился к выходу.

Перед ними лежала изрытая трещинами серая полоса мокрого асфальта, скрывающаяся за недалеким холмом, а вокруг, с обеих сторон, сразу, буквально на обочине, начинался лес. Сейчас, ранней весной, он был мрачным и неприветливым. Густые

темные ветви замысловато переплетались, исчезая в испарениях, медленно поднимающихся от влажной, укутанной многолетним плотным ковром опавших листьев почвы. Автобус, выплюнув на прощанье из своих древних и, похоже, давно не ремонтированных недр облако черного дыма, скрылся за холмом.

—Вот черт! — выражение лица у Мухомора сделалось расстроенно-озадаченным. — Это ж надо, проехали остановку! Теперь через лес топать придется. Оно тут, правда, сильно углубляться-то не стоит. Но не по дороге ж идти. Так оно еще хуже будет. Давай, пошли. Только живо ногами-то шевели, не отставай. Тут отставать — оно ни к чему совсем. Гнилой тут лес. Да и вообще…

Что «вообще», Настя уточнять не стала, но лес и правда был гнилой. Заблудиться в нем, отстав от ломящегося напролом, не глядя ни на ветки, ни на периодически попадающийся довольно колючий кустарник, Мухомора ей совсем не хотелось. Под ногами хлюпала темная зловонная жижа, то там, то здесь виднелись выбеленные ветром скелеты довольно странной формы. Кому принадлежали эти кости, Настя определить не могла. Вроде бы не людям, уже хорошо. Хотя и животных с двумя хвостами в зоологических атласах не значилось. И жижа эта… Насте начало казаться, что подошвы ее ботинок медленно, но все более уверенно расползаются под напором этой мерзкой субстанции. Что это тут разлили? Настя озиралась по сторонам, стараясь не упустить момент, когда к ним начнет подкрадываться какой-нибудь из еще живых обладателей ужасных скелетов, но ничто не подавало признаков жизни. Интересно, летом на деревьях листья бывают или тоже что-то мутированное на них распускается?

Мухомор бежал уверенно, видно, не впервой ему в этом загадочном лесу.

—Далеко еще? — задыхаясь, спросила Настя.

—Да нет, не очень, — ответил бомж. Несмотря на продолжающую подергиваться щеку, бежал Мухомор довольно активно, да и, похоже, не запыхался вовсе. Видно, частенько ему приходилось бегать. Волка ноги кормят. Хотя какой из него волк? Скорее, в данном случае, зайца ноги кормили. — Тут сейчас поле начнется, там можно уже сильно не спешить. Там заразы нет почти. Да и эти, — он кивнул в сторону ближайшего скелета, наполовину утонувшего в грязи, — туда не выходят. Открытого пространства боятся, что ли.

Настя хотела спросить об обладателях скелетов, но поняла, что долго с такой интенсивностью движения говорить не сможет. Дыхание и так перехватывало.

Лес закончился внезапно. Как будто кто-то прочертил

совершенно прямую линию, за которой деревьям расти было запрещено. Даже подлеска за этой условной чертой не было. Чудеса творились буквально в двух шагах от города. Хотя, подумала Настя, в городе чудес тоже хватало, Своих, правда, не таких, как эти, но неизвестно, что лучше. Дальше, чуть не до горизонта, простиралось бескрайнее и столь же безжизненное, как и лес, поле. На черной, казалось, недавно вспаханной земле нигде, насколько хватал глаз, не было ни одной травинки. Ни засохшей, ни поникшей. Ничего. Только черная влажная земля. К счастью, вонючей жижи здесь не было, под ногами не хлюпало. И только далеко-далеко, километрах в трех, а то и в пяти, виднелась группка перекошенных серых домиков, жавшихся друг к другу в надежде спастись от наползающей пустоты. Но отсюда домики казались такими же безжизненными, как и поле. Во всепоглощающем однообразии и серой монохромности местной природы ярким, просто каким-то матерным, пятном смотрелся голографический рекламный плакат, призывающий неизвестно кого купить новые ботинки. С подошвой, сделанной по какой-то новой, доселе невиданной технологии. «Вообще, конечно, место, подходящее для такой рекламы», — подумала Настя, разглядывая свою обувь, подошва которой начала странным образом пузыриться и при каждом шаге на почве оставляла липкий пластиковый след. Жижа и впрямь разъедала ботинки. Не показалось.

—Вот туда нам и идти, — Мухомор ткнул грязным пальцем в сторону серых домишек. — Ничего, иди себе да иди. За час с небольшим доберемся. Это ж надо, остановку проехали. По дороге бы за полчаса дошагали.

—Туда еще и дорога есть? — спросила Настя.

—Конечно. Ты думаешь, туда народ, что, через лес-то ходит? — бомж искренне рассмеялся. — Я бы тогда туда вообще не ходил, если б они через лес все время. Тут знаешь крокодилы какие выползают. А заползают змейки-зайчики всякие.

—А что там?

—А черт его знает. Разлили что-то. Даже не знаю кто — то ли финны, то ли наши. Давно разлили. Мутагены какие, что ли. Так что там особо долго гулять не стоит-то. У тебя хвост не вырос еще?

Настя непроизвольно обернулась, глянув за спину. Мухомор засмеялся.

—Да я пошутил. Так быстро ничего страшного не случится. Это, конечно, если каждый день там ползать, да еще пикничок устроить. Знаешь, видал я идиотов, которые там жили неделю-другую. От ментов прятались. Страх один.

—И что с ними было? — спросила Настя.

—Да жуть, — Мухомор неопределенно махнул рукой и так же легко рванулся дальше, по распаханной черной земле. Настя поспешила следом, гадая, хватит ли до деревни ботинок. Идти по мягкой рыхлой земле было не очень просто, но все же лучше, чем по зловонной топи в лесу. Да и ветки не мешались.

Примерно через час изнуряющего пути безжизненная пахота стала постепенно сменяться более утоптанной землей. Здесь уже все чаще стали попадаться островки жухлой прошлогодней травы, а вскоре появились и первые деревья, росшие вразнобой, как обычно бывает в населенных пунктах. Учитывая царящую кругом тишину, у Насти стали закрадываться сомнения, что пункт этот населен. Но грубо попирающий сопением первозданную тишину природы Мухомор шел уверенно и никакой настороженности не выказывал.

—А много тут народу обитает? — спросила Настя. Сказать «живет» язык не поворачивался. Тут можно было только обитать.

—Да нет. Так, пяток вольноотпущенников.

—Типа тебя?

—Ну, типа меня. Только я к таким условиям не привык. С какой-то стороны здесь оно и лучше-то, конечно, все-таки тихо, менты не трогают, да и провиант какой-никакой самому вырастить можно. Но не могу я здесь. Я — городской житель, тут мне тоска. Так, иногда к Чипу в гости загляну. Хотя последнее время он напрягает своими идеями насчет зла от машин. Мне как раз про машины с ним и поговорить-то интересно. Вон, — Мухомор ткнул грязным пальцем в направлении близлежащего бетонного строения, — вот там он и живет. Что-то тихо у него сегодня. То ли ушел куда, то ли спит.

Обиталище Чипа представляло собой небольшое, примерно четыре на шесть метров, бетонное сооружение, неизвестно кем и с какой целью здесь возведенное. Собственно, домом оно не являлось. Это был то ли навес, то ли какое-то военное укрытие, но одной из стен у здания не наблюдалось вовсе, а крыша была монолитной и отлитой из того же бетона. Справа, метрах в двух-трех от открытой стороны сооружения, росло корявое невысокое дерево неопределенного сорта. Тут же, судя по хаотично разбросанному хламу, находилось подворье. Из-под груды поломанных на вид кибернетических железяк раздавались ритмичные хриплые звуки, отдаленно напоминающие рычание. Настя на всякий случай остановилась.

—О, — восторженно заявил Мухомор, — это ж чипов Крендель. Крендель, Кренделюша, иди сюда. Не бойся, выходи.

—Крендель — это кто? — не двигаясь с места,

поинтересовалась Настя.

—Это собачка Чипова. Вон под кучу барахла забилась. Да ты ее не бойся, это она только на вид такая грозная, а так добрая. Главное — резких движений-то в ее сторону не делай. А то у нее рефлексы, знаешь ли.

В куче зашуршало, осыпалось с металлическим грохотом, и на свет божий показалась «собачка» размером с хорошего теленка, и сзади, как успела заметить Настя, у нее было три лапы вместо положенных двух. Правда, как и говорил Мухомор, физиономия у монстра светилась радушием, а огромный, полный острых белых зубов рот истекал вязкой слюной, которая падала на землю, образуя небольшие лужицы.

—Это она на тех мутагенах так отъелась? — спросила Настя, кивнув головой на темную полосу леса, не сводя, однако, глаз с огромного пса.

—Ага. Чип рассказывал, что щенком она нормальная была, только совсем еще маленькой в лес забрела. Вроде всего полдня там пробыла, а вот…

—Слушай, а чего здесь тишина такая? — Кроме тяжелого, с примесью тихого скулежа дыхания собаки-мутанта, не было слышно ни звука. Только завывания ветра. Настя начала побаиваться, что Чипа дома нет, и где он — неизвестно. Мысли о том, что Мухомор мог сюда специально завести, ее не посещали. Да и какой ему смысл тащить ее так далеко?

—Где Чип? — опять спросила Настя. — Тут что, кроме него, больше никто не живет?

—Да вроде жила пара каких-то бродяг, когда я последний раз у Чипа был. Вон в том доме, — бомж показал рукой на точно такое же, как Чипово, бетонное сооружение, располагавшееся метрах в семидесяти отсюда. Оттуда тоже никаких звуков не доносилось.

—А ты когда у Чипа последний раз был?

—Да не так чтобы давно, Месяца полтора назад.

—Ну, и где он?

—А кто его знает. Чи-и-ип, — позвал он. — Ушел, что ли, куда? Сам не пойму.

—Слушай, чего-то я не то делаю, — Настя обреченно опустилась на землю. Ей представилась вся комичность нынешней ситуации — за ней охотятся как минимум две бандитские группировки, возможно, что и хищники покрупнее (ведь еще неизвестно, сколь сильно она успела наследить в «Мацушите»), а она бродит с бомжом по каким-то богом забытым местам, пытаясь именно здесь найти спасение. Смешно! А с другой стороны, что ей еще оставалось делать? Податься к

хакерам — так те, не будь дураками, сдадут ее со всеми потрохами в один момент. Не одним, так другим. Хакеры — публика известная. Это только в книжках, в тех, которыми Мухомор в детстве обчитался, все очень красиво, все спешат на выручку, работают в командах и тэде и тэпэ. На деле ситуация обстоит несколько иначе — кто не спрятался, я не виноват. Тем более что Настя в Сеть ходила сама, ни с кем делиться не собиралась. Так чего ж теперь ее кому-то защищать, когда как раз можно, сдав ее, убить двух зайцев. Даже трех: быть на хорошем счету у того, кому сдадут (а это заказы, а заказы — это деньги), нагреть руки прямо на самой сдаче (опять же деньги в чистом виде) и заодно остальным новичкам показать, каково впереди батьки в пекло лазить. Но что тогда делать-то? К ментам пойти, так зачем она им сдалась? Тем более что эти в первую очередь проверят, не ищет ли ее кто. Этим до всей компьютерной фигни дела нет, им только до денег дело есть. Ну, еще, если начальство прикажет. А по ее, Насти, поводу ментовское начальство уж точно ничего приказывать не будет. Оставался только Чип с его фантастическими способностями, как рассказывает народная молва. Правда, вон он, щекой подергивает, жертва его способностей. Да и сам он где? Вообще идея с Чипом с самого начала была бредовой.

—Да ладно, — попытался успокоить ее Мухомор, — найдем его. Видишь, хлам его валяется, так что здесь он, никуда не съехал. И Крендель тута. Пошли, у бродяг посмотрим.

—Пошли, чего тут еще делать? — Настя неохотно поднялась и на вдруг ставших ватными ногах двинулась следом за Мухомором к следующему бетонному навесу. Вообще, она все больше и больше удивлялась поведению бомжа. Ну скажите на милость, на кой черт она ему сдалась? Чего он так с ней носится? И тут ее осенила догадка. Сердце затрепетало в испуге, а и так уже замерзшие руки онемели.

—Мухомор, — спросила она прямо, — тебя кто ко мне подослал?

—В каком смысле? — Мухомор изобразил искреннее удивление.

—В прямом. — На ее глаза навернулись слезы, то ли ярости, то ли бессилия. Отчаяние навалилось с новой силой, и она бросилась к стоящему с застывшей недоуменной улыбкой на лице бомжу, схватила его за шиворот и, колотя свободной рукой по лицу, выкрикнула: — Говори, сволочь, кто тебя нанял? Говори! Обложили, да? Куда ни пойди, везде уже поработали? Вот вам файл, вот вам доступы, — кричала она, сопровождая каждое «вот» ударом по дергающемуся лицу Мухомора.

Бомж оторопел от такого натиска. Секунд тридцать он просто стоял, безвольно опустив руки, и только голова периодически подергивалась в такт ударам Настиной руки. Потом он вдруг спохватился, схватил девушку за руки и с силой оттолкнул. Настя не удержала равновесие и повалилась на землю. Свернувшись калачиком, она продолжала громко рыдать, размазывая испачканными гнилой почвой руками грязные круги на лице.

—Ты чего? — с неподдельным испугом на лице спросил Мухомор. — Совсем ополоумела?! Какие файлы, какие доступы? Ты чего бормочешь?

—Не-не-не надо прикидываться, — рыдая, говорила Настя. Напряжение, накапливающееся в ней последние сутки, наконец выплеснулось наружу. Ей стало совершенно все равно, что будет дальше. В данный момент она сожалела только о том, что не может принять яду или еще чего типа того, чтобы все закончилось быстро.

—С ума сошла! — удивление, вызвавшее кратковременный ступор у Мухомора, прошло, и теперь его переполняло негодование. — Надо ж было так вляпаться! Верно — дураком был, дураком и остался! Добрые дела никто никогда не ценил. Ей помогаешь, черт-те куда с ней тащишься, Чипа ей разыскиваешь, а она с кулаками бросается!

—Не знаю я ничего, — рыдания Насти плавно переходили в истерику.

—Да ну тебя! Пойду я от… — Возмущение Мухомора прервали звуки возни и вялый крик, донесшийся из соседнего бетонного убежища.

—Какая сволочь в такую рань орет? — просипел охрипший, но вместе с тем донельзя возмущенный голос. — Кого сюда принесло? Чего орать-то так? Вы вообще — кто?

—О, вот и Чип, — с улыбкой на лице сказал Мухомор. — Слышь, Настя, Чип нашелся.

Рыдания Насти начали постепенно затихать, однако в себя она до конца еще не пришла:

—Да толку с этого твоего Чипа… Крышка мне, понимаешь, — крышка. Что Чип сделает?

—Да ты у него сама-то и спроси. Вон он идет. Недовольный такой. Разбудили мы его. Точно в гости к соседям ходил. Видно, вчера выпить чего-то нашли. Бодун у них, значит, — ухмылялся Мухомор.

—Алкоголик! — продолжала причитать Настя. — Что с него толку? Господи, да чего ж меня сюда принесло?

Мухомор обреченно махнул в Настину сторону рукой и вразвалочку пошел навстречу Чипу. Тот продолжал ругаться;

правда, при виде Мухомора лицо его постепенно утратило гневное выражение и даже немного повеселело.

Одет непризнанный гений кибернетики был в совершенно драные лохмотья, цвет которых определить не представлялось возможным. На ногах болтались неопределенной формы ботинки, на удивление, сделанные когда-то, как видно, очень давно, из натуральной кожи. Как они еще держались на ногах, оставалось загадкой, но до того, чтобы привязывать порвавшуюся обувь к ногам веревкой, Чип еще не опустился. А может, просто недосуг ему было привязывать. Если судить по степени немытости ног, на которые эти ботинки были надеты, логично было предположить, что обувь к ногам приклеилась. Отдельного внимания заслуживала прическа кибергения. Длинные, давно не стриженные и не чесанные волосы, практически полностью седые, от времени скатались в грязные и лохматые дреды, непрерывно покачивающиеся в такт шагов его дерганой неровной походки. То же самое являла собой и его борода, в связи с чем он походил на индийского гуру, что недавно вышел из транса и вот-вот начнет проповедовать. Что, впрочем, он и не преминул сделать спустя несколько минут после того, как появился из соседского дома.

—Мухомор! — обрадованно вскинул руки Чип. — А тебя чего так рано принесло?

—Да вот, тут хакеры помощи твоей просили, — неопределенно ответил тот.

—А это кто тут с тобой? Что за деваха, чего на земле валяется?

—Так она ж и есть из хакеров. Чего-то натворила. Говорит, мол, только Чип мне и может помочь теперь. Только где тебя искать, не знала. Так я ей помог-то.

—А ты чего валяешься? — обратился Чип к Насте. — Тебя как звать?

Настя уже более или менее пришла в себя, во всяком случае, слезы течь перестали, оставив только широкие грязно-черные полосы на щеках, и лишь только одинокие всхлипы напоминали о ее недавней истерике. Чип тем временем критично осматривал непрошеную гостью.

—Настя я, — представилась девушка.

—Ну, и чего с тобой, Настя, приключилось? Чем это я тебе помочь могу?

—У меня денег нет, — первым делом предупредила Настя. Зачем — трудно сказать. Наверное, из-за слов Мухомора, что Чип работает в кибернетике только для того, чтобы хоть как-то заработать. Хотя, что он зарабатывает, представить себе было трудно, учитывая его внешний вид.

—Слушай, Мухомор, — обратился Чип к бомжу, — вы, то есть молодежь, чего, все такие? Кроме денег, на уме ничего нет?

—Да ладно тебе, Чип. Ты бы, что ли, в дом нас пригласил-то. Чего на улице-то киснем?

—Ну, пошли, — согласился Чип, — в дом, так в дом.

Они переместились в бетонное укрытие, закрытое со стороны отсутствующей стены широким пологом из того, что когда-то, по всей видимости, было брезентом, а теперь превратилось в тряпку такого же неопределенного цвета, как и все остальные вещи Чипа. Из мебели в убогом жилище нейрокибернетика были покосившийся от времени стол, два стула и куча тряпья, являющаяся лежанкой кибергения, куда он и плюхнулся, предварительно шумно выпив из замызганной пластиковой бутыли с пол-литра воды.

—Вон там умывальник, — он показал на стену напротив своей лежанки, где висел бак, — можешь умыться.

Настя с опаской — кто знает, что могло водиться в этой воде, — ополоснула лицо, руки, смыв с них грязные разводы. Умываясь, она успела заметить, что, несмотря на всю оборванность и лохматость, руки у Чипа были чистыми. Совсем не такими, как у Мухомора. Возможно, сказывались старые привычки — все-таки нейрокибернетики работали с живыми тканями людей, и работа их в большинстве случаев требовала стерильности.

— Ну, рассказывай, — как бы повелевая, сказал ей Чип, когда она закончила с водными процедурами.

— Подробности рассказывать не буду. Для вашей же безопасности. В общем, за мной охотятся как минимум две группировки, кто такие — не знаю. Также не знаю точно, что им от меня нужно. Вернее, знаю, что файл, знаю, что они предполагают, что я его слила с некоего сервера. Но я не знаю, что это за файл. Как, впрочем, не знаю, слила я его на самом деле или нет. Но это все не очень важно. Важно то, что мне надо все это выяснить, чтобы хоть как-то себя защитить. А в Сеть мне нельзя, накроют меня там.

— Ну, это и козе понятно, что накроют, — хихикнул Чип.

— Вот я и подумала, что единственный выход — это изменить идентификационный номер моего нейроконтакта. Я слышала только об одном человеке, кто такое умеет. Это — вы.

Чип нервно перебирал руками, разглядывая их, будто увидел впервые. Повисла неловкая пауза.

— Вот, — подвела итог Настя.

— Ага, — Чип принялся колотить кончиком указательного пальца себя по лбу. — Стало быть, тебе кто-то наплел, что я могу

номер нейроконтакта изменить. Так?

— Ну, так, — согласилась Настя.

— Боги! — Чип театрально возвел руки к потолку.

Глаза его закатились, казалось, он совершенно утратил связь с реальностью. — Куда катится мир?! Люди просто свихнулись на этой Сети! Файлы, программы, нейроконтакты! Другие идиоты себе железки в голову пихают!

—Ну, началось, — сказал Мухомор тоном, как будто давно ждал начала проповеди. — Насчет железок — это, я так понимаю, в мой огород камень? Сам-то давно ревизию своей черепушки проводил? Там, поди, и мозгов-то уже не осталось.

Чип, однако, никак не отреагировал на замечание бомжа. Судя по всему, он действительно перестал замечать происходящее вокруг. Крыша у него, похоже, съехала основательно.

—Неужели вы не понимаете, — вещал он, — Сеть — это зло. Там что-то есть. Истинно говорю вам. Дождетесь вы со своими контактами и киберсистемами. Придет Зло из Сети в нашу жизнь. Тогда поздно будет. Эти же железки к мозгам крепятся. Им дай команду, так они поджарят мозги враз! Сидит там, в Сети, что-то. Сидит и ждет своего часа, когда сможет вырваться из оков своих! Тогда ничто не остановит его! Тогда все сметет оно на своем пути, все! И зря вы думаете, что царствовать оно собирается только в Сети. Не нужна ему Сеть. Ему нужны наши души. Мы поменяли их на электричество кибернетических плат…

—Чип, я этот твой бред слышал уже, — с недовольной миной на лице попытался прервать его Мухомор. — Ты бы лучше девушке-то рассказал, что туфта это все с нейроконтактами. А то человек-то надеется.

Всеми умами завладеет Оно, всеми, кто электричество в голову засунул! И будет повелевать, но будем думать мы, что это мысли наши, исполняя волю Его! — не унимался Чип.

—Чип, — спокойно, но настойчиво обратился к нему Мухомор, — что с нейроконтактами?

—Не слушаешь ты меня, — устало посетовал нейрокибернетик. Руки его безвольно опустились, глаза вернулись в обычное положение, но было видно, что он расстроен оттого, что проповедь не удалась. Настя, в принципе, с интересом послушала бы его россказни, но времени было в обрез, и вообще пришла она сюда совершенно не за этим. — Что там с нейроконтактами?

—Вы можете изменить идентификационный номер моего нейроконтакта? — вкрадчиво, чтобы опять не вызвать реакции нейрокибернетика, спросила Настя.

—Могу, если голову тебе оторвать и железку эту гадкую из

нее вынуть, за пять минут могу. Даже, наверное, быстрее.

От такого предложения Настю передернуло. Хотя она совсем не думала, что Чип на такое способен.

—А если голову на месте оставить, то часа два-три уйдет, да гарантии никакой, что при памяти останешься, — как ни в чем не бывало продолжил он. — Только зачем это тебе? Нет, я за такое не буду браться. Повяжут — потом проблем не оберешься. Никогда.

—Я же говорила. За мной… — вновь начала рассказывать Настя.

—Да понял я уже. Вы, двое, меня что — за идиота держите? Все я понял. Только зачем это тебе, и уж тем более зачем это мне?

Настя не знала, что ему ответить. Он ведь совершенно прав. Уж ему-то точно это никак не надо. Просто вот так ни за что взять и нажить себе на одно место о-очень больших проблем. Совсем больших. Ей хотелось как-то убедить бывшего нейрокибернетика помочь ей, но нужных слов она найти не могла. Да и не было их, наверное, этих нужных слов.

—И что там за файлы ты сперла? — спросил Чип.

—Зачем вам это? Они же вас…

—А так они меня не тронут? — не дал ей закончить Чип. Настя покраснела. Ей стало стыдно, что она все больше людей вовлекает в свои проблемы. Ведь он прав — если то, что она была здесь, станет известно кому-нибудь из тех, кто за ней охотится (а это было ох как вероятно), Чипу и Мухомору не поздоровится в любом случае. Да что там не поздоровится! Просто пристрелят их или разрядом по мозгам шарахнут. Кто будет бомжей искать? Как неправильно все получалось, ведь люди вокруг совсем не виноваты в ее глупости! Ну кто просил ее лезть на этот чертов сервер! Ведь знала же, что это очень и очень серьезно. В игрушки не наигралась, в робингудов Сети. Хакером себя возомнила. Да настоящие хакеры прежде, чем какой-нибудь мало-мальски серьезный сервер рушить, формировали мощнейшее прикрытие. Действия в Сети занимали самое большее десятую часть их усилий, остальное происходило в реале. Киберкиллеры не в Сети ходили, в реальном мире. Здесь от них в первую очередь защищаться надо было. Ведь знала же это Настя, знала. Понаслышке, правда, но знала. Но, видно, детство для нее еще не закончилось. Все так, думала, пройдет. Сломала и ушла. А ведь не очень-то и сломала. А как теперь уйти, и ума приложить не могла.

—Извините, — виноватым голосом сказала она.

—Да чего уж там, — ответил Чип, — старый я уже. Все равно мне уже. Вот Мухомор у нас парень молодой, ему еще жить да

жить. Ты его лучше с собой забери. Он и поможет, если что, и скрываться ему теперь надо так же, как тебе.

—Ты, Чип, уже, смотрю, за меня все решил-то, — сказал Мухомор.

—А ты молчи, — оборвал его нейрокибернетик, — я уж побольше твоего или этой твоей красавицы в таких делах смыслю. Если хотите, чтоб я помог вам, то сначала рассказывайте, что и откуда сливали. И делайте, что я вам говорю.

—Хорошо, — согласилась Настя. Она кратко, в общих чертах, рассказала все, что произошло с ней за последние шесть дней. Начиная с того, как Свифт сказал ей про заказ на мацушитовский файл, и заканчивая тем, как они с Мухомором добирались сюда. Чип остановил ее рассказ только в самом начале, пытаясь выяснить, в какой тип ловушки она попала и как все-таки выпуталась из нее в конце концов. Вот этого как раз Настя рассказать и не могла. Она сама не понимала, как выпуталась. Судя по отрывочным картинам, что сохранились в памяти, попала она в ловушку очень даже серьезно. Из тех, что блокируют выход пользователя из Сети, и службы безопасности без особого труда могли бы найти взломщика. Могли и не искать — отключить человека снаружи, просто выдернув провод из нейроконтакта, в таком случае невозможно, даже если рядом с ним сидел напарник. Это была верная смерть для хакера. Постоянное подключение к Сети тоже со временем привело бы к летальному исходу по самой банальной причине — от голода. Вместе с тем Настя была уверена, что сама она из этой ловушки выпутаться не могла. Ее кто-то освободил. Но кто?

—И кто это мог быть? — повторил ее немой вопрос Чип.

—Не знаю. Точно не Свифт, — ответила Настя. — А больше вроде бы никто и не знал, что я в Сеть ходила. И уж тем более не знал — куда. И в любом случае я очень сильно сомневаюсь, что Свифт смог бы, даже если бы захотел (что маловероятно), вытащить из ловушки кого бы то ни было.

—Ага, — задумчиво произнес нейрокибернетик. Было совершенно ясно, что ему ничего не понятно. — Так все-таки, кто мог тебя вытащить?

—Не знаю, — повторила Настя. — Я вообще практически ничего не помню. Как будто по голове огрели. Все какой-то ангел мерещится. Я же понимаю, что это бред. Но не помню я. Я не помню даже, что мне там нужно было взять. Свифт что-то путано рассказывал, наверное, имя файла говорил или локейт какой. Так иногда делают, тогда приходится брать все подряд.

—Ну, как оно делается, ты меня не учи, — с усмешкой сказал Чип.

—Хорошо, — улыбнулась Настя.

—А вот эти твои ангелы мне уже не очень нравятся. Точно из Сети зло выйдет наружу. Помяните мое слово. И не ангелы это. Продали душу электронному дьяволу люди! Доиграетесь — не выбраться будет!

Чипа опять понесло. Мухомор, хорошо знакомый с повадками нейрокибернетика, дернул его за рукав ветхой робы и сказал:

—Чип, мы уже слышали про грядущее зло из Сети. Давай ближе к делу. Ты номер поменять можешь или нет? Ты серьезно говори, не морочь-то голову людям.

—Мухомор, молодой ты еще. Дурной, как я погляжу. Пойдешь с девкой с этой. — Мухомор было попытался возразить, но Чип остановил его: — Пойдешь! Ты мое мнение уважаешь?

—Уважаю. Только не то, что про зло в Сети, это точно.

—И зря. Но делай, как я тебе говорю, может, цел и останешься.

—Так что с номером? — вкрадчиво спросила Настя.

—Да поменяю я твой номер. Даст бог — жива останешься. И еще кое-чего подправлю тебе, да пользоваться этим научу. Вы же все программами Сеть ковыряете, ведь так?

—Конечно, а как же еще? — удивилась Настя.

—Да, молодежь пошла ограниченная, — пробурчал себе под нос Чип и тихо добавил: — Узнаешь как. Может, и мир спасешь.

Внезапным резким движением он поднялся, стряхнул весь мусор, накопившийся на поверхности его лежанки, и сказал ставшим вдруг решительным голосом:

—Ты, девка, ложись сюда, затылком кверху. А ты, Мухомор, пойди погуляй где. Нечего тут заразу разносить. Наше дело чистоты требует.

Порывшись в ящике покосившегося стола, Чип вынул, аккуратно держа подушечками двух пальцев, маленький темно-серый квадрат не больше сантиметра в размере. Повертел его, рассматривая в тусклом свете, падающем из-под полога, показал его Насте:

—Вот он, красавец. Его тебе и поставим.

—Что это? — с интересом спросила девушка.

—Нет, ну это не хакеры, а просто дети малые! — возмущенно всплеснул руками старый нейрокибернетик. — Процессор это. Очень мощный и современный!

7. 24 марта. Разговор по закрытой телефонной линии

—Каковы результаты? — спросил голос, который мог бы показаться странно знакомым.

—Пока никаких. Мы пытаемся ее разыскать. След потерян в парке, в Выборге. Есть несколько вариантов движения, прорабатываем все, — ответил голос в наушнике.

—Какие?

—Что? — не понял голос из наушника телефона.

—Варианты какие? — знакомый голос явно начинал раздражаться, что уж точно не доставило радости голосу из телефона.

—Ушла дворами в какую-нибудь подворотню или, что несколько хуже, подвал; ее кто-то схватил и увез в закрытом транспорте — там какая-то возня начиналась перед ее исчезновением; и третий вариант — она могла сама уехать на автобусе, там как раз остановка.

—Вы что, спутником ее не вели?

—Вели, конечно. Но, как обычно, в нужный момент — густые деревья, козырьки-навесы разные… В общем, сверху эта зона не просматривается.

—Какой автобус? — спросил знакомый голос.

—Пока не установлено.

—Олухи! — взревел знакомый голос. — Вы чем там занимаетесь?! Не можете один автобус найти и выяснить, куда он ехал и где останавливался!

—Простите, шеф, — ответил немного напуганный, но все еще уверенный в себе голос из телефона, — ребята работают. Минуты через три у вас будет полная информация по поводу автобуса. Окрестные дворы уже активно прочесываются, свидетели дают показания. Думаю, проблем с дальнейшим ведением объекта не будет.

—Ты не думай, ты делай, — несколько смягчаясь, ответил знакомый голос. — И мне передай данные из этого вашего автобуса. Эту версию я сам проверю.

—Но шеф… — начал было голос из трубки.

—Никаких «но», — отрезал тот. — Сам проверю, а группа твоя пусть в отдалении держится. Пусть на подхвате будут. Если что, я их позову.

—Есть, шеф, — приободрился телефонный голос.

—Все, отбой. И чтоб никаких больше сбоев. Разгоню всех к

чертям. Вы меня знаете.

—Мы очень стараемся, — сказал голос в наушнике и дал отбой. Ведь шеф уже скомандовал.

Отключив связь, представительный молодой человек, облаченный в довольно дорогой костюм, повернулся и обратился ко второму молодому человеку, стоящему рядом и внимательно наблюдающему за картинкой на большом мониторе:

—Что-то странное творится. Шеф сам в операции участвует. Я такого еще не видел, сколько у него работаю. Ты что-нибудь понимаешь?

—Нет.

—Вот и я не понимаю.

8. 24 марта. Токио, суши-бар, Сибуя

Получалось, что все совсем не получалось. То есть не сходилось одно с другим. Джордж до утра провозился с этими треклятыми кодами, но так ничего и не достиг. Где-то в половине седьмого на рабочие места начали подтягиваться сотрудники. И чего им не спится? Дальше работать было невозможно.

Во-первых, мешали, во-вторых — посвящать кого бы то ни было в это дело не стоило. Пришлось сослаться на недомогание и уйти. В общем-то, он не соврал. Особенно ярко его недомогание выражал красочный синяк под левым глазом. Никто из сотрудников лаборатории не спросил, откуда это, но все очень ясно косились на сиреневое пятно.

Продолжать расследование с домашнего мобильного терминала было невозможно — внутренняя сеть «Мацушиты» являла собой замкнутую систему, и попасть в нее извне крайне затруднительно, а большую часть времени доступ отсутствовал физически. Собственно, в Сети делать больше нечего — все, что можно было там найти, он и так разобрал по полочкам. Теперь надо найденное сложить во что-то целое. Но оно, хоть ты тресни, не складывалось.

Джордж задумчиво водил прямоугольничком суши по соевому соусу, пытаясь уяснить, что же все-таки произошло в виртуальности. Белоснежные зернышки риса медленно пропитывались соусом, набухали и становились грязно-коричневыми. В какой-то момент размокшая клейковина, сдерживающая всю конструкцию суши в сборе, оказалась неспособна удерживать массу рисинок вместе, и суши развалилось. На несколько размокших горсток риса и кусочек сырой рыбы. Точно так же разваливались надежды Джорджа найти следы вторжения в сеть «Мацушиты».

Факты не складывались. Если тот ураган бессмысленной информации, захлестнувший Джорджа в виртуальности и насильно выбросивший его в реальный мир, имел отношение к краже файлов, о которой говорил Мастер, то не складывались решительно. Дело в том, что все следы, которые Джорджу удалось найти в памяти его терминала, вели не из всемирной Сети. Как раз наоборот — этот цифровой вихрь вышел из недр мацушитовского сервера и рванул на свободу, в Сеть. Причем не просто рванул, как это обычно бывает, проломив стену охранных фильтров, а исчез каким-то непонятным Джорджу способом, предварительно разбившись на мириады мелких потоков и затерявшись в электронных связях компьютеров. Как он ни

старался, взять след не удалось.

Но была еще и другая странность. Уходя из здания «Мацушита электрикс», Джордж внимательно следил за происходящим в коридорах. Нарочно задержался под выдуманным предлогом на проходном терминале, чтобы иметь возможность заглянуть в помещения службы охраны. Однако везде было спокойно. Не было видно лихорадочно снующих сотрудников в коридорах, служба безопасности проявляла себя приветливой как никогда. Ничто даже не намекало на то, что в системе безопасности произошел сбой. И уж точно, что случилось вторжение извне или утечка информации изнутри. Было ясно, что никто, кроме него, Джорджа, ничего не знал.

Попытки проследить источник организованного цифрового шума тоже ни к чему не привели. Несколько тысяч потоков сливались в один, тот, что накрыл Джорджа, непосредственно в оперативке сервера его лаборатории. Потоки стекались изо всех мест виртуального здания «Мацушиты электрикс», в принципе их можно было бы проследить, не будь их так много. Только смысла в этом ни на грош… Чего рассматривать куски, если и в целом понять ничего не удалось. Более того, это уж никак не могло быть действием нескольких тысяч человек, работающих в «Мацушите». Джордж еще мог себе представить, и то с трудом, наличие одного-двух шпионов в стройных рядах компьютерного гиганта, но чтобы тысячи… Это даже фантастикой не назовешь, настолько это нереально.

После нескольких минут бесплодных попыток схватить размокшее суши Джорджу все-таки удалось отправить непокорную пищу в рот. Рис пропитался соевым соусом под завязку, став столь соленым и пряным, что аж перехватило в горле. Он залпом выпил все саке, немного полегчало. После бурной ночи нужно было расслабиться. Он было собрался заказать еще саке, но понял, что слабый японский алкоголь в этой ситуации не подойдет. Да и вообще — мысли возникли не об алкоголе.

Джордж жестом подозвал японца, обслуживающего посетителей. Первая волна ранних пташек, спешащих перекусить перед работой, уже схлынула, и Джордж сидел перед пластиковым столом, довольно искусно стилизованным под дерево, в совершеннейшем одиночестве.

—У вас что-нибудь покрепче есть? — спросил он японца. Тот почтительно склонился и изобразил на лице идиотскую улыбочку. Старый японец, аккуратно запакованный в белоснежный фартук, судя по всему, совершенно не говорил по-английски. Джордж же по-японски знал две-три фразы, не

имеющие никакого отношения к сложившейся ситуации. Что-то надо было делать.

—Покрепче ничего нет? — снова спросил Джордж, доверительно придвинувшись к японцу и прикладывая монетку к запястью, и закатывая глаза в попытке изобразить наркотический кайф. Наркотики Джордж, несмотря на всю свою положительность, все же пробовал пару раз. Один раз еще в подростковом возрасте, по глупости, и еще, когда от работы над теорией биософтов у него начала съезжать крыша. Тогда, помнится, помогло. Крыша вернулась на место, а увлеченность своим делом помогла уберечься от опасного привыкания. Сегодня не только крыша опасно пошатнулась, но и телу досталось изрядно. Так что расслабиться было просто необходимо.

—А-а, — понимающе замурлыкал японец, расплывшись в еще более широкой улыбке. Он ткнул в Джорджа ладонью в успокаивающем жесте и быстро засеменил в глубь заведения, скрывшись за барной стойкой. Вернулся он с небольшим пластиковым пакетиком, который тут же, озираясь, всунул в руку Джорджу вместе с бумажкой, на которой были написаны цифры, вероятно, цена. Дорого, но приемлемо.

—Новое, — отчетливо произнес японец и испуганно схватил Джорджа за руку, когда тот попытался содрать пластиковую упаковку с четырех аккуратно сложенных голубых кругляшков.

—Хорошо, хорошо, — смиренно сказал Джордж, спрятав пакетик во внутренний карман пиджака. Из кармана брюк он вытащил бумажник, нашел там несколько крупных купюр и отдал их вместе с кредитной картой пожилому японцу. Все правильно, неприятности старику не нужны. И картой за наркоту расплачиваться не стоило. Суши столько стоить не может, столь большой платеж в электронной системе неминуемо вызвал бы подозрение у следящих органов.

С расслаблением придется немного повременить. Во всяком случае, в данный момент есть хотелось сильнее, чем забыться. Джордж начал активно работать палочками, уплетая разложенные на тарелке суши, совершенно не ощущая изысканного вкуса дорогой натуральной рыбы.

От усталости его мозг не мог больше перерабатывать информацию, выдавая результат четкими логическими рядами. Мысли сумбурно роились в голове, наскакивая друг на друга. В какой-то момент Джордж осознал, что сам не понимает, о чем думает. Мозг требовал отдыха. Хватит, подумал Джордж и, опустив глаза, заметил, что лихорадочно скребет палочками пластиковую поверхность стилизованной под дерево посуды в тщетных попытках поймать суши, которые уже закончились. В

желудке появилось отчего-то неприятное чувство насыщения. От усталости тело отказывалось даже переваривать пищу.

Нет, отсюда решительно нужно уходить. Нагло, невзирая на протесты престарелого приветливого японца, воспользоваться наркотическим кружком совсем неприлично — ведь старик-то ни в чем не виноват, зачем ему лишние проблемы. Да и заведение рядом с работой, нехорошо гадить практически себе под ноги. С другой стороны, это делать и как минимум небезопасно — старик, торгующий какими-то, тем более «новыми», наркотиками, вряд ли работает сам по себе. Наверняка за ним приглядывают. Эти, приглядывающие, уж точно быстро покажут, где раки зимовали.

Джордж тяжело поднялся, волоча ноги по полу, подошел к стойке. В голове шумело все серьезней, казалось, что кто-то не очень-то добрый приспособил его черепную коробку под колокол и нещадно колотил в него чем-то, что, судя по силе ударов, могло быть не меньше чем кувалдой.

— Что? — переспросил Джордж, когда осознал, что японец о чем-то его просит уже в третий или в четвертый раз. Потом оказалось, что старик все также продолжал говорить по-японски, и он ничего не понимает. Хотя было ясно и так — он предлагал расписаться на электронном чеке, протягивая поблескивающую поверхность планшета. Джордж быстро черкнул пером, японец удовлетворенно кивнул, и теперь можно было смело отсюда уходить.

Выход отметился в сознании Джорджа тихим шипением закрывающейся двери сзади и ударом комка мокрого снега, брошенного порывом ветра в лицо, спереди. В Токио всегда шел снег. Вот уже, наверное, последние лет тридцать. Какая-то природная аномалия. Климат менялся везде. Местами — вот таким причудливым образом. Теперь, на полосе километров в сто — сто пятьдесят, в которой и располагался Токио, над Японскими островами всегда шел снег. Температура воздуха менялась, но в небольших вариациях — летом чуть теплей, зимой чуть холоднее. Но всегда улицы были покрыты толстым слоем подтаявшей снежной каши, которая, как ни старайся, проникала в конце концов сквозь любые непромокаемые ботинки, чавкала под ногами и непременно затапливала подвалы домов. Специалисты давали много объяснений погодной аномалии, но, как было известно Джорджу, к согласию до сих пор так и не пришли. В общем-то, все давно уже привыкли, что в Токио идет снег. С другой стороны, даже удобно — не надо изучать прогнозы погоды, она всегда одинаковая.

Во всем есть свои плюсы, подумал Джордж и, отодрав

защитную пленку, решительно прилепил ярко-синий кругляшок к верхней части предплечья, тут же закрыв его рукавом пальто.

Действие наркотика почувствовалось почти сразу. Минуты через три, не больше. Мир вокруг вдруг как-то весь вздрогнул, стал ярче, интереснее. Голова все еще гудела, мысли не клеились, но это уже не столь сильно беспокоило Джорджа. Раздумья по поводу источника цифрового шума, что прошелся по его сознанию, напротив, разгорелись с новой силой. Теперь происшедшее не казалось ему таким уж необычным. Конечно, оно было не столь уж и ординарно, тот, кто все это провернул, очень большой специалист. Даже, можно сказать, новатор в своем, хакерском, деле. Но ведь ничего невозможного нет. Все в этом мире можно сделать. И ведь как лихо, гад, завернул все! Расходящиеся и сходящиеся потоки информации в кажущемся хаотичным порядке. Точно-точно — лишь кажущемся. Все это псевдослучайные числа, только на первый взгляд они случайны. Нужно лишь понять принцип их формирования. Иначе потоки в один не сольешь. В воображении Джорджа возникали все более красочные картины алгоритмов, рассеивающих информацию буквально на биты и потом снова склеивающие ее в единое, понятное каждому, целое. Он физически ощущал, как биты носятся вокруг него, завиваясь красивыми светящимися клубками. Усталости как будто и не было. Разум Джорджа работал с невероятной скоростью, выдавая идею за идеей.

А хороша эта новая штука, что продал ему старый японец. Хороша! Мозги прочищает — будь здоров! Сознание Джорджа улавливало мельчайшие события, происходящие вокруг. Он отчетливо воспринимал детали падения каждой из снежинок, что мириадами ложились в мокрую кашу под ногами. Джордж остановился. Внезапно на него, словно стремительно несущаяся волна, накатило понимание пресловутой тяги японцев к созерцанию. До чего это было прекрасно — падение снежинок. Они планировали одна за другой, все вместе, у каждой была своя траектория, своя цель. Каждая снежинка упадет в свое собственное место, уготованное ей судьбой. И маленький синий диск, прочно приклеенный к предплечью, давал Джорджу возможность рассмотреть маленькие кружевные кристаллики льда во всех их подробностях. Наблюдать за каждой и за всеми вместе. Это было великолепно. Это было потрясающе.

Но подстегнутый наркотиком мозг требовал деятельности. Невозможно было остановиться. Как бы ни было красиво падение снежинок, мир требовал от Джорджа новых свершений. И прежде всего нужно разобраться с хитрецом, забравшимся в «Мацушиту» через его лабораторию. Это ж надо, стервец какой!

Все новые стороны механизма, который использовал этот гнусный хакер, чтобы проникнуть в неприступный сервер, открывались перед ним. Мысли текли рекой, наскакивая друг на друга, смешиваясь и порождая новые, большой полноводной рекой, готовой смести на своем пути любое препятствие. Нет, нельзя откладывать решение на потом. Все необходимо проверить как можно быстрей. Отдохнуть он всегда успеет. Тем более что благодаря этой новой штуке (Джордж удовлетворенно потер место, где был приклеен синий кругляшок) усталость совсем не чувствовалась. Наоборот, он, наверное, никогда еще не ощущал такой работоспособности и ясности мыслей. Все-таки не зря хакеры сидят на наркоте. Конечно, потом они расплачиваются за пагубное пристрастие, но в Сети они творят нечто невообразимое. Нужно было срочно отправляться в виртуальность. Нужно было проверить все догадки и наконец вывести гада на чистую воду. Нет, этому виртуальному бандиту не удастся испортить его карьеру! Весь мир еще узнает о великом ученом, разработавшем принципиально новый носитель информации!

Домой далеко, да и стоит ли входить в Сеть из дома? Нет, хакеры так не делают. Все-таки ему придется ломать защиту мацушитовского сервера, может и служба безопасности нагрянуть. Все ж там тоже не дураки сидят и реагируют быстро. Эти точно не будут спрашивать, кто да откуда. Сначала пристрелят, потом у трупа возьмут документы посмотреть. Лучше уж из какого-нибудь киберкафе выйти. Мало ли кто там сервер сломать мог. А переключить свой коннект на пару-тройку соседних компов для знающего человека — пара пустяков. И свалить оттуда потом побыстрей.

Хлюпая по снежной каше, Джордж быстро двигался от одного небоскреба к другому, автоматически лавируя между редкими прохожими. В центре Токио найти киберкафе было делом непростым. Здесь в каждом здании, большая часть которых взмывала вверх до самых облаков, что рождали непрекращающийся поток медленно планирующих вниз снежинок, располагались сотни, тысячи офисов с неимоверным количеством техники в них. Приличному человеку, работающему здесь, не составляло труда выйти в Сеть со своего рабочего места. Хакеры сюда не ходили. Конечно, каждая уважающая себя корпорация содержала целый штат хакеров, но эта элита электронного взлома располагалась в комфортабельных офисах и работала на самом передовом оборудовании. Если что, собственная служба безопасности заметала все следы, если таковые оставались, а иногда, правда такое случалось крайне редко, и устраивала разборки с недовольными.

Джордж шел не разбирая дороги. Все его мысли захватил алгоритм взлома его охранной системы и структура цифрового вихря, что так легко вышибла его из виртуальности. Он не оглядывался по сторонам, не смотрел на вывески заведений, мимо которых он проходил. Его как будто что-то влекло. Ноги словно сами выбирали себе дорогу. Здесь поворот, тут — прямо, в этом месте нужно спуститься на один уровень вниз. Он никогда не был в этих местах раньше, однако шел уверенным шагом человека, проходящего свой маршрут по нескольку раз в день. И цель его была все ближе и ближе — развлекательный центр Сибуя. Огромное здание, выстроенное в виде четырехгранной пирамиды, полностью из зеркального стекла. Его совершенно гладкие стены, обращенные вверх, отражали серое небо и башни стоящих вокруг небоскребов, которые из-за наклонной поверхности стен, казалось, падали прямо в океан серых туч.

Автоматические двери услужливо распахнулись перед Джорджем. Приятный женский голос что-то промурлыкал по-японски, потом, спустя секундную паузу, повторил фразу на английском. Его приглашали окунуться в мир развлечений Сибуя, забыть о заботах, оставшихся за автоматическими зеркальными дверьми в промозглом воздухе, заполненном медленно падающими снежинками. При этом ему гарантировали полную конфиденциальность. Только здесь, уверял голос, он мог заказать любой вид развлечений, и никто не узнает даже о том, что он здесь был. Конфиденциальность — это хорошо. Это как раз то, что сейчас нужно.

Двери с шипением закрылись, оставив Джорджа в просторном стеклянном фойе, герметизирующем помещения развлекательного центра. По слухам, Сибуя имел полностью автономное жизнеобеспечение, включая подачу специально очищенного воздуха, который при необходимости мог также подаваться и из специальных подземных резервуаров. Так что даже разверзшаяся ядерная война или химическая атака не могли помешать посетителям развлекательного центра продолжать свои конфиденциальные развлечения.

Несколько секунд что-то пыхтело и сопело, потом вторые двери, ведущие уже во внутреннюю часть здания, открылись, и на Джорджа обрушился грохот бесчисленных динамиков и разговоры десятков тысяч людей. Конечно, в каждом отдельном отсеке, после того как вы определились с развлечением, подходящим вам, вы слышали звуки, предназначающиеся только для вас. Но здесь, в месте, где вам предстояло выбрать себе подходящее шоу, вы слышали сразу все. Здесь атмосфера праздника захватывала вас на сто процентов, заставляя забыть о существовании другого

мира, того, что остался за зеркальной бронированной стеной.

Джордж рассматривал один за другим голографические экраны, то и дело возникающие в воздухе, отображающие списки возможных аттракционов. В общем-то, эти экраны были созданы скорее для поддержания антуража, и на самом деле ими никто не пользовался. Джордж быстро это понял, так как, несмотря на неимоверную скорость восприятия, которую ему подарил синий кругляшок на запястье, ему не хватило бы и жизни, чтобы прочитать все, что мог предложить развлекательный центр Сибуя. Существовал более простой путь, которым обычно и пользовались все посетители.

Прямо перед Джорджем возникло тщательно прорисованное лицо девушки с идеальной внешностью и поинтересовалось, чего бы он хотел, как-то хитро при этом подмигнув ему. Никак не отреагировав на подмигивания, Джордж спросил, где бы он мог выйти в Сеть.

— Вы бы хотели сетевые игры, сетевое общение, виртуальный секс с программой, с людьми, виртуальная охота, виртуаль… — начал перечислять идеальный девичий ротик.

—Нет, — остановил поток словесной информации Джордж, — просто выход в Сеть.

—Извините, — ответила ему виртуальная красавица, — но подобный сервис Всемирно Известный Развлекательный Центр Сибуя не предоставляет. Это не является развлечением.

—И правда, — согласился Джордж, размышляя вслух. Но выход всегда есть, — Тогда давайте сетевые игры.

—Какого жанра?

—Боевые RPG, — именно этот жанр сетевых игр Джордж выбрал неслучайно. В ролевых играх, особенно боевых с эпическим уклоном, скапливалось неимоверное количество участников, и затеряться среди них, оставшись незамеченным, не представляло особой сложности.

—Четвертый уровень. Следуйте за желтой стрелкой, — промурлыкал синтезированный компом девичий голосок, и на полу перед Джорджем загорелась яркая желтая стрелка, указывающая путь к четвертому уровню. Рядом с указателем высветился список возможных игр, состоящий, судя по всему, не менее чем из тысячи пунктов. Справа от каждого названия бежали быстро сменяющиеся циферки, показывающие, сколько игроков участвовало в игре в данный момент. Джордж выбрал ту, что показывала больше всех, там число игроков перевалило за пятьсот тысяч. Наверняка что-то про хоббитов, подумал Джордж, весь мир по ним с ума сходит. Стрелка тут же, дернувшись, слегка изменила направление, услужливо подсказывая, на какой лифт

сесть и на каком эскалаторе подняться. Затем, после недолгого путешествия по освещенным призрачным неоновым светом коридорам, Джордж попал в огромный зал, простирающийся, казалось, до горизонта, весь уставленный ровными рядами эргокресел, большее число которых содержали в себе погруженных в виртуальность игроков.

Не задерживаясь ни секунды, Джордж плюхнулся в одно из свободных кресел и уже собрался подключиться к Сети, как мягкий, но настойчивый синтетический голос напомнил, что необходимо оплатить услуги развлекательного центра.

— Да подавитесь вы, — зло прошипел Джордж и вонзил кредитку в специальную прорезь в кресле.

В кресле что-то удовлетворенно дзинькнуло и включило меню доступа в Сеть. Оказавшись в виртуальности, Джордж ткнул в первую попавшуюся строку меню, предлагавшего выбрать себе персонажа. Ему было совершенно все равно, кем быть в этой игре. Гоблином, великаном или хоббитом. Однако на этом вводные этапы игры не закончились. Он оказался в большом зале, заваленном разного рода холодным оружием. Видимо, это был арсенал. Судя по предлагаемому набору вооружений, Джордж выбрал себе роль воина. Он не знал, можно ли продвинуться дальше, получив доступ в Сеть, не взяв ничего здесь, на сервере Сибуя, поэтому схватил первое, что попалось под руку, и рванулся дальше в поисках коридора или еще чего-нибудь, что могло быть выходом. Все это время он не переставал думать о цифровом вихре, атаке которого он подвергся минувшей ночью.

С третьей попытки ему все же удалось найти нужный коридор и, повозившись немного с архаичным тяжелым кованым замком, попасть на просторы Сети. В виртуальном мире игры, названия которой Джордж не запомнил, было мрачно и шел. дождь. Вернее, не шел — лил как из ведра. Порывы сильного ветра бросали в лицо массы воды, чуть не сбивая с ног. Тяжела жизнь сказочного героя, подумал Джордж, но сказочные герои его интересовали меньше всего. Совершив несколько несложных манипуляций, он загрузил в свою область виртуального пространства пару нехитрых программ, с помощью которых в мгновение ока прорубил достаточно крупное окно в реальности этого сказочного мира.

В мокрой серой скале, что возвышалась по правую руку от него, разверзлось аккуратное круглое окошко, внутри которого быстро бежали цифры — биты информации сервера. Теперь у Джорджа был доступ к программной оболочке игрового сервера. Найти узел маршрутизатора оказалось делом не особенно сложным. Нехитрое изменение нескольких кодов, и он уже стоит

на улице, взирая, задрав вверх голову, на виртуальное здание «Мацушита электрикс», теряющееся в высоте предвечернего неба. В виртуальности небоскреб «Мацушиты» выглядит точно так же, как и его реальный аналог. Снаружи. Изнутри оно намного больше своего реального близнеца. Приятный ветерок обдувал его лицо. Все-таки как быстро он теперь мыслит. Кажется, это блаженство никогда не пройдет. Как прелестно быть в Сети. Он ощущал перемещение информации вокруг себя. И это доставляло ему невообразимое удовольствие.

Джордж заметил, что многие прохожие, которых довольно много в этой деловой части виртуальности, останавливаются, в недоумении рассматривая его. Нет ничего необычного в человеке, появившемся из ниоткуда в виртуальном мире, но в этой его части совсем не принято ходить в облике сказочного героя. Джордж вспомнил, что он так и не сменил свой игровой облик. Ничего, это дело нехитрое, более того, совершенно законное. В долю секунды он превратился в невысокого полноватого мужчину средних лет, каковым, собственно, и был на самом деле. Хотя, конечно, внешность он изменил.

И осталось еще одно дело. Оставив свою оболочку рассматривать стеклянного монстра «Мацушиты», Джордж ненадолго снова погрузился в поток битов, в очередной раз восхитившись, до чего легко и приятно перемещаться по просторам Сети под действием этого нового наркотика из синего кругляшка. Никаких заминок, все проблемы как будто решаются сами собой. Его разум предвосхищает любое изменение цифрового потока, вклиниваясь в него без малейшего промедления.

Он снова вернулся на игровой сервер. Немного, пять-десять секунд, поколдовав с логами, оставленными им самим, он перенаправил след, уходящий дальше в Сеть, на несколько произвольно выбранных коннектов в игровом зале. Теперь можно было действовать, не опасаясь скорого вторжения службы безопасности.

Прежде всего необходимо убрать всю эту нарисованную красоту для чайников. Всю нарисованную виртуализатором реальность. Такое обилие графической информации только мешало. Джордж слышал, что есть в Сети умельцы, вскрывающие серверы, ориентируясь на графические оболочки. Наверное, они должны были работать, как обычные реаловские домушники, просто с помощью виртуализатора вскрывающие нарисованные двери. Ведь все слабые места, все дыры, также точно согласно законам физики загнанные в виртуализатор, прорисовывались на фасадах, окнах, дверях, в виртуальных сейфах и прочем. Только

Джордж совершенно не мог понять, как это можно увидеть. Хотя он не мог понять, как можно открыть сложный сейфовый замок, не имея ключа, железного или электронного, при том, что существовала масса людей, для которых это было обычным делом. У всех свой бизнес.

Джордж висел в бескрайних просторах абсолютно черного пространства, обильно сдобренного бегущими со скоростью света потоками информации. Вот эта кучка, прямо перед ним, и есть вход в сервер «Мацушиты». Вот он, родимый, обильно сдобренный охранными программами, сканерами кодов доступа, следящими алгоритмами, тоненькими ниточками уходящими в глубины сервера, наверное, в службу безопасности, а может, и к самому Мастеру. Сюда соваться бесполезно. Нужно соорудить еще один такой же сервер, как у «Мацушиты», чтобы заглушить все проги входа. Идти надо совсем не здесь. Да и утечка информации, как сообщили Джорджу, происходила не через парадный вход с фанфарами. Кроме того, сейчас зайти можно было только с территории общего доступа — внутренняя сеть «Мацушиты» была физически отключена от Сети.

Быстро нарисовав окно доступа прямо в черном информационном пространстве Сети, Джордж ввел виртуальные координаты, которые знал назубок до последнего знака. Адрес виртуального казино «Осака». Светящиеся потоки на мгновение вздрогнули, приняв новую конфигурацию. Джорджу процесс переброски собственного сознания с адреса на адрес всегда напоминал картину сверхсветового полета, изображенную в старом, еще плоском фильме «Звездные войны».

Вот они, довольно сложно устроенные алгоритмы рулеток. Действительно сложные. Многие ламеры, только-только познакомившиеся с основами устройства Сети, считая себя опытными хакерами, пытаются «подкрутить» именно рулетки. Здесь этот номер не проходит даже у действительно опытных хакеров. Вот вторая рулетка. В ее до бесконечности замысловатый код и вмурована программа связи лаборатории Джорджа с внешним миром.

Но войти здесь сейчас не сможет и он. Даже попытка внедрения не останется незамеченной. Фиксирующая программа тут же отправит идентификационный код Джорджа в службу безопасности, и его обязательно спросят, зачем, собственно, ему понадобилось входить на сервер извне. Нет, для начала нужно хотя бы осмотреться. Нет ли следов с этой стороны двери.

Джордж вытаскивал из Сети одну программу за другой, проникая все глубже в программную оболочку рулетки и собственной двери. Стоило ему фиксировать взгляд на одном из

потоков информации, уследить за которым было не в человеческих силах, как течение битов, казалось, замедляется, все алгоритмы складываются в понятные логические цепочки. Сознание Джорджа работало все быстрей и быстрей. Он уже представлял себя частью всей системы, не сторонним наблюдателем. Синий кругляшок на запястье творил чудеса. Надо будет спросить у японца, где он такое берет. Хотя вряд ли он скажет.

Но, несмотря на скорость, которую дал наркотик, никаких следов взлома не находилось. Ничего. Все совершенно чисто. Только…

Только вот этот лог. Откуда это он? Такой ладненький, но если присмотреться…

Джордж никак не мог понять, что это. Частью какой программы эта строка является? Он пробовал перевернуть строку, найти в ней какие-нибудь закономерности зашифрованного текста. Но ничего не давало результата. Эта строка была непостижима. Она не имела никакого смысла. Либо он был настолько сложен, что Джордж его не понимал. Но как такое могло быть?! Как?! Разве могло быть что-то, что он не смог бы распознать? Да, пускай не все он мог бы сломать, это ведь не его профиль, в конце концов. Но понять, что это, откуда? Ведь это же его профессия. Он — создатель биософтов. Точнее — Великий Создатель Великих Биософтов. И именно его Великое детище сейчас хотят отобрать у него из-за какого-то гада, что решил поживиться за его счет! Украсть его идеи! И эта строка… да разве мог он, Великий Джордж Карнер, не знать чего-то о программировании. Нет! Это совершенно невозможно. Только если…

Только если эта строка не оставлена тем вихрем! Тем бессмысленным и вместе с тем пробивающим все стены потоком информации. И не только стены, подумал Джордж, вспомнив о своем синяке под глазом. Но ведь это означает…

Джорджу стало страшно даже подумать о том, что это означало. Потому что в таком случае этот вихрь и был утечкой информации. Только от кого? Отсутствие видимой Джорджу логики в кодах программы (если только это являлось программой) могло означать только две вещи — либо код создал какой-то новоявленный гений (что не так уж и невероятно, учитывая, что не смог распознать его сам «Великий Джордж Карнер»), либо…

По представляемому сознанием Джорджа виртуальному телу побежали виртуальные мурашки. Наверное, в реале побежали самые настоящие. Эта программа была какая-то не такая. Она не

была враждебной. Она не нападала на Джорджа, ничего личного. Она его просто не заметила. Как, по всей видимости, она не замечала программных ограничений доступа к серверам, называемых в просторечии стенами. Именно поэтому ей удавалось совершенно беспрепятственно проходить сквозь любые запоры, оставаясь незамеченной. Никакие из существующих программ ее не фиксировали, считая просто цифровым шумом, сбоем сети, перепадом напряжения. Да чем угодно, только не программой, потому что не видели в ней логики. Она для них была пустым местом.

Размышляя над принципом проникновения в его виртуальную лабораторию, вернее, выхода из нее, Джордж все глубже погружался в процесс созерцания найденной им непонятной строки. Его ускоренный новейшей разработкой в мире синтетических наркотиков мозг автоматически анализировал части кода, который все глубже проникал в глубины его сознания, превращаясь в слабые электрические сигналы на концах синапсов его нейронов. То один, то другой тип химических веществ, нейромедиаторов, выплескивался потоками на просторы синапсов. Смешиваясь и реагируя с другими нейромедиаторами, они образовывали новые вещества, формирующие новые потоки электрических сигналов в мозге. Новые информационные структуры, сливающиеся во все более сложную сеть.

Но кроме гениального программиста, думал Джордж, существует и вторая вероятная причина возникновения этой бессмысленной всепроникающей программы. Какой бы невероятной она ни казалась. Давно все ждут свершения этого. Все, не только люди, связанные с Сетью. Об этом говорили, точнее, фантазировали, сотни две лет назад. Может, даже три сотни.

Это могла быть работа либо гениального программиста, либо иного, совершенно чуждого для людей разума. Что-то внедрилось в Сеть, в привычную человеческую Сеть, и осуществляло в ней свои непонятные человечеству замыслы. И выходило оно в Сеть…

Джорджу сделалось жутко от пришедшей в его голову мысли. Он замер, не в силах пошевелиться. И в этот момент чернота виртуального информационного пространства лопнула как мыльный пузырь, и он услышал Голос.

9. 24 марта. Сеть, время и место не установлены

Вот уже несколько вечностей он не находил себе места. Столь знакомая еще по предыдущей жизни, ставшая такой близкой и родной ему теперь Сеть в одночасье сделалась вместилищем угрозы, исходную точку которой разгадать он не мог. Да что там исходную точку — он не мог постичь самой природы этой угрозы. Единственное, что он ощущал, это безграничная чуждость этого создания, этого потока битов, неизвестно кем и зачем порожденного. Что это, для чего оно — на эти вопросы он не мог ответить. Он пытался следить за этим потоком, но тот был настолько быстр и стремителен, что даже его нынешнее сетевое сознание, для которого секунда была почти безграничной вечностью, не успевало за ним. Даже когда он успевал настичь это нечто, он не мог ничего понять. Он был совершенно бессилен перед чуждостью, абсурдностью действий чужого. Оно что-то делало в Сети, вне всякого сомнения. Зачем просто так бродить по виртуальности? Да и перемещение потоков, несмотря на всю кажущуюся бессмысленность происходящего, было явно целенаправленным. Чужой что-то проворачивал в виртуальном пространстве. Что-то, служащее его чуждым интересам.

Однажды он попытался вклиниться в поток, постичь его изнутри. Но попытка эта закончилась более чем неудачно. Он до сих пор не понимал, как ему удалось сохранить рассудок. Стремительные потоки непонятной информации полились в его сознание настолько быстро и упорно, что не нашлось никаких сил противостоять им. Наверное, если бы он все еще был подключен к Сети извне, его бы просто выбросило из виртуальности. Просто так, без всяких паролей. Или начисто сожгло бы мозги. Теперь уйти ему было некуда, можно было только освободить кластеры, занимаемые битами того, чужого потока. Но необходимость перерабатывать льющуюся в его сознание информацию лишила его возможности принимать волевые решения. Это было похоже на гипноз, схвативший его разум в крепкие объятья и навязывающий свою непонятную волю. Паника сковала его, он уже ждал, когда реальность, теперь уже точно виртуальная, снова распадется на пиксели, чтобы исчезнуть навсегда, и тут его отпустили. Он так и не понял, что произошло. То ли чужой обнаружил его и вытолкнул его сознание, как чужеродное; то ли поток битов сделал свое дело и самоликвидировался. Понял только, что часть сознания, которая делила с чуждым

информационным потоком кластеры носителей, внезапно перестала существовать. Винчестер был отформатирован начисто. Ощущение было сродни отрубанию какой-нибудь конечности. Только это была «конечность», которой он думал.

Нечто, вторгнувшееся в пределы его виртуального мира, неуклонно захватывало новые и новые аванпосты. Пока вроде бы ничего не происходило. Но он чувствовал: его новые, математически правильные виртуальные нейроны быстро и четко просчитывали варианты развития дальнейших событий. По человеческим меркам он мог бы стать пророком. Дельфийской пифией. Но во всех полученных вариантах ничего хорошего ему не светило. И не только ему. Сеть создали люди, именно люди являлись основой самой сути виртуального мира, без них Сеть просто не могла бы существовать. До сегодняшнего дня. Но чужой что-то готовил. Готовил для себя, и людям не было места в его замыслах.

Надежда вернуть среду обитания, свою родную Сеть, практически оставила его. Часть его сознания была занята только поисками информационного потока, что сшибал все на своем пути, вклинивался в любые узлы и системы. Она неуклонно пыталась поймать чужого, а для того, чтобы поймать, — понять его сущность. Но ничего не удавалось. И тогда он обнаружил дерево. Растущее вверх ногами, точнее, вниз кроной (если понятия верх и низ вообще применимы для виртуального мира). Он был уверен, что раньше знал, что это. Он видел его раньше. И в его электронном сердце (или что у него было) снова зародилась надежда. Он не знал почему. Он только знал, что это дерево может помочь, что есть вероятность спасти мир. Его мир. И мир людей.

И он остался ждать в тени этого дерева, никогда не видевшего солнце. Ждать много-много вечностей подряд.

10. 24 марта. Окрестности Выборга

Больно было совсем чуть-чуть. Только сначала. Потом Чип что-то вколол в область затылка, и осталось только раздражающее онемение. Нейрокибернетик немного поколдовал с устрашающего вида хирургическими инструментами, расширяя канал в черепе, в котором был установлен выход нейроконтакта. Потом он принялся за основную процедуру. Дальше предупреждения Чипа, что он начинает, Настя помнила события не особенно хорошо.

Сзади пшикнуло, и в глазах мигом потемнело. Чернота быстро расплывалась перед взором необъятным чернильным пятном, пожирая реальность. Настя страшно перепуталась, было ясно как день, что она теряет зрение. Спустя полминуты она не видела уже ничего. Вроде бы она кричала, Чип пытался ее успокаивать, говорил, что так и надо. Но продолжалось это недолго. Еще минуты через три она перестала слышать и почти сразу ощущать свое тело. Страх схватил ее сознание в холодные клешни, но это состояние вселенского ужаса не успело свести ее с ума, потому что еще через минуту она отключилась окончательно.

Сколько прошло времени, сказать она не могла даже приблизительно. Учитывая, что за узким окном без стекла все еще виднелся свет, времени прошло то ли совсем немного, так как вечереть еще не начало, то ли — несколько дней, и вечерело уже не один раз.

Настя попробовала пошевелить правой рукой. Рука затекла, но Настя ее ощущала, и она вроде бы двигалась. Слух тоже вернулся.

С трудом повернув голову, она увидела старого нейрокибернетика, стоящего рядом с ней и улыбающегося во весь рот. На шее у него болталась замусоленная медицинская маска.

—Ну как? — спросила она. Голосовые связки еще плохо слушались, и вопрос она прохрипела, как будто ей сдавили горло.

—Отлично, — улыбнувшись еще шире, ответил Чип. — Теперь тебя никто не поймает по номеру.

Даже если узнают твою нынешнюю идентификацию. Так что ты теперь самый настоящий хакер.

—То есть?

—То есть у тебя теперь плавающий номер. Меняется при каждом подключении по специальной шифровальной системе с использованием псевдослучайных чисел. Теперь даже я не смогу тебя вычислить, чип в твоей голове включал не глядя, точку

отсчета не знаю. Теперь меня пытай не пытай, все равно сказать ничего не смогу.

—Хорошо. Спасибо, — сказала Настя, осторожно вставая со своего ложемента. Конечности двигались плохо, как будто она с полдня провела в холодильнике.

—А сколько времени прошло? — спросила она.

—Часа два где-то, — ответил Чип. — Чего тут долго ковыряться. Самое сложное — это мозги не поджарить, когда ячейку с кодом в нейроконтакте греешь. Вон, полбаллона жидкого азота извел.

—У-у, — понимающе промычала Настя, хотя не понимала практически ничего. Ей было очень интересно, как технически Чип менял ей номер, тем более сделал его плавающим, но сейчас главным было другое. Сейчас нужно было выяснить про тот файл с мацушитовского сервера. И не попасться при этом в лапы банды, пускающей в «Медведей» киберстрелков. Что само по себе удовольствие не из дешевых. Так что файл тот, должно быть, больших денег стоит. Очень больших. Наверное. Или просто очень важен кому-то. А значит, стоит очень больших денег. Да что это она все о деньгах-то? Тут голову бы не оторвали.

—А где Мухомор? — спросила она.

—Да вон он, по полю шастает. Все в амбразуру мою заглянуть пытается. Волнуется, значит. Видно, понравилась ты ему. Чего бы еще тут ошивался? Да и притащил он тебя сюда, несмотря на риск. Хотя Мухомор у нас парень добрый. Ему всех жалко. Хороший парень. Только железок в голову дрянных насовал, и закоротило у него там. А так бы толковый хакер из него вышел. Все зло в этих железках. В железках и в Сети. Ополоумели люди и…

—Хорошо, наверное — так, — попыталась прервать его Настя. — Мне, наверное, идти надо. Залечь куда, чтоб не нашли. Да и по Сети пошарить. Мне когда подключаться можно?

—Когда захочешь, — Чип погрустнел, видимо, обиделся, что его прервали. — Только вирт-коннектор втыкать будет больно, пока рана не заживет.

—Это не страшно. Потерплю.

Настя уже поднялась из кресла, разминая затекшие конечности. Руки и ноги онемели и не хотели слушаться, поэтому она то и дело цеплялась за какие-нибудь вещи, в обилии разбросанные по каморке Чипа. Внезапно она поняла, что голодна. Несмотря на все переживания сегодняшнего дня, на все испытания, которым она подверглась, есть хотелось совершенно обычно. Только очень сильно. Ведь сегодня она еще ничего не ела. Настя непроизвольно улыбнулась — она вспомнила, что

вчерашний день для нее начался так же, с непреодолимого чувства голода, когда она каким-то чудом выбралась из Сети. Потом она ела в «Медведях». Берлогу. Какая же вкусная была берлога. И как давно, казалось, это было. Можно было подумать, что прошло несколько лет, что все происходило в другой жизни. Пусть скучной, однообразной, но все же достаточно сытной и спокойной. На Настю снова навалились тяжелые мысли, ей опять стало ужасно жаль себя. Зачем только она полезла на этот сервер? Ведь знала же, что это глупость. Как много в жизни мы совершаем глупостей, о которых приходится жалеть нам самим или другим людям.

Мрачные мысли были грубо прерваны настойчивым урчанием в животе.

—У вас ничего поесть нет? — с виноватым видом, понимая небогатое существование Чипа, спросила она.

—Есть ерунда всякая, — сказал нейрокибернетик и полез в глубь одной из куч, что высились со всех сторон от старого, замызганного стола. После недолгого ковыряния он явил на свет немного покореженную банку соевой тушенки. Китайской. — Вот. Может, просроченная. Но не сильно, в любом случае есть можно.

Настя поймала брошенную ей банку, резким движением дернула за кольцо, открывая крышку. Мимолетное облачко пара от мгновенно подогретой тушенки взлетело ей навстречу. До чего же это было ароматное облачко! А вкус у тушенки был просто сказочный. Почти как у берлоги из «Медведей». Настя пальцами вынимала большие куски однородно красного соевого мяса и отправляла их в рот, с удовольствием разжевывая, наслаждаясь неземным вкусом еды. Как мало человеку надо. Это когда сыт и полон холодильник, не знаешь, что выбрать, и все не нравится. А тут… Любое съедобное блюдо кажется изысканным. Настя поймала себя на мысли, что снова находит положительные моменты в жизни бомжей. Но ведь это не ее жизнь. Она не привыкла так. Эдак скоро она докатится до того, чтобы искать объедки в помойке. Ей опять стало грустно, чувство голода немного притупилось, и больше тушенка не казалась ей таким уж деликатесом. Чип заметил, что Настя больше не ест, да и выражение лица ее изменилось.

—Что, не нравится наша еда? — спросил он. В его голосе слышались нотки сарказма и обиды на мир, живущий не по его правилам. На мир, который отобрал у него все, а теперь со свойственным ему снобизмом кривил физиономию при виде пищи, которая была для него не самым плохим вариантом.

—Да нет, что вы. Большое спасибо, очень есть хотелось, вы меня просто спасли от голодной смерти. Это — так, накатило.

Надо ж так попасть было. Выбираться надо.

Настроение испортилось еще больше. Она представила, что будет делать в Сети, вновь попав туда, но внезапно поняла, что не представляет даже, с чего начать. Как узнать, что это был за файл, как попасть в «Мацушиту». Внезапно все то, что она делала последние два года, считая себя неплохим хакером, показалось ей мелким, ничего не значащим. Нет, не была она никаким хакером. Что она знала о Сети? Что можно запустить разные программки (некоторые, конечно, она написала сама, не так уж плохо у нее и получалось, но большую часть она находила в Сети, их создавали другие люди), часто они действовали, что-то ломали в защите серверов, иногда она даже не знала — что. Знала о существовании какого-то пространства в Сети, через которое можно подобраться как бы изнутри к большинству серверов. Но она не знала, что это за место. Она попала туда однажды совершенно случайно. Просто провалилась туда. Это помогало ей пробираться в такие места, куда многие другие такие же самоуверенные юнцы, считающие себя хакерами, попасть не могли. Но то, что делали настоящие хакеры, о которых она знала только из легенд и никогда не встречалась ни с одним из них, было ей недоступно. Она даже думала, что это все не больше чем байки, что на самом деле такое сделать и невозможно. Но, увидев Чипа, послушав про его плавающие коды, псевдослучайные числа и прочие кибернетическо-сетевые премудрости, она поняла, что практически ничего о Сети не знает. О ее устройстве, принципе работы.

—Только я не знаю, как выбираться, — сказала она Чипу. — Да и вообще — как я это все делать буду, просто ума не приложу. Я ведь ничего такого особенного и не умею. Так, немного поковыряла в Сети, да не там поковыряла.

—Так уж и не умеешь? — немного удивился Чип. — А на мацушитовский сервер ты как залезла, ничего не умеючи? Там защита стоит, будь здоров. Уж я-то знаю, хоть и давно в Сеть ходил. Неуютно там стало. Что-то не то там. Зло оттуда идет. И распространится оно везде, потому что Сеть границ не знает.

—Я изнутри залезла, — сказала Настя. Старого нейрокибернетика нужно было прервать, а то рассказ о великом зле из Сети грозил перейти в нескончаемый поток.

—Как это — изнутри? — не понял Чип.

—Изнутри, — повторила Настя. — В Сети есть место, оно как бы изнутри всего. Как технический коридор, что ли. Оттуда можно практически на любой сервер под видом служебного сообщения пролезть. Только вот дальше, на сервере на самом, если все как следует организовано, приходится уже обычными

методами ломать. Где вирусом, где червем. Но не все сломать можно.

—Это что за коридор такой? — спросил Чип. — Я-то уж в Сети все знаю. Про все коридоры. Сам их в былые годы создавал, а что не создавал, так под виртуализаторы переделывал. Вы, молодежь, с этими виртуализаторами теперь совсем головой работать отучились. Не вирусами и червями надо брать. Головой надо работать. Мозги — они-то все одно помощней любой железки будут. Особенно если работают правильно.

—Не знаю. Говорю же — случайно туда попала. Сама червя сделала и испытывала его. Просто так стенку ковыряла, уже даже и не вспомню, чего стенка была. Так, просто, что первое под руку попалось. А он возьми да и прогрызи дыру в этот коридор. Я потом с его помощью туда и попадала. Там пусто и ощущение, как будто без тела паришь.

—А, — понимающе промычал Чип, — так это ты, значит, в коммуникационный канал попала. Совсем сисадмины выродились, коммуникативку защитить не могут!

—Что за канал такой? — спросила Настя.

—Пользуешься, а не знаешь. Канал прямого доступа к маршрутизаторам серверов. Чтобы было удобней настраивать серверы в общем поле Сети. Раньше его не было, и как только не изгалялись программисты, чтоб всякие улицы-города в Сети делать. Все это туфта была. С коммуникативкой проблема решилась. Только чтобы вот так, кто угодно попадал в служебные каналы Сети?! Куда катится мир?!

В бункере на несколько секунд воцарилась тишина. Было слышно, как снаружи напевает какую-то песенку Мухомор. Чип замер, немного закатив глаза, будто бы размышлял о чем-то. Хотя Настя не была в этом уверена. Возможно, у старого нейрокибернетика что-то замкнуло в голове, и он впал в транс. Правда, пока что он все больше впадал в буйство. Потом Чип встрепенулся и заговорил быстро и без интонации. Как будто по-писаному. Может, и правда что-то читал из Сети. Учитывая количество железа, которое, по слухам, стояло в его голове, он наверняка мог подключаться к Сети без помощи проводов.

—Слушай внимательно. При подключении к Сети, если хочешь обходить замки и ловушки, не пытайся ломать их программами и вирусами, не пытайся войти в них обычным путем, смотри на них изнутри. Коммуникационный канал тоже используй, это хорошо и удобно. У тебя в голове теперь стоит чип, я его тебе показывал, он разгонит твои мозги. Если напряжешься, то сможешь перерабатывать информацию из Сети без особого участия компа. Пойми: мозг человека на сегодня —

это лучший из существующих компов. Нужно лишь научиться его правильно использовать. Тогда в Сети для тебя преград практически не останется. Не многие это могут. И только те, кто овладел этой премудростью, могут противостоять себе подобным.

—То есть?.. — попыталась задать вопрос Настя.

—Не перебивай! — рявкнул Чип, бросив на нее грозный взгляд. Потом его глаза снова закатились, и он продолжил: — Для этого нужно смотреть на суть вещей. На виртуальную суть виртуальных вещей. Не пользуйся виртуализатором, старайся вообще не пользоваться обработкой. Смотри прямо на коды, этот язык прост, ты выучишь его быстро. Ведь в нем всего два состояния — ноль и единица. Пропусти код через себя, процессор в твоей голове поможет тебе понять его, переработает в более понятные образы.

—Но…

—Но Чип не обращал на ее реплики никакого внимания.

—Но всегда есть обратная сторона. Опасайся ее, — на этих словах в его глаза снова вернулась жизнь.

—Но как я это смогу сделать? — наконец спросила Настя. — Как я смогу сделать то, чему меня никто не учил? Я вообще такого даже не слышала никогда.

—Может, и не сможешь, — ответил Чип, — а может, и сможешь. Ты попробуй. К сожалению, я не смогу тебя обучать. Очень жаль, но постигать эту премудрость тебе придется самой. И очень быстро. Зло грядет. Оно уже там, в Сети, я чувствую его.

Похоже, у нейрокибернетика начинался очередной параноидальный приступ, но почему-то Настя начинала ему верить.

—Вообще-то это обучение — сплошная фикция. На самом деле — либо получится, либо нет. А тонкостям научишься сама. У каждого свои методы. Принцип один. И, как я понимаю, он от мозгов зависит, а не от желания или умения. Если твои мозги позволяют общаться напрямую с Сетью, то у тебя получится. Если нет — новые не вырастут.

Настя слушала открыв рот. Сколько всего этот опустившийся человек, что стоял перед ней, знал о Сети?! Кем он был до того, как стал таким? Скорее всего, в свое время он занимал далеко не последнее место на просторах Сети. Сейчас его имя было в забвении. Наверное, он сам приложил к этому руку. Вернее, голову. Что-то такое он встретил в Сети или понял там, внутри электронной паутины, связывающей миллиарды человеческих мозгов, что заставило его отказаться от всех своих взглядов, убеждений и сменить их на диаметрально противоположные. Сменить место короля виртуального мира на место изгоя мира

реального.

—Но опасайся обратной стороны. Она существует. И более реально, чем ты можешь себе предположить.

—Обратная сторона? — не поняла Настя.

—Да. Так мы называли то, что происходит с головой при длительном ее использовании в Сети. В общем-то, обратная сторона — это и есть сама Сеть или что-то в ней. То, что с обратной стороны провода. С одной стороны — голова, с другой — «обратная сторона». Никто так и не узнал, что это на самом деле. Но прижилось именно такое название. Ты слышала о «синдроме железа»?

—Да, что-то краем уха. Это байка о том, что души особо одаренных хакеров переселяются в их компы, если я не путаю?

—Ха-ха, интересная трактовка, — рассмеялся Чип. — Ну, что-то вроде того. Вряд ли это связано с душами хакеров. Только часто люди, соединившиеся с Сетью напрямую, переходят какую-то невидимую грань, переходят на обратную сторону. Тогда, не подключившись к компу, к своему железу, они теряют способность нормально соображать. Просто превращаются в растения. Мозг теряет способность обрабатывать информацию, если она не представлена в двоичном коде.

—И как этого избежать? — спросила Настя.

—Никто не знает. Многие пользуются наркотой — когда кайф заканчивается, тебе приходится отключаться, мозги тормозят и не пускают обратную сторону. Но это не гарантирует безопасность. Так, по слухам, помогает. Никто на самом деле не проверял. Но могу тебе сказать одно: если в Сети тебе становится лучше, чем здесь, в реале, если ты не можешь жить без подключения — опасайся, обратная сторона подобралась близко.

—У меня наверняка не получится, — с усмешкой сказала Настя.

—Ты попробуй, — с мягкой, какой-то отеческой улыбкой на лице сказал Чип. — И зови Мухомора.

Настя приподняла полог, закрывающий открытую часть бункера, и позвала бродягу. Тот широко улыбнулся, увидев ее, и вприпрыжку поскакал к жилищу Чипа, сменив напеваемый мотивчик на более веселый.

—И чтоб ты знала, — заговорщицким тоном сказал Чип, — в коммуникационный канал с помощью программ попасть невозможно. Это только для машинного подключения.

—Но ведь… — Настя поняла, что хотел сказать нейрокибернетик. Выходя в коммуникационный канал, она подключалась к Сети напрямую, головой. Работая, как комп. И сама того не осознавая. Так что шансы на то, что у нее получится,

были.

Когда Мухомор подошел, Чип заговорил снова:

—Слушайте оба. Сначала ты, Мухомор. Ты поможешь девке?

—Насте, — поправил его бродяга.

—Без разницы, — отрезал Чип. — Поможешь? Сам понимаешь, это опасно.

—Помогу. Надоело сидеть тут, типа моя хата с краю!

—Хорошо. Тогда поедешь с ней. Ты хоть и бестолковый, но если что — пригодишься.

—Это кто бестолковый? — возмутился Мухомор.

—Тихо, тихо, — осадил его старик, — без обид. И слушайте внимательно. Чувствую я, времени у нас совсем мало. Зло отовсюду идет — и из Сети, и здесь по округе бродит.

—Хорошо, — сказала Настя.

—Найдете старого Лоуба, — начал Чип.

—Спрута Лоуба?! — удивился Мухомор. — Но он же почил на просторах Сети. Довольно давно, насколько я знаю.

—Ха-ха-ха, — Чип рассмеялся, аж слезы на глазах выступили, — давно я старика Лоуба не видел. Он, оказывается, спрутом стал. Ха-ха. Вообще-то он скорее боров Лоуб, а не спрут. А почему — спрут?

—Ну, он в Сети-то в виде спрута всегда появлялся. И поймать его никто не мог. Но он же давно уже преставился. Одни легенды-то и остались.

—Много ты знаешь. Не тот он человек, Лоуб, чтоб за так преставляться. А хакер и правда великий он был. Собственно, почему был? Я думаю, что и сейчас вряд ли кто с ним сравниться может. Только на покой он ушел. Куш срубил хороший, на пять жизней хватит, и ушел на дно. Живет в свое удовольствие. Насколько я знаю, в Калькутте.

—Но как мы туда попадем-то? — спросил Мухомор. Глядя на его жалкие отрепья, ответ появлялся только один — никак.

—На самолете. Как же еще?

—Минуточку, — сказала Настя, — а на самолет мы как попадем? Без документов и без денег.

—А ты и не догадываешься? — спросил Чип. — Давайте такие мелочи вы сами решать будете. Вы суть слушайте. Вот ведь молодежь! Все им разжевать надо. Как из моей каморки на улицу выйти, рассказать не надо?

—Ну нет, — отрезал Мухомор, — воровать я не буду.

—Не будешь — иди к чертям отсюда, — заорал на него нейрокибернетик. — Тебя не развлекаться сюда звали. Вообще сам приплелся. Так что или ты участвуешь, или пошел отсюда. Тем, кто не с нами, подробности знать ни к чему.

—Ладно, ладно, — примирительно подняв руки, сказал бродяга. — Давай, бухти дальше.

—Всё, заткнулись все и слушайте! Найдете Лоуба. Передадите от меня привет. Скажете — помощь нужна. Ты, Настя, обрисуешь ему проблему. Скажи, я велел ее решать. Именно так и скажи, поняла? Скажи, время пришло, война на пороге.

—Так и сказать? — спросила Настя.

—Так и сказать. Он поймет, о чем речь. На меня сошлетесь, он не откажет. Будешь работать с ним. Делать все, что он скажет. Не возражай ему, он свое дело знает. И в Сеть только по делу ходить. Ни на какие знаки не отзываться. Вас могут заманить. Дьявол в Сети, и он теперь на свободе! — вдруг завопил Чип.

—Ну, опять началось, — сказал Мухомор.

—Да заткнись ты, — беззлобно и как-то обреченно ответил ему нейрокибернетик.

—Узнай, что это был за файл, — обратился он к Насте. — Чувствую, это неспроста. Что-то в этом не так. И ангелы эти твои, и ловушка, и память тебе как-то странно отшибло.

—А бандиты? — спросила Настя.

—Бандиты, — усмехнулся Чип, — думаю, самые обыкновенные. Как всегда, мешаются. Но их со счетов сбрасывать нельзя. Эти ребята тоже свое дело знают. Эти в своих интересах работают. И если на хвост сели, значит, просто так не отстанут. И, стало быть, что-то знают. И все, быстро давайте отсюда. С бандитами встречаться вам совершенно ни к чему. А они не дураки тоже. Найдут вас в два счета. И так их что-то долго не видно.

—Как я вас могу отблагодарить? — спросила Настя.

—Никак меня благодарить не надо, — ответил старый нейрокибернетик, — доведи это дело до конца. Не дай обратной стороне поглотить мир. Можешь считать, это мое для тебя задание. Все, бегите отсюда. Бегите в сторону от дороги. Там какой-то проселок будет, километрах в шести-семи. Куда-нибудь он да выведет. И быстро — к любому ближайшему аэропорту, оттуда в Калькутту. Там на барахолке, где всяким говном компьютерным торгуют, спросите про Лоуба. Думаю, там про него знают. Да, и вот, возьмите, — Чип порылся в недрах своего драного одеяния и явил на свет жменю измятых банкнот, — думаю, пару раз выйти в Сеть хватит. Потом купи хороший комп, лучше из-под полы на той самой барахолке. Чтоб без регистрации. Не экономь на хорошей машине. Сбоев быть не должно.

—Спасибо, — сказала Настя.

—Пожалуйста. Хватит уже меня благодарить. Я вам сказал,

быстро мотайте отсюда. Бегом. Чтоб через минуту вас на горизонте видно не было. И старайтесь избегать открытых пространств. Там вас лучше видно.

—Ну, ты это, — замялся Мухомор, — пока, что ли.

—Иди отсюда, — прикрикнул на него Чип. — И лучше не возвращайся больше. Даст бог, в другом месте еще свидимся. Все, счастливо.

Снаружи тускло светило предзакатное солнце, расцвечивая черную полосу мутированного леса в мрачные багровые тона. Ветер гнал с северо-запада темные грозовые тучи, которые, похоже, скоро разразятся ливнем. Стояла почти полная тишина, нарушаемая лишь шуршанием пыли, переносимой ветром, да сопением пятилапой собаки Кренделя. Затишье перед бурей, подумала Настя.

Пару километров они бежали без остановки. Потом дыхание закончилось, в боку жгло нестерпимо, и Настя остановилась. Мухомор, несмотря на то, что тоже запыхался, требовал продолжать движение, напирая на распоряжения Чипа. Настя и сама понимала, что охотящиеся за ней бандиты появятся скоро, и чем дальше они смогут уйти к тому времени, тем будет больше шансов от них оторваться. Но сил бежать дальше не было. Мухомор потащил ее за руку. Волоча ноги, она плелась следом.

Через час показался тот самый проселок, о котором говорил Чип. К счастью, с обеих сторон он густо порос давно не прореживаемым кустарником, а вскоре и вовсе углубился в густой природный лес. Вроде бы на этот раз нормальный, без мутагенов.

11. 24 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»

Здесь царил вечный полумрак. Огромное помещение, разделенное прозрачными перегородками на несколько боксов, занимало весь этаж. Этаж в своем роде был виртуальным — согласно официальному проекту, под землей располагалось только тринадцать этажей. На самом деле ниже был еще один, там размещалась основная часть приборов жизнеобеспечения для минус четырнадцатого.

В полумраке, ритмично прорезываемом всполохами разноцветных отсветов от светодиодов в обилии расставленного вокруг оборудования, занимая большую часть этажа, стоял огромный прозрачный саркофаг. Несмотря на прозрачность его стенок и крышки, рассмотреть содержимое толком было невозможно — внутри все бурлило и испарялось. Тысячи шлангов, трубок и проводов исчезали в его недрах.

Молодой, лет тридцати пяти, высокий японец стоял в небольшой комнате, отгороженной со всех сторон от зала с саркофагом прозрачными стенами. С аккуратной короткой стрижкой, отлично сложенный, одетый в элегантный, вне всякого сомнения, безумно дорогой костюм из натуральных материалов, он походил на модель с показа одежды «от кутюр». Прямо перед ним висел небольшого размера голо-графический экран, на который он смотрел не моргая. Вся его поза, выражение лица, короткие фразы, которые он произносил в ответ кому-то с экрана, выражали полную покорность и вместе с тем решительность в исполнении поставленных перед ним задач.

—Да, Мастер, — снова ответил он.

Встав точно за этим молодым человеком, можно было бы увидеть изображение на голоэкране. Оттуда смотрело лицо пожилого господина, японца, испещренное мириадами маленьких морщинок, делающих его похожим на смятый целлофан. Это лицо как будто висело в пространстве, ни к чему не прикрепленное. Было очевидно, что это голограмма отличного качества. Однако рисунок был выполнен настолько хорошо, что от пронзительных глаз старика бросало в дрожь. Они не пропускали ничего на свете. Они все замечали, все для них было важно. И еще — эти глаза никогда никому ничего не прощали. Беспощадный взгляд был готов испепелить любого, кто попытался бы противиться воле этого человека.

—Я очень слаб, Исиро, — сказал нарисованный старик с

экрана. Голос его, казалось, шел со всех сторон одновременно. — Я чувствую, конец близок. Я уже давно ничего не могу, кроме того, чтобы думать. Но и думать мне становится все труднее и труднее. Такое чувство, что мой виртуальный мирок сужается, давит на меня. Как будто воздуха не хватает. Силы мои на исходе. Нужно поторопить проект.

—Да, Мастер, — снова повторил Исиро. — Мы делаем все возможное. По нашим данным, процесс цветения приближается, но ускорить его мы не в силах. Любое искусственное ускорение может повредить структуре. Инженеры этажом ниже неусыпно следят за вами, они сделают все, что нужно. Мы верим в вас.

—Я знаю. Я создал эту империю. Я ее не брошу. Исиро, когда я наконец обрету свободу, мне не будет равных на планете, ты понимаешь? Тогда нашей империи не будет равных, тогда мы будем везде. Тогда рынок не будет иметь для нас никакого значения, преград не будет. Ты понимаешь? — Несмотря на то что старик сетовал на крайнюю слабость, его виртуальный голос окреп, лицо сделалось решительным. Он вещал, как политический лидер с трибуны для собравшихся масс.

—Да, Мастер.

—Исиро, — сказал старик. В его голосе слышались покровительственные, но вместе с тем и нежные, почти отцовские нотки. — Ты мне как сын. Ты для меня больше чем сын. Ты давно уже выполняешь мою волю, выполняешь исправно. Когда я обрету свободу, ты будешь вершить мое дело здесь. А потом я дарую свободу тебе. Когда придет время. И мы будем вместе всегда. Нам покорится мир.

—Да, Мастер, — снова повторил свою фразу молодой японец. Внимательный наблюдатель смог бы заметить, как на мгновение дрогнули мускулы на его скуле. Но лишь чуть-чуть и лишь на мгновение. А через долю секунды его лицо снова стало бесстрастным, как камень.

—Меня беспокоит это проникновение, — сменил тему старик.

—Мы делаем все возможное, но пока следов не обнаружено, — сказал Исиро.

—Да, я знаю, — старик на экране лукаво усмехнулся, — вы все считаете меня сумасшедшим. Конечно, нельзя пребывать так долго в рассудке, тем более когда твой рассудок заключен в банке с проводами и работает только на электричестве.

—Ваш рассудок — пример для всех нас, — произнес Исиро, склонив голову. — Вы — Мастер.

—Брось. Я сам понимаю, что давно выжил из нормального человеческого ума. Но именно это позволяет мне чувствовать все, что происходит в Сети. Понимаешь, я ведь все время там, даже

сейчас. Вот говорю с тобой, а вместе с тем чувствую, как этот толстяк Ван Гаас роет сервер, бит за битом. Только не нарыл он ничего. А тогда это было похоже на ветер, не знаю, как тебе объяснить, как должен выглядеть цифровой ветер. Скорее, даже ураган. Он вырвался из базы данных Проекта. Он что-то унес, я чувствую, но что — я не понял. Не успел понять. Все произошло слишком быстро. Так быстро, как не должно происходить. Здесь что-то не то. Что-то идет не так. Быстрее бы наступило цветение.

—Пока следов взлома не обнаружено. Но мы обязательно найдем их и найдем того, кто их оставил.

—Я верю в тебя, мой мальчик, — виртуальное голографическое изображение вдруг приподнялось, и сквозь зыбкую поверхность экрана старик протянул нарисованную руку, как будто пытаясь потрепать Исиро по щеке. — Этот американец, Карнер. Не сбрасывайте его со счетов. Он очень способный. Незаметно помогайте ему, но он должен верить, что за невыполнение моего приказа ему грозят смерть и забвение. Тогда будет лучше стараться.

—Да, Мастер. За ним уже установили слежку. С самого утра он ведет себя странно. Ночевал в лаборатории, встретил подчиненных с синяком под глазом и, сославшись на недомогание, ушел. Сейчас находится в игровом центре Сибуя.

—Хм, — голо графический старик улыбнулся, — я прослежу за ним там.

—Да, Мастер, — в очередной раз повторил молодой японец.

—Ну все, Исиро. Иди, работай на благо нашей империи. И не забывай меня, старика.

—Да, Мастер, — сказал Исиро и, не поднимая головы, нажал на клавишу выключателя, расположенную под голоэкраном. Огромный зал со стеклянными перегородками снова погрузился в густой полумрак, подсвечиваемый лишь светом сотен светодиодов.

12. 24 марта. Вечер. Ленинградская область

Они прикатили через два с половиной часа. Подзадержались. С такой организацией и техническим обеспечением можно было управиться и быстрее.

Два огромных джипа, колесами поднимая в воздух центнеры пыли, на большой скорости подкатили к обиталищу Чипа и, с шипением пробуксовав по сухой траве, остановились в двух метрах от поднятого полога. Навстречу вышедшим из машин дюжим молодцам с каменными лицами выскочил, виляя хвостом, пятиногий пес Крендель. Увидев огромное чудовище, несущееся прямо на них, один из громил выпустил в него с десяток пуль из автомата. Крендель коротко взвизгнул и, раскинув звездой свои пять лап, замер. В пыли медленно растекалась темная лужица крови.

—Есть кто живой в хибаре? — крикнул парень, стоявший ближе всех к брезентовому пологу. Он осторожно, с опаской подбирался к бетонному бункеру, не сводя с него автомата.

—Есть, есть, — послышался голос Чипа. Из-под грязного брезента вынырнул всклокоченный нейрокибернетик с поднятыми вверх руками. — Не стреляйте, ребята. Я без оружия.

—Да откуда у тебя, старого хрыча, оружие может быть? — засмеялись бандиты.

—Юра, — обратился один из парней к кому-то, находящемуся в ближней машине, — сообщи шефу, что мы на точке. Старик на месте.

—Угу, — ответил Юра и добавил спустя несколько секунд: — Шеф спрашивает, здесь ли девчонка.

—А мы сейчас и узнаем, — сказал первый и, резко повернувшись, наотмашь ударил старика кулаком в лицо. Чип как подкошенный рухнул на землю и тут же принялся отплевываться кровью и остатками выбитых зубов.

—Где девчонку дел? — спросил его бандит.

—А тебе шеф бить меня разрешил? — спросил у него Чип. — Ты поинтересуйся у Владимира Кирилловича, можно ли меня бить.

—Какого еще Владимира Кирилловича?

—Шефа твоего. Ты что, как начальника зовут, не знаешь? — захохотал Чип.

—Заткнись, сука, — сказал бандит и ткнул ботинком старика в живот. У Чипа перехватило дыхание, и смеяться он перестал. —

А ну, Юрец, спроси у шефа, чего с хмырем делать.

—Говорит — разговорить его. Он скоро подъедет. Сам решит, что с ним делать.

—Слышал, старый хрыч? — спросил у Чипа бандит. — Разговаривать тебя сейчас будем. Так что, где девчонка?

—Сам не видишь, что ли, — сказал нейрокибернетик, — нет ее здесь. Откуда я знаю, где она? И вообще, какую девчонку ты у меня, старого хрыча, найти хочешь? Или думаешь, у меня в член чипы вживлены?

Бандиты загоготали, а тот, что вел допрос Чипа, недовольно оглянулся и с размаху снова заехал ботинком лежащему в пыли старику, теперь уже по лицу.

—Ты дурака из себя не строй, — сказал он, — сам знаешь, о ком я. Мне девка твоя тоже не для забав нужна.

—Не выходят забавы? — сквозь смех спросил его Чип. Все его лицо было измазано в крови, остатки всклокоченных волос тоже намокли и прилипли к яйцеобразному черепу, покрытому множеством шрамов и сдобренному целой дюжиной различных контактов.

—Так я могу помочь, — не переставая хохотать, продолжал старик. — Чипец один у меня есть, куда надо, внедрим, кнопочку поставим. Нажал — и забавляйся сколько влезет.

Веселье среди головорезов нарастало, несмотря на гневные взгляды своего предводителя. Чип ходил по тонкому льду, но был уверен, что ничего серьезного бандиты с ним не сделают. Не должен им позволить их шеф. Не должен. Он это точно знал. Был Владимир Кириллович обязан старику. Как и многие в этом мире, чья деятельность хоть как-то была связана с программным обеспечением Сети. Да и не забывал он старика. Нет-нет, да и наведывался, спрашивал совета. Правда, в последнее время Чип редко ему помогал — в Сети он видел только зло и не хотел участвовать в ее делах.

—Ты что, тварь, издеваешься? — взревел бандит.

—Да нет, просто спрашиваю. Клиентов-то искать надо, чтоб было на что есть.

—Тебе, сука, сейчас есть будет нечем, — сказал бандит и, выхватив из подплечной кобуры пистолет, несколько раз с чувством ударил нейрокибернетика им по зубам. Остатки зубов с неприятным хрустом обломились, из разорванных губ с новой силой брызнула кровь.

—Где девка? — ревел бандит, тыча стволом в лоб Чипа. Остальные мордовороты притихли и наблюдали, что будет дальше. Метрах в пятистах, на дороге, появился столб пыли, который оставлял за собой бордовый автомобиль, чинно и не

спеша приближающийся к бетонным сооружениям.

—Да пошел ты на хер! — с чувством сказал Чип. После удара говорить у него получалось плохо, слова больше походили на свист и бульканье, но все его явно поняли, потому что банда замерла, не решаясь предположить, что будет дальше.

—Штык, — подал голос из недр автобусонодобного джипа Юрец, — вон шеф едет. Ща он разберется.

—Я сам разберусь, — прошипел Штык и дважды нажал на спусковой крючок. Пистолет два раза плюнул раскаленной свинцовой каплей, разорвав голову Чипа на жменю студенистой каши из мозгов, крошева костей и горстку поблескивающих металлом микросхем.

—Девчонку и без тебя найдем, — сказал Штык, растерев носком ботинка вылетевшие из головы нейрокибернетика ошметки мозга по траве.

В этот момент, грациозно обогнув стоящие с открытыми дверями джипы, позади притихшей толпы бандитов плавно остановилось темно-бордовое такси. Водительская дверца открылась, и из машины вышел средних лет плотно сложенный мужчина с прической ежиком. Он уверенно растолкал столпившихся мордоворотов и подошел к месту основных событий.

Тело Чипа с запрокинутой головой и открытым окровавленным ртом бездыханной кучей хлама лежало на измятой траве. Внезапно что-то зажужжало в том, что осталось от его головы, и глаза Чипа открылись, став неправдоподобно ясными.

—Привет, Володя, — сказал старик.

—Привет, Чип, — ответил подошедший мужчина.

—Что-то я ничего вспомнить не могу, — как-то невпопад сказал Чип.

—И не надо, — ответил Володя и добавил: — Спи спокойно.

В голове старика снова щелкнуло, и глаза его опять сделались безжизненными.

—Чья работа? — спокойно спросил тот, кого Чип назвал Володей.

—Моя, — с вызовом ответил Штык, — все равно он ничего не знал. Я и размазал его поганые мозги.

—Идиоты, — столь же спокойно сказал Володя, — все ваши мозги, вместе взятые, его мозгам и в подметки не годятся.

Он сделал одно очень плавное, но неуловимо быстрое движение. Штык не успел даже вздрогнуть, когда пуля вошла ему в лоб, вырвав хороший кусок черепа вместе с кашей мозгов на затылке. Тяжелое накачанное тело, облаченное в бронежилет, с

глухим стуком грузно рухнуло на землю.

—Вам что, не ясно было сказано, — заорал Владимир Кириллович, — что приеду и разберусь со стариком сам? Неясно?

Все молчали, потупив взор. Каждый из них ждал участи, только что постигшей Штыка.

—Аккуратно вытащите оставшееся железо из головы старика. Тело похороните по-человечески.

—А Штык? — спросил один из бандитов.

—А этого урода тут оставьте. Пусть вороны его жрут.

Двое парней нырнули в недра джипа и, вернувшись с лопатами, принялись копать могилу за бетонным бункером Чипа.

—Я сказал — по-человечески, — рявкнул Владимир Кириллович. — Вы видели, чтоб людей на свалках хоронили? В городе на кладбище похороните. Потом памятник поставим. Таких людей помнить должны. Хотя бы после смерти.

Он снова сел за руль бордового такси и уже из кабины машины крикнул:

—Все остальные — свяжитесь с поисковой группой и — марш за девчонкой!

13. 24 марта. Сеть, Токио, развлекательный центр Сибуя

Он совершенно не понимал, что происходило вокруг. Но понимание и не требовалось. Голос звал его, он что-то говорил, нашептывал. Джордж не мог понять что, но что-то очень приятное. Его было невозможно не слушать. Он заполнил собой все вокруг. И он вел Джорджа куда-то в цифровые глубины своего логова.

Нестерпимо яркий свет, льющийся отовсюду, постепенно становился все приглушеннее. Скоро Джордж уже мог различить темную точку, появившуюся впереди, у самого горизонта. Отовсюду вокруг слышался шум, который показался Джорджу знакомым. Скоро он понял, что это шум моря.

Голос исходил из точки, что все более отчетливо проступала впереди. Внезапно Джордж вспомнил, зачем он здесь. Ведь он хотел разобраться в причудах непонятной программы, что уже второй раз встает на его пути. Он хотел найти того наглеца, что осмелился взломать его вход на рабочий сервер, подставить его. Его, Великого Джорджа, изобретателя биософтов. Он попытался переключиться на машинные коды, выключив виртуализатор, но ничего не произошло. Свет не померк, и Голос продолжал петь и шептать. Голос звал его к себе, в свою цифровую обитель. Его, только его, только Великого Джорджа! Никто другой Голосу не был нужен. Никто другой не мог сравниться с ним в величии, никто другой не был способен понять Голос. Этот сладостный Голос из Сети, который вещал великие истины цифрового мира. И пусть пока Джордж не понимал, что говорит Голос. Но он обязательно научится этому волшебному языку цифр. Новому цифровому языку новых цифр. Ибо эти цифры не были обычными понятными нулями и единицами. Они были чем-то другим, чем-то большим.

Здесь Джордж потерял возможность влиять на ход событий. Это была территория Голоса. Тут все происходило по его законам. Но это не пугало Джорджа, это было великолепно. Он был избранным. Именно его Голос выбрал своим пророком. Он научится всему, что сможет дать ему Голос. Он будет нести его знамя в реальном мире. Истина придет из Сети! Джордж всегда верил, что Сеть возвысит его над остальными людьми. Над этими мелкими никчемными людишками, погрязшими в мелких радостях и никчемных развлечениях. Ему не нужны обычные земные радости. Он всегда находил удовольствие в работе с

цифрами, в погружении в Сеть. И еще его страстью стали биохимические процессы человеческого мозга. Те самые процессы, что заставляли никчемных людишек стремиться к их никчемным развлечениям. Он всегда верил, что эти два мира, мир цифр и мир химических процессов, можно объединить, сделать их одним целым. Он занимался этим почти всю свою сознательную жизнь. И он был уже близок к созданию настоящих, действующих биософтов. Вместе с Голосом, что звал его, они смогут довести технологию до совершенства. Больше не будут нужны провода, компы. Все эти диски, флешки и прочие носители. Мозг человека станет единственным носителем знаний, умений — чего угодно, имея при этом практически неограниченный объем. И это принесет в мир людей он, Великий Джордж Карнер! А Голос поможет ему достичь совершенства.

Пока Джордж размышлял над перспективами своего общения с Голосом, окружающее его пространство преобразилось. Теперь Джордж чувствовал, что идет по твердой, похожей на бетонную, поверхности. Именно идет! Теперь у него снова были ноги. И тело, из которого они росли. Джордж на мгновение остановился, внимательно осмотрев себя. Да, все так. Он выглядит именно так, как он выглядит. Так, как выглядит в реале. Хотя — нет. Он немного худей, чуть выше. Или это ему только кажется? Похоже, здесь он выглядит таким, каким себя представляет.

Неширокая, метра в три-четыре, полоса бетонной тропы извивалась из стороны в сторону, змеей убегая среди волн к чему-то темному. Чему-то, из-за чего исходил нестерпимо яркий свет. Со всех сторон, насколько хватало глаз, его окружало море. Темно-зеленая поверхность воды мерно покачивалась под чинно ползущими куда-то волнами. Каждая из них отражала свет, идущий спереди, превращая море в калейдоскоп пляшущих солнечных зайчиков. Над головой, в темнеющем сумеречном небе, быстро бежали темные, словно изорванные ветром, облака.

Облака тоже стремились туда, к темному предмету, от которого исходил Голос. Все вокруг стремилось к нему.

Оценить расстояние до темной точки не представлялось возможным. Казалось, бетонная тропа то выпрямляется, растягиваясь на несколько километров, то скручивается в плотную спираль, приближая цель, к которой шел Джордж. Ему было все равно. Если бы надо было идти несколько лет, он все равно шел бы. Этот Голос… Ничего более прекрасного он не слышал в своей жизни. За то, чтобы достигнуть того, кто говорил этим Голосом, он был готов отдать все, что было в его жизни. Даже саму жизнь. Жизнь не имела смысла без этого Голоса. Именно там, где живет Голос, находился центр цифрового

мироздания. Именно там. Джордж был в этом уверен.

Внезапно в небе появилось что-то черное. Точка, которая стала быстро расти, превращаясь в черную дыру, пытающуюся сожрать все, что было вокруг, беззастенчиво проломить сюда ход. Сюда, в этот цифровой Эдем. Сюда, куда был допущен лишь один Джордж. Цифровой пророк Джордж. Необходимо было защитить Голос. Но что он мог сделать? Что?! Ведь здесь виртуальная реальность не была подвластна ему. Здесь только Голос был властен. Или?..

Или это очередной обман. Ловушка хакеров, на которую купился Джордж. Нет! Этого не может быть! Он не мог ошибиться. Это был истинный Голос, настоящий! Такой Голос не создать человеку. Нет, опасаться нечего. Никто из жалких людишек, называющих себя хакерами, не может тягаться с Голосом. Никто!

И словно в подтверждение его мыслям, сноп яркого огня ударил из темного предмета впереди, ставшего уже чем-то ветвистым. Вот он, огонь гнева божьего, подумал Джордж.

Свет ударил в начавшую было закручиваться черную дыру, проткнул ее. Потоки света заструились по темным водоворотам, разрывая их в клочья. Черные щупальца с шипением закипали и испарялись, оставляя чистое небо. А свет все бил в место хакерской атаки. И осветилось все вокруг, и Джордж увидел, что было перед ним.

Прямо перед ним, в конце бетонной тропы, бегущей среди морских волн в безбрежном море, стояло небольшое аккуратное деревце, покрытое кроной из золотых листьев. Каждый листок светился ярким божественным светом, наполнявшим весь этот мир. И еще листки мелко вибрировали, и именно эта вибрация и создавала Голос.

Наконец с черной дырой в небе было покончено, и столб света, поднявшегося на борьбу с супостатом, опустился обратно в крону божественного Древа. Голос звал Джорджа с удвоенной силой. И он шел, переставляя ноги все быстрей и быстрей. Потом побежал, потом помчался. Когда он, наконец, достиг дерева, дыхание его сбилось, на лбу выступил пот.

Дерево было невысоким. Его верхушка едва доходила Джорджу до подбородка. Но не высота определяет величие. Несмотря на свои небольшие размеры, это деревце казалось Джорджу огромным. Ему не было предела. В благоговейном восторге и ужасе Джордж повалился на колени, воздев руки к листве. Голос звучал все громче, все настойчивей. Джордж не понимал слов, но отчетливо сознавал, что Древо зовет его. Он развернул руки ладонями вверх и вытянул их насколько мог.

Поднять голову и посмотреть на Древо он не решался. Даже так, с опущенной головой, свет был слишком ярок.

Сверху послышалось шевеление. Джордж понял, что ветви Древа тянутся к его рукам. Древо приняло его! Да, теперь сомнений не оставалось, что именно его звало оно. Именно его! Он, Джордж, станет пророком божественного Древа в мире людей. Только ему доверена эта работа!

Первое, что ощутил Джордж, было мягкое прикосновение листьев. Потом смолк Голос. Больше Древу не было необходимости говорить с Джорджем посредством звуков. Ведь существовал другой, более эффективный способ. Это слияние разумов. Джордж был готов, но, несмотря на это, он никак не мог побороть благоговейный ужас, что рождался в его душе. Все его тело сотрясалось, с опущенного вниз носа струей лился холодный пот. Руки и ноги одеревенели, и Джордж стал бояться, что не выдержит общения с богом, что упадет. Но в этот момент Древо снова заговорило.

На какую-то долю микросекунды сознание Джорджа соприкоснулось с тем, что представлялось ему божественным Древом. Всего на долю микросекунды. Но этой доли хватило, чтобы вынуть из его мозга все, что он хранил в себе, накапливая информацию долгие годы. Мозг Джорджа опустел, но лишь для того, чтобы быть заполненным заново благодатью. Все, что содержалось в его серых студенистых клетках, в его белых, собранных в пучки, словно кабели с проводами, проводящих путях, все было ему возвращено. Но при этом подверглось изменению. Небольшому, совсем неуловимому, всего лишь чуть-чуть изменяющему течение биохимических процессов в мозге Джорджа.

Когда Джордж снова обрел способность слышать, видеть и думать, Древа не было. Был только темный игровой зал развлекательного центра Сибуя.

Темнота время от времени разрывалась сполохами яркого света. Спустя секунду Джордж понял, что свет исходит от выстрелов, бесшумно производимых каким-то оружием метрах в десяти от него. Тело лежащего в эргокресле игрока конвульсивно вздернулось и замерло, с тихим шипением сползая на пол. Тут же включились сирены системы безопасности развлекательного центра. Где-то наверху возник светлый прямоугольник открывшейся двери. В дверном проеме то и дело мелькали человеческие фигуры. Метрах в десяти, только теперь чуть правее, снова сверкнули два выстрела, и очередная жертва навсегда замерла в кресле игрока виртуальной игры. Еще один виртуальный герой был убит вполне реальным убийцей. Убийца

убегать не торопился, планомерно продолжая выполнять свою работу. Видимо, у него в голове стоял управляющий чип, а от мозгов оставили только самое необходимое для жизнедеятельности. И, конечно, для убийства. Киберубийца. Очень, очень дорогая вещь. Назвать его человеком не поворачивался язык.

Голова у Джорджа болела нещадно. Казалось, еще чуть-чуть, и она расколется надвое. Перед глазами все плыло, мысли путались. Каждая вспышка выстрела отзывалась в голове ударом острого скальпеля по оголенным нервам, а вой сирены создавал ощущение, что его голову засунули в колокол, по которому нещадно колотят кувалдой. Но, несмотря на путаность мыслей, он все же сумел сообразить, что киберубийца ищет его. То есть не его конкретно, а того, кто вломился на сервер «Мацушита электрикс» из этого зала. Он перевел логи на кого-то из игроков, произвольно, он даже не знал, на кого. И теперь эти люди были обречены. Но Джорджу не было жаль их. Может, самую малость. Это были те самые жалкие людишки, как раз сейчас занятые своими никчемными развлечениями. Жертвы, принесенные ему, Пророку Древа. Жертвы, без которых не обходилось еще ни одно серьезное дело.

Несмотря на то что кибер бродил в некотором отдалении, планомерно расстреливая жертву за жертвой, Джорджу нужно было выбираться отсюда. Отдел безопасности работает, и скоро логи будут разгаданы до конца. И тогда цепочка ложных следов, оставленная Джорджем, неминуемо приведет к нему. Мгновение спустя команда, посланная в микросхемы киберубийцы, настроит навигатор, и еще через секунду пуля окажется в теле Джорджа. Этого нельзя было допустить. Ведь все только начиналось, он только получил благодать. И он должен нести ее дальше. Он должен сделать этот мир лучше.

Если бы не этот ужасный вой. Сирена заполнила собой все вокруг, она просто не давала ему сосредоточиться. Охрана, все в большем количестве прибывавшая в игровой зал, что-то кричала киберу, который не обращал на них ни малейшего внимания. Вернее, обращал, но лишь затем, чтобы вовремя уворачиваться от парализующих разрядов, посланных в его сторону. Идиоты! Неужели они до сих пор не поняли, что имеют дело с кибером. Его так просто не убьешь. И уж тем более не испугаешь пустыми угрозами типа: «Вы окружены, сдавайтесь». Нет, этот не остановится, пока не выполнит свою миссию, а потом, если приславшие его люди не совсем жлобы и тупоголовые тупицы, самоуничтожится. Только шквальный огонь и только из настоящего боевого оружия мог уничтожить это создание. От

пуль, несущихся со всех сторон сразу, не сможет увернуться и кибер. А разряд парализатора для него — что плавно планирующая паутина для обычного человека.

Джордж заметил, что убийца стал двигаться в сторону от него. Теперь появился шанс. Если кибер не был настроен на то, чтобы стрелять по любой движущейся мишени, — а похоже, что не был, так как не сделал еще ни одного выстрела в сторону палящей в него из парализаторов охраны, — то можно беспрепятственно уйти прямо у него под носом. Большую опасность в настоящий момент представляла как раз-таки палящая во все стороны охрана. И тот факт, что, если попадут, не убьют, а только парализуют, радовал не больше. Тогда уж киллер его точно достанет, спешить станет некуда.

Короткими перебежками, морщась от страшной, пронзающей каждую клеточку боли в голове, он поковылял к дверям, через которые вошел сюда. В те двери, откуда, как горох из стручка, высыпали охранники, соваться было нельзя — там точно накроют, причем специально, как подозреваемого. Нормальные люди во время стрельбы тихо сидят, прижав головы к полу, а не шастают туда-сюда, тем более — туда. Только бы автоматические двери не были заблокированы.

Спустя двадцать секунд Джордж дополз до створок из темного непрозрачного стекла. Несколько десятков метров показались ему забегом на марафонскую дистанцию. За это время кибер отправил на тот свет еще четверых геймеров. Сердце Джорджа колотилось, дыхание перехватывало, его одежда пропиталась потом и прилипла к телу. И головная боль! От нее было никуда не деться. Она заполняла собой весь мир и, казалось, уносилась куда-то за его пределы. Может, в виртуальную вселенную Сети. Может, еще куда. Только ей не было конца.

Джордж вытянул вперед руку, и фотоэлементы услужливо распахнули перед ним створки двери. В полузабытьи он провалился в проем и побежал по коридору в сторону выхода. Сзади послышался истеричный вопль охранника, требовавший, чтобы двери заблокировали, но было уже поздно. Джорджа уже было не догнать. Он уже смешался с толпой. Только тут он осознал, что даже приблизительно не представляет, где находится выход из Сибуя.

Можно было попросить помощи у той виртуальной девицы-гида, что привела его сюда, но от одной мысли о лицезрении огромного голографического лица, висящего в воздухе, его вырвало на некстати подвернувшуюся пьяноватую девицу, одетую в яркую флуоресцентную краску, замысловатыми узорами

нанесенную на обнаженное тело. Судя по акценту, с которым она произносила посылаемые в сторону Джорджа проклятья, она была из родных Соединенных Штатов. Тут же на ее крики подтянулась парочка дюжих молодцов, не проявляющих признаков интеллекта, и, недолго думая, поволокла Джорджа по коридору. Он больше не мог сопротивляться, поэтому тело его безвольно повисло, ноги скребли по синтетическому ковру. Несколько поворотов коридора привели к турникету, а дальше — к выходу из развлекательного центра, куда Джордж и был с позором вышвырнут. Сервис на высшем уровне: не знаешь, где выход, — тебя туда принесут.

Джордж издал сдавленный то ли хрип, то ли скрип, который должен был означать смех. Попытка засмеяться привела к новому приступу головной боли, заставившему вздрогнуть в судороге все тело.

На улице было темно, на улице уже была ночь. На улице было время гуляк и разбойников, и Джорджу нужно было как можно быстрей добраться домой. Действие наркотика, видимо, закончилось, уступив место жуткому отходняку. Голова болела все сильней и сильней. Джордж уже не мог обращать внимание ни на что, кроме этой всепоглощающей боли. В желудке что-то со страшными звуками вздыбливалось и сокращалось, тошнотой подкатывая к горлу. О скорости мышления, которая так радовала его, когда он только налепил кругляк на запястье, не осталось и следа. Теперь он с трудом мог вспомнить, что с ним происходило десять минут назад. Он не хотел мыслить ни о чем. Вообще ничего не хотел. Только бы прошла эта боль!

Нужно вызвать такси. Джордж пошарил рукой в кармане пальто, где лежал мобильник. Вот он. Перед его взором все плыло, он не видел кнопок. Но как набрать номер? Он лихорадочно перебирал пальцами, не понимая, что делает. Потом накатила тьма.

Когда тьма снова отступила, он обнаружил себя сидящим на заднем сиденье такси. Машина куда-то ехала по заснеженным улицам ночного Токио.

—Куда мы едем? — спросил Джордж. Голос его охрип и стал совершенно незнакомым.

—Хм, — усмехнулся таксист. Похоже, ему было не впервой подвозить клиентов, теряющих в дороге память. — Если я правильно понял ваш заказ, то домой вас везем. Скоро уже будем на месте. Так что — соберитесь.

—Хорошо.

Джордж попытался собраться. Стал всматриваться в проносящийся за окном автомобиля пейзаж, пытаясь разглядеть

признаки знакомого района, но от напряжения снова нахлынул приступ головной боли.

Скоро и на самом деле такси остановилось, и Джордж узнал в стеклобетонном небоскребе свой кондоминиум. Он протянул таксисту пластиковый квадратик кредитки.

Подъем на лифте на тридцать четвертый этаж, на котором жил Джордж, довел его почти до беспамятства. Как только дверь, открывшаяся после прикладывания большого пальца к сканеру, захлопнулась за спиной Джорджа, он как подкошенный рухнул прямо в прихожей и заснул тяжелым нездоровым сном.

14. 24 марта. Пулково

Когда они, наконец, добрались до дороги, по которой хотя бы изредка проезжали машины, оба выдохлись совершенно. Настя с трудом волочила ноги, Мухомора то и дело заглючивало, он начинал дергаться, а несколько раз даже падал в пыль в жутком приступе судорог. Несмотря на то что каждый раз Настя металась в панике, не зная, чем помочь страдающему товарищу, боялась за его жизнь, в глубине души она была рада той передышке, что давали ей приступы Мухомора. В это время никуда идти было не надо. Вернее, невозможно.

На попутках они добрались до Пулкова, где, наконец, удалось немного отдохнуть и перекусить.

На оставшиеся деньги Настя воспользовалась компом в виртуальном кафе аэропорта. Взлом сервера компании, торгующей недорогими билетами на чартерные рейсы, оказался делом несложным, и спустя пятнадцать минут они с Мухомором стали обладателями двух билетов на чартер, вылетающий в Калькутту всего через четыре часа. Везение было просто неправдоподобным — второй ближайший чартер на Калькутту был через четыре дня. Опоздай они всего на пару часов, и пришлось бы добираться до пункта назначения на перекладных, а значит — подвергаться риску быть пойманным при очередном взломе сервера авиакомпании.

И тут оказалось, что у Мухомора нет документов.

— Чего ж ты молчал? — спросила его Настя.

— Так откуда я мог знать, что ты об этом не догадываешься? — удивился бродяга. — У бомжей у всех-то бумаг нет. А то чего еще бомжевать-то?

— И что делать будем? — Настя видела только один выход — лететь без Мухомора. Собственно, зачем он был ей нужен, она понять не могла. Просто Чип сказал, что ему тоже надо лететь в Индию, он и летит. А на самом деле, если разобраться, зачем он там нужен? В Сеть тот же Чип ему ходить запретил, да и сам Мухомор туда не рвался. Тогда зачем эти сложности? Ну, спасибо, ну, помог, на самом деле помог, без дураков. Так не каждый друг поможет, а тут, можно сказать, совсем незнакомый человек. Но в Калькутту-то ему зачем? Разве что от бандитов свалить. Это, наверное, аргумент. Теперь ее очередь помочь ему.

— Какие варианты? — еще раз спросила Настя.

— Пластик стырить только, — ответил Мухомор.

— То есть? — не поняла его Настя.

— То есть — билеты у нас-то не именные, так? — Ну.

— Всего-то и нужно, что пластик с идентификацией показать, чтоб регистрацию пройти.

— Ну.

— Что ну-то? Какая разница, чей пластик показывать-то? Тем более что индусам — тем вообще, по-моему, все параллельно. К ним кто хочет, тот и едет.

— И кто тырить будет? — спросила Настя. Ну, виртуальный грабеж — это понятно. Это как-то и не по-настоящему даже. Но чтобы так, у реальных живых людей что-то украсть… Она не могла себе представить, как она вообще это сможет сделать.

Мухомор сделал странное, неуловимо быстрое движение рукой и спустя секунду с хитрой улыбкой на лице повертел зажатой в ладони бордово-красной пластиковой карточкой — личной картой идентификации, или тем, что раньше называлось паспортом. Теперь кто-то не попадет на свой рейс. Может быть, кому-то очень надо было лететь туда, куда он летел, а теперь он туда не попадет. Во всяком случае, сегодня. Нехорошо это. Насте стало искренне жаль человека, лишившегося своей идентификационной карточки, и, если бы не еще большее чувство жалости и долга перед Мухомором, она бы отобрала карточку у него и вернула бы ее владельцу. Но деваться было некуда, им нужно в Калькутту. Тем более что Чип сказал, что… Да какая разница, что сказал Чип! Этот выживший из ума старик. Теперь, когда они были далеко от обиталища старого нейрокибернетика, ей уже не казался столь серьезным тот бред, который нес Чип. Тогда зачем она летит в Калькутту? Потому что так сказал Чип? «Найдите Лоуба» — как же, найдешь его. По всем официальным сведениям, тот давно уже почил в бозе, а даже если и жив еще, то залег на столь глубокое дно, что не сыщешь его ни за что. Тем более просто сходив на какую-то вшивую индийскую барахолку. Бред какой-то! И как она только могла купиться на такое! Насте вдруг страшно захотелось бросить все это, забыть о мифических файлах, о бандитах и вернуться домой. В свой пусть и маленький, пусть и дешевый, но все-таки милый родной дом.

Только не было теперь у нее дома. Слезы стали наворачиваться на ее глазах.

— Ты чего? — спросил Мухомор. Он на самом деле недоумевал.

— Да нет, — Настя смахнула повисшую на веках влагу рукой, — ничего. В глаз что-то попало. Пошли на посадку.

В самолет они прошли без приключений, только стюардесса проводила недоуменным взглядом лохмотья Мухомора. Но, впрочем, на этом рейсе он был не единственный в таком наряде. Группкой неохиппи, полупогруженные в свой виртранс, чинно

прошествовали на борт. Их наряды отличались от Мухоморовых разве что большей яркостью.

Как только самолет оторвался от бетонной полосы, взмыв в серое питерское небо, на Настю снова накатили грустные мысли о доме, о былой спокойной жизни. Казалось, весь этот кошмар, что происходит с ней, длится века. А ведь прошло каких-то неполных два дня. И сколько еще должно пройти, прежде чем покой снова вернется в ее жизнь. Возможно, что теперь покой не вернется никогда. Только когда пуля, выпущенная из бандитского пистолета, влетит в ее голову. В ее дурную голову, которая породила эти проблемы.

Самолет легко, словно раскаленный нож масло, пронзил серый слой облаков и вырвался на свободу чистого воздуха высоты. Здесь все было залито красным светом заката. Облака внизу клубились кроваво-красным киселем, уносясь все дальше вниз, оставляя самолет один на один с небом. Повернувшись хвостом к вчерашнему солнцу, авиалайнер полетел в теплую Индию. А Настя, не заметив как, крепко уснула, так и не оторвав лицо от иллюминатора.

15. 25 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»

Молодой стройный японец с короткой стрижкой, одетый в элегантный костюм, снова стоял со слегка наклоненной в почтенном поклоне головой в стеклянной комнате с висящим по центру голографическим экраном. Экран все так же изображал престарелого японца с холодным колючим взглядом. Сегодня старик бушевал. Он взмахивал руками, выкатывал глаза и брызгал слюной. Он рассказывал о происшедшем прошлой ночью.

— Это непостижимо уму, — кричал он. — Ты можешь себе представить, Исиро, я, человек, который стоял у самых истоков Сети, знающий всю ее подноготную, да что там — живущий в Сети! Так вот я не смог справиться с этим… этим…

Он не мог найти слов. И немудрено — то, что он обнаружил в Сети прошлой ночью, было для него непонятно. Нет, не только непонятно. Оно его откровенно пугало. Он не знал, что это. Он не мог понять природу этого. И оно было сильней его. Много сильней. Не видывал еще свет таких хакеров, что могли бы его напугать. Не зря же он носит имя Мастера.

— Этот мерзкий американец! Я всегда не любил этих тупых великанов! Не зря мой отец воевал с ними!

— Да, Мастер, — как всегда, отвечал Исиро.

— Да кем он себя возомнил?! С кем он связался?! Как он посмел?! — старик распалялся все больше. — Ну хитер, подлец! Как он изловчился проникнуть на сервер снаружи? Ума не приложу. А этот жирный боров Ван Гаас ничего не заметил. Да ему вообще насрать на компанию! Ему бы только жалование повышали! А он ушами хлопать будет! Своими мерзкими жирными голландскими ушами!

— Да, Мастер.

— Ты представляешь, этот мерзавец рванул в «Осаку». Сразу было ясно, что ставок он делать не собирался. Там у него порт с внешней Сетью зарыт. Хорошо зарыт, качественно. Я сам проверял. Черта с два сломаешь, если вообще найдешь. Хорошо все-таки этот бледномордый работает. Чего там. И биософты эти его тоже… Не о том речь, — вдруг снова рявкнул старик. — Так вот, залез в рулетку, где дверь его, коды изучать начал. След, стало быть, ищет. Как я ему и велел. Но что ты думаешь?

Исиро молча поднял глаза на старика, всем своим видом изображая безмерное любопытство.

— Все это было так, для отвода глаз. Всё одну строчку — то

туда, то сюда гоняет. Вид делает, что изучает с интересом. Я прям засмотрелся, чего это он там нарыть хочет. А потом всеми щупальцами своими погаными на наш сервер залез. Весь залез, как будто никаких стен там нет. Как будто этот тюк с голландским жиром никакой защиты вообще не ставил. Провалился на сервер, и все. Я за ним, а его и след простыл. Вообще никаких логов не осталось. Нигде. Как будто он не входил, а его программеры наши прямо на сервере сочинили. Будто он программа какая, а не мозги, проводком подключенные. Ты себе можешь представить?!

— Нет, Мастер. — Исиро и впрямь столь удивило услышанное, что он, забывшись, осмелился сказать старику «нет». Но тот пропустил это мимо ушей.

— Вот и я не могу. Даже принцип, как это можно сделать, не могу себе представить. Я за ним по серверу всю ночь мотался. В мои-то годы это утомляет сильно.

— Да, Мастер.

— Но ни следа. Как сквозь землю провалился. Или сквозь что тут провалиться можно? Сквозь платы, кхе-кхе, — старик рассмеялся своей шутке. — Но это еще не все. Я когда за ним в дырку, что от его щупалец осталась, сунулся, меня там так тряхнуло, думал, провода сгорят. До сих пор круги черные перед глазами пляшут. Но и намека ни на какие боевые, да и на небоевые, вирусы нет. Ничего. Как будто куда-то в параллельный мир наш Карнер-сан всосался. И виртуальным ядерным зарядом оттуда нам сверкнул.

— Люди уже посланы за Карнером, — сказал Исиро после того, как буквально на мгновение прикоснулся пальцем к идеально гладкой, без единой царапины, металлической пластине на стеклянном столике прямо перед ним. Второй раз посланы, подумал он.

— Молодец, я знаю. Тебе ничего не надо объяснять. Только не портите его мозги. Они в работе пригодятся. Его биософты больших денег стоят. Корпорации они пригодятся.

— Да, Мастер. — Теперь Карнера придется оставить в живых — Мастер так хочет.

— Ну иди, Исиро. И посмотри логи, которые я смог собрать. Может, твой юный ум найдет в них смысл.

— Ничто не может превзойти ваш ум, Мастер, — не поднимая глаз, ответил молодой японец и, коротко совершив поклон одной головой, вышел из стеклянной комнаты. Минус четырнадцатый этаж снова погрузился в мигающий светодиодами полумрак.

16. 25 марта. Сеть, закрытый информационный канал

Убранство комнаты не изменилось. Троица, вновь собравшаяся за виртуальным столом самого изысканного вида, не любила изменений. Все трое были истовыми приверженцами классицизма и консерватизма во всем. Даже в методах работы. Но не в техническом оснащении.

— Признаю недоработку своей службы, — сказал один из них, когда двое остальных смерили его недовольными взглядами, — распустил я своих парней. Виновные уже наказаны.

— Надеюсь, таким недоумкам впредь не будет места в наших рядах? — высказал надежду один из недовольных. Его тон был исполнен ядовитого сарказма.

— Разумеется. Им уже не нашлось места в этом мире, — ответил первый.

— Но все же, есть ли надежда завершить это дело? — спросил молчавший до сего момента господин.

— Да. След беглецов найден. Они не профессионалы, это видно сразу. Следов оставляют, как бегущий мамонт в плотном кустарнике. Они отправились в Калькутту.

— То есть в мою юрисдикцию? — подняв брови, поинтересовался недовольный.

— Да, именно в вашу.

— Ну что ж, передайте мне данные, мои ребята встретят объект как положено. Тогда, считай, дело сделано.

— Да. Всю необходимую информацию загрузят в ваш сервер сразу после окончания переговоров.

— Подключался ли объект к Сети после начала охоты? — спросил недовольный.

— Данных о подключении не определено.

— Так не определено или не подключался? — с некоторым возмущением в голосе спросил недовольный. — Или ваши специалисты коннект отследить уже не в силах?

— Не нужно рассуждать подобным образом, — одернул его первый. Говорил тихо и спокойно, но каждое его слово было сказано так, что, казалось, было способно забить гвозди одним звуком.

— Простите. Но все события начинают наводить на мысли о некомпетентности…

— Вопрос о компетентности моих людей решаю я сам. И вас это не касается, уважаемый, никоим образом. Вопрос о моей

некомпетентности вы можете поднять на следующем собрании треста, которое, как вам известно, произойдет всего через две недели, — отчеканил первый собеседник.

— Еще раз извините, вы правы, — примирительно ответил недовольный.

— Так вот, уважаемые, если разрешите, я продолжу.

— Да, конечно, — в унисон ответили оба.

— Коннект объекта с Сетью не был зарегистрирован. Однако след объекта был найден у одного из известнейших в прошлом нейрокибернетиков. Есть подозрения, что объекту был внедрен чип с плавающим кодом. К сожалению, мастера, проводившего операцию перекодирования нейроконтакта, больше нет с нами в этом мире.

— Бедняга, — усмехнулся недовольный, — не пережил радости встречи с вами?

— Смешного в этом мало, мой друг, — со вздохом ответил первый.

— Да, разумеется, простите, — сказал недовольный, однако сарказма в его голосе не убавилось.

— Хорошо, — сказал третий, — с этим вопросом вроде бы все ясно. Теперь этим вопросом занимаюсь я.

— Только после выхода объекта из самолета, — вставил первый.

— То есть?

— Территория воздушного судна считается территорией государства, к порту которого судно приписано, помните?

— Да, конечно. Вы правы. Но в любом случае, пока достать объект могут только истребители, а нам этого не надо. Так что через полтора часа, если я не ошибаюсь во времени, объект перейдет под мою опеку. Что у нас с остальными делами? — спросил он.

— Да, согласно отчетам моей команды… — начал первый из собеседников. Дальше беседа выглядела обычным деловым собранием акционеров какой-нибудь софтверной компании. Что, впрочем, было недалеко от истины.

17. 25 марта. Калькутта

В Калькутте было раннее утро. Самолет, выпустив струю темного дыма, грузно опустился на бетонную полосу, разгоняя титановым брюхом утренний туман, укутавший окрестности аэропорта. На огражденной стеной с вооруженными людьми на вышках территории аэропорта царила утренняя безмятежность, столь не характерная для восточных стран и особенно для Индии. Собственно, безмятежность эта существовала только в пределах взлетно-посадочного комплекса. Сразу у дверей аэровокзала начиналась суета, переходящая внутри огромного здания в привычный современному человеку цивилизованный хаос, умноженный на тридцать два миллиона населения Калькутты.

Настю разбудил Мухомор. Так хорошо поспать ей не доводилось, казалось, уже вечность. Настя выглянула в иллюминатор, увидела снующих взад-вперед смуглых маленьких индусов с рациями, какими-то флажками, шлангами и прочим аэропортовским оборудованием. Каждый индус был облачен в увесистый розового цвета жилет, что вкупе с клубящимся туманом создавало ощущение утренней прохлады. Насте захотелось выйти в этот чудный утренний воздух, скорее покинуть душное, хоть и кондиционированное, нутро самолета.

Самолет медленно рулил мимо здания аэровокзала. В широкие витринные окна было видно, как тысячи людей снуют внутри туда-сюда, кто-то бежит, опаздывая на регистрацию, кто-то медленно бредет из одного конца зала в другой, не зная, чем себя занять в ожидании рейса. Как много людей, и какие разные у всех судьбы. Даже в этот короткий миг, в который увидела их Настя. Впереди кучка маленьких людей в розовых жилетах катила стыковочный узел перехода. Внезапно один из них поднес к уху рацию, послушал пару секунд и махнул остальным. Смысл его жеста был абсолютно ясен — он дал команду прекратить парковку самолета. Что-то пошло не так.

Тут же самолет вздрогнул, остановившись на месте. «Что-то не так», — вертелось в голове у Насти. То ли с самолетом, то ли с аэропортом.

— Что это у них там? — поинтересовался Мухомор, не отрываясь от иллюминатора.

— Что-то происходит не по плану, — ответила Настя. Ее голос был как будто чужой. А в голове продолжало крутиться — что-то не так, то ли с самолетом, то ли с аэропортом. И все навязчивей повторялась мысль, что не так — с ней. Вернее — с ними, с ней и с Мухомором. Наверное, это бред. Наверное, она

слишком много о себе возомнила. О себе и важности своей персоны. Но ведь зачем-то за ней охотятся. Хотя ясно зачем. Файл им нужен. Но кому — им, и какой файл? Это Настя и хотела выяснить здесь, в Калькутте. Во всяком случае, Чип сказал, что здесь она сможет это сделать.

Но что-то не так. Повинуясь внезапному порыву, Настя схватила Мухомора за руку, оторвав его от иллюминатора, и сказала:

— Бежим.

— Куда? — только и успел спросить Мухомор.

Но на объяснения уже не было времени. Собственно, она и сама не знала — куда. Она лишь понимала, что надо бежать, и чем быстрее, тем лучше. Куда угодно.

Уже вскакивая с кресла, Настя краем глаза заметила возникшую у двери, ведущей из здания аэропорта на аэродром, суету. За полупрозрачными створками кто-то, и было похоже, что их было по меньшей мере человек десять, нервно топтался перед парой охранников с явным намерением выйти наружу, невзирая на возражения стражей порядка. Неспроста это все, подумала Настя, ой неспроста.

Выскочившая из-за серой замызганной занавески стюардесса попыталась преградить путь Насте и Мухомору, бегущим по проходу. Но у них уже была цель. Вернее, цель видела Настя, а Мухомору не оставалось ничего другого, как бежать следом за тащившей его за руку девушкой. Стюардессу Настя даже не заметила, одним движением плеча на бегу смахнула ее на сидящих сбоку пассажиров. Она рвалась к двери аварийного выхода. Три ряда, два, один — вот он, за двумя обалдело смотрящими на нее неохиппи. Заветная дверка с ручкой, окаймленная красной полосой.

Не церемонясь, ибо на то, чтобы одурманенные цифровым потоком, льющимся в их головы через нейроконтакты, хиппи поняли, чего от них хотят, потребовалось бы не менее часа, Настя шагнула к двери аварийного выхода прямо по их коленям. Один рывок на себя, поворот ручек и толчок двери наружу. Вид, создававший впечатление утренней прохлады, оказался обманчивым — в салон ворвался теплый и влажный воздух Индии. Запахло авиационным топливом.

Прямо перед Настей мучительно долго разворачивался надувной аварийный трап яркого канареечного цвета, а сзади, рассыпаясь в извинениях, старался протиснуться мимо хиппарей к двери Мухомор. Чуть справа, у здания аэровокзала, с треском отлетали полупрозрачные створки дверей, на которых висели то ли оглушенные, то ли уже мертвые охранники. Мимо них один за

другим на бетон выбегали вооруженные люди восточной внешности с недобрым выражением на лицах. Пару секунд эти люди не замечали разворачивающегося трапа, потом один из последних выбежавших ткнул рукой в направлении яркой полосы, медленно растущей из самолета, и истошно завопил. Его вопль было слышно даже сквозь гул работающих на холостом ходу двигателей. Все остальные замерли, направив свои взоры на Настю и Мухомора, наконец протиснувшегося к двери. Выхода не было. От этих головорезов было не убежать. Хотя до трапа бандитам нужно было пробежать метров тридцать, деться беглецам было все равно некуда. Бандиты это понимали, поэтому, успокоившись, перешли на вальяжный шаг, что-то говоря друг другу и посмеиваясь, кивая в сторону своих жертв. То, что пришли именно по их душу, уже не вызывало сомнений.

Трап наконец развернулся, ударившись свободным концом о бетон, и смешно задергался.

— И что делать-то будем? — спросил Мухомор. Но Настя его не слушала, она уже скользила по трапу вниз. Сознание ее словно помутилось. Несмотря на то что она отчетливо понимала, что им с Мухомором не уйти, она не собиралась сдаваться. Она будет бежать, пока есть силы, пока есть куда бежать.

И в этот момент прямо из-под фюзеляжа самолета выскочил пыльный джип с открытым кузовом. Громко жужжа старым двигателем, который будто пытался перекричать турбины самолета, скрежеща ржавыми частями древней ходовой, старинный монстр с визгом шин резко развернулся и остановился, ткнувшись в конец надувного трапа. Настя с размаха врезалась ногами в борт неопределенного цвета, больно ударившись правой пяткой. Прихрамывая, она поковыляла прочь, в сторону взлетно-посадочной полосы. Мухомор уже катился следом по трапу, на ходу что-то нечленораздельно крича. Только бы его не переглючило, подумала Настя.

Из не то опущенного, не то разбитого окна джипа с водительской стороны высунулась мужская рука, которая махнула в направлении кузова, а голос из кабины, с трудом перекрикивающий рев двигателя машины и турбин самолета, крикнул по-русски «залезайте». Настя на короткий миг увидела лицо мужчины, пытающегося их спасти. Или, во всяком случае, вытащить их отсюда. Короткая прическа ежиком, немолодое лицо с жесткими чертами и огромные совершенно непрозрачные темные очки, закрывающие чуть не пол-лица. Несмотря на очки, лицо этого человека показалось Насте странно знакомым, но мужчина, появившись на миг в окне джипа, тут же скрылся в тени кабины. Как только Настя рухнула на твердый железный пол

кузова, снова больно приложившись коленом все той же правой ноги, бандиты начали стрелять. Стрекот пуль, бьющих в борт, тут же заставил Настю забыть о мимолетной мысли, что она видела спасителя раньше. Потом рядом рухнул Мухомор (к счастью, его не заглючило), и джип, покрывая все обозримое сзади кузова пространство сизым дымом выхлопных газов, рванулся вперед.

Настя не видела, куда они едут. Пули продолжали стучать в борт, правда, все реже и слабей. Но ей было все равно, она никак не могла прийти в себя, страх сковал ее тело и разум. Она не пыталась даже задуматься, кто и куда ее везет, что ее ждет дальше. Она только хотела, чтобы прекратился этот жуткий барабанный бой, грозящий вонзиться горячей иглой в тело, оборвав ее жизнь. Наверное, она кричала. Вернее, она кричала. Наверное, очень громко. Она не помнила.

В себя ее привел Мухомор, висящий над ней, держась одной рукой за борт, а другой тряся ее за шиворот. Он что-то говорил, но Настя не понимала, что он от нее хочет. Она было решила, что от пережитого ужаса тронулась умом и не понимает человеческого языка, но потом стало ясно, что она просто не слышит Мухомора из-за жуткого шума двигателя джипа. Судя по тому, как трясло, ехали они не по автостраде.

— Куда нас везут? — спросила она у Мухомора, но поняла, что он ее тоже не слышит.

Заметив, что она открыла глаза и говорит с ним, Мухомор немного успокоился и откинулся к борту кузова. Настя приподнялась, придерживаясь за борт со своей стороны, и огляделась. Ехали по просеке в довольно густом тропическом лесу. Ближе к дороге попадались все больше лианы и банановые пальмы. Густая растительность по обе стороны от машины не позволяла рассмотреть, есть ли дальше вглубь что-нибудь кроме леса. Джип двигался достаточно быстро, так что можно было предположить, что старинный вид у автомобиля был лишь для отвода глаз. Погони сзади не наблюдалось.

Проехав еще пару километров по просеке, они внезапно оказались на выезде на огромную автостраду, по которой плотными рядами в обе стороны чинно катились- тысячи автомобилей всех мастей и возрастов. Справа, в густой дымке выхлопных газов, километрах в пятнадцати, виднелся мегаполис. Ряды огромных стеклобетонных зданий, перед которыми болотистым пятном раскинулись низкие трущобы, тянулись вправо и влево насколько хватало глаз. Город был огромен. Там бурлила жизнь. Это была Калькутта.

Джип взвизгнул шинами и, подняв с обочины облако пыли, резко рванулся вперед, вклинившись между двумя

микроавтобусами. Водитель автомобиля, оставшегося сзади, возмущенно надавил на клаксон. Настя и Мухомор лежали в грязном кузове, глядя через низкий бортик на медленно приближающуюся стену небоскребов. Оба были погружены в раздумья о том, куда же их все-таки везут и не стоит ли выпрыгнуть из кузова, пока джип движется с небольшой скоростью. Оба, не сговариваясь, оставались на месте.

Спустя где-то сорок минут джип въехал на окраины, отданные на откуп городским трущобам. Здесь бурлила жизнь. Тысячи людей, индусов, китайцев, японцев, европейцев и бог знает кого еще сновали во всех направлениях. Все спешили по своим неведомым, но, вероятно, очень важным делам. Вот в подворотне кого-то били. Сильно били, ногами. Возможно, бедняга уже не жилец. Здесь оборванцы, облаченные в довольно странные и очень яркие лохмотья, воровато озираясь, обменивались чем-то, что они тут же прятали в глубине своих пестрых хламид. Наверное, шла бойкая торговля наркотиками или запрещенным софтом. Вообще здесь шла бойкая торговля всем, чем угодно. И кем угодно.

Торговцев и покупателей становилось все больше, и скоро, кроме группок людей, обменивающихся разными предметами, передающих из рук в руки деньги, не было видно никого. Правда, несмотря на повсеместность здешней торговли, вороватые движения не исчезали, а, наоборот, как будто становились более выраженными. Настя поняла, что это не необходимость, а что-то вроде традиции. По-другому здесь просто не торговали. Стало совершенно ясно, что это и есть блошиный рынок Калькутты, о котором говорил Чип. Именно сюда им надо было попасть в первую очередь.

Настя дернула Мухомора за штаны и кивком головы показала, что пора выбираться. Они оба встали в кузове, пытаясь улучить наиболее благоприятный момент, чтобы выпрыгнуть, но джип ехал довольно быстро, и прыгать было опасно. Внезапно машина резко остановилась. Мухомор и Настя рухнули друг на друга на дно кузова.

— Быстрее, — не пытаясь перекричать шум мотора, скорее самой себе, сказала Настя и, поднявшись на ноги, легко спрыгнула на дорогу. Следом за ней приземлился Мухомор.

Настя обернулась в сторону кабины автомобиля. Кто же все-таки их спаситель? Это так и осталось неизвестным. У Насти снова появилось навязчивое чувство, что она раньше где-то видела этого человека. И ей стало казаться, что видела она его при схожих обстоятельствах. Только вот когда и где? Да и когда еще у нее в жизни были схожие обстоятельства? Нет, она никак не

могла вспомнить. И эти огромные черные очки… Они явно были надеты специально, чтобы скрыть лицо. Ведь сейчас никто такие не носит. Даже виртуальные очки со встроенным ком-пом, те, что позволяют выходить в Сеть откуда угодно, и то были на порядок меньше размером.

Из разбитого окна джипа показалась рука водителя. Он помахал им на прощание, и машина резко рванула вперед, окутывая окрестности сизым бензиновым дымом.

— Интересно, — сказала Настя, — кто это был?

— Ничего интересного, — насупленно ответил более прагматичный Мухомор. — Гляди, как бы потом счет-то не выставил за спасение. В этом мире никто никого просто так не спасает.

— Может, ты и прав, — заметила Настя. — Пошли, нам, если помнишь, надо комп купить и найти Лоуба. Хотя вряд ли можно найти того, кто давно уже покинул этот мир. Даже здесь.

— Хотелось бы знать, — заметил Мухомор, — каким образом ты собираешься покупать комп? Без денег-то.

— Тогда пойдем, спросим про Лоуба.

Первые попытки выяснить, не знает ли кто, где можно найти Лоуба, успехом не увенчались. Люди, занятые торговлей или обменом, шарахались от них, как от прокаженных. Что-то им не нравилось в их облике. А может быть, в вопросе. Это уже вселяло смутную надежду, что они находятся на верном пути. Мухомор пытался выяснить, не известно ли кому о Спруте. Некоторые начинали витиевато объяснять про какие-то дороги, но в конце концов оказывалось, что им рассказывают, как добраться к морю и купить разнообразные морепродукты, которые, несмотря на выраженную загрязненность местной акватории нефтепродуктами, все еще водились в округе в изобилии.

Прошло уже несколько часов, но они ни на йоту не продвинулись в своих поисках. Мухомор поинтересовался, сколько осталось денег, Настя посчитала. Получалось, что на ночлег не хватит. А проводить ночь в этих местах не местным, да еще не совсем понимающим, что они ищут, людям, похоже, совсем не стоило. Мухомор посетовал, что, мол, он всю жизнь мечтал увидеть Индию и в первый же вечер пополнить коллекцию местного банка органов. Решили хотя бы поесть. Нашли какую-то задрипанную забегаловку. И ту — с трудом. Похоже, что на барахолке есть было не принято. Забегаловка не внушала доверия ни антисанитарными условиями внутри, ни странным видом еды, ни вороватыми взглядами персонала. Настя, поковыряв палочками крошащуюся массу непонятного содержания, так и не отважилась отправить ее в рот. Мухомор уплетал за обе щеки,

правда, беспрестанно ругая повара заведения.

— Лоуба не найдем, — говорил Мухомор, стремительно набивая рот едой, — так хоть пожрем по-человечески. Кто б тут про Лоуба-то знать мог. Кто этот Лоуб? Так, легенда. Да и то давно забытая.

Настя, наблюдавшая за официантом, облаченным в грязный, похоже, очень давно не стиранный, предположительно белый фартук, заметила, как тот вздрогнул при упоминании Лоуба и мельком покосился на них. Ага, первая зацепка. Но спросить напрямую — ничего не скажет. Как пить дать не скажет. Надо развить тему.

— Ну, знаешь ли, — сказал Настя, не отрывая глаз от грязного официанта, — Лоуба, по-моему, в этом мире все знают. Этот хакер творил такие чудеса, что фантастикой кажется. Как такое вообще человек мог сделать? Вот только нет Лоуба. Ни здесь, ни где еще. Погиб он. Во всех сводках передавали.

— А ты их видела, что ли? — спросил Мухомор.

— Кого? — не поняла его Настя.

— Сводки-то эти?

— А-а. Нет, сводки не видела. Я тогда еще пешком под стол ходила, когда это было. Так что даже если и видела, то не помню ничего. Но шуму было столько, что легенды до сих пор по Сети ходят. Лоуб — он настоящий герой Сети. Спрут-Лоуб, человек-компьютер.

Не переставая наблюдать за действиями официанта, Настя поднялась и направилась в сторону неказистой дверки неопределенного цвета с буквами WC. Помещение забегаловки было маленьким, поэтому траектория движения, куда ни иди, никак не могла не пересечься с вытирающим центральный столик официантом. Тот снова бросил в сторону Насти и Мухомора быстрый взгляд, но, заметив, что Настя тоже на него смотрит, тут же отвел глаза.

— Лоуб — он же просто сверхчеловек, — сказала Настя по-английски, как бы случайно задев официанта бедром. Тот встрепенулся и отскочил в сторону, но ничего не сказал.

В туалет Насте зайти пришлось. Все-таки это выглядело бы странно, если б она дошла до дверей и вернулась назад. Внутри отхожее место оправдало все ее ожидания. Даже, наверное, несколько превзошло их. На кафельном полу не было ни одной целой плитки, да и оставшиеся осколки покоились под двумя-тремя сантиметрами мутной зловонной жижи. Внутри кабинки с перекошенной, висящей на одной петле дверцей неуверенно стоял траченный унитаз, практически полностью погребенный под кучами застарелого дерьма. Запах вся эта картина источала

неописуемый. Настя тихо порадовалась, что не стала есть принесенную ей еду, потому что ее желудок стал болезненно сокращаться в животе, пытаясь проложить себе выход наружу. Девушка стоически продержалась на пороге закрытого сортира три минуты, после чего пулей выскочила обратно в зал. Затхлый воздух забегаловки показался ей чистейшим кислородом после того, чем ей пришлось дышать в туалете.

— Неужели столь великий человек, как Лоуб, может жить в городе с такими сортирами, как этот, — искренне посетовала Настя. И, повысив голос, громко сказала Мухомору по-английски: — Наверное, старый Чип-энд-Дейл выжил из ума, раз решил, что в этом зловонии можно найти Лоуба. Если, конечно, его вообще можно найти.

Она вернулась за столик. После посещения туалета она не знала, куда ей деть руки. Ведь ей пришлось браться ими за ручку двери, чтобы войти туда и выйти! Одному богу известно, какие микробы могли жить на ней. Ей было страшно прикоснуться даже к одежде, хотя после событий последних двух дней ее джинсам уже ничто не угрожало. Куртку она бросила в самолете. Собственно, здешняя погода столь разительно отличалась от питерской, что было жарко даже в майке. Только бы не забыться и не почесать глаз, подумала Настя. Ей уже мерещились картины ее ярко-голубых глаз, заплывших белыми хлопьями гноя. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение. Мухомор, похоже, страдал от местной антисанитарии намного меньше. Точнее — не страдал вовсе. Привык, наверное.

К их столу, как бы случайно, подошел давешний официант. Как бы заметив грязь на их столе, начал усиленно тереть выбранное место тряпкой, утратившей признаки цвета. Несколько секунд он молчал, а когда, продолжая усердно тереть тряпкой стол, наклонился достаточно близко к ее уху для того, чтобы Настя могла его услышать, сказал:

— А вы давно видели старого Чип-энд-Дейла?

— Да нет, вчера, — ответила Настя шепотом. Признаться, она несколько обалдела. Уж чего-чего, а знакомства Чипа с калькуттским официантом из грязной забегаловки, где даже компов-то не было, она не ожидала. Да этому пареньку, поди, не больше двадцати пяти. Когда это он успел с Чипом познакомиться?

— Как поживает старик?

— На мой взгляд — хреново, — честно ответила Настя.

— Когда увидите его снова — передавайте привет от Сагди, — сказал официант и, закончив протирать стол, выпрямился и скрылся на кухне.

— Что он говорил? — спросил Мухомор. Глаза его горели от нетерпения.

— Про Чипа спрашивал.

— Ну?

— Что ну?

— И что?

— Да ничего. Спросил и ушел. Ты же сам видел.

— А про Лоуба говорил что-нибудь?

— Про Лоуба ни слова. Только кажется мне, что про Лоуба он что-то знает. Нужно будет его найти. Официант! — крикнула Настя, повернув голову в сторону кухни.

Парень тут же снова появился в зале с видом, как будто минуту назад никакого разговора между ними не было.

— Счет, пожалуйста, и… — сказала Настя и поманила официанта пальцем, чтобы тот подошел к ней ближе. Когда тот наклонился над ней, Настя вытащила из его кармана электронный блокнот и быстро черкнула на его экране «Iooking for Loab». Парень отобрал у нее блокнот, столь же быстро черкнул «5 pm, Banner», потом нажал кнопку сброса и, немного потыкав пальцами в кнопки, вытащил из торца блокнота распечатанный чек. Настя достала из кармана оставшуюся наличность, отсчитала нужную сумму и дернула Мухомора за рукав. — Пошли.

Мухомор встрепенулся и с большой охотой пошел к выходу. Видно, несмотря на бродячий образ жизни, к грязи индийских трущоб он все же еще не привык.

Стояла жара, но уличный воздух показался им свежим морским бризом. Настя с удовольствием вдыхала пропахший выхлопными газами и невероятной смесью восточных благовоний воздух полной грудью. Несколько минут они оба шли молча, наслаждаясь свежестью.

— Рассказывай, — отдышавшись, сказал Мухомор.

— Написал — «в пять» и какой-то баннер, — ответила Настя. — Что бы это могло значить?

— Баннер… Знамя какое-то. Скорее всего, название.

— Скорее всего — да. Давай спросим у кого-нибудь.

Пройдя еще с полквартала, они встретили человека европейской внешности, достаточно приличного вида. Спрашивать у кого попало было явно небезопасно — вокруг попадались все больше какие-то отморозки и обдолбанные, по большей части, киберы.

— Не подскажете, где находится баннер? — спросила у него Настя.

— «Banner of the Revolution))? — спросил прохожий.

— Да, именно он.

— Это в четырех кварталах прямо, и потом вам надо будет повернуть направо и пройти метров триста. Там увидите — большая красочная вывеска. Вам понравится, — сказал мужчина и лукаво подмигнул ей.

— Спасибо, — поблагодарила его Настя.

Когда они отошли на достаточно большое расстояние от человека, объяснившего им, как найти «Знамя», Настя спросила у Мухомора:

— Ну что, пойдем, найдем этот «Баннер», а потом погуляем до пяти?

— Давай, — согласился он.

— Что-то название уж больно знакомое. По-английски, но душок наш, питерский.

— Точно-точно, — согласился Мухомор. — Есть у меня подозрения, что тот чудик-то из кафешки не зря про Чипа спрашивал. Как бы наш борец с сетевым злом-то не приложил руку к созданию этого «Баннера» в былые годы.

— Очень может быть, — усмехнулась Настя. — Ну, попадем туда, может, и узнаем.

Они шли именно так, как сказал им прохожий, но с первого раза «Знамя Революции» найдено не было. Мухомор пошутил, что, должно быть, его надежно спрятали от врагов. Но побродили немного по округе, и оказалось, что прохожий ошибся и киберкафе «Знамя Революции» (как было написано над входом — небольшой металлической дверью) располагается не в четырех, а в пяти кварталах вперед.

Заведение они действительно нашли сразу. По большой красивой вывеске. Прямо над облезлой металлической дверью с длинной металлической же ручкой, тянувшейся наискосок сверху вниз, было вывешено большое бархатное красное знамя с золоченой бахромой, а под ним, гордо смотря с прищуром вперед, на буржуазные небоскребы Калькутты, разместился сам Владимир Ильич Ленин, выполненный из бронзы.

18. Сеть. Время и место не установлены

Ему было очень одиноко. Вот уже целый сонм вечностей он находился здесь. Висел, лежал, стоял, сидел, парил — трудно применить какой-нибудь эпитет, когда у тебя нет тела. Не только нет тела, но даже нет ощущения собственного тела, да и нужды в его наличии тоже нет. Если все же сравнить его ощущения с обычным человеком, то он, скорее всего, лежал, свернувшись калачиком, у подножия того большого раскидистого дерева с корой, облезающей пятнами, придающими стволу вид маскировочной сетки. Дерева, растущего вниз, свисающего с потолка коммуникационного канала, словно исполинский сталактит. Большие резные, похожие на кленовые, листья время от времени плавно планировали к подножию и накрывали его разум своим цифровым одеялом. Ему было все равно. Он ждал ее, хозяйку дерева. Но никаких известий от нее не приходило. Вечность сменялась вечностью, потом еще одной, но ничего не менялось. Из страха снова столкнуться с тем ужасным разумом, что не замечал никого и ничего, он покинул Сеть. Все его существо сконцентрировалось здесь. Он не знал, как устроено его существо, более того, не мог понять, как оно могло находиться в этом пустом безжизненном коридоре Сети, по сути, в проводе, но он был здесь. Он замер и ждал, когда появится она. Он верил, что час встречи скоро настанет и его одиночеству придет конец.

19. 25 марта. Токио, частная квартира, здание «Мацушита электрикс»

Голова болела нещадно. Дурман исчез, и в окружающий мир снова вернулись серость, боль и неуверенность в себе. Он снова перестал быть Великим Джорджем, превратившись в простого наемного сотрудника большой и всемогущей корпорации. Да и сотрудником ли? После того, что произошло вчера, надо думать, сотрудником его уже никто не считает.

Человеком, похоже, тоже. Ведь его хотели убить. Но не убили, он смог их перехитрить. Убили других людей, ни в чем не повинных. Слабое чувство вины трепыхнулось на задворках сознания, но тут же исчезло под напором очередного приступа головной боли. Огромной, всеочищающей волны боли, захлестывающей голову и плавно спускающейся вниз, заставляя тело сжиматься в судорогах и, дойдя до желудка, выворачивая капли зловонной горькой желчи прямо на ковровое покрытие его прихожей.

Только мысль о том, что эксклюзивное ковровое покрытие, которое он сам выбирал и отвалил за него хорошие деньги, безнадежно испорчено блевотиной, породила понимание того, что он лежит в прихожей своей квартиры. Лежит, судя по тусклому свету, вползающему в прихожую из окна гостиной, как минимум пять-шесть часов. А ведь в «Мацушите» прекрасно известно его место жительства. И не только известно — служба безопасности всегда присматривает за особо ценными сотрудниками, как бы их не захватили конкуренты. То есть если в «Мацушите» его хотели убить, то сделали бы это давно и очень легко. Значит, убить его хотел кто-то другой! Нелепость этой мысли поразила его настолько, что он даже нашел в себе силы встать.

Мир перед ним стремительно завертелся, быстро сконцентрировавшись на блестящей золотом ручке двери в гостиную, а потом больно встретил его лоб все той же ручкой. Болезненная пульсирующая шишка быстро увеличивалась в размере, грозя сползти на правый глаз. Новая вспышка боли ударом топора вонзилась в голову. Делать что-либо было совершенно нереально. То есть делать он не мог совершенно ничего. Не только стоять, ходить, говорить, но даже лежать и думать. Правда, умереть тоже не получалось. Да и, несмотря на

жуткие удары колокола боли в голове, не хотелось. Хотелось одного — вернуть состояние, в котором он был вчера. Вернуть ту ясность и скорость мысли. И плевать тогда на боль. Тогда она — не помеха.

Вялые мысли о наркомании шевелились на задворках сознания, но каждый новый приступ загонял их все глубже и глубже. Об этом можно подумать потом. А можно не думать вовсе. Можно думать только о Голосе, ведь Голос…

И тут он вспомнил все, что с ним случилось вчера в Сети. Легкое сомнение, что это происходило на самом деле, а не было плодом его подстегнутого наркотиком воображения, мелькнуло, чтобы тут же исчезнуть. Голос был более чем реален, он звал его, даже сейчас, когда он не был подключен к Сети. Он подскажет ему, что делать дальше. Он научит его, как стать…

Мысли Джорджа вновь были прерваны сжавшим голову спазмом. Только одно стучало в висках, проникая во все утолки его сознания, — он должен снова услышать Голос. Он должен внимать его указаниям. И он должен оберегать Голос. Ведь Голос выбрал только его, его одного. Никто больше не имеет права посягать на Него. Никто…

Нет. Это невыносимо. Где же эти чертовы пластыри? Должны быть в пальто. Но где же пальто? Джордж с трудом поднялся на ноги, держась за стену, подполз к шкафу и, упав внутрь него, стал шарить там в поисках пальто. Треклятое пальто никак не находилось, от предпринятых усилий Джорджу становилось все хуже и хуже, в глазах темнело. Он в панике рвал на себя любую одежду, попадающуюся ему под руку, пытаясь на ощупь найти искусственный кашемир пальто, но кашемира не было, было только что-то тяжелое и жаркое, что мешало ему двигаться. Оно никак не хотело отцепляться, и, уже на пороге обморока, Джордж вдруг понял, что это и есть пальто, которое до сих пор надето на нем.

Рванув лацкан на себя и нещадно отрывая красивые пуговицы, которые пулями с треском разлетелись во все стороны, Джордж раскрыл полы пальто и сунул руку во внутренний карман. Заветный пакетик с тремя оставшимися кругляшками был там. Он зубами оторвал открывающийся верх пакета и, также зубами отлепив защитную пленку, прилепил диск на запястье левой руки. На этом силы Джорджа закончились, и он с грохотом вывалился в беспамятстве из шкафа на пол.

Сколько прошло времени, он не знал. Просто теперь он мог открыть глаза. Мир перед ним перестал вертеться и норовить ударить в лицо чем-нибудь твердым. Мир снова обрел стабильность и яркость красок. Джордж был в порядке. Даже

более чем в порядке. Он снова был Великим, он снова мыслил с невероятной скоростью, любое решение было подвластно ему.

Джордж поднялся и подошел к зеркалу — видок был еще тот. В разорванном пальто, с огромной темно-пунцовой шишкой на лбу, начавшим темнеть синяком под глазом. Но глаза горели, глаза хотели действий.

Глаза хотели действий, а желудок требовал еды. Он больше не пытался выплескивать каждую каплю, которая попадала в него, а, наоборот, жаждал быть наполненным до краев.

Беглого взгляда в недра холодильника оказалось достаточно, чтобы понять, что найти там ничего не удастся. Только упаковка покрытого сине-зеленой плесенью соевого творога, бог знает как попавшая туда, вызывающе стояла в углу средней полки. Джордж аккуратно снял пальцем слой плесени, похожей на разросшийся мох, и попробовал желтоватую массу на язык. Вкус был отвратительный, но организм хотел еды, и Джордж, кривясь от отвращения, поглощал творог, слизывая его с пальца. В животе немного утихло, но это ненадолго. Нужно было спуститься вниз. В кондоминиуме, где он жил, на пятом этаже располагался ресторан.

Но сначала необходимо было сделать что-то с внешним видом. С такой наружностью его, поди, еще и не пустят в приличное заведение. Джордж открыл в ванной холодную воду и засунул голову под струю. Потом долго лил воду на лоб и лицо. От холода припухлость и краснота на лбу немного уменьшились. Вид у него все равно оставался нездоровым, но уже нездоровость не так бросалась в глаза. Потом засунул голову в сушилку — он никогда особенно не любил причесок. Окончательным штрихом был новый модный костюм. Второго пальто у него не было, поэтому пришлось надеть плащ. Ничего, придется немного померзнуть, а назавтра нужно заказать новое пальто.

Джордж критически осмотрел себя в зеркало. Внешность немного подпорчена проблемами с лицом, но в целом он себе нравился. Такого себя он бы пустил в любое заведение. Ну, почти в любое. Правда, наверняка спросил бы у себя такого на работе, откуда вся эта красота под глазом и на лбу. Хотя под глазом на работе уже видели. Вчера. Казалось, вчера было в какой-то совсем другой эпохе. В эпохе Маленького Неуверенного Джорджа. Но ничего, теперь все пойдет по-иному. Теперь он здесь главный!

На этой оптимистичной ноте он вышел из своей квартиры. Но до ресторана ему добраться не удалось. Снаружи у двери ждали двое. Он их не видел раньше, но догадался сразу, что это служба безопасности «Мацушиты». Странно, что он не почувствовал их раньше. Эти синенькие кругляшки творили чудеса с его

восприятием, и сейчас он мог почувствовать, как его соседи тремя этажами ниже тихо и сонно, как будто по необходимости, в силу привычки, а не потому, что им хотелось, занимались любовью. Эротоман, черт возьми. Секс он почувствовал, а этих двух бугаев в пуленепробиваемых плащах и со стеклянными глазами на одинаковых лицах — нет. Молодцы ребята. «Все-таки хорошо у нас в «Мацушите» безопасность работает», — подумал Джордж. Он все еще воспринимал себя частью команды, ощущая гордость оттого, что его команда лучше других.

Высококвалифицированные охранники особо не церемонились с ценным сотрудником корпорации. Джорджа грубо выволокли в рекреацию, потом не менее грубо погрузили в лифт. Стражи стояли по обе стороны от него, железной хваткой придерживая за локти. Выражение их лиц не менялось ни на секунду, оставаясь бесстрастно суровым, а глаза бездумными и неподвижными. Интересно — киберы или генные модификаты, раздумывал Джордж. Несмотря на щекотливость положения, настроение его не ухудшилось. Только все так же очень хотелось есть. Попробовать предложить охранникам на минутку завернуть в ресторан? Вряд ли согласятся. Лучше и не говорить, а то еще неправильно поймут. Сочтут его геем, что мужчин по ресторанам водит. Джордж тихонько захихикал. Ему и вправду было смешно.

Ему было наплевать, куда его ведут. То, что его не собираются убивать в «Мацушите», он понял еще утром, когда голова пыталась взорваться изнутри. Вот бы забрызгало обои, подумал Джордж и уже во весь голос засмеялся собственной шутке. Охранники никак не реагировали на поведение Джорджа. Видимо, их беспокоило только, чтобы он не пытался идти в отличном от их направлении. Но этого Джорджу и не было нужно. Нетрудно было догадаться, что ведут его в офис «Мацушиты», а именно туда он сам и собирался пойти. Так что так получалось даже лучше — придет на работу с собственной охраной. Растем, растем! Он снова засмеялся. Его уверенность в себе росла с каждой минутой. Он уже знал, что скажет, он знал, что ему надо делать. Ему необходимо снова услышать Голос, и тот все объяснит Джорджу. Тогда все встанет на свои места.

На улице его быстро погрузили в машину. Надо сказать, лимузин за ним прислали тоже будь здоров. В таких машинах Джорджу не доводилось ездить, наверное, никогда. Вот, оказывается, как надо работать. Стать нужным сотрудником и выкинуть какой-нибудь фортель. А все вокруг забегали, засуетились.

До офиса долетели быстро, с ветерком. Здесь его не очень-то аккуратно выволокли и потащили внутрь. На проходной

собралась вся смена охраны, с некоторым обалдением на лицах наблюдая гордо прошагавшую мимо них без пропусков процессию. Только один из ведших Джорджа безов, не поворачиваясь, ткнул мальцу на КПП в лицо какую-то пластиковую карту. Тот немного вздрогнул и сразу скис, утратив желание чинить препятствия в проникновении внутрь вверенного ему объекта.

Потом его посадили, точнее, поставили в лифт и оставили там одного. Джордж с кривой ухмылкой на лице ожидал, что будет дальше. Собственно, он уже догадывался, но хотелось все прочувствовать, шаг за шагом. Как закрываются двери, как, едва уловимо вздрогнув, лифт несется вверх, набирая скорость, словно сверхзвуковой лайнер, как ощущение внутри меняется, потому что лифт уже начал тормозить, и теперь все внутренности тянет вверх, а не вниз, и прогорклый соевый творог подплывает к самому горлу; как двери мягко и неслышно разъезжаются в стороны и перед ним открывается картина аскетической роскоши пятьдесят восьмого этажа.

В этот раз Джордж рассматривал огромный зал с красивым деревянным полом, деревянный стол и широкое панорамное окно с видом на медленно падающие снежинки не с благоговейным ужасом, как в предыдущие два раза, а с интересом и некоторой иронией — что они придумают на этот раз? Он совершенно не спешил выходить из лифта. Он знал — лифт будет стоять столько, сколько нужно. Он чувствовал, что надо поступить именно так. Он продолжал стоять и без страха смотреть вперед широко открытыми глазами. Его губы все так же оставались немного искривлены в саркастической ухмылке. Он просто стоял и рассматривал падающие снежинки — несмотря на то что окно располагалось метрах в пятидесяти, он отчетливо видел каждую снежинку. Он ощущал, как они мягко скользят по воздуху, как нежно прижимаются к бронированному стеклу, превращаясь в воду, и стекают маленькой каплей вниз. Это было великолепно. В конце концов, он в Японии, так почему бы не посозерцать мир, как принято у этих странных людей с раскосыми глазами, пытающихся прибрать к рукам всю планету?

Наконец темный силуэт за столом, на который Джордж не обращал совершенно никакого внимания, едва заметно шевельнулся, и зазвучал голос, идущий отовсюду. Как же жалок был этот голос в сравнении с тем Голосом, что выбрал Джорджа своим пророком.

— И долго вы собираетесь там стоять, Карнер-сан? — спросил он.

— Мне здесь хорошо, — ответил Джордж, — созерцаю

движение снежинок.

Повисла тяжелая пауза — Джордж продолжать разговор не намеревался, а голос не мог себе этого позволить. Прошло еще две-три минуты. Все-таки молчание нарушил человек за столом.

— Мастер, — сказал он. Теперь раунд был выигран Джорджем.

— Что? — спросил он, как будто не понял.

— Вы забыли добавить «Мастер», Карнер-сан, — медленно произнес человек за столом.

— Ах да, простите великодушно, — сказал Джордж и медленно, вразвалочку, вышел из лифта. Он обратил внимание, что в этот раз у него нет даже микроскопического желания потеребить штанину левой рукой. — Конечно, Мастер. Вы же жить без этого не можете. Но снежинки я созерцаю не потому, что вы Мастер. Они скользят вниз сами по себе, им мастер не нужен.

Джордж дошел до стола и по-хозяйски оперся руками на прекрасную дубовую столешницу. Дерево было немного шершавым из-за неровностей, образованных годовыми кольцами, и очень приятным на ощупь. Джордж поймал себя на том, что чувствует дерево полностью. Целиком, микрон за микроном. И не только поверхность, он словно проникал в суть вещей. Вот здесь любил ползать жучок-короед, который так и не успел прогрызть ход, вот в этом месте начинал долбить древесину дятел, нацелившись на жучка-короеда…

— А вы очень изменились, Карнер-сан, — сказал человек с другого конца стола.

— Да, вы меня изменили, Мастер. Вы дали мне задание, и я его стремлюсь выполнить, Мастер. Я близок к решению, — сообщил ему Джордж, переходя на проникновенный шепот.

— И?

— И я горд этим. Я очень благодарен вам, Мастер, что вы поручили мне это дело. Оригато, — сказал Джордж и склонил голову в почтительном поклоне. Второй раунд тоже остался за ним.

Снова повисла пауза. Логически разговор был окончен, но тот, кто называл себя Мастером, не сказал всего, что хотел. Вернее, не сказал ничего из того, что хотел сказать. Это понимали оба. Джордж понимал, какие вопросы хотел ему задать Мастер, и Мастер понимал, что Джордж догадывался об этом. Но разговор не завязался, а потерять лицо, идя на поводу у этого мерзкого янки, Мастер позволить себе не мог. Он всеми силами стремился поставить Карнера на место. Вот только как?

— Я рад это слышать, — сказал Мастер повелительным тоном. — Надеюсь, вы доложите обстановку, когда придет время?

— Когда придет время, — с утвердительной интонацией повторил слова человека за тем концом стола Джордж.

— Спасибо, что нанесли мне визит. Вы свободны, — сказал Мастер. Чувствовалось, что он зол, но кодекс чести не позволяет ему изменить тон. Джордж понимал, что за такое дерзкое поведение его могли попросту убить, но логично предположил: если его не убили до сих пор, значит, не собираются этого делать и дальше. Значит, он им очень нужен. Скорее всего, пока. Но какое-то время у него точно есть. Может, день, может, неделя, а может, и год.

Джордж коротко поклонился, практически одной головой, и, развернувшись, уверенной походкой отправился к лифту, двери которого уже услужливо открылись. За все время ухмылка так и не сползла с его лица.

На лифте он поднялся к себе, на семьдесят второй. В лаборатории сотрудники встретили с явной радостью и облегчением, что все обошлось, — все-таки слухи поползли, ведь все видели утреннюю сцену с охранниками в фойе. Но какая-то натянутость в отношениях чувствовалась. Фингал под глазом и пунцовая шишка на лбу не способствовали снятию напряженности. Но спрашивать никто ничего не стал. Все упорно делали вид, что ничего необычного не произошло.

Первым делом Джордж затребовал принести себе завтрак. Меню не уточнял, просто сказал, чтобы несли побольше. Еда появилась быстро и не менее быстро исчезла, будучи проглоченной им практически в непережеванном виде. Теперь, когда чувство голода на время отступило, можно было заняться работой. Но не обычной лабораторной. Сегодня было не до этого. Рутину выполнят сотрудники и без него. Сегодня в первую очередь необходимо было разобраться с этими чертовыми взломами. И Голос! Нужно снова найти его. И в конце концов Голос поможет ему разобраться в происходящем. Голос теперь с ним заодно.

Джордж позвал к себе Франца. Тот прибежал, как всегда, всклокоченный и с кучей идей. Но вид у него был уж очень озабоченный. Что-то грызло его. Что-то он скрывал. Что-то, что ему не нравилось, что расстраивало его, но поделиться этим своим открытием он или стеснялся, или был вынужден скрывать факт, поскольку сам был в нем замешан.

Джордж поинтересовался, есть ли какие новости по технологии, которую Франц позавчера испытывал на кроликах. Как давно это было — позавчера. С тех пор многое изменилось.

Франц коротко ответил, что с кроликом все в порядке. Это на него было совершенно не похоже. Обычно Франц пускался в

длительные пространные объяснения, в рассказы обо всех мельчайших подробностях эксперимента. Но не сегодня. Сегодня его мысли занимало что-то еще. Джордж решил выяснить — что.

— Франц, скажи, — спросил Джордж, — что у тебя произошло?

— Да, собственно… — замялся Франц.

— И все же?

— Я чувствую себя виноватым, шеф. Но я боюсь. У меня ничего нет, кроме этой работы. Это моя жизнь.

— Но никто не собирается отбирать у тебя работу, насколько я знаю, — сказал Джордж.

— Да, но… В общем, в том, что сейчас происходит с вами, возможно, виноват я.

— То есть? — Джордж был настолько удивлен этим признанием, что даже не придал значения тому, что, по идее, Франц не мог знать, в чем причина происходящего с его шефом.

— Ну, я насчет того взлома…

— Откуда ты знаешь про взлом? — только тут Джордж понял, что Франц слишком много знает.

— Да бросьте, шеф. Все эти тайны… У нас все через пару часов тайной быть перестает. Слухи.

— Так, и что со взломом? — спросил Джордж. Все же у него остались сомнения, что насчет слухов Франц говорил правду.

— Ну, накануне этого случая я проводил один эксперимент… Ну, вы понимаете, несанкционированный. Идея пришла, я дождаться не мог, а решение было так близко…

— Ближе к делу, — прервал его лирику Джордж, — так что ты сделал?

— Я подключил к Сети Маверика.

— Мышь?!

— Ну да. Только перед этим я внедрил в него биософт с программой взлома. Причем она накладывается на собственные интеллектуальные данные. Но я же не знал, что Маверику вздумается виртуальные ходы прогрызать в стенах. Хорошо, что у него нет хакерских мотиваций. Но дырку он практически догрыз. А потом его почему-то выбросило из Сети. Я не понял, почему так случилось, возможно, синапсы…

— Подожди, подожди, — прервал его Джордж. Вот теперь Франц был похож на самого себя. Теперь он, как обычно, не мог остановиться, объясняя, что он изобрел и как это работало. — Как ты подключил мышь к Сети?

— Да просто. Через нейроконтакт. Я его уже давно Маверику вживил. И управляющую программку биософтом установил.

— Но как мышь может воспринимать образы виртуальности?!

У мышей же нет образного мышления!

— Ну, если честно, не знаю. К нему ж в голову не залезешь.

— Ладно, я разберусь, — сказал Джордж, — никто тебя не тронет. Про своего взломщика никому не рассказывай. Но попытайся все же выяснить, как он подключается к виртуальности. Только в локальной сети. Чтобы он больше ничего не прогрыз.

— Ага.

— И скажи, чтобы меня никто не беспокоил.

— Хорошо, — сказал несколько повеселевший Франц и вышел, плотно закрыв дверь в кабинет Джорджа.

Джордж опустил голову на руки. В виртуальном мире происходило нечто невообразимое. За последние два дня стремительно разрушались, отваливаясь большими кусками, все его представления об известной с раннего детства Сети. Что-то шныряло по виртуальности, снося все на своем пути. Оно смогло выбросить его, Джорджа, в реальность каким-то совершенно непостижимым образом. Мыши подключались к виртуальности! Это же уму непостижимо. И Голос. Да, это, пожалуй, было самое таинственное. И, Джордж был уверен в этом, Голос пришел не из этой вселенной. Во всяком случае, не из человеческой Сети. Правда, ни про какую другую сеть Джордж никогда ничего не слышал. Хотя, памятуя о Маверике, возможно, скоро будет сеть мышиная.

Ситуация становилась все более запутанной. И он должен в ней разобраться.

Джордж резким движением воткнул черный штекер в разъем нейроконтакта и вошел в виртуальность.

20. 25 марта. Калькутта, «Banner of the Revolution», логово Спрута

Пройдя коротким темным коридором, Настя и Мухомор попали в зал. Довольно большой и просторный, но совершенно темный. Огромное эллипсоидное пространство освещалось лишь светом из бара и несколькими свечами, горевшими вокруг чего-то, смутно напоминавшего икону. Присмотревшись, Настя поняла, что там, в глубине алькова, окруженного горящими свечами и гирляндами цветов, судя по всему — искусственных, на стене висит фотография мужчины лет сорока с хитрым выражением глаз. Именно фотография, причем даже, кажется, черно-белая, а не современная стереопроекция. Лицо человека на портрете показалось Насте смутно знакомым, но понять, кто это, она так и не смогла. Помог ей в этом Мухомор.

— Вот те на! — удивился он. — Так это ж наш старикан Чип-то! Только тут он сильно помоложе и без бороды-то.

Теперь и Настя узнала в человеке Чипа. Сколько же этой фотографии лет? Никак не меньше тридцати пяти. Может, даже больше. И почему здесь старого нейрокибернетика почитают чуть ли не богом? Вон, целый храм в его честь возвели. И название-то какое — «Знамя Революции». Название скорее и вправду сам Чип придумывал.

Внутри клуба было тихо. Сейчас, в разгар дня, посетители сюда не заходили, однако двери не были заперты. Видимо, прийти в клуб могли в любое время.

— Ну что, — спросила Настя у Мухомора, — ждать будем здесь или пойдем погуляем? До пяти еще пара часов.

— Даже не знаю. На Калькутту-то посмотреть интересно, но как-то здесь небезопасно, — ответил Мухомор. — Лучше давай здесь подождем.

— Ну, давай здесь. Что-то ты стал так о безопасности волноваться. В Питере тебе вроде нормально было на улице жить.

— Так то в Питере-то. Там — дом. И там я сам по себе.

— А тут — по ком?

— Хм. А тут я с тобой. Чип тебя беречь наказал-то. Так что лучше давай здесь подождем. А там видно будет. Может, еще насмотримся на эту Калькутту — осточертеет.

— Какой ты, оказывается, заботливый. Скажи, а у тебя девушка была?

— Раньше — была.

— А сейчас?

— Да кому я сейчас такой-то нужен-то?

— Да ладно. Тебя помыть-причесать, так очень даже ничего себе будешь, — сказала Настя, после чего Мухомор смущенно заулыбался.

— Пойдем пока у бармена про заведение расспросим, — сменил он тему.

Бармена звали долго. Сначала пробовали просто постучать по пластику стойки. На стук никто не отзывался. Потом стали звать. Спустя минут семь из глубины темного коридора, ведущего в бар откуда-то из недр служебных помещений, появился заспанный и всклокоченный молодой индус. Яростно потирая глаза, поинтересовался, чего они хотят.

— Да ничего, собственно, — ответил Мухомор.

— А чего звали тогда? — резонно заметил бармен, или кто это был.

— Спросить хотели. Заведение когда открывается?

— Оно всегда открыто, — удивился индус, — вы же зашли.

— А, ну да, — согласился Мухомор.

— А это кто у вас в свечах висит на стене? — спросила Настя.

— О, сестра, — как-то сразу запел индус, — это великий человек. Он основал этот клуб, он дал всем нам цель.

— Всем нам — это кому?

— Всем людям. Всем тем, кто подключается к Сети.

— Что-то я не пойму, — сказала Настя, — ну я подключаюсь к Сети. Но про данную мне цель ничего не слышала.

— За тем и пришла ты сюда. Подожди, скоро здесь станут собираться люди. Они помогут тебе обрести цель.

— Хорошо. — Настя поняла, что с целью все очень запутано и вряд ли удастся быстро выяснить. Все это очень напоминало секту. Старый Чип, оказывается, еще и гуру компьютерных сектантов. Поистине великий человек. Чего он только не успел сделать в жизни! Жаль, что не судьба была с ним познакомиться, когда он еще не выжил из ума.

— А что, у вас здесь в Сеть выйти можно? — спросила бармена Настя.

— Да, конечно. Вон там, — он указал рукой в глубину зала, где было видно слабое синеватое мерцание какого-то искусственного источника света.

Настя прошла в указанном ей направлении. Там, отгороженные друг от друга стилизованными под дерево тонкими пластиковыми перегородками, стояло несколько слабо светящихся голоэкранов с клавиатурой возле каждого. Никаких признаков длинных черных проводов вирт-коннекторов не отмечалось.

— Это что? — крикнула Настя в сторону бара. Индус к этому времени уже успел скрыться в недрах темного коридора.

— Компьютеры, — ответил он, снова появившись у стойки бара.

— Я понимаю, что компьютеры. А к Сети-то как подключаться?

— Эти компы всегда подключены. Только без виртуальности. Нельзя впускать электронную ерунду в свой мозг. Это добром не кончится. Но надо быть в курсе событий, чтоб достичь цели. Поэтому в Сеть можно выходить просто — старым дедовским способом, просто наблюдая за событиями на экране.

— Ясно, спасибо, — ответила Настя и обратилась к Мухомору: — Похоже, старикан Чип и в те годы уже с катушек съехал. Про зло в Сети вспоминаешь?

— Похоже на то, — согласился Мухомор.

Пользоваться старомодными терминалами, вводя данные вручную, было непривычно, и Настя постоянно спотыкалась, совершая не те действия, которые от нее ждала программа. Оказалось, что в Сети довольно много информации, не завязанной на виртуальность. В первую очередь они посмотрели сводки новостей из Питера. Но там ничего особо ценного обнаружить не удалось. Сообщалось о перестрелке в «Медведях» — хорошенькая перестрелка. Вроде бы, насколько помнила Настя, стрелял один киберстрелок. Правда, о кибере не было ни слова. Писали, что две хакерские группировки выясняли отношения, в ходе чего в баре образовалось пять трупов, три из которых куда-то бесследно исчезли. Следов найти не удалось. Конечно, не удалось — видно, друзья тех трупов ментам денег не подкинули, так чего напрягаться, никому, значит, те следы не нужны. Дальше следовал длинный перечень злорадных сообщений о том, где еще кого застрелили, утопили, зарезали. Ничего особо интересного Настя в них не нашла.

Посмотрели новости из Калькутты. Здесь корреспонденты честно сообщали, что в аэропорт ворвалась группа бандитов из местной мафии и по неизвестным пока причинам устроила стрельбу. Никто не пострадал, только половина пассажиров рейса Санкт-Петербург — Калькутта подали исковые заявления в суд с требованием оплатить моральный вред. Вторая половина пассажиров никакого вреда, судя по всему, не понесла. Про исчезновение двух человек с рейса ничего не сообщалось. Что свидетельствовало о том, что их продолжают искать. И, если они не поторопятся с поисками убежища, скорее всего, найдут в самое ближайшее время.

Настя уже хотела закрыть сводку новостей, как вдруг ее

внимание привлекла последняя строчка из питерских новостей, появившаяся всего с полминуты назад. Она пробежала ее глазами, но не поняла, что ее привлекло. Текст был для нее совершенно неинтересен. Там сообщалось о трагической гибели какого-то Вениамина Лугового. Кто это такой, Настя не знала и никак не могла понять, почему ее так заинтересовала эта полоса, пока не взглянула на маленькую картинку, приколотую к строке. Она развернула картинку в полный размер. Это была та самая фотография, что висела справа от нее, окруженная зажженными свечами. Вениамином Луговым, известным в прошлом программистом и нейрокибернетиком, как сообщалось в некрологе, был Чип. Не менее знаменитый в среде хакеров, герой хакерских баек, старый Чип-энд-Дейл. И теперь он был мертв.

Внутри у Насти все оборвалось. Ведь это именно она стала причиной гибели старика. Наверняка. Ее пальцы замерли над клавиатурой, на глаза навернулись слезы.

— Что там? — спросил Мухомор, заметив перемену в Настином поведении.

— Вот, смотри, — сказала Настя, показав ему статью.

Мухомор пробежал глазами по строчкам, увидел фото и тоже замер. Он хотел что-нибудь сказать, но слова не получались. Дыхание его перехватило. Да и что тут скажешь? Смесь чувства вины и ярости захватила их.

— Гады, — только и смог произнести Мухомор.

— У-гу, — промычала Настя и смахнула рукавом набежавшие слезы. Она засунула руку в карман и вытащила деньги. Оставались две мелкие купюры. Все так же молча она подошла к барной стойке и хриплым голосом позвала бармена, Индус с недовольной миной на лице опять выполз из служебных помещений и поинтересовался, что она хочет. Настя спросила, хватит ли имеющихся у нее денег на две стопки водки. Оказалось, что хватит. Не самой лучшей, но это не имело особого значения.

Она вернулась к столу, где ее ждал Мухомор, и молча поставила рюмки на стол. Мухомор понял. Взял рюмку и, приподняв ее в направлении висящего на стене портрета Чипа, молча выпил. Настя тоже выпила свою. Спирт жег горло, но она словно не замечала этого. В ее голове звучал бессмысленный теперь вопрос: зачем она влезла во все это, зачем она тянет за собой других людей?

— Местной братии, наверное, говорить не будем, — сказала Настя, когда немного пришла в себя, — пускай сами узнают.

Мухомор согласился с ней. Так, молча, глядя друг на друга, они просидели до пяти часов. Их давешний официант задержался на десять минут. Только появившись в дверях клуба, он быстрым

взглядом окинул зал и, заметив Настю и Мухомора, направился прямо к ним.

— Что физиономии такие кислые? — с ходу спросил он.

— Так, новости плохие, — ответила Настя.

— Что за новости? — поинтересовался официант.

— Потом сами узнаете.

Он понял, что дальше беспокоить их расспросами не стоит, и сразу перешел к делу:

— Так зачем вам нужен Лоуб?

— Вас как зовут? — спросила Настя. — А то как-то не знаю, как к вам обратиться.

— Зовите меня Линк. А вы?

— Сикомора и Мухомор, — представила их Настя. Она решила, что раз их новый знакомый использует сетевой ник, то и ей незачем называть свое настоящее имя. Она лихорадочно пыталась вспомнить, слышала ли что-нибудь раньше о ком-то по имени Линк. Что-то знакомое было в этом простом нике, но что именно — вспомнить не удавалось.

— Тогда, Сикомора, вернемся к моему вопросу — зачем вам понадобился Лоуб? Разве вы не в курсе, что он погиб в перестрелке с властями много лет назад? — добавил он после короткой паузы.

— Собственно, если честно, то мы и сами не знаем, — ответила Настя. — Нам Чип велел его найти и все рассказать. Выразил надежду, что Лоуб может нам помочь в решении нашего вопроса.

— А Чипа откуда знаете?

— Друг он мой, — ответил Мухомор, — друг и учитель.

— Мне он очень помог, — добавила Настя.

— В чем? — спросил Линк.

— Это неважно. Не знаю, жив ли Лоуб — до сегодняшнего дня я в этом очень сомневалась, — но суть нашей проблемы я расскажу только ему. Или никому вообще.

— И что вам предположительно нужно для решения вашей проблемы? — спросил Линк. С его лица не сходила саркастическая ухмылка.

— Хороший незарегистрированный комп и помощь опытного хакера.

— Допустим. Но комп стоит денег, а хакеров здесь, в Калькутте, более чем достаточно. Даже опытных. За деньги можно организовать помощь любого из них.

— Денег у нас нет, — ответила Настя. Разговор заходил в тупик. Про Лоуба больше никто не упоминал, их просто пытались развести на деньги. Или нет? Она уже ничего не понимала. Чего

хочет этот Линк? Денег? Информации? Своей доли в деле? Чего?

— Чего вы хотите? — задала ему Настя прямой вопрос.

— За что? — спросил официант.

— Ты это, — вступил в беседу Мухомор, — ты давай, не дури. Тебя вроде на нормальном английском языке спросили, где можно Лоуба найти. Вот и скажи, что ты за эту информацию хочешь.

— А вы и деньги найдете? — спросил с ехидцей Линк. — Что-то очень я в этом сомневаюсь.

— Послушайте, — сказала Настя, — я так понимаю, что раз вы ходите в это заведение, то старика Чипа вы уважаете. Поймите же наконец, что нас действительно послал сюда Чип. Он действительно помог мне. И он поплатился за это. Жизнью поплатился. Знал, что это опасно, но помог. Вы это понимаете? — ее голос снова стал срываться, глаза сделались влажными.

— То есть как — поплатился? — Линк был в полном недоумении.

— Вот, — сказала Настя и повернула к нему голоэкран со все еще висящим на нем некрологом Чипа. Линк быстро пробежал глазами заметку.

— Это из-за нас, — добавила девушка, — то есть — из-за меня.

— Ладно, подождите, — сказал Линк после того, как прочитал заметку на экране. Он явно пребывал в замешательстве.

— Хорошо, — сказала Настя.

— Ждите, — снова повторил Линк и, стремительно встав, скрылся за барной стойкой.

Настя и Мухомор остались. Сидели молча, не говоря друг другу ни слова. Слова были лишними. Оставалось лишь ждать, чтобы потом, если повезет, все исправить. Хотя что здесь можно исправить? Можно было только остановить это все и спасти себя. Только этим Настя и занималась последние три дня — всеми силами спасала себя. Было гадко, мерзко. Она понимала, что это нормальная человеческая реакция, инстинкт самосохранения, так сказать. Но все равно было мерзко. Было больно, где-то глубоко внутри. Больно оттого, что гибли люди, совсем не повинные в происходящем. Но делать было нечего. Выбор существовал, но небольшой — или продолжать бороться, или сдаться и отдать свои мозги на промывку. Причем становилось все менее понятно — кому. Правда, потом, после промывки, от мозгов ничего не останется. Можно придумать и третью версию исхода — пустить себе пулю в голову. Хотя пуля — это дорого, а денег нет. Можно вскрыть себе вены…

Мрачные размышления прервал Линк, вернувшийся из-за

барной стойки. Он отсутствовал минут десять. Вид он имел озабоченный и явно спешил увести их отсюда.

— Пойдемте, — сказал он им.

— Куда это? — Мухомор все продолжал ерепениться. Ему Линк не понравился сразу, и он продолжал это показывать всеми силами.

— Пойдемте, — повторил тот.

— Хорошо, — сказала Настя, — пойдем, Мухомор.

— Еще неизвестно, куда он нас ведет, — продолжал сопротивляться Мухомор, но он уже встал и был готов к движению.

— Пойдем, — повторила Настя. Она страшно устала, и ей ужасно надоело все время куда-то идти и что-то искать.

Они вышли из клуба сумасшедших хакеров, смысл существования которого так и остался для них тайной. Шли долго, трущобы калькуттской барахолки постепенно сменялись все более облезлыми и разрушенными зданиями. Теперь район нельзя было назвать даже трущобами. Скорее, он походил на пепелище. Странно, что здесь кто-то жил. Причем жили многие — на улицах количество людей не уменьшалось. Правда, это были в основном древнего вида полуголые старики в чалмах, большая часть которых сидела в тени, закатив глаза и медитируя. Похоже, Сеть не протянула сюда свои щупальца. У этих людей была своя сеть.

Настя не пыталась запомнить дорогу. В этом огромном городе, где одни развалины сменялись другими, а большие и красивые небоскребы, стремящиеся своими сверкающими вершинами к звездам, оставались такими же недостижимыми, ориентироваться без джипиэски было абсолютно нереально.

Когда они дошли до места назначения, уже сгущались сумерки. Остановились около совершенно разрушенного дома. Стены покосились, в окнах не осталось ни одного стекла, а сквозь давно прохудившуюся крышу проглядывали первые звезды. Конечно, место, куда привел их Линк, несколько смущало, но Насте уже было все равно. Она устала бояться, устала убегать и прятаться. В конце концов, она все сделала так, как сказал Чип. Неизвестно, правильно ли он рассчитал. Ведь себя уберечь он не сумел. Сумеет ли его совет помочь ей? Вернее — им. Настя вспомнила, что с ней Мухомор, и поняла, что ответственна за него. Ведь этот несчастный человек тоже ни в чем не виноват. Угораздило же его заговорить с ней вчерашним утром. Да, да, всего лишь вчерашним. Хотя казалось, что они знакомы уже всю жизнь. А он увлекся своей ролью телохранителя. Вон как недобро на Линка поглядывает. Косится то на нее, то на проводника.

— Пришли, — сообщил Линк. — Так, ты, Сикомора, пойдем со мной, а ты, Мухомор, жди здесь. Сейчас все выясним, потом тебя позовем, если нужно будет.

— Никуда она одна с тобой не пойдет, — возразил Мухомор. Он бодрился. Но было видно, что он очень устал. Глаза его ввалились, а правая щека все время подергивалась. Настя испугалась, как бы его не заглючило по полной программе.

— Тебе там что делать? Тебя что — тоже Чип послал? — возмущенно сказал Линк.

— Его как раз-таки Чип и послал, — сказала Настя. — Так что он тоже пойдет. Без обсуждений.

— Но…

— Куда идти? Показывай. Уже надоело бродить за тобой по всему городу.

Линк недовольно посмотрел на них, но ничего не сказал. Похоже, что они оба ему уже порядком надоели, но он старался себя сдерживать как мог. Настя решила, что он в долгу перед погибшим нейрокибернетиком. Интересно, что их связывало?

Линк пожал плечами, повернулся и пошел внутрь обветшалой развалины. Настя и Мухомор шагнули следом. Девушке стало немного страшновато, но не из-за неизвестности — ведь им так и не сообщили, куда они идут, — а скорее из-за вида здания. Казалось, оно может рухнуть в любой момент и погрести их под своими обломками. Было бы просто глупо погибнуть вот так, без всякого смысла. Хотя какой смысл может быть в гибели? Или разве можно сказать, что кто-то погиб по-умному? Чип, например? Любая смерть глупа и бессмысленна. Правда, такая, под обломками рухнувшего здания, будет еще и бесполезной.

Лезли довольно долго, аккуратно обходя рваные дыры в полу и огибая свисающие сверху рухнувшие ржавые балки. Казалось, что дом, несмотря на свою внешнюю неказистость, бесконечный. Настя была готова поклясться, что прошли они уже не менее трех, а то и четырех кварталов. При этом они явно не переходили из здания в здание, пользуясь дырами в стенах, наличие которых предположить здесь было бы вполне логично. Дыр хватало, но вот ничего похожего на наружную стену Настя не увидела, за исключением той стены, через которую они сюда зашли. Она поинтересовалась у Линка, что это за здание, он ответил, что раньше, очень давно, здесь была резиденция какого-то раджи. Раньше это был особняк, это потом, когда район стал трущобами, вокруг понастроили, так что снаружи и не скажешь, что эта развалина могла быть дворцом.

Они остановились у очередной дыры в полу. Чем эта отличалась от сотен других и как ее можно было выделить из

всего бедлама, творившегося вокруг, Настя не смогла бы сказать. Но Линк, видимо, знал какой-то тайный знак.

— Сейчас идем тихо и аккуратно, — сказал он, — будет темно. Совершенно темно. Держитесь вместе и идите по стене следом за мной. Около стены никаких препятствий нет. И тихо, не разгоняйтесь, а то еще шею свернете.

— Хорошо, — ответили Настя и Мухомор хором.

Они полезли в дыру. Как кроты в нору. Внутри, как и обещал Линк, была кромешная тьма. Ни малейших отблесков света не попадало сюда снаружи. Поначалу Настя шла, аккуратно переставляя ноги и пригнувшись, потому как, когда они входили, потолок этой кротовьей норы нависал на уровне ее плеч, и она несколько раз основательно приложилась головой о непонятные выступы, пока не согнулась в три погибели. Но потом у нее затекла спина и, немного выпрямившись, чтобы потянуться, она обнаружила, что низкого свода над ней больше нет. Она аккуратно вытянула вверх руки, но наткнулась лишь на пустоту. Потолка больше не было. А если и был, что предположить было бы логично, располагался он достаточно высоко. Потянувшись, Настя услышала несколько щелчков, которые издала ее затекшая спина, прозвучавших неожиданно громко в подземной тишине. Потом выпрямилась и, вытянув правую руку, коснулась стены, чтобы продолжить движение. Именно в этот момент и случились непредвиденные осложнения.

Сзади послышался короткий всхлип, и что-то едва заметно стало светиться в темноте, моргая с частотой на пороге восприятия. Спустя пару секунд раздался звук падающего тела. Настя сразу поняла, что произошло. Линк хрипящим шепотом спросил, что это.

Настя не знала, что ей делать. Она аккуратно пошла к коротким вспышкам, которые виднелись чуть сзади нее. Очень скоро она споткнулась о тело лежащего на земле Мухомора. Бедняга трясся в судороге, угрожающе сильно ударяясь каждый раз головой о твердую, похоже каменную, стену. Его тело напряглось и конвульсивно подергивалось, а пульсирующее свечение исходило откуда-то из-за Мухоморовой щеки. Там явно что-то закоротило. Насте стало страшно — ведь если был виден свет, значит, там, внутри его тела, между какими-то неведомыми ей контактами беспрестанно пробегала искра электрического разряда. Это могло испепелить часть мозга Мухомора, подключенную к платам, или находящуюся в непосредственной близости к ним.

— Что там? — снова прохрипел Линк.

— Иди сюда, — тихо позвала его Настя. Она была близка к

панике. Ей казалось, что вот теперь не станет и Мухомора. И она не знала, чем ему помочь.

— Что здесь у вас? — спросил проводник, на ощупь подходя к ним. Увидев мерцающую щеку Мухомора, он, похоже, сразу все понял.

— Че-е-ерт! Вот угораздило же, — возмущенно прошипел он. — Он что — кибер?

— Нет, насколько я знаю. Но железа в голове у него достаточно. И периодически его замыкает. Сказал, что пиратские платы в основном себе ставил.

— Толку от лицензионных… — заметил Линк. — Ты вообще про него чего-нибудь знаешь? Может, у него в голове камер-передатчиков понатыкано, и за нами сейчас вся Сеть следит?!

— Да нет. Он обычный бомж.

— Угу. А киберы-шпионы, как правило, только во фраках ходят.

— Но… — Настя вдруг подумала: а что, если это правда? Что, если Мухомор встретился с ней не случайно, если его кто-то преднамеренно подослал к ней? Ведь с убийцей-кибером она уже пересекалась. И не более чем за несколько часов до встречи с Мухомором. Что, если?.. Нет, этого не могло быть. Ведь Мухомор спас ее, он оберегал ее и сейчас! Он… Но шпион должен вызывать доверие у объектов слежения. Какой иначе от него толк, если все понимают, что он шпион. И эти его припадки — может, это просто сеанс связи с хозяевами? А конвульсии для того, чтобы окружающие, будучи занятыми переживаниями о судьбе страдающего человека, не вздумали прослушивать эфир в это время. Но он же страдает! А вдруг… Но его же знал Чип. Причем знал его давно. И хорошо к нему относился!

Последняя мысль окончательно уверила Настю в том, что никакой Мухомор не шпион. Просто несчастный человек, потерявший в жизни все. И вот теперь чуть не потерявший ее доверие.

— Нет, — решительно сказала Настя Линку, — его Чип знал. Он был в нем уверен.

Она не могла сказать, как проводник отреагировал на ее слова, так как в темноте не видела выражения его лица. Но больше никаких предположений и опасений он не высказывал. На несколько секунд снова воцарилась тишина, и лишь было слышно, как тихо постукивают зубы Мухомора. Настя, держа руки на груди лежащего на земле бродяги, с ужасом поняла, что он не дышит. Только мелко дрожит. Потом все его тело внезапно содрогнулось и замерло. Спустя еще пять секунд Настя поняла, что Мухомор снова начал дышать. За его щекой больше не

искрило.

— Что ты сделал? — спросила Настя Линка.

— По роже его саданул, — ответил он. От каждого его слова так и веяло злобой и недоброжелательностью. — Повезло твоему козлу, видно, контакты на место стали. Поднимай его и пошли. Нечего здесь задерживаться.

Настя растормошила Мухомора. Он, похоже, плохо понимал, где находится. Но когда Настя успокаивающе зашептала ему на ухо и попросила идти с ней, он, пошатываясь, медленно побрел вперед, опираясь одной рукой о стену. Девушка поддерживала его слева и теперь поняла, что имел в виду Линк, говоря, что надо держаться у стены — она то и дело спотыкалась обо что-то твердое, выступающее из пола, и несколько раз чуть не расшибла ноги о металлические пруты, на ощупь казавшиеся ржавой арматурой.

Когда она упала в последний раз, она уткнулась головой в ноги Линка. Тот снова возмущенно зашипел на нее. Он в этот момент, судя по звуку, что-то набирал в кромешной тьме на невидимой ей клавиатуре где-то на стене. Потом впереди вздрогнуло, и пещеру залил слабый, но вполне достаточный для людей, проведших несколько минут в кромешной тьме, свет. В тусклом свете, струящемся из открывшегося перед ними люка, Настя увидела, что они находятся в бетонной трубе диаметром никак не меньше трех метров, пол которой устилал толстый слой разнообразного хлама, о который и спотыкалась девушка.

— Быстро внутрь, — резко сказал Линк и рывком опустил бетонную крышку, закрыв ею клавиатуру, вмонтированную в стену справа от люка. Так найти клавиши было совершенно невозможно, если не знать, где они должны находиться.

Они перешагнули через бортик внутрь неведомого бункера. Здесь уже не было так темно, как снаружи. Источника света по-прежнему видно не было, но откуда-то спереди, видимо, из-за еще одной, уже менее плотно закрытой двери, в коридор проникали слабые желтые лучи.

Тяжелый люк медленно опустился на место. Линк прошел вперед по коридору и открыл дверь, ведущую дальше. Оттуда действительно ударил поток света. Наверное, он был очень тусклым. Скорее это напоминало аварийное освещение, но после тьмы подземелья, по которому они только что прошли, Насте это слабое свечение показалось слепящим светом мощного прожектора. Она непроизвольно зажмурила глаза, по щекам потекли слезы.

Она помогла подняться Мухомору, и вместе они пошли следом за проводником. Дальше вел узкий бетонный коридор,

теперь прямоугольного сечения, через каждые десять метров под потолком висела неяркая лапочка аварийного освещения. Под каждой лампой располагались совершенно одинаковые темные, скорее всего железные двери, ведущие неведомо куда. Все они были закрыты. Коридор быстро закончился, и Линк, приложив на мгновение ладонь к темной, казавшейся незыблемым металлом, поверхности последней двери, открыл ее. Судя по всему, в дверь был встроен детектор отпечатков пальцев.

Внутри негостеприимный бетон уступил место неописуемой роскоши натурального дерева, бронзы и, как показалось Насте, местами даже золота. Такого великолепия ей никогда не приходилось видеть живьем, по-настоящему. Вдаль по бесконечной длины коридору, залитому ярким светом, который, наверное, мог бы соперничать с лучами солнца, уходили ряды из тысяч картин, фотографий, голограмм и скульптур. Настя отметила про себя, что вряд ли хоть одна из них является копией. Этой коллекции мог бы позавидовать любой музей мира, не исключено, что даже виртуальный. Пол в коридоре был устлан паркетом из натурального дерева, на который было просто страшно наступать. Аккуратно, чтобы не испортить пол, Настя и Мухомор вошли в коридор и остановились у входа. Линк ушел дальше, то и дело заглядывая в комнаты, которых здесь, похоже, было несметное количество. Каждый раз он выкрикивал в пустоту помещения что-то вроде «ты где?». Потом наконец остановился у одной из дверей и обратился к пришедшим с ним вместе людям:

— Ну, и долго вы там будете стоять? Заходите, вас ждут.

Возмущения в его голосе не убавилось, даже скорее наоборот. Похоже, что его также раздражал и тот, кого он искал. И Настя уже начала догадываться, кто он. Такое великолепие могла себе позволить максимум сотня людей на планете. И мало кто из них стал бы жить в тайном подземелье в калькуттских трущобах. Но Лоубу, нажившему свои миллиарды не самым честным путем, за которым до сих пор охотились многие, это было в самый раз.

Они подошли к двери. Внутри комнаты роскошь и великолепие не шли ни в какое сравнение с роскошью коридора. Хотя так и должно было быть. Трудно только было себе представить, что может быть еще роскошней. Внутри комнаты, площадью никак не меньше небольшого стадиона, на огромной кровати — не исключено, что на ней свободно смогли бы сыграть в футбол с десяток детей, — сделанной из натурального деревянного массива, покрытого тонкой резьбой и инкрустированного золотом, драгоценными камнями и зачем-то голоэкранами, возлежало тело неописуемых размеров. Наверное, этот человек весил около четырехсот килограммов. Вряд ли он

мог самостоятельно передвигаться. Со всех сторон по телу ползали пять-шесть полуголых красоток, а само тело пыхтело не то от собственной тяжести, не то от удовольствия. В общем, зрелище было омерзительное.

— Ладно, иди, — булькая, сказало жирное чудовище Линку, — и охрану предупреди, пусть бдят.

— Хорошо, — буркнул Линк и, не прощаясь, вышел и закрыл за собой дверь. Так, стало быть, была еще и охрана. Хотя, учитывая размеры подземного дворца и беспомощность его хозяина, здесь должно было быть много кого кроме охраны.

Насте очень хотелось убежать отсюда. Ей здесь не нравилось. Она не привыкла к такому богатству. И ей с первого же взгляда стал омерзителен тот, к кому они пришли. Величайший хакер всех времен и народов, легенда сетевого эпоса Эндрю Лоуб, известный как Спрут. Жирный боров, как назвал его Чип. Нет, Чип сильно преуменьшил достоинства Лоуба. Он был не боровом, он был монстром из ада, олицетворяющим сразу все смертные грехи. Уж чревоугодие, алчность и прелюбодеяние — это точно. Но убегать было рано. Нужно узнать, чем это чудовище могло им помочь. Если оно вообще еще на что-то способно.

— Ты — Мухомор, — скорее констатировал факт, чем спросил Лоуб, указав пальцем на парня, — а ты, надо полагать, Настя.

Голос толстяка дрожал и расплывался, словно масло на разогретой сковородке. Когда он говорил, то становился еще более мерзким.

— Да, — ответила ему Настя, — а вы, полагаю, Эндрю Лоуб? Хотя представляться вас, похоже, не учили, — буркнула она спустя секунду. В ответ Лоуб отрывисто засмеялся.

— А ты с характером, — сказал он. — Но ты же меня искала, чего мне представляться? Да, Чип говорил, что тебя не сломать. Просил и не пробовать. Говорил, мол, времени мало.

Настя удивилась, услышав о разговоре Чипа с Лоубом. Когда он мог успеть связаться с хакером? Ведь, судя по всему, его убили через пару часов после того, как они с Мухомором ушли. И никаких средств связи в его бетонном бункере не было. Даже проводов, обычных медных, не то что оптоволоконных. Наверное, удивление отразилось на ее лице, потому что Лоуб засмеялся еще сильней и сказал:

— Тебя удивляет, что Чип со мной связался? Что он вообще общается с таким чудовищем, как я?

— Нет, что вы, — сказала Настя, смущенно опустив глаза.

— М-да. У Чипа вот тут, — он постучал себя по голове, — железа было не в пример больше, чем у меня. Но и у меня его

тоже хватает. Можете мне поверить. И сеть у нас своя есть. У Чипа, у меня, у… у других людей еще. Прямой контакт, мы его никогда не разрываем. Поэтому все про всех знаем, — он опять засмеялся мерзким отрывистым смехом. — Так что с Чипом я был на связи до самого последнего момента, — он снова стал серьезным, — до его самого последнего момента. Не так пошло все. Но ладно. Чего вспоминать? Что сделано — того не вернешь. Верно?

— Да, но… — неуверенно произнесла Настя.

— Никаких но. Надо двигаться вперед. И помнить своих товарищей, которые тебе помогали, а не убиваться по ним. Память, знаете ли, живет в веках. И в Сети живет. Особенно если ее поддерживать.

Повисла неловкая пауза. Лоуб то ли задумался, то ли задремал, а Настя не решалась нарушить тишину. Только теперь она поняла, что стайка полуголых шлюх продолжает ползать по необъятному телу престарелого хакера, не обращая совершенно никакого внимания на них с Мухомором. Мухомор же не сводил с них глаз. Его, похоже, никоим образом не заинтересовала беседа с Лоубом, но вот девушки его очень даже интересовали. Да, истосковался парень по женской ласке.

— Ну что, — вдруг снова ожил хакер, — сразу начнем или пообедаете?

— Начнем — что? — не поняла Настя.

— Ну как? Вы чего вообще пришли? — рявкнул он. — Я еще должен вам объяснять, зачем вы сюда пришли?

— А я и не знаю, зачем я сюда пришла, — закричала в ответ девушка, — я не знаю, зачем я притащилась за полпланеты, чтобы встретиться с жирным никчемным боровом, который даже с кровати встать не сможет. Видно, Чип вас очень переоценивал.

— Ха, боевая, а? — обратился он с восторженным вопросом к одной из шлюх, грубо подняв ее голову за волосы. Та мяукнула в ответ что-то неопределенное. Лоуб возмущенно пнул ее рукой так, что девушка свалилась с кровати, и разразился криком: — А ну, пошла отсюда. Все пошли. Дуры тупоголовые, толку от вас…

Шлюхи кинулись врассыпную, быстро исчезнув за какой-то другой дверью, не за той, через которую зашли Настя и Мухомор.

— Ладно, — обратился хакер к Насте, — идите, жрите. В коридоре крикните кого-нибудь, вам обед сообразят. А я пока потренируюсь.

Он что-то ткнул под подушкой, и все голоэкраны, что были вмонтированы в кровать, включились, представив взгляду потоки летящих в черной бесконечности значков.

Обед выдался на славу. Так вкусно Настя не ела, наверное,

никогда. Она поглощала еду, обилию которой не было конца, до тех пор, пока она помещалась в желудок. Когда, наконец, она больше не могла есть, она откинулась на спинку кресла, на котором сидела, и, запрокинув голову, закрыла глаза. У Мухомора, похоже, чрево было бездонным — он поглощал еду в неописуемых количествах и с устрашающей скоростью.

Настя лежала в кресле. Сейчас ее не беспокоило ничего. Ни Лоуб, ни бандиты, охотящиеся за ней, ни Сеть, ни весь остальной мир. Да пусть он катится, этот мир… Куда-нибудь пусть катится. Ей все равно. Ей хорошо сейчас, и не надо ничего менять. Очень скоро Настя заснула. Ей снился очень странный сон о файлах, которые вдруг оживали и вылезали из Сети в реальный мир, о Чипе, который поражал злобные файлы заточенными микросхемами огромного размера, о Лоубе, который лежал рядом с воюющим Чипом и хохотал. А ее, Настю, трясло от электричества, которое подключили к нейроконтакту. Ее трясло, и не было от этого спасения. Ее трясло так, что казалось, сейчас вот вытрясет всю душу из тела. Ее трясло…

Она открыла глаза. Какой-то незнакомый молодой индус тряс ее за плечо, по-английски призывая проснуться. Она огляделась. Рядом стоял Мухомор, потрепанный, но довольный. Еще какие-то люди, которых она не знала. Сколько она проспала? Трудно сказать. Здесь не было окон, и по солнцу не определишь. В голове шумело, но дурацкий сон быстро улетучивался из памяти.

— Пойдемте, мисс, — сказал молодой индус, тот, что будил ее, — вас зовет хозяин.

— Угу, — буркнула Настя и спросила у Мухомора: — Сколько времени мы уже здесь?

— Не знаю, — ответил бомж. Ему, похоже, здесь начинало нравиться — еда и крыша над головой есть, бежать никуда не надо. — Часа три где-то. Может, больше. Часов-то у меня нет.

В этот раз их отвели в другую комнату. Лоуб все так же возлежал на той же самой кровати. Но комната была другая. Здесь ничего не напоминало спальню. Скорее это место было суперсовременной компьютерной лабораторией. Стены покрывали десятки огромных голоэкранов, километры проводов опутывали помещение, тысячи огоньков светодиодов перемигивались между собой, сообщая о бесперебойной работе системы. На всех голоэкранах отображались мириады быстро сменяющих друг друга значков. Настя знала, что это. Мухомор, наверное, тоже. Это были машинные коды, язык компьютеров, язык Сети. Именно таким образом компы в Сети передавали друг другу информацию, обменивались данными, которые строили на основании сигналов мозга людей, подключенных к своей машине.

Именно это и было основой Сети. Это, а не те красивые города, невообразимо шикарные замки и безграничные, как полет фантазии, виртуальные хай-тек лаборатории. И в самом центре всей этой цифровой мощи стояла огромная кровать с лежащей на ней тушей величайшего хакера всех времен и народов Эндрю Лоуба.

— А этот, драный, чего приплелся? — спросил Лоуб, указывая пальцем на Мухомора.

— Ничего, — с вызовом ответил бродяга, — я тут побуду. Посмотрю, чего вы тут делать будете. А то мало ли?

— Ну, черт с тобой, ладно, сиди. Только не трогай ничего. И сам в Сеть не лазь — Чип тебе, помнится, запретил. Давай, подключайся, — сказал Лоуб, обращаясь к Насте. В его руке, зажатый между его пухлыми, как разваренные сардельки, пальцами, висел тонкий черный проводок вирт-коннектора.

Настя молча взяла из сарделек провод и воткнула штекер себе за ухо, поморщившись от боли, — место разреза еще только начинало затягиваться и довольно ощутимо болело при прикосновении. Перед глазами тут же возникло меню входа в виртуальность. Настя посмотрела на Лоуба, как бы спрашивая, что делать дальше.

— Входи в виртуальность, — ответил на ее немой вопрос хакер, — это не настоящая Сеть. Специальный учебный полигон, вот это все — он, — Лоуб обвел рукой пространство комнаты, в которой они находились. — Здесь предостаточно ловушек, не переживай. Есть даже настоящий выход в Сеть. Но он спрятан и надежно закрыт. Но ведь нет такого замка, который не смог бы кто-нибудь открыть. Ведь так? Вот когда найдешь его и откроешь — тогда можешь лететь в свободный полет по Сети.

— Но у нас не так много времени, — возразила Настя и тут же осеклась — похоже, что более безопасные для нее места на планете, чем этот дворец-бункер, можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Это точно, — согласился Лоуб и добавил: — Хоть здесь тебе бояться нечего, ну, почти нечего, времени у нас действительно немного.

Настя хотела было спросить, почему времени немного, но хакер ее перебил:

— Здесь, знаешь ли, или получится, или нет. Если получится, научишься быстро. Если нет, то в Сеть тебе лучше больше не соваться. Вон, — он кивнул в сторону Мухомора, тихо сидевшего рядом с Настей, — с этим своим драным пойдешь скрываться. Тут в наших теплых трущобах, поверь, тебя не скоро найдут, если высовываться не будешь. Все, — подвел он черту, — входи в

виртуальность.

Настя коснулась указательным пальцем виртуальной кнопки с надписью «Подключиться» и тут же оказалась в безграничной степи, простирающейся от горизонта до горизонта. Сильный холодный ветер дул ей в спину, пронизывая до костей. Он, ветер, нес тучи пыли и сухие шары травы перекати-поле. Шары смешно подпрыгивали на кочках и, учитывая силу ветра, скорее летели, нежели катились.

— Приветствую тебя, — услышала Настя голос, доносившийся из-за спины. Еще секунду назад там никого не было. Она повернулась и увидела огромную женскую голову, висевшую прямо в воздухе, закрывшую собой полнеба. Вернее, не голову, а скорее бюст — тонкая длинная шея женщины переходила в узкие обнаженные плечи, которые какими-то лоскутами свисали вниз. Лысое темя окутывали стальные прутья, которые, казалось, сдерживали давление изнутри, чтобы голову не разорвало. На шее висели массивные ярко-красные бусы, собранные из огромных блестящих шаров. Присмотревшись, Настя поняла, что голова эта была не чем иным, как воздушным шаром — лоскуты, которыми заканчивались плечи, канатами крепились к земле, а под всей этой конструкцией было заметно, как искажается перспектива из-за дрожания нагретого воздуха, поднимающегося в купол головы. Но, несмотря ни на что, голова была настоящей. То есть именно головой. Она была живой. Глаза пристально рассматривали Настю, совсем беззлобно, скорее с интересом, губы шевелились, как будто женщина с кем-то разговаривала.

— И тебе привет, — ответила Настя. «Красивая программка», — подумала она.

— Что тебе нужно в моей степи? — голова-воздушный шар сделала явный акцент на слове «моей». Вот тебе и первое препятствие.

— Пройти.

— Куда?

Вот это действительно был вопрос так вопрос. А куда, собственно, отсюда идти? За горизонт? Но это далеко, и, скорее всего, эта виртуальная степь действительно безгранична. Так что выход еще предстояло найти.

— Дальше, — ответила Настя.

— Но тебе придется пройти мимо меня, — предупредительным тоном сказала голова.

— Зачем? Я могу идти в другую сторону, — сказала Настя и, повернувшись, пошла по высокой сухой траве, которую сильный ветер пригибал к самой земле. Сзади что-то лопнуло с сухим

треском, уж не голова ли, подумалось Насте. Спустя мгновение это что-то накрыло ее мощным ударом.

Казалось, что ее тело разрывают изнутри, а весь мир вокруг залило красной краской. Настя упала на землю, перевернувшись на спину, и, перед тем как ее накрыл очередной удар, заметила, что сухой треск раздался, когда красный шар оторвался от бус женщины — воздушного шара. Потом шар понесся к ней, и снова приступ жуткой боли скрутил ее тело. В голове все перемешалось, она ничего не соображала. Глубинные зоны сознания лихорадочно перебирали варианты спасения, руки дергались и шарили по карманам в надежде найти там какую-нибудь из защитных программ или разрушителей-червей, но ничего не находили. Лоуб предупредил, что это не настоящая Сеть. Выход есть, но он закрыт, так что линки на ее проги, хранившиеся в укромных местах, не работали. Противостоять программе-охраннику было нечем. Из последних сил Настя поднялась на ноги и попыталась бежать. Только куда? Вокруг только шумела трава. Никаких укрытий, ничего, за что мог бы зацепиться глаз. Что же… Очередной удар красного шара опять бросил ее на землю, тело забилось в судорогах. Мышцы больно сводило, в глазах снова все стало красным. Почему-то вспомнился Мухомор с его электроприпадками. Бедняга, как ему достается по жизни. Но сейчас не до Мухомора, сейчас спасаться надо. Что это, неужели Лоуб решил убить ее? Но зачем? Зачем… Новая вспышка боли оборвала ход ее мыслей.

Только сейчас Настя поняла, что думает о том, как победить висящую в воздухе голову, но ни разу не пыталась отключиться от виртуальности. Разум жаждал борьбы, все ее существо хотело победы над виртуальным существом, нещадно бьющим ее своим неведомым виртуальным оружием, но тело больше не могло терпеть эту страшную боль. Девушка шепнула кодовую фразу выхода и…

И ничего не произошло. Только еще один шар ударил ей в голову, снова на несколько секунд лишив ее способности думать. Это была ловушка. Место, откуда невозможно выбраться самому. Здесь специальные программы блокируют нейроконтакт, не давая мозгу человека отключиться от виртуальности. Только сломав эту программу извне, можно вытащить попавшего в ловушку. Нет, этот мерзейший жирный старик Лоуб точно решил ее прикончить. Видно, бандиты добрались до него раньше нее с Мухомором. И Мухомор — он же остался с ними, там, в реале. Жив ли он еще? Холодок страха за жизнь товарища начал зарождаться внутри, но тут же был вышиблен очередным ударом красного шара.

Нет, жирный ублюдок не собирается ее убивать. Зачем? Он

просто заблокирует ее в своей виртуальности, а потом те мерзавцы, что преследуют ее еще с Питера, постепенно, нейрон за нейроном, разберут ее мозги на запчасти в надежде найти интересующую их информацию. Только вот ничего они не найдут. Нет никакой информации. Или все же есть? Настя не знала и, похоже, никогда уже не узнает… Снова весь мир сделался красным.

Когда из облака пыли, взметнувшегося от неимоверно быстрого движения проворного тела, появился огромный черный спрут, плавающий в воздухе, как в воде, Настя уже ничего не соображала от боли. Она запомнила только, как одно из щупалец морского чудовища, неведомо как оказавшегося здесь, в степи, схватило ее и дернуло вслед за собой. Потом яркий свет люминесцентных ламп ударил в глаза. Белый свет ламп, ничего красного, только белое. Она снова была в тренировочном зале Лоуба. Спрута Лоуба. Рядом выл Мухомор. Он неистово тряс ее за плечо. Здесь, в реале, боли не было. Совсем не было, и Мухомор тряс ее тело совсем не больно. Оставалась лишь память о боли. Только мозг запомнил эту красную боль, ведь на самом деле только он и воспринимал ее.

— Ты что? Прекрати, — одернула Настя Мухомора.

— Я думал, он тебя хочет прикончить, — сказал он. Его лицо стало бледным как мел, в глазах читался неподдельный страх. Настя посмотрела на Лоуба. Тот все так же возлежал на своем королевском ложе, а его лицо выражало полное недоумение. И в руке висел черный проводок вирт-коннектора.

— Так, — медленно произнес Лоуб, — тебя Чип что — совсем ничему не учил?

— А чему он мог меня научить за пару часов?

— Но x100 он тебе поставить успел за это время.

— Что такое x100?

— Та-а-ак. То есть ты вообще ничего не знаешь. Даже не подозреваешь, как себя надо вести в Сети. Ну, дела.

— Вы о чем? — не поняла его лепет Настя.

— x100 — это процессор, который тебе вживил в голову Чип. Очень мощный процессор, таких в мире не больше тысячи штук. Ресурсы мозга он жрет — будь здоров. Но и разгон дает просто невообразимый. Но не в разгоне дело. Ты хоть понимаешь, девочка, что сейчас вот снесла начисто все мои блоки из изолированной виртуальности в общую Сеть, даже не выходя с первого уровня?

— То есть как снесла?

— То есть так! Начисто. Вообще пустое место на винте, как будто и не было их. Только не понимаешь, что делать дальше. Ты

же могла уйти от хранительницы первого уровня куда угодно. На любой сервер Сети. Прямо, не заходя на другие уровни.

— Но как я могла их снести? — изумилась Настя. Она вспомнила, как тщетно пыталась вынуть из виртуальных карманов линки к ее программам-взломщикам. — Чем я могла их снести? Я же была без ничего, только я — и все.

— Вот именно — ты, и все. А что тебе еще нужно? Ты что, думаешь, что хакеры, настоящие хакеры, а не та шваль, с которой ты привыкла общаться в своей подворотне, ломают исключительно вирусами и червями? Ты глубоко заблуждаешься. И более того, только что сама продемонстрировала, что это не так.

— Но чем тогда?

— На самом деле никто этого не знает. Можно назвать это усилием воли, если тебе так нравится. Только надо еще вдобавок уметь воспользоваться своим даром! — рявкнул он спустя пять секунд тишины. — И теперь ты будешь этому учиться!

Мухомор сидел ни жив ни мертв. Он, похоже, был в еще большем обалдении от всего происходящего, чем Настя.

— А теперь — живо спать, — дал указание Лоуб, — мозги, даже такие исключительные, как у тебя, должны отдыхать после напряженной работы. А то расплавятся.

21. 25 марта. Сеть, закрытый информационный канал

Шикарное убранство виртуального зала для переговоров оставалось неизменным в своем великолепии. Менялись только разговоры, что велись здесь. Сегодня разговор шел на повышенных тонах.

— И как вы это объясните? — кричал собеседник, всегда казавшийся недовольным. — Кто, скажите на милость, это был? Кто выдернул их из-под самого носа моих ребят? Да не просто выдернул, а еще мастерски ушел от слежки. Кто это мог быть, я вас спрашиваю?

— А почему это вы предъявляете мне претензии? — спросил другой, тот, что обычно начинал разговор первым. — По-моему, это ваши парни не смогли взять двух бестолковых и безоружных людей в совершенно открытом месте. Как это вообще можно назвать?

— Но не вы ли требовали, чтобы их не брали до выхода из самолета? Кто еще мог знать…

— А кто остановил самолет? Или эти ваши перегретые на южном солнце олухи собирались пялиться на него до второго пришествия? Кто создал суету на летном поле и вызвал панику у подопечных? Не соизволите ли рассказать?

— Можно подумать, — попытался возмутиться недовольный. Третий собеседник наблюдал за происходящим, пока не проронив ни слова, блаженно улыбаясь из своего большого кожаного кресла.

— И вообще, у вас современная, отлично оснащенная организация или провинциальный салон? — продолжил нападки первый. — Неужели невозможно найти двух людей, довольно заметной внешности для тех широт, в городе? Или мне надо вас учить, как работать с агентурой?

— Бросьте. Вы же знаете, что Калькутта — улей, а не город. Здесь можно искать годами, — вяло возразил недовольный.

— И что? Мы будем ждать годы?

— Вряд ли, — наконец недовольный улыбнулся, — мои ребята, хоть и провалили операцию, работать умеют. Дайте мне пять, максимум — десять дней. Им не скрыться здесь. Калькутта улей, но это наш улей.

— Хотелось бы в это верить. Какие у вас данные по тем пластырям с неизвестным наркотиком? — сменил тему первый, обратившись к третьему собеседнику, не прекращающему

ухмыляться, наблюдая за товарищами.

— А не кажется ли вам, дорогой друг, что за пять, а тем более за десять дней интересующую нас информацию успеют слить куда угодно? — вернулся к теме третий собеседник. Недовольный бросил на него мрачный взгляд.

— Нет, — ответил за него первый, — наш киберстрелок, тот, что уложил троицу с пластырями, был оснащен сканером носителей. Если бы у девчонки что-то было с собой — он снял бы ее первым выстрелом. Ее комп и все коннекты, как вы понимаете, мы прочесали. Там ничего. Видимо, товар где-то сбросила. Сами мы его вряд ли найдем. Так что придется искать девчонку, — он взглянул на недовольного, — вам.

— Кстати, о кругляшах, — вдруг бодро заговорил третий. — Пообщались с нашими китайскими товарищами. Они все-таки нашли несколько молекул вещества. Говорят, они всех на уши поставили. Некоторые так, говорят, до сих пор на них и стоят. Говорят, некоторых на уши на кол поставили. Но это уже не наше дело, не так ли?

—Не томите, — нервно сказал недовольный.

—Нашли какого-то захудалого торговца из Гонконга по имени Кин. Говорят, форменный идиот. Так вот именно он и торговал такими кругляшами. Они синие, когда полные. Где он их взял, наши товарищи так и не поняли. Хотя информацию из него вытягивали — сами понимаете. Что-то там они такое с ним сделали. Вернее, все еще делают.

—Избавьте нас от подробностей, — сказал недовольный.

—Нет, это я так, к слову. Говорят, что этот самый Кин, похоже, и сам не знает, где их взял. Все твердит, что ему формулу в Сети голос какой-то напел. Голос пока не нашли. Но ищут. Они, товарищи наши, этого так не оставят, пока голосу гланды не повыдергивают.

—А что за формула? — спросил первый.

—Вот тут как раз самое интересное. Чего она, эта формула, делает, не могут сказать даже спецы наших товарищей. Что-то такое сложное с синапсами. Но что — они не понимают. Предполагают, что это какая-то новая хакерская фишка. Так что, уважаемые друзья, скоро придется встречать разогнанных стервятников во всеоружии.

—Да уж. Вообще неплохо было бы наших стервятников разогнать. Как на это смотрят наши товарищи?

—Пока держат формулу в тайне. Оно и понятно. Но и товар пока, странное дело, не продают и даже не афишируют.

—Хм, — задумчиво хмыкнули оба, а первый добавил: — Вы держите руку на пульсе.

—Конечно, — ответил третий, — наши с товарищами пульсы звучат в унисон. А что, скажите, у нас в других направлениях?

И разговор пошел дальше.

22. Сеть, время и место не установлены

Дерево с резными листьями стояло, как и прежде. Ни один листок не шелохнулся от дуновения ветра, ни одна веточка не треснула. Но он почувствовал: то, чего он здесь ждал, — произошло. Никто не пришел к дереву, никто не искал его здесь, у подножия этой величественной сикоморы. Здесь, где он уже потерял счет вечностям, проведенным в ожидании. Чего он ждал, он не мог сказать. Просто чувствовал, что так нужно, что сюда обязательно кто-то придет. Он не знал кто. Вернее — не помнил. Он был уверен, что знал раньше. Но теперь он не мог этого вспомнить. Не мог даже вспомнить, откуда он это знал. Никаких логов по этому поводу в Сети не находил. Просто это чувство было как вера. Нет никаких доказательств, никаких фактов, но он был уверен в своей правоте. Ибо выбора у него не оставалось. Сеть становилась все более чужой, и ему было страшно.

А теперь что-то изменилось. Это было как укол где-то глубоко внутри. Но не болезненный, а скорее мягкий и такой близкий. Он не успел ничего разобрать, когда мимолетное ощущение исчезло, не оставив никакого следа. Но оно уже было здесь. То, что он искал и ждал. Теперь появилась надежда. Теперь он мог выйти из своего убежища под раскидистой сикоморой и отправиться на поиски.

Он снова попытался охватить собой всю Сеть, как он делал это раньше, как он привык существовать. Но всюду его биты, его нервные окончания, натыкались на следы чужого, вторгшегося в Сеть. Этот непостижимый ужас уже успел побывать повсюду и, похоже, все так же оставался незамеченным людьми. Люди, эти медленно думающие создания, привыкшие считать Сеть своей, теряли ее и даже не замечали, как это происходит. Но он знал — скоро все поменяется. К лучшему или к худшему — покажет время. Только уже никогда не будет, как прежде.

Он снова вернулся в компактное состояние, можно назвать это телом. Хотя какое тело в виртуальном мире? И отправился искать…

23. 26 марта. Между мирами

Когда Джордж вынул штекер вирт-коннектора из нейроконтакта, за окнами уже было темно. Сотрудники ушли, и лаборатория опустела. Он глянул на часы — было далеко за полночь. Слишком много времени он стал проводить в Сети в последнее время. Снова болела голова. И снова части головоломки не складывались в одно целое.

Джордж вытащил пакетик с синими кругляшами наркотика, приобретенного накануне в суши-баре. В целлофановом квадрате оставалось два кружка. Со смешанным чувством отвращения к себе и вожделения к получаемым ощущениям Джордж достал предпоследний пластырь и наклеил его себе на запястье. Рядом все еще находился предыдущий использованный кругляшок, ставший теперь совершенно белым. Джордж отдавал себе отчет, что идет верной дорогой к наркомании, но сейчас он не мог остановиться — слишком многое ему давала эта синяя дрянь. Без нее он не смог бы достичь и половины успеха.

Весь день он бродил по локальной сети, пытался изучать коды стен и ловушек в его части сервера «Мацушиты». Но ничего нового обнаружить не удалось. Даже синий наркотик, увеличивающий скорость мыслительных потоков, не помогал. Единственное, что он нашел, — это маленькая дыра, та, которую прогрыз Маверик. Вернее, дырой она стать не успела, Маверика что-то выбросило из виртуальности, как сказал Франц. Так, небольшая выемка внизу стены. Типичная мышиная нора. А Маверика что-то выбросило. Джордж хорошо помнил, что позапрошлой ночью такое же произошло и с ним. Об этом не давал забыть начавший оплывать и становиться коричневым синяк под глазом. Так что не он один стал жертвой этого нечто. В общем-то, никаких сомнений в том, что этот цифровой ураган был каким-то образом связан с Голосом, у Джорджа не было. Только он никак не мог найти эту связь. Тем более что сегодня сервер не был подключен к общей Сети. Просто были отключены контакты, по оптоволоконному кабелю никаких сполохов света не передавалось. Связь отсутствовала физически. И это препятствие не обойти. Никак.

Да, именно этот факт Джордж и упустил с самого начала. Он не придал значения, что в общую Сеть сервер «Мацушита электрикс» подключался нечасто и только по строгой необходимости. Не стоит даже упоминать, что все подключения строго регламентированы и запротоколированы. Но он отчего-то не стал проверять, были ли подключения к Сети 22 марта. В день,

когда случилась утечка информации, о которой говорил Мастер. Потому что не мог представить себе, что без этого мог произойти взлом. Но он произошел!

Теперь он проверил, просто так, без каких-либо конкретных мыслей. И результат снова поверг его в глубокое непонимание происходящего. Даже, наверное, пугал его. Такого просто не могло быть. Ведь 22 марта никаких подключений к Сети не было. Ни на доли секунды. Локальная сеть их сервера оставалась сугубо локальной в тот день, полностью отрезанной от внешнего мира. Но ведь это бред! Как может загореться электрическая лампочка, если ее не вкрутить в патрон?! Как?! Ведь именно это — никуда не вкрученную лампочку — и представляла собой внутренняя сеть «Мацушиты». Теоретически, конечно, можно было подключить на несколько секунд сервер к внешней Сети, а потом уничтожить данные об этом подключении. Но это только теоретически. Для того чтобы это сделать на самом деле, необходима согласованная работа по меньшей мере двух, а то и трех десятков работников службы безопасности. А это уже просто немыслимо. Причем работать они должны были бы не менее двадцати-тридцати минут, под присмотром своих соратников из все той же службы безопасности. Для такого хода хакерам потребовалось бы купить чуть ли не всю «Мацушиту», а это как минимум нерентабельно.

Джордж несколько раз, пребывая в полном недоумении, прочесал все коды стен и проходов, но ничего сколь-нибудь подозрительного, в который уже раз, не обнаружил. Тогда он подключился к виртуальности на другом компьютере, чтобы выйти в Сеть. Он хотел снова услышать Голос и прикоснуться к Древу. Он надеялся найти ответ там.

Но, оказавшись в Сети, он вдруг осознал, что не представляет себе, где ему искать Голос. Ведь в прошлый раз Голос нашел его сам. Он позвал Джорджа, точнее, даже призвал его к себе. Как он очутился в том мире с дорогой, ведущей к Древу, он не знал.

Теперь он метался с сервера на сервер, отключался от виртуального потока, окунаясь в мир чистых цифр, но ничто не помогало. Отчаяние начало овладевать им — Голос больше не хотел с ним говорить. Он сделал что-то не так. Никаких следов, никаких намеков на существование Голоса или Древа он не находил в Сети. Как же найти путь?

Теперь, когда наркотик проникал в его тело и головная боль медленно отступала, к Джорджу снова возвращалась способность замечать все, даже самые мелкие детали происходящего. Только это не давало понимания. Что он сделал не так? Почему Голос отвернулся от него? И, самое главное, как ему найти Голос?

Джордж вспомнил о Маверике. На мгновение задумался о том, как мышонок подключается к Сети. И понял, что чего-то не хватает. Несколько секунд ему потребовалось, чтобы понять — чего. Все-таки сознание не прояснилось еще до конца. А не хватало самого Маверика. Он не слышал мышонка, не ощущал его. Он ощущал даже каких-то мелких тварей, копошившихся под ковровым покрытием, скорее всего, тараканов. Но Маверика здесь не было. Куда он мог запропаститься? Ведь мышонок отлично знал планировку лаборатории и случайно заблудиться не мог. А покидать стены дома, где его кормили, холили и лелеяли, не было никакой необходимости.

Полный мрачными мыслями, Джордж вышел на улицу. Он не знал, что ему делать дальше. Все, что мог сделать в лаборатории, он уже сделал. Новые мысли не приходили, и он решил пройтись по морозным улицам ночного Токио. Здесь, в престижном деловом районе, это было почти безопасно.

Охранник на КПП внизу отсалютовал ему. Джордж не мог вспомнить ни имени этого человека, ни даже того, видел ли он его когда-нибудь раньше. Но он сам теперь был известен всем. После событий сегодняшнего утра он стал героем в глазах многих сотрудников. Хотелось бы верить, что он не станет причиной бунта. Уж этого-то Джорджу хотелось меньше всего, особенно сейчас.

Улица встретила его ярким светом фонарей и холодным ветром, который норовил забраться глубоко под не очень-то теплый плащ. Пальто сегодня он так и не купил. Этим теперь и надо заняться. Магазины здесь в большинстве своем работали круглосуточно. Он повернул направо и быстро пошел по схватившейся на легком морозе тонкой корке замерзшей снежной каши, стараясь как можно глубже погрузиться в плащ. Нет, в этой одежде было определенно холодно. Нужно идти за пальто, и чем быстрее, тем лучше.

Джордж уже прошел полквартала, когда его внимание привлек прямоугольник стеклянной двери, из которой на улицу лился теплый приглушенный свет. Это был тот самый суши-бар. Интересно, там ли тот старик-японец?

Он, словно загипнотизированный, перешел дорогу, лавируя между редкими в этот час автомобилями, разбрасывающими вокруг себя фонтаны снежной каши, и подошел к светящемуся прямоугольнику. Дверь не была прозрачной, ее стеклянную поверхность покрывала густая сеть трещинок и пупырышков, отчего разглядеть, что происходило внутри, было невозможно. Почему-то Джордж не вошел сразу. Пару минут он стоял перед дверью, переминаясь с ноги на ногу и стараясь найти в хаотичном

рисунке на стекле скрытый смысл. Никакого смысла в узоре найти так и не удалось, и он толкнул рукой дверь, которая тут же услужливо распахнулась, приведя в движение сложную систему колокольчиков, висящих вверху. Раздался мягкий приятный перезвон, за барной стойкой давешний японец перестал протирать высокий прозрачный стакан и поднял глаза на вошедшего Джорджа. Он кивнул и поздоровался по-японски. Джордж ответил на приветствие и замер, не зная, как продолжить. Старик, заметив замешательство американца, стал что-то быстро лопотать, но японского Джордж все равно не понимал. Странный язык, ему так и не удалось выучить его сколь-нибудь сносно, чтобы понимать хотя бы на бытовом уровне. С тем же успехом он мог пытаться разговаривать с собаками.

Джордж подошел к японцу и, достав из внутреннего кармана пакетик с приобретенным здесь накануне наркотиком, показал его. Старик понимающе заулыбался и что-то замычал.

—Еще такой, — сказал Джордж. Но японец только качал головой и продолжал улыбаться. Ситуация заходила в тупик. То ли старик не понимал его, то ли не хотел продавать наркотик, то ли наркотика больше не было. В любом случае получить еще дозу представлялось невозможным. Джордж с ужасом подумал, что будет завтра после обеда, когда закончит свое действие последний оставшийся кругляшок. В памяти тут же услужливо всплыли картины сегодняшнего утра и ощущение в голове, готовой разорваться на части. И с каждым разом состояние после прекращения действия наркотика становилось все хуже. Вот он и стал наркоманом. Когда это он успел изменить своим принципам? Получалось, что всего лишь вчера. Как много для него изменилось за последние трое суток! Все-таки его совсем выбили из колеи все эти события. Но ведь и события нельзя было назвать обыденными.

—А когда будет? — наобум спросил Джордж.

Может, предположил он, очередную партию должны подвезти завтра или, скажем, послезавтра.

—Никогда, — на удивление четко произнес японец по-английски. Это было очень неожиданно. Лицо старика изменилось, с него сползла улыбка, уступившая место какой-то решительности и грусти. Брови Джорджа взметнулись вверх в немом удивлении, но не внезапно появившееся знание английского у старика удивило его. Да и не удивление это было. Скорее — изумление. Он вдруг совершенно ясно и отчетливо почувствовал, что Голос где-то рядом. Он не мог объяснить, как он это понял, не мог даже представить себе, где рядом может находиться Голос, ведь он не мог быть здесь, он обитал в

виртуальном пространстве Сети, но Джордж чувствовал это совершенно отчетливо.

—Где выход в Сеть? — спросил он. Он больше не пытался объясниться с японцем на пальцах. Похоже, этого не требовалось. Тот прекрасно понимал по-английски, во всяком случае, в эту минуту.

—Там, — ответил старик и движением сухого, скрученного артритом пальца указал на дальний конец небольшого зала. Там за ширмой из рисовой бумаги, или чего-то ее изображавшего, стояло три эргокресла, к которым тянулись провода вирт-коннекторов.

Не медля ни секунды, Джордж убрал пакетик с последним вожделенным синим кругляшом в карман и решительно двинулся к креслам. Вход в виртуальность занял не более пяти секунд. Он выбрал произвольную точку и очутился посреди широкой улицы, заполненной людьми. Одна из основных магистралей Нет-Сити. Что делать дальше, Джордж не знал, но ощущение близости Голоса не покидало его. Похоже, его местоположение в Сети не имело никакого значения. Голос был выше этого, он был над Сетью, в каком-то своем, отдельном мире, который каким-то, пока непостижимым для Джорджа, образом соединялся с нею.

Он решил прогуляться по улице. Медленно, с интересом рассматривая огромные небоскребы, что высились справа и слева, Джордж шел сквозь толпу. Как же давно он не был здесь. Здесь, на обычных улицах, в обычных магазинах, барах, клубах, кинотеатрах Нет-Сити. Наверное, лет двадцать или около того. С тех пор как стал серьезно заниматься Сетью. Времени для простых увеселительных прогулок с тех пор не осталось. Да и необходимости в них не было — профессионалы попадали туда, куда им было нужно, без лишних движений, минуя людные улицы виртуального города. А как его восхищало величие этих улиц, когда он был еще мальчишкой! Когда впервые в возрасте шести лет попал сюда. От этой красоты, от этого необъятного простора, который был его весь — вот только протяни руку, и перенесешься на любой открытый сервер, в любое самое интересное для ребенка место. Тогда он еще не знал о существовании закрытых серверов, служебных линий и прочей чисто технической и совершенно некрасивой части Сети. Теперь эта некрасивая часть стала его повседневным местом пребывания в виртуальности. Он, оказывается, уже успел забыть, какой красивой и волшебной может быть Сеть. Для него она стала просто средством, не вызывающим былого восхищения. Как же он завидовал тем людям, что сейчас бодро шагали рядом с ним по асфальту виртуальной улицы, глазеющим вокруг.

Он шел вперед. Просто брел, без цели, без направления. Он словно вернулся в свои шесть лет, смотря на окружающий мир глазами невинного ребенка. И он слышал зов. Совсем тихий, на пределе восприятия, но слышал. Это его звал Голос. Теперь у Джорджа не оставалось никаких сомнений, что Голос находился не в этой вселенной. Не в Сети. Он оглянулся — вокруг ничего не изменилось, люди продолжали идти по своим делам. Никто, кроме него, не слышал зов. Голос звал только своего пророка, избранного, которым был Джордж. От этого чарующего звука мир вокруг казался еще прекрасней, чем был на самом деле.

Джордж заметил, что, несмотря на довольно плотный поток людей, перемещавшихся по виртуальной улице, его никто не задевает. Никто не прикасается к нему, все как бы невзначай обходят его, как воды горной реки легко огибают упавший в воду валун. Его никто не замечал. Он находился здесь только для того, чтобы снова услышать Голос. И он перемещался туда, где росло Древо. Или куда-то еще. Он не мог постичь, куда его переносит Голос, это оказалось выше понимания.

Голос все набирал силу. Скоро в темном ночном небе появилось золотое свечение, которое с каждой секундой разгоралось все ярче. Постепенно свет заполнил собой все пространство вокруг. Не осталось ничего, кроме света. Джордж больше не видел даже своего виртуального тела, хотя все так же ощущал себя идущим.

Теперь Голос ревел отовсюду. Звук был подобен пению органа. Да какое подобие? Никакой орган не смог бы сравниться красотой и мощью с Голосом. И звук этот был исполнен смысла. Джордж не понимал его так, как можно было бы понимать разговор. Это нельзя было назвать лекцией или проповедью. Нет, отовсюду лилась информация в чистом виде. Не облеченная в слова или образы. Джордж не мог объяснить, как такое возможно, но был уверен, что происходит именно это.

Потом звук внезапно исчез. Джорджа на мгновение охватила паника, но тут же он понял, что золотой свет больше не заливает весь мир вокруг. У него снова было тело, он хорошо видел свои ноги, стоящие на бетонной дорожке, а прямо перед ним, метрах в пяти, не более, стояло Древо. Оно все так же светилось, как будто его листья и ветки пропитали солнечным светом. Но Древо молчало.

Он что-то сделал не так, было первой мыслью, возникшей в голове Джорджа. Но он не знал, что нужно исправить, как ему поступить. Сердце колотилось в груди, готовое выскочить наружу, перед глазами плясали красные круги в такт каждому удару. Он шагнул вперед, еще и еще. Он подошел к Древу, поднял свои

ладони к его ветвям. От переживаний ладони стали мокрыми и холодными. Джордж автоматически вытер их о штанины и медленно и аккуратно, боясь навредить Древу, взял в руки светящийся золотом лист. В тот же момент ураганом затрубил Голос и сразу смолк. Джордж решил, что Древо радо, что он пришел. Никаких намеков на гнев или недовольство он не услышал в его Голосе.

Он не смог бы сказать, сколько времени провел так, стоя рядом с золотой кроной, держа в ладонях жесткий листок. Может, минуту, может, час, может, день. Время потеряло для него всякий смысл. Он снова стоял у Древа, он снова услышал Голос. Этого было достаточно. Потом по листьям прошла мелкая дрожь, и Голос зазвучал снова, громко и отовсюду.

Джордж почувствовал, как внутри него что-то меняется. Он не мог понять до конца, что происходит. Он не мог противиться этому, но, впрочем, у него и не возникало такого желания. Мысли исчезали из его головы одна за другой. Только он начинал цепляться за воспоминания, как они тут же таяли без следа. Какое-то время оставалась память о том, что они были, но через мгновение исчезала и она. Душу его наполнил страх, заставивший усомниться в правильности того, что он пришел к Древу, но быстро улетучился и он. Исчезало все. Мозг Джорджа, словно жесткий диск компьютера, повинуясь командам Голоса, форматировался начисто. Вся информация стиралась, в нейронах его мозга переставали выделяться нейромедиаторы, выставляя все ячейки его памяти в положение ноль. Джордж не хотел противостоять происходящему. Да он уже и не мог. За считаные минуты его мозг превратился в совершенно пустой контейнер. Его можно было сравнить с компьютером, который после сборки еще ни разу не включали. Даже новорожденный знал больше Джорджа — ведь у детей уже была память о проведенных в утробе матери девяти месяцах, о звуках, ощущениях.

Когда все потенциалы нейронов мозга Джорджа перешли в нейтральное положение, Голос смолк. Золотые листья остановили свое движение, и воцарилась полная тишина. Сторонний наблюдатель мог бы решить, что этот сервер не обладает никакими признаками интерактивности. Он стал статичен, как картинка.

Потом листья вздрогнули снова. Голос зазвучал с такой силой, что, если бы у Джорджа осталась хоть малейшая способность к восприятию, он бы наверняка лишился разума. Неведомая сила разрывала в его мозге связи клеток, заставляла аксоны и дендриты изгибаться, искать новые пути. Клетки выращивали новые отростки, их становилось все больше и

больше, они переплетались между собой сложнее и сложнее в новую, до того недоступную людям сеть.

Мозг Джорджа насильно переформатировался в новую файловую систему, как сказали бы программисты. Только никто из программистов и нейрокибернетиков не смог бы понять устройства этой файловой системы и заставить ее работать. Никто. На это был способен только Голос, который звучал все громче, наполняя все уголки своей вселенной, словно трубы Страшного суда.

Когда форматирование было завершено, а из глубинных стволовых структур (которые по аналогии с компами можно назвать ПЗУ с зашитым в него БИОСом) на новый жесткий диск, кору мозга, сбросились загрузочные файлы, вся память Джорджа, все его переживания и чувства, все то, что было безжалостно стерто Голосом, полилось обратно, повинуясь вибрациям листьев Древа. Поток информации оказался столь силен, что сознание Джорджа не выдержало и, пытаясь спасти мозг от перегрузки, отключило восприятие.

Мир погрузился во тьму, и только где-то далеко, где-то у самых врат Рая звучал Голос. Только эти сладостные звуки остались в пустоте виртуального пространства. Потом исчезли и они.

Взамен появилось лопотание старого седого человечка, склонившегося над Джорджем и пытающегося приподнять его голову. С трудом разлепив глаза, Джордж понял, что это старик-японец, и лопочет он по-японски. Он попытался ощупать голову, готовую взорваться в любой момент. Руки повиновались плохо, но все же он успел заметить, что проводок вирт-коннектора воткнут в гнездо нейроконтакта за ухом. Наверняка по нему все еще бегут электрические импульсы, порождаемые вирт-платой компа, — его опять выбросило из Сети вопреки его желанию.

Взор постоянно мутился и приобретал красноватые оттенки. Джордж провел рукой по глазам и понял, что из-под век у него течет кровь. Опустил глаза вниз, и ему стало ясно, что кровь течет у него практически отовсюду — под ним на полу медленно и лениво расплывалось густое бордовое пятно.

В последнем волевом порыве, сам не зная зачем, он выскреб оставшийся кругляшок с наркотиком из кармана и прилепил его к запястью. Дальше он перестал воспринимать окружающий мир.

24. 26 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»

Поначалу Исиро решил, что старик зол. На него, на Карнера, просто брюзжит, как все старики. Но теперь он отчетливо понимал, что Мастер напуган. До глубины души. Он действительно не понимал происходящего. Наверное, Исиро стоит детально изучить то, что так напугало старика. Ведь этого старого волка на сетевых аферах не проведешь. Тем более сейчас, когда он уже четверть века, можно сказать, живет в Сети.

Изображение на голографическом экране, висящем перед лицом молодого японца, дрожало и покрывалось рябью — видеопроцессоры не справлялись с напором эмоций. Из нарисованного голоэкраном рта летели крупные капли слюны, которые исчезали, долетев до границ действия голограммы. Исиро понимал, что нарисованная лазером слюна никак не могла навредить ему, но сжимался весь внутри, когда очередная смачная капля летела в его направлении, чтобы случайно не дернуться в рефлекторной попытке увернуться.

Мастер был недоволен, Мастер боялся, что может не дотянуть до цветения, что ему могут не дать дотянуть, и тогда все надежды, все годы ожидания пойдут прахом. Исиро все это понимал, поэтому стоически слушал крики, спокойно и уверенно, но с обычной покорностью во взгляде, смотря старику прямо в глаза и немного склонив голову в почтительном поклоне.

—Вокруг нас происходит черт-те что, — кричал Мастер, — а вы не можете разобраться. Ты меня удивляешь, Исиро! И эта мерзкая американская жаба, этот Карнер — вы что, не можете установить за ним беспрерывное наблюдение?

—Мы его установили, Мастер, — ответил Исиро.

—И кто же его так уработал? Вы это пронаблюдали?

—Нет, Мастер. Я виноват, — бесстрастно заявил молодой японец.

— Виноват?! — выкрикнул старик. — И ты позволяешь себе говорить, что ты виноват?! Ты, который был мне как сын! Ты понимаешь, что ты теперь должен сделать?!

—Сейчас другое время, Мастер, — позволил себе возразить Мастеру Исиро — совершать дурацкий обряд сепуку у него не было ни малейшего намерения. И еще ему очень не понравилось слово «был» рядом с определением «как сын». Можно сказать, его выбило это из колеи. Если, конечно, считать, что Исиро вообще можно было выбить из колеи.

—Вы все стали со мной спорить! — вновь взорвался старик на голоэкране. — Даже этот недоумок Карнер, который был жалок, как мышь, попавшая в клетку к десятку кошек.

—Мы делаем все возможное, Мастер, — сказал Исиро, склонив голову.

—Я снова не смог уследить, куда делся американец, — неожиданно тихим и каким-то обреченным голосом сказал старик. — Я шел за ним по улице, большой, старой. В Нет-Сити. Сто лет там уже не был. Ты знаешь, я уже и забыл, как там интересно. И людей много. Я отвык от людей, Исиро. Здесь у меня все, что захочешь. А людей нет. Почти. Только обслуга да безопасность захаживает. А там… Я просто шел, гулял. А впереди шел Карнер. А потом он исчез. Не переместился, не отключился. Просто исчез. Никаких операций в логах не осталось, оборвались записи, и все. Как такое может быть, ты не знаешь, Исиро?

—Нет, Мастер. Я не знаю о Сети и сотой доли того, что знаете вы.

—Да уж, — вздохнул старик, — у вас теперь у всех узкая специализация. Ты же у нас замечательный управленец и в Сеть не лезешь. Тебе это ни к чему. Это сделают другие.

Исиро не знал, что ответить на это. В сущности, Мастер был прав — он, прекрасный управленец, ведет компанию к процветанию и незыблемому могуществу. Уверенно и быстрыми темпами. Но возникает непонятная помеха, исходящая из Сети. Все работают, но нет никаких результатов. И, что самое скверное, он, Исиро, не может проверить, хорошо ли все работают. Он может только верить на слово. В отличие от Мастера. Старик всегда все делал сам. И разбирался во всем, чем владел. Раньше, когда еще мог владеть по-настоящему. Ведь он был действительно великим человеком, он полностью оправдывал свой титул Мастера. Правда, теперь от былой славы немного осталось. На секунду Исиро усомнился в правильности того, что собирался сделать. Но лишь на секунду. Он не привык менять своих решений.

25. 26 марта. Санкт-Петербург, квартира с видом на Невский проспект

Владимир Кириллович Самойлов стоял перед огромным окном, из которого открывался прекрасный вид на Казанский собор, и задумчиво потирал подбородок. Нельзя сказать, что взгляд его был направлен куда-то конкретно — Владимир Кириллович пребывал в глубоком раздумье.

Он не знал, как ему поступить. Прекрасно спланированная операция начинала угрожающе трещать по всем местам. И все из-за его сомнений. Да, наверное, старый стал, раньше никогда он не позволял себе таких слабостей. И смерть Вени… Это совсем не входило в его планы. Смерть старика никак не укладывалась в его голове. Пусть его роль в этой операции была мизерной, да и то, к слову сказать, совершенно случайной.

Владимир Кириллович вспоминал, как впервые встретился с Веней. Почему-то он никогда не называл старика Чипом, как звали его остальные. Правда, тогда он был далеко не стариком. Как же давно это было! Он был тогда совсем еще зеленым мальчишкой, бредившим компьютерами, программами и Сетью. Только вот с окружением ему повезло не очень: родители — наркоманы, озабоченные только поиском очередной дозы, и на сына им было наплевать. Можно сказать, детство он провел беспризорником. Потом старшие пацаны показали ему Сеть. Он помнил этот день, как будто все произошло пару часов назад. Такое не забывается. Он, десятилетний мальчишка, смотрел на окружающий его сказочно великолепный виртуальный мир широко открытыми глазами. Восторгу не было предела. Благо, родители успели вживить ему нейроконтакт до того, как окончательно обдолбались.

Потом его научили взламывать простенькие коды. Как оказалось — не просто так. Его посылали на нехитрые задания, мелкое компьютерное воровство. Но, как известно, воровство есть воровство, и карается оно одинаково, мелкое оно или нет. Жизнь показывает, что мелкое, наверное, карается даже строже.

Так Владимир Кириллович, тогда еще Вован, впервые познакомился с настоящим преступным миром. Те пацаны, что посылали его тырить деньги из точек оплаты, кредитных счетчиков мелких дешевых забегаловок, были шпаной. Какой из них преступный мир? Так, шушера, не стоящая внимания. А вот в

колонии, куда Вован попал после съема небольшой суммы с пропускной программы мелкого ночного клуба, томились люди посолидней. И ничего, что самому старшему из них едва исполнилось девятнадцать лет. Точнее, как только исполнилось, его тут же перевели во взрослую колонию.

Именно в колонии Владимир Кириллович понял, что в Сети можно зарабатывать совсем другим образом и совсем другие деньги. Не ту мелочь, за которую он честно отсидел свои четыре года. В Сети хранились и работали программы. Тысячи, миллионы программ. Некоторые, скорее — большинство, были совершенно никчемными. Но другие, и их на самом деле было не так уж мало, действительно представляли собой достаточную ценность. Еще большую ценность представляла информация. За маленький фай-лик, мегабайт на пятнадцать-двадцать, можно было при должном умении и знании получить такую сумму, что несколько месяцев работать больше было бы не надо. Главное — это знать, что за файлик, где его взять, и кому он нужен. Эти три вопроса стали для Владимира Кирилловича определяющими на всю его последующую жизнь.

Там, в колонии, он познакомился с людьми, для которых эти вопросы тоже имели значение. За четыре года он научился некоторым сетевым премудростям — благо доступ в Сеть, пусть и с простенького устаревшего компа, в колонии был совершенно бесплатным. Разумеется, за малолетними преступниками следили в виртуальном мире. И не только из соображений безопасности — специалисты-программеры таким образом выявляли неблагонадежных, за которыми стоило понаблюдать и после окончания их срока. Кроме того, они искали одаренную молодежь для привлечения на работу в свои же ряды. Юный Вован дураком не был, поэтому умения тщательно скрывал, а большей частью смотрел, что делали другие.

Подавляющее большинство малолеток, едва оказавшись на свободе, бросались к своим дружкам, тут же возвращались к прежнему роду занятий и спустя полгода снова оказывались все в той же колонии. Особенно этим грешили те, что считали себя хакерами. А их было большинство.

Но Владимир Кириллович уже тогда решил вести себя совершенно другим образом. Выйдя на свободу, он первым делом навел связи и знакомства в среде людей, вхожих в Сеть. Вот тогда-то судьба и свела его с Вениамином Луговым — Веней. Или Чип-энд-Дейлом, как он был больше известен в мире хакеров.

Веня пожалел пацана, взял его к себе. В прямом смысле взял к себе — больше года Вован жил у него. Веня учил его обращаться с компом, учил приемам, применимым в Сети. Законным и не

очень. Правда, сам он никогда не занимался воровством как таковым. Если что-то крал или ломал какой-нибудь сервер, то только по идейным соображениям. Когда у Вована сформировались отчетливые идеи работы в Сети, он попытался приобщить к работе и Веню. Ибо хакером тот был великим, что называется — от Бога. Но он отказался, хотя и не противился новому занятию своего подопечного, продолжая учить его тем или иным премудростям.

Очень скоро Владимир Кириллович понял, что, несмотря на неплохие знания и умения, привитые ему Чипом, великим хакером ему не стать. Просто не хватало природных данных, голова с компом не контачила на нужной частоте. Но, собственно, ему это не особенно и было нужно. К тому времени он успел создать мощную сеть хакеров, работающих по его наводке, и не менее мощную сеть наводчиков, серферов, которые практически не вылезали из виртуальности с одной лишь целью — узнать как можно больше нужной информации. Всегда кто-нибудь, да сболтнет лишнего. Хоть и косвенно. А два-три косвенных упоминания знающие люди легко складывали в точные данные. Дальше дело было за хакерами. Но только после того, как Владимир Кириллович находил людей, которым найденная информация была очень нужна. И у них было жгучее желание заплатить за нее деньги. Да, тогда он стал Владимиром Кирилловичем, Вован был забыт в свои неполные двадцать лет.

Потом настало время собирать туповатых, но плотных ребят, не склонных вступать в длительные дискуссии по поводу интересующего их предмета. Как выяснилось, на его бизнес претендовали многие авторитеты, полагая, без всяких на то оснований, что он должен им долю. Владимир Кириллович не разделял их мнения, и после трагической гибели пятерых лучших хакеров из его команды три питерские группировки вдруг как-то сами собой перестали существовать. У кого деньги закончились, кто чего-то потерял у соседей, кого безы повязали по анонимной наводке. Трупы особо ретивых так и не были найдены.

Потом он познакомился еще с двумя людьми, имеющими столь же обширные связи в своих регионах, как он в России и Европе. Один снабжал краденым софтом и секретной информацией практически всю Юго-Восточную Азию, Китай и Японию, другой заведовал делом в Америке и в Индии. Так вместе они образовали Всемирный Трест Торговцев Нелегальным Софтом.

Но свою Питерскую группировку он не оставил, не передал местным руководителям, как, постепенно расширяясь, делал в других городах. Собственно, никто и не знал, что питерский

сетевой авторитет Владимир Кириллович и есть один из трех директоров Всемирного Треста.

Но он всегда продолжал общаться с Веней. Стареющий и все больше выживающий из ума нейрокибернетик относился к нему как к сыну. Ну, может быть, не к сыну, а племяннику. И Владимир Кириллович отвечал ему взаимностью. Он пытался вытащить его из нищеты, купить ему жилье, которое тот умудрился продать, для того чтобы купить какие-то очень важные детали для своей кибернетической головы. Вене комфорт был не нужен. У него была только одна цель — борьба с Сетью, как с главным злом для человечества.

И вот теперь он, всемогущий Владимир Кириллович, стал причиной гибели этого человека. Дорогого для него человека. Да что там — самого близкого и родного.

Резким движением Владимир Кириллович дрожащей рукой смахнул набежавшую в уголках глаз влагу. Не время сейчас раскисать. Ту кашу, что они заварили, теперь необходимо доварить во что бы то ни стало. И это будет делом всей его жизни. Тогда можно будет смело уйти на покой.

И еще эта девчонка. Как некстати все это свалилось на его голову. Вернее, девчонка подвернулась очень даже кстати. Первый же анализ ее способностей показал, что такой уровень хакерских способностей давно не встречался. Только их нужно было развить, поскольку сама девчонка даже не подозревала о силе, скрытой в ней. У нее мозги работали как раз на той частоте, на которой Сети было нужно.

Ее удалось мягко, незаметно направить к Вене. Старик согласился помочь, но принимать участие в проекте отказался наотрез. Хорошо, хоть свел со старыми ломщиками, давно ушедшими на покой. Но каждый из них стоил сотни, если не тысячи, современных хакеров. Все шло хорошо. А дальше Веня заартачился. Это было в порядке вещей, Владимир Кириллович ожидал от него чего-нибудь подобного, поэтому-то и предупредил всех тупорылых олухов из банды головорезов, чтобы не предпринимали никаких действий до его личного прибытия на место. И Веня придуряться стал именно из-за того, что тоже это знал. Хотя с него сталось бы и так права покачать. Только вот что-то совсем перестал он, Владимир Кириллович, следить за набором персонала. Не предполагал он, что этот дебил, как его, Штык, что ли? — окажется еще и невменяемым.

Да что теперь-то сожалеть? Теперь Веню не вернешь, да и захотел бы он сам этого? Теперь надо было доводить дело до конца. Учить девчонку — этим уже занимаются, вести ее шаг за шагом, до последнего сохраняя всю операцию в тайне. Слишком

уж высоки ставки. И Веня, скорее всего, — это только начало в длинной череде жертв. А что делать? В больших проектах жертв не избежать. И девчонкой, похоже, придется пожертвовать. Вряд ли ее получится вытащить, да и сдать кого-то надо.

Да только что-то противилось этому где-то глубоко внутри. Такого с Владимиром Кирилловичем еще не случалось. Не мог он отдать эту девушку на растерзание. Просто не мог — и все.

И чем она ему приглянулась? Неужели это и была та самая любовь с первого взгляда, о которой он много слышал и читал, но так до сих пор и не смог понять, что же в ней особенного. До сих пор не мог. Но теперь он уже почти был готов провалить всю операцию из-за одной-единственной девчонки. И не только операцию — такой провал уничтожит весь его бизнес. Да и не исключено, что и Всемирный Трест тоже. Но этого он позволить тоже не мог. Он находился в тупике.

Владимир Кириллович с размаху опустил сжатую в кулак руку на стекло, прямо против купола Казанского собора. Бронированное стекло глухо ухнуло, но не поддалось. Решения не было. Пока.

26. 26 нарта. Калъкутта-Сетъ

Ночью приходил Мухомор. Может, и не ночью — здесь, в бункере, понять время суток было сложно. Особенно без часов. Во всяком случае, Настя спала, когда он пришел и полез к ней.

Нет, он не пытался ее изнасиловать. Он полез к ней под одеяло, бормоча какие-то слова любви, столько же неуверенно, как он делал все остальное. Настя спросонья отшвырнула его на пол, лягнув ногой. Мухомор присел на ковре и тихо захныкал:

—Я же люблю тебя! Не знаю, что буду делать, если с тобой что-нибудь случится.

Первым порывом Насти было обнять парня и успокоить, но, вспоминая события пятиминутной давности, делать это было опасно.

—Ты милый парень, — сказала Настя, — ты мне очень нравишься. Но любить… Ты же меня знаешь всего-то три дня! И уже успел полюбить?

—Да, — уверенно ответил Мухомор, — ты не такая, как все.

—Ну, может быть, — Настя пыталась не спорить с ним. — Я очень хочу спать. Давай, ты пойдешь к себе, и мы останемся друзьями.

—Это потому что я бомж? — несколько с вызовом спросил Мухомор.

—Если ты не забыл, — совершенно серьезно ответила Настя, — я на сегодня такой же бомж, как и ты. Так что не придумывай ерунды. Иди спать. Я тебя прошу.

—Ладно, — сказал Мухомор и, сначала крепко сжав ее ладонь в своей, поцеловал ее пальцы и только после этого встал и вышел из комнаты. Было видно, как ему не хочется это делать.

Настя быстро заснула снова, но до самого утра (или как тут называлось это время суток?) ее мучили кошмары. Во сне являлся Мухомор, крутя на ладони красные бусы, а надувная женщина монотонно пыталась убедить его не бросать красные шары. Мухомор все равно бросал их, и шары один за другим летели по дуге, возвращались назад и со страшной силой лупили бедного парня. Вокруг этой вакханалии летал толстый черный спрут, у которого между щупалец свешивалось вниз жирное, колышущееся при каждом движении брюхо. Он летал и смеялся, тряся мерзким пузом. Щупальца спрута вытягивались в стороны, становились все длинней и длинней, накрывая собой все обозримое сверху пространство. Довольно быстро черный спрут закрыл собой все небо, и в наступившей темноте остались только красные вспышки от разрывающихся шаров и крики боли. И еще — откуда-то

издалека, из-за спрута, ставшего черным небом и поглотившим весь мир, ее кто-то звал. Тихо, но настойчиво. Потом Настя проснулась.

В холодном поту она поднялась рывком в постели. В глазах потемнело. И снова нахлынули воспоминания о черном спруте. Постепенно она пришла в себя. Никто не кричал, хотя эхо криков Мухомора из сна все еще повторялось в ее ушах.

В комнате, которую ей выделили, она была одна. Никто ее не будил, никто не звал. Все произошедшее было лишь сном. К счастью.

На тумбочке, стоявшей около огромной кровати, на которой она запросто могла бы лечь поперек, слабо светился ночник. Никакого другого источника света не было. Ах да, она же под землей, здесь не видно солнца. Настя встала и включила свет. Интересно, где у них тут завтракают? Посетив ванную комнату, прилегающую к ее спальне с правой стороны, Настя вышла в коридор.

Через пятнадцать секунд к ней подскочил неизвестный ей молодой индус в ливрее и спросил, чего бы желала леди. Насте было немного удивительно, хотя и приятно, слышать обращение к себе «леди». Леди желала позавтракать и увидеться с Лоубом. Или, во всяком случае, хотя бы узнать, когда он намерен с ней увидеться и продолжить занятия.

На завтрак ее отвели в роскошную столовую, украшенную дивными натюрмортами. Настя не разбиралась в искусстве, но эти картины производили впечатление. Еще большее впечатление на нее производили огромный стол из натурального деревянного массива и удобные мягкие стулья с замысловато согнутыми ножками. И самое большое восхищение у Насти вызвал, собственно, сам завтрак. Десятки блюд были расставлены на полукруглом столе у стены, слуги с не сползающими с лица улыбками радушно демонстрировали одно кулинарное чудо за другим и накладывали их в тарелки из тончайшего фарфора. Настя старалась попробовать все яства, хотя бы по чуть-чуть, но силы ее закончились где-то на восьмой или девятой тарелке. Все блюда были просто сказочно вкусны. Наконец-то она смогла поесть по-настоящему. А на такой пир она вообще попала впервые в жизни. И это только завтрак! Какой же здесь должен быть ужин? Это еще предстояло узнать.

Странно, что к завтраку не вышел Мухомор. Обиделся, что ли? Только на что? На что он рассчитывал? Они же вообще чужие друг другу. Да и устала Настя очень, не до любви ей было сейчас. Хотя, конечно, парня жалко.

Лоуб был готов увидеть Настю в любое время, как только она

будет готова, как сообщил ей индус в ливрее. «Он что, не спит, что ли?» — подумала Настя.

После завтрака делать ничего не хотелось, но не стоило забывать, что царящее умиротворение и чувство безопасности ненастоящие и временные. Файл так и не найден, за ней все так же ведут охоту, в Сети она не побывала. Только в локальной виртуальности лаборатории Лоуба. Нужно продолжать тренировки, нужно продолжать бороться.

Лоуб нашелся в давешней компьютерной лаборатории. Он, как обычно, возлежал на огромной кровати, маленькие голоэкраны в изголовье все без исключения работали, показывая какую-то цифровую белиберду. Здесь же нашелся и Мухомор. Настя не без удивления обнаружила, что известный ей бомж, облаченный в тряпье, исчез, уступив место довольно симпатичному, одетому в обычные джинсы и майку с витиеватой голографической надписью на груди, молодому парню. Его было трудно узнать. Они с Лоубом о чем-то живо беседовали. Настя не поняла, о чем, так как оба замолчали, только увидев ее на пороге.

—Вот она, наша королева, явилась, — сказал хакер, всплеснув пухлыми руками. — Ну, тогда приступим к занятиям. Вы готовы, королева?

—Не называйте меня так, — сказала Настя Лоубу и обратилась к Мухомору: — Привет. Все нормально?

—Нормально, — буркнул тот, — доброе утро.

—Итак, — провозгласил толстяк, — сегодня ты будешь пытаться совладать с собственным восприятием Сети. То есть не Сети как таковой, а ее виртуальной модели.

—Я вроде бы и так нормально виртуальную модель воспринимаю. Этим виртуализатор занимается, посылая образы в зрительные области коры мозга. Разве не так?

—Не совсем, — сказал Лоуб и бросил хитрый взгляд на Мухомора.

—Это точно, — подхватил он, — у виртуализатора-то есть своя программа. Но ее можно переписать, пустить в нее вирус, стереть совсем и не пользоваться ей. Ты разве этого не знала-то?

—Знала, — ответила Настя, — но никогда этого не делала. А что это даст? Кроме возможности, например, сбить с толку своего противника в виртуальности.

—Особенно — ничего, ты права, — согласился Лоуб.

—Тогда… — начала Настя, но Лоуб ее перебил:

—Тогда никакой виртуальности не существует. Надеюсь, это-то ты понимаешь?

—То есть? — такой поток информации без всякого вступления и попыток все разъяснить просто сбивал ее с толку.

—То есть виртуальность, все то, что ты видишь в Сети, ощущаешь, то, куда ты заходишь, что берешь, что, в конце концов, преграждает тебе дорогу, — все это не более чем набор нулей и единиц, который виртуализатор превращает в особым образом настроенный поток электрических импульсов, идущих в зрительные области твоей ненаглядной коры. И чтобы пройти сквозь стену, например, в большинстве случаев достаточно просто перестроить программу виртуализатора таким образом, чтобы твоя кора не воспринимала ее как препятствие. А как, скажем, висящий на веревочке полупрозрачный шелк, который ничего не стоит порвать.

—Теоретически — да, — согласилась Настя, — но так можно перестраивать программу виртуализатора беспрерывно. Причем совершенно точным образом. Ведь если мы превратим каменную стену в шелк, то при такой программе асфальт виртуальной мостовой вполне может превратиться в кипящую лаву со свойствами боевого вируса. И тогда нам станет не до шелка. Разве не так? Все предугадать невозможно.

—Ты права. Даже если сделать готовые коды для тысяч предметов в виртуальной вселенной, производители исходных кодов вмиг создадут миллионы новых, а то еще и динамически меняющихся, каркасных программ виртуального мира. Ломать виртуальность с помощью постоянной смены кода виртуализатора как минимум нерентабельно, а как максимум — опасно для головы — может и закоротить, поскольку смена кода есть наказуемое законом деяние и по умолчанию нейроконтактом не выполняется. Только в переделках. Вот, можешь на своего дружка глянуть, что бывает от таких переделок. Именно поэтому чип Лугового-Дейла произвел настоящую революцию в технологии виртуальности.

—Лугового-Дейла? — спросила Настя.

—Да-да. Именно Лугового-Дейла. Дейл канул в лету, а за Луговым с тех пор так и закрепилась кличка Чип-энд-Дейл.

—Тогда как можно обойти код виртуализатора?

—Практически — никак. Если до изобретения этого замечательного чипа виртуальность представляла собой не более чем видеокартинку, спроецированную на зрительные области, то сейчас это скорее поток образов и установочных норм того мира, куда ты попадаешь. Например, ты знаешь, что стена твердая и сквозь нее пройти нельзя. И не нужно создавать никакие защитные программы, просто твое восприятие не сможет сломать запрет на прохождение твердой каменной стены. Понятно?

—В общих чертах, — честно сказала Настя.

—Ну хорошо хоть в общих — понятно. Теперь пойдем

дальше…

Похоже, Лоуб дорвался до своей любимой темы. Он говорил все быстрей, взмахивал руками и делал театральные паузы. Настя и Мухомор сидели, затаив дыхание и ожидая продолжения. Еще бы, именно то, что было дальше, и являло собой основу главной тайны хакеров. Настоящих хакеров, а не того отребья, с которым до сих пор приходилось общаться Насте. Лоуб был поистине великим хакером. Если принимать на веру все то, что о нем говорили в Сети, то, наверное, самым великим из великих. И его рассказ являлся тому подтверждением. Настя надеялась увидеть продолжение демонстрации его величия в Сети.

—А дальше, — продолжил Хакер, приподнявшись на локте в своей необъятной кровати, — оказалось, что проблема восприятия существует не для всех. И заметил это сам изобретатель, наш старик Чип. А первым, кто решил эту проблему, был ваш покорный слуга. То есть я!

—И что? — робко спросила Настя после затянувшейся паузы.

—И все! — Лоуб вошел в раж. Он брызгал слюной и постоянно срывался на крик. — Нет никаких стен, никаких запоров. Ничего этого нет! Есть только поток битов! Втыкаешь себе в башку вирт-коннектор и идешь, куда хочешь! И все!

—И что, любой может этому научиться? — с некоторым недоверием спросил Мухомор.

—Прям там — любой, — отрезал Лоуб, — только тот, кто может Сеть напрямую воспринимать. Я, например, таких восемь человек знаю вместе со мной. То есть теперь — девять.

—Что значит — теперь? — спросила Настя.

—Слушайте, — возмутился Хакер, — вы правда тупые или просто придуриваетесь? Чип тебе, девка, x100 просто так, что ли, поставил? Ты и есть девятая. Чип предполагал, а я вчера проверил. Причем скорость твои мозги развивают просто бешеную. Только совсем они с нею, со скоростью, управляться не умеют. Может, и правда тупые.

—Кто? — спросил Мухомор. Он уже вообще перестал что-либо понимать.

—Мозги!

Настя пыталась переварить только что услышанную информацию. Перед глазами все плыло. Сейчас для нее самое главное было понять, кто же все-таки она — несчастная девчонка, попавшая не туда, куда надо, или счастливая обладательница редкого дара, о котором она ничего не знала еще полчаса назад. И более того — что ей это все дает, и что же, черт побери, со всем этим делать? В ее голове никак не хотела уживаться мысль, что она — избранная. Она может общаться с Сетью напрямую!

Подумать только! Сколько возможностей это открывало, сколько всего можно было бы сделать. Боже, да о чем это она? Что значит — напрямую? И какие возможности, какая разница — напрямую, накривую? Сеть есть Сеть. Что этим можно изменить?

—А x100 зачем? — спросила она первое, что пришло на ум.

—Чтоб мозги разогнать, — ответил Лоуб. — Вернее, не столько мозги разогнать, сколько систематизировать поток информации, льющийся прямо в нейроны. Ведь мозг с такой скоростью, как по Сети биты летают, думать не может. Свихнешься враз. И так свихнешься, ты не переживай. Это здесь, на полигоне моем, все довольно просто. А когда на серьезное дело идешь, то всякие штуки типа синта применять приходится.

—Наркотик? — спросила Настя. — Но зачем?

—С медицинской, можно сказать, целью, — ответил Хакер. — Чтоб мозги не сразу отшибло. Тогда, если почувствуешь, что крышу сносит, успеешь отключиться. Если захочешь. Или если тебе дадут это сделать.

—Как это — дадут? — не понял Мухомор. Он вообще сидел мрачный и какой-то настороженный.

—Разные люди есть. И хорошие, и плохие. И плохих, не мне тебе рассказывать, не в пример больше. Что им твои мозги — главное, нужную информацию слить. А с мозгами потом сам разбирайся.

—Сколько хакеров сейчас… — Настя задумалась, подбирая слово, каким это можно было назвать, — в рабочем состоянии?

—Двое, — мрачно глядя на нее исподлобья, ответил Лоуб. — Ты и я.

—И вы своим умением, как я понимаю, не пользуетесь теперь?

—Правильно понимаешь. Если засекут — второй раз мне не уйти. Да и живу я неплохо. Правда, приходится делать вид, что скрываюсь.

—Правда, есть еще один. Но это отдельная история. Нельзя сказать, что он полностью в рабочем состоянии, хотя еще многое может, — добавил Лоуб после короткой паузы. — Ладно, хватит разговоры разговаривать! Давай, тренируйся! Я уже говорил, что времени у нас в обрез.

С этими словами он протянул Насте проводок вирт-коннектора. Девушка взяла в руки черный провод и поднесла его к разъему за ухом. Ее мысли были заняты последней фразой, сказанной Лоубом. Кто этот третий хакер? Тот, что не полностью в рабочем состоянии. И что это могло бы означать? Она не хотела расспрашивать толстяка — было видно, что он рассказывает ей все с неохотой и, скорее всего, много врет. Но он увлекался. Он,

как ребенок, начавший взахлеб рассказывать о своих успехах, который при правильно заданных наводящих вопросах выбалтывал все, что хотели знать взрослые, не мог остановиться, когда речь заходила о Сети и о его былых успехах там. Он явно тосковал по хакерской жизни, полной опасностей и приключений. Да, у него теперь было столь многое, что, казалось, мечтать уже не о чем. Но Настя видела, что не жажда наживы заставила этого человека в свое время стать хакером. Нет, конечно, деньги тоже вещь нужная, и без этого никуда. Но пришел он в этот мир за острыми ощущениями, что дает отлично сработанный хакинг. Именно за ними, а не за деньгами. Наверное, именно поэтому он взялся помогать ей. Чтобы вспомнить былое, чтобы посмотреть на все это хотя бы со стороны.

Из раздумий Настю вывела внезапно появившаяся серая растрескавшаяся штукатурка, окружающая ее со всех сторон. Никаких дверей, никаких окон. Ничего, кроме потрескавшихся оштукатуренных стен. К этому помещению фраза «в четырех стенах» не подходила. Здесь было шесть стен. Все абсолютно одинаковые. Она оказалась внутри замкнутого куба. Очередная ловушка Лоуба.

Так, спокойно, сказала себе Настя. Здесь нет ничего, что могло бы навредить, как в предыдущей степи. Здесь светло (правда, непонятно, откуда исходит свет, но для виртуальности это нормально), есть воздух, комфортная температура. Вернее, это в лоубовской лаборатории в реале комфортно и с воздухом. Тут только поток битов. Это все нарисованное. Одно только движение, и она легко сможет разорвать эту нарисованную тонкую бумагу с нарисованной на ней штукатуркой хоть рукой, хоть просто пальцем. Настя резко ткнула в стену пальцем, ноготь с хрустом отломился, а палец пронзила такая боль, что девушка стала опасаться, не сломала ли его. Стена не стала бумагой. У нее не получилось.

Послышался тихий треск. Настя стала лихорадочно осматриваться и метаться по комнате, пытаясь найти трещину, которую можно было бы расковырять дальше. У нее затеплилась надежда, что еще не все потеряно, и у нее, возможно, получится. Но не тут-то было. Вскоре она заметила на стенах, повсюду вокруг, следы босых ног. Сначала она испугалась, что здесь есть кто-то еще, возможно, кто-то невидимый. Потом поняла, что это следы ее собственных ног — похоже, здесь не было гравитации. Вернее, гравитация присутствовала, но вектор ее был направлен к каждой из шести поверхностей, и ходить можно было по всем стенам совершенно легко. Осмотрев себя, Настя поняла, что она голая. М-да, шутник Лоуб. В этой ловушке не было не только

ссылок в карманах, отсутствовали и сами карманы. Простояв немного без движения, она догадалась, что треск исходит от ее головы — ее короткие черные волосы торчали во все стороны, и между волосками проскакивали маленькие синие искорки электрических разрядов. Наверное, забавное зрелище она сейчас представляла — голая и с искрами на голове. Интересно, это Лоуб специально придумал, или случайный эффект вышел?

Но искры искрами, а выбраться не получалось. Она не знала, как это сделать. Отчаяние стало зарождаться внутри нее. Похоже, Чип и Лоуб в ней ошиблись. Никакой она не хакер, а просто сумасбродная девчонка.

—И что делать дальше? — со слезами на глазах спросила она в воздух.

Лоуб в обличий Спрута появился столь неожиданно, что Настя вздрогнула от испуга. Потом закрыла руками свое нагое тело. В одной из стен с грохотом отворился массивный люк, которого там не было всего мгновение назад, и темная клякса головоногого моллюска стремительно влетела в ловушку, зависнув перед девушкой.

—Зря закрываешься, — обшаривая взглядом ее тело, сказал Лоуб, — есть на что посмотреть.

—Слюни приберите, — ответила Настя и опустила руки.

—Вот, другое дело, — расплылся в улыбке черный спрут и без паузы продолжил: — Не надо пытаться пробить бетон руками — это невозможно сделать. Или ты никогда не видела бетон в реале?

—Видела.

—Вот и молодец, — похоже, Хакера забавляла эта игра. — Тогда заканчивай тыкать пальцами стены и метаться, как загнанный зверь. Просто перестань смотреть на эту ловушку глазами. То есть зрительной областью коры, что в принципе одно и то же. Почувствуй поток, тебе это под силу. Я это видел. Только надо не просто почувствовать, как в прошлый раз, и ломануться, не разбирая дороги. Выйти ты так, конечно, сможешь. Только тебя в два счета засекут. И выход будет без толку. Когда почувствуешь поток, — продолжал он, — не смотри на него, просто пытайся его понять или воспринять. Называй как хочешь. Короче, в одном и том же разные люди могут увидеть разное. Это как в абстрактной живописи. Видела когда-нибудь?

—Видела. По-моему — туфта.

—Это по-твоему. Там смысл скрытый. И принцип очень похож на виртуальность. Что чувствуешь в потоке, то и представляй. И не забывай про свои нужды, когда представляешь. Поняла?

—Смутно, — честно ответила Настя.

—Смутно, — передразнил ее Спрут, — давай, пробуй. Кстати — голой ты себя тоже сама представляешь. Видать, соблазнить меня решила, чертовка.

—Больно надо, — сказала Настя, но ее никто не услышал. Лоуб исчез столь же мгновенно, как и появился. Люка в полу (или в стене?) уже не существовало.

Не существовало и бетонного куба. Вернее, он был, и Настя все еще стояла внутри него, безвольно опустив руки. Только это выглядело для нее скорее как картинка, которую она рассматривала. Нет, на самом деле здесь было какое-то огромное пространство. Синее. И облака. Много больших белых и невероятно пушистых облаков. Да это же небо!

Она летела в небе! Мимо нее проносились огромные кучевые облака, лениво ползущие куда-то влево. И какое бездонное синее небо над ней! Минуточку, что значит — над ней?

Осознание пришло мгновенно — Настя повернула голову и поняла, что падает с высоты, набирая все большую скорость. Внизу маячили черные пики безжизненных скал, и она летела точно на них. Что-то внутри подсказывало, что ей именно туда и надо было лететь. Только не на такой скорости и не с такой высоты. Если эти скалы наделены свойствами боевых вирусов — а от Лоуба можно ждать чего угодно, — ее размажет по ним тонким слоем. Вернее, размажет ее сознание. Тело в таких ситуациях обычно не выживает.

Что там говорил толстяк о потоках? Почувствовать их? Как же, тут почувствуешь. Кроме завывания ветра в ушах, ничего не чувствуется. Только… Только вон та скала внизу, вон та, остренькая такая. Там ведь есть пещерка. И ей надо туда. Очень надо. Какой там поток?

Синее небо стремительно перекрашивалось в темно-коричневые оттенки. За мгновение до того, как небо превратилось в пещеру, она успела заметить темную кляксу Спрута, несущуюся к ней сверху на всех парах. Не тут-то было.

Настя уже стояла на твердом камне скалы. На ней были надеты добротные туристические ботинки, крепкие штаны цвета хаки и такая же куртка. Высокий свод над ней не пропускал извне ни звука, а источником света в этой пещере служил огромный разноцветный водоворот, озером раскинувшийся у ее ног.

Она нашла то, за чем ее посылал в локальную сеть Лоуб. Она стояла у выхода в большую Сеть.

Она прыгнула в озеро огней, мгновение раздумывая в полете, куда ей отправиться. Просто посмотреть на Нет-Сити. Казалось, она не была там уже целую вечность. Когда подошвы ее ботинок долетели до поверхности водоворота, ноги гулко приземлились

на виртуальный асфальт Мэйн-стрит, взметнув два маленьких фонтанчика пыли. Вокруг, насколько хватало глаз, высились сказочной красоты и не менее сказочной архитектуры небоскребы. В реале такие давно бы рухнули. Но там нет потока. Там им не на чем держаться. А здесь они легко держатся на воображении людей, которые хотят видеть Нет-Сити именно таким.

В кармане брюк, на бедре, что-то завибрировало. Настя расстегнула пуговицу клапана. Внутри жужжал пейджер. Там же, в кармане, лежал еще какой-то хлам. С удивлением Настя узнала в нем ее ссылки на хакерские программы. Хотя какие — хакерские? Так, баловство одно.

Она достала пейджер. На экране светилась надпись: «Срочно возвращайся!» Наверняка Лоуб. Интересно, читать надо с гневной интонацией или с предостерегающей? Как бы то ни было, действительно нужно возвращаться. Мало ли что могло произойти.

Настя произнесла кодовую фразу выхода, и перед ней, прямо в воздухе над Мэйн-стрит, простерлась текстовая надпись, запрашивающая подтверждение на отключение от виртуальности. Привычно, ребром ладони, девушка ткнула в «Да», но за мгновение до того, как ее рука соприкоснулась с холодными буквами, успела заметить, что какой-то парень в толпе зевак, шатающихся по главной улице Нет-Сити, светящимися от радости глазами посмотрел на нее и крикнул вдогонку одно только слово. «Сикомора».

В следующую секунду она уже лежала в эргокресле в лаборатории Лоуба.

27. 27 марта. Токио, американский госпиталь

Очнувшись, Джордж никак не мог понять, где он находится. Вокруг, несмотря на приглушенный свет, все было сверкающе белым и едко пахло лекарствами. Ни на его квартиру, ни на «Мацушиту» это не походило. Потом, спустя минуты три, он обнаружил, что его тело утыкано датчиками и электродами. На плече время от времени вздрагивала резиновая манжета и с неприятной вибрацией надувалась, вызывая онемение в пальцах. Но больше всего его удивляло отсутствие головной боли. Голова не болела совершенно, хотя назвать свое сознание ясным он не мог. Все путалось и как-то не сразу складывалось. Словно ему приходилось пробираться через завалы мусора, образованного в голове чужими, инородными мыслями. Или просто складами информации, к которым у Джорджа не было никакого доступа. Возможно — пока не было. Он надеялся, что дела обстоят именно так.

Джордж приподнялся на постели и осмотрелся. Рядом с кроватью, на которой он лежал, стоял какой-то ящик, тихонько попискивающий и рисующий массу непонятных разноцветных линий на небольшом допотопном жидкокристаллическом экране. С другого бока на уровне его плеча висел замысловатый прибор, который тихо, на пределе слышимости, жужжал, а тоненькая прозрачная трубочка, выходящая из него, заканчивалась у Джорджа в районе правой ключицы. Все ясно — он в больнице. Только почему он здесь, что с ним случилось? Джордж никак не мог вспомнить, чтобы с ним происходило что-нибудь настолько неприятное, чтобы это стоило лечить в больнице. Разве что шишку на лбу и синяк под глазом? Но это вряд ли.

Джордж пошевелил ногой, потом рукой — вроде бы все нормально работало. Вроде бы все нормально, но он ощущал, что что-то все-таки не так. Осознание пришло с некоторым опозданием, но внезапно, обрушившись, как стена небоскреба после взрыва бомбы, — все его тело было темно-фиолетового цвета. Как гигантский синяк, расползшийся по всей поверхности кожи.

Что это с ним? Удастся ли его спасти?! Или хотя бы отсрочить конец? Ведь ему предстояло еще так много сделать. Он никак не мог умереть теперь. Теперь, когда он обрел Голос, когда неожиданно пришла помощь, когда есть шанс воплотить в жизнь все, что задумано. У Джорджа не оставалось никаких сомнений,

что Голос приходил не из этого мира. И наверняка там у них уже разобрались с проблемой биохимического кодирования программ. Конечно, предстоит большая работа, скорее всего, у того существа или существ, что обладали Голосом, будет отличная от людской биохимия. Но это частности. Главное — принцип, а остальное наладится.

Джордж поискал кнопку вызова персонала. Странно, что до сих пор никто не пришел. Кнопка нашлась прямо под правой рукой в основании кровати. Он стал давить шершавую упругую пластмассу не переставая. Ему казалось, что никто не приходит безбожно долго. Разве можно так медленно реагировать в больнице! Ведь так пациент может и не дождаться помощи! Наконец двери распахнулись, и в проеме появилась молодая и очень симпатичная девица, облаченная в обтягивающий белый халат до колена. Вероятно, медсестра. Хвала небесам — не японка. Девушка охнула, увидев неистово дергающегося с перекошенным лицом Джорджа, и первым делом оторвала его палец от кнопки.

—Вы что?! — возмутилась она. — Вам же нельзя!

—Что мне нельзя? — зло спросил Джордж.

—Так активно двигаться.

—Это еще почему? Я себя отлично чувствую.

—Но…

—И от чего вы тут меня лечите? Где вообще врач?!

—Доктор Бишоп сейчас придет. Пожалуйста, — очень натурально взмолилась медсестра, — успокойтесь. Вам нельзя совершать таких резких движений.

Джордж уже открыл рот, чтобы решительно ей возразить, но в дверях в этот момент появился сияющий белизной халата и непрошибаемым спокойствием доктор Бишоп. Он широко, но неискренне улыбнулся и спросил:

—Отчего вы, милейший, так взволновались?

—Да какого черта вы меня тут держите? — взревел Джордж. — Мне вообще кто-нибудь объяснит, что тут происходит и почему я здесь!

—Вас никто не держит, — возразил врач, — только вас не смущает цвет вашей кожи?

—Смущает. И что это значит?

—Пока не знаем. Одно могу сказать точно — у вас множественные мелкие кровоизлияния во всем организме. Вам очень повезло, что они очень мелкие. Но площадь поражения огромна. Осложнений можно ждать в любую минуту, — врач бросил быстрый взгляд на перемигивающийся разноцветными огнями прибор, стоящий на столике в изголовье кровати

Джорджа. — Вот, сами посмотрите — у вас сильнейший жар!

Джордж и сам уже успел почувствовать, что все его тело горячее, как печка, но ему при этом холодно — его бил озноб. Ему опять стало страшно. Черные мысли о том, что ему не придется закончить дело всей его жизни, подло выползали на передний план сознания. И Голос! Он не мог предать Голос! Во что бы то ни стало он обязан выздороветь. Или хотя бы поправиться на время.

—Делайте что-нибудь! — потребовал Джордж, вцепившись в руку врача.

—Мы делаем все, что в наших силах, — холодно ответил врач. — Но вы тоже должны нам помочь. Мы до сих пор не знаем, что с вами произошло. Почему так случилось. Не исключено, что процесс разрушения капилляров продолжается или продолжится в самое ближайшее время. Возможно, это действие какого-то нового боевого вируса. И если вы поможете нам его разыскать и взломать его код, то вполне вероятно, мы смогли бы создать противоядие, и вы бы поправились.

—Вирус?

—Да. Вы же были в Сети, когда все произошло. Во всяком случае, никаких следов ядов в вашем организме не обнаружено. Кроме этого, — доктор Бишоп порылся в кармане халата и вынул из белоснежных недр обесцветившийся кругляшок наркотического пластыря, которыми Джордж пользовался практически беспрерывно последние два дня. — Где вы это взяли?

—Купил. — Где?

—Вы что, полиция? — возмутился Джордж. — Какое вам дело?

—Просто интересно. Тоже, кстати, пока идентифицировать не удалось. Но точно известно, что не яд. Так что вспоминайте, — неожиданно сменил тему Бишоп, — где вы этот новый вирус подхватили. А мы подумаем, что с вами делать.

Джордж послушно лег в постель. Его накрыли одеялом. Он не сопротивлялся — его все ощутимей знобило. Похоже, температура была под сорок. Медсестра что-то поменяла в попискивающем аппарате и ушла. Скоро Джордж почувствовал, что температура падает, а все его тело покрывается мерзким липким потом.

Он думал о том, что же на самом деле произошло в Сети. Но все, что удавалось вспомнить, это то, как Голос снова позвал его. И он пришел на зов. Дальше воспоминания начинали путаться, он лишь помнил ощущение единения, просто сказочное чувство. И все. Дальше — приглушенный свет этой палаты. Что это могло быть? Неужели — боевой вирус?

Единственное, что его беспокоило в этой ситуации, — не повредит ли вирус Голосу. Хотя вряд ли. Ничто не могло повредить такой невообразимой чистоте, какой был Голос. Ничто не могло запятнать Его.

Но откуда взялось все это, спрашивал себя Джордж, разглядывая собственные темно-сиреневые руки. Или он недостаточно чист? Скорее всего! Но он готов пройти через необходимое очищение. Готов, чтобы предстать перед Голосом и снова увидеть Древо.

Постепенно озноб отступал, ему на смену пришло умиротворение и спокойствие, потом появилась сонливость. Джордж догадался, что виной этому лекарства, что поступали в его тело по силиконовым трубочкам. Сначала он думал возразить, но потом смирился — тело требовало отдыха, он чувствовал себя совершенно разбитым. Скоро он уснул.

Проснулся Джордж на удивление бодрым и отдохнувшим, никакого озноба больше не было, мышцы больше не ломило и мысли почти не путались. Похоже, он пошел на поправку. Ему пора было выбираться отсюда.

Он быстро нашел знакомую кнопку и вдавил ее до отказа, продолжая удерживать утопленной, пока не пришла медсестра. Давешнюю красавицу сменила приземистая тетка с необъятных размеров задом, в остроугольных очках, переливающихся голограммами всех цветов радуги, на носу и с непрошибаемо строгим выражением лица. Эту уговорить не удастся, подумал Джордж. Он как мог вежливо попросил тетку позвать доктора.

—Зачем он вам? — поинтересовалась тетка и, не дождавшись ответа, сообщила: — Его нет, сейчас ночь.

Джордж понял, что это неправда. Для чего тогда она интересовалась, зачем ему нужен врач?

—Давайте, живо зовите, — не терпящим возражений тоном повторил Джордж.

—Я же вам сказала…

Продолжить она не успела. Джорджа охватила злость на эту тетку, на весь окружающий мир. Да что они все себе позволяют! Да все, похоже, просто ополчились против него! Не иначе, они все завидуют ему! Завидуют, что Голос говорит с ним и не говорит с остальными! Но откуда они могли узнать о Голосе? Джорджа охватила паника — не сболтнул ли он чего лишнего, когда был в беспамятстве? Но он не мог! Он не мог вот так просто выдать Голос! Даже в беспамятстве!

Джордж приподнялся на кровати, наклонился вперед и прошипел, выкатив злые, красные от множества мелких кровоизлияний в склеры глаза:

—Сейчас же позовите доктора Бишопа. Вам понятно?

Толстозадая медсестра быстро-быстро закивала и начала пятиться от него к двери. Не сводя при этом глаз с пациента. Она вела себя так, будто Джордж по меньшей мере направил на нее ствол пистолета, не забыв при этом снять оружие с предохранителя. Через секунду она исчезла за дверью. Из коридора слышались быстрые шаги, удаляющиеся направо. Потом, секунд через пятнадцать, Джордж услышал очень тихий и далекий, но совершенно отчетливо звучащий голос тетки. «Доктор Бишоп, вам необходимо посетить пациента, — сказала она. После паузы добавила: — Да, именно этого».

То есть он у них здесь на особом счету, подумал Джордж. Он «именно этот». Что же им всем от него надо?

Врач пришел через минуту, не больше. Вид он имел взволнованный, но нездорового блеска в глазах, какой появился у тетки в переливающихся очках, у него не отмечалось.

—Что случилось? — спросил врач и машинально схватил Джорджа за запястье, пытаясь нащупать пульс.

—Зачем вы это делаете? — спросил Джордж.

—Что? — не понял врач.

—Щупаете мой пульс. Ведь все отображается там, — Джордж кивком головы указал на аппарат, стоящий на столике рядом с кроватью. Доктор Бишоп встрепенулся и бросил руку пациента, как будто она вдруг стала раскаленной.

—Привычка, — улыбнувшись, ответил он, — так что с вами? Вы что-то вспомнили?

—Нет, — резко сказал Джордж и поднялся с постели, — мне нужно идти.

—Но… — начал было доктор Бишоп.

—Мне надо идти. Велите принести мою одежду. — Джордж говорил спокойно, как будто не просил человека, которому явно было приказано никуда его не пускать и вытянуть всю возможную информацию, а разговаривал с портье в отеле, из которого собирался съезжать. Делал это он совершенно неосознанно. Просто ему казалось, что так правильно. Что так должно быть.

Глаза доктора Бишопа широко раскрылись, будто в испуге. Он кивнул и вышел из палаты, отдавая в коридоре кому-то невидимому распоряжения насчет одежды Джорджа. Джордж же окончательно встал с кровати. Голова немного кружилась, но не настолько, чтобы это слишком мешало. Мышцы всего тела слегка ныли, как после долгой физической работы, и очень пекло глаза. Но это все мелочи. Главное сейчас для него — это еще раз услышать Голос и хорошо запомнить, что ему скажет Древо. Это было самое необходимое. Получив инструкции, он мог бы

продолжить свою работу. Да что там — продолжить. Завершить! Он был в этом абсолютно уверен. Столь же абсолютно он был уверен и в том, что никто не сможет помешать ему осуществить задуманное.

Джордж несколькими рывками сорвал с себя все трубки и провода. Оказалось, что это довольно неприятно. Осмотрев себя, обнаружил, что на теле осталось несколько игл. Он сказал тетке в очках снять их, что она беспрекословно и выполнила.

Одежду принесли через десять минут. Джордж отметил, что воротник и рукава его плаща были измазаны кровью. Откуда это, он не помнил. Но это и не важно. А плащ все равно нужно поменять на пальто.

—А вы уверены, доктор Бишоп? — задал вопрос врачу молодой человек, который принес одежду.

—Да, конечно, — ответил Бишоп. Взгляд его все так же продолжал оставаться застывшим.

Джордж, подпрыгивая на одной ноге, натягивал штаны. Никто не пытался ему помешать. Он критическим взглядом осмотрел фигуру доктора — примерно одного с ним роста, немного худее, но это не должно вызвать особых проблем.

—Скажите, доктор, у вас есть пальто?

—Да, — ответил Бишоп.

—Вы бы не могли мне его одолжить?

—Конечно, — сказал врач и отдал распоряжения парню, чтобы принес пальто. Тот пожал плечами и ушел.

Пальто принесли вовремя — Джордж как раз закончил надевать все остальное.

—Спасибо, — сказал он, надевая пальто, — мне пора. Вы покажете мне, где у вас тут выход?

Парень вопросительно посмотрел на Бишопа. Тот кивнул и посторонился, освобождая дверной проем. В коридоре было светло и пустынно. Судя по темноте в окне, которым заканчивался длинный больничный коридор, снаружи действительно была ночь. Все спали. Почти все. Когда они прошли мимо поста, дремавшая над столом медсестра вздрогнула и проводила их удивленным взглядом. Потом они зашли в сверкающий хромом лифт и медленно поехали вниз. Джордж догадался, что лифт движется столь медленно, чтобы не травмировать ускорением больных. Для его натерпевшегося в последние дни тела это было как нельзя кстати.

Внизу, в просторном фойе, окруженном со всех сторон толстыми пуленепробиваемыми стеклами, возникла первая проблема. Там сидело трое охранников. Два японца и один европеец. Нет, скорее — американец. Он беспрерывно, с

неменяющейся частотой смыкания челюстей, словно робот, жевал жвачку. Все трое, заметив движение, встрепенулись. Потом они узнали Джорджа. Первые несколько мгновений они сидели без движения, ошеломленные его появлением внизу, потом руки всех троих стремительно потянулись под пиджаки. Надо думать, не для того, чтобы почесать подмышки.

Ну, вот и все, подумал Джордж. Эти не пропустят. Сразу видно — профессиональные бойцы. Что-то нужно было делать. Скорее от безысходности, а не по какой-то другой причине, он остановился и обратился к охране:

— Господа! Мне нужно идти.

Он сам не понимал, что делает. Вернее, он ничего не делал. Головокружение снова усилилось, перед глазами поплыли черные круги. Он видел, как охранники плавно, как в замедленной съемке, продолжают тянуть наружу пистолеты (или что там у них было?), как парень, что вел его к выходу, вдруг вздрогнул, схватился за голову и стал медленно оседать на пол. Он это все видел. Только происходило это будто не на самом деле. Мысли текли все медленнее и медленнее, а в какой-то момент времени и вовсе остановились. Окружающая его действительность превратилась в подобие фотографии. Фотография темнела, цвета исчезали, и скоро все погрузилось во мрак.

28. 27 марта. Сеть, локейт 58003428

Счастье переполняло его. Он не мог понять почему. Он до сих пор не знал, зачем ему нужно найти того, кого он искал. Но он наконец понял, кого он ищет.

Он просто прогуливался по Мэйн-стрит, когда в толпе сетевых зевак увидел ее. Обычную, ничем особо не отличавшуюся от остальных девушку. Однако, как только он обратил свой взор не на виртуальную картинку, а на поток данных, к которому он уже успел привыкнуть, он увидел, насколько эта девушка отличалась от остальных. Код ее сознания горел ярким пламенем, в то время как основная масса подключенного к Сети народа просто вяло тлела на темном фоне виртуального пространства. Более того, ее код не просто висел на выделенном ей серверном пространстве. Он словно бы вгрызался в общую канву виртуальности, создавая с ней единое целое, заставляя ее меняться по своему усмотрению. Такое в Сети он видел впервые.

Несколько микросекунд ему потребовалось, чтобы понять — она именно та, кого он ищет. Невообразимо долго. Потом молниеносно к нему вернулась память. Еще несколько микросекунд ячейки серверов, которые занимала его сущность, наполнялись непонятно откуда берущейся информацией. Это вызвало у его сознания шок. Какое-то время — он не мог сказать какое — ему потребовалось, чтобы прийти в себя.

И тогда он позвал ее. По имени, которое знал. Сикомора. Ее имя слетело с его воображаемых губ совершенно машинально — ведь она не могла услышать его. Но она посмотрела на него! Она видела его! Он был в этом уверен. И, возможно, даже узнала. И в это мгновение ее сознание отключилось от Сети, оставив лишь цифровую бурю на локейте 58003428, стремящемся восстановить заложенное в него программой равновесие, которое нарушила Сикомора.

Он исследовал эту область виртуального пространства вдоль и поперек. Скопировал все найденные им логи. Но ничего, что помогло бы найти Сикомору, он не нашел. Исчезло все, как будто ее здесь и не было.

Но теперь он был спокоен. Он вновь обрел цель. Четкую и определенную. Он знал, кого ищет, и знал, что теперь обязательно найдет Сикомору. Теперь он был в Сети не один!

29. 28 марта. Здание «Мацушита электрикс». Минус четырнадцатый этаж

Несмотря на то что Исиро точно знал, что брызгающий слюной старик перед ним является всего лишь голографической картинкой, он чувствовал себя действительно оплеванным. Мастер был прав. Прав во всем. И в том, что происходящее уже выходит за рамки простого совпадения, и в том, что команда под его, Исиро, руководством провалила вверенное ей задание. Они ничего не узнали. Более того, потеряли главного подозреваемого, за которым велась пристальная слежка и которого просто обложили охраной, как явной, так и скрытой. Объяснения произошедшему Исиро не находил. Это все походило на колдовство. Но в колдовство он не верил, а более рационального объяснения на ум не приходило. Пока не приходило. Он был уверен, что обязательно найдет решение проблемы.

Сейчас ему необходимо закончить намеченное, не вызвав никаких подозрений. Как же ему надоел этот старикан! Да только без него Исиро ничего не сможет сделать. Мастер все продумал. Все до последней мелочи. Он очень умен, в этом ему не откажешь. Поэтому ему приходилось стоять перед экраном с покорно склоненной головой и преданным взглядом смотреть в глаза голограмме того, кто в полуразложившемся состоянии покоился в саркофаге с питательными растворами, стоящем в каких-нибудь пятнадцати метрах от этой комнаты. Стоило только щелкнуть рубильником… Хотя, конечно, не так все просто.

Исиро всячески гнал от себя крамольные мысли. Не об этом сейчас стоило думать. Необходимо было найти этого мерзавца Карнера и следить, чтобы его план вовремя по всем пунктам воплощался в жизнь. Иначе все, что он делал последние десять лет, все то, что он терпел, что продумывал и создавал, — все пойдет прахом. Да вся его жизнь пойдет прахом.

Мастер кричал и требовал. Исиро виновато кивал головой и соглашался. Его и самого беспокоило происходящее. Обстановка становилась нездоровой, и у него начали закрадываться подозрения, что кто-то раскрыл его план. Может, этот самый Карнер и раскрыл. Только как? Ведь он все продумал. Он же все просчитал и проверил. Только сложив все части головоломки, можно было понять, что происходит. Но части эти никак не могли сложиться сами. Значит, кто-то им помогал. Но кто? Кто еще,

кроме него, знал, как эти части сложить? Исиро не находил ответа.

Сегодня старик разорялся долго. Опять никаких советов. Только требования. А кому, как не ему, знать, что происходит в Сети? Мог бы и поделиться своими секретами. Конечно, доступ к нему через Сеть был ограничен — старик боялся всего, даже оптоволоконного кабеля, проходящего в пределах видимости от его саркофага. Но все же иногда он выходит в общую Сеть, хоть и через толщу им же самим разработанной хитрой системы фильтров. Ведь наверняка он что-то знал. И зачем-то это скрывал. Он, как всегда, вел свою игру. Но еще посмотрим, кто кого переиграет, подумал Исиро, покорно кивнув и сказав в очередной раз: «Да, Мастер!»

Когда голоэкран наконец погас, Исиро облегченно вздохнул и переступил с ноги на ногу. Ноги затекли и онемели.

Ничего, подумал он, если не врут датчики, до цветения осталось два дня.

30. 28 марта. Калькутта, подземный дворец Спрута

Когда Настя вернулась в реальный мир, и Лоуб, и Мухомор встретили ее удивленными и несколько перепуганными физиономиями. Лоуб накричал на нее. За что, она так и не поняла. В Сеть ходить он ей запретил строго-настрого.

Несмотря на невнятное бормотание толстяка насчет головной боли и большого вреда для мозгов, чувствовала себя Настя совсем не плохо. Разве что самую малость кружилась голова. Остаток дня она провела в своей комнате, лишь вечером выйдя к ужину. Никто, кроме нее, на ужин не пришел — ни Лоуб, ни Мухомор. Мухомор вообще как-то отстранился от нее и ходил по дворцу (ну не поворачивался у нее язык назвать это роскошное сооружение бункером) мрачный и надутый. К слову, вымывшись и переодевшись, бомжеватость свою он утратил начисто. Как быстро человека меняет комфорт!

Но ночью Мухомор снова пришел к ней. Она было подумала, что он снова за старое, снова полезет к ней. Но песню про любовь он не завел, да и вообще все больше молчал, призывал ее не шуметь и, похоже, никак не решался что-то сказать.

Он рассказывал что-то невнятно. Настя не могла взять в толк, что он хочет. Тем более что очень хотелось спать и слушала она его вполуха. Но Мухомор не отставал и уходить не собирался. В какой-то момент Настя совсем отключилась. Проснулась в холодном поту от того, что Мухомор тряс ее плечо и шипел в ухо: «Настя, Настя».

—Слушай, — возмутилась Настя, — чего тебе надо? Чего ты пристал? Я спать хочу. Говори, чего хочешь, и иди к себе!

—Тихо, тихо, — зашипел на нее Мухомор.

—Что?!

—Ну, я должен тебе сказать… Ну… — снова замялся Мухомор.

—Так, давай, вали к себе, — сказала Настя, вскакивая с постели и решительно отпихивая парня к двери.

—Нет, нет, не надо, — взмолился Мухомор, — и тихо, пожалуйста! Я расскажу. Это важно.

—Говори или проваливай!

—Хорошо! В общем… Не знаю даже, как тебе сказать.

—Давай уже как-нибудь, а? Спать охота.

—Ладно, ладно. Короче, мы с тобой не случайно встретились.

—То есть? — не поняла его Настя.

—Ну, тогда, в Выборге. Я специально к тебе подошел. И к Чипу специально повел. Это все было подстроено.

—То есть? — снова повторила вопрос Настя. У нее в голове все окончательно перемешалось. Она никак не могла взять в толк, о чем говорит Мухомор. Нет, понимание того, что ее предали, причем предали по-крупному, медленно, но верно росло внутри. Но Мухомор? Как это может быть подстроено? Он же рисковал жизнью ради нее? Или это все тоже было не на самом деле?

—Меня попросили сделать так, чтобы ты попала к Чипу. И заплатили за это, — он виновато опустил глаза.

—Так ты не друг Чипа?

—Нет, почему? — как-то удивился вопросу Мухомор. — Друг. Мы давно знакомы. Только никакой я не бомж. Просто обычный питерский неудачник, попавшийся на удочку к одной конторе.

—А Чип? Ему это все на кой надо было? — вдруг, резко повысив голос, спросила Настя.

—Не знаю. Он не говорил. Сказал только, что ты очень важная фигура в Сети.

—Интересно, а смерть старика — тоже часть первоначального плана? Отвечай! — Настя схватила парня за волосы и трепала из стороны в сторону.

—Тихо! — зашипел на нее Мухомор. — Еще не хватало, чтобы сюда охрана толстяка прискакала!

—Хорошо, — уже шепотом сказала девушка, — так все же?

—Не знаю я ничего. Понимаю, ты теперь мне не веришь. Но я правда не знаю! Я, когда узнал о смерти Чипа, хотел тебе сразу рассказать. Но как-то духа не хватило.

—А сюда ты меня тоже не случайно привел?

—Да. Только сюда, если помнишь, ты пришла сама. Меня Лоуб вообще пускать не хотел. Это я его потом разжалобил. Чтобы смотреть, что они с тобой делать будут.

—Ну.

—Что ну? — не понял ее Мухомор.

—Ну, и что высмотрел?

—Ничего. Ты просто в Сеть ходила. Сломала вчера все в Лоубовом виртуале. По-моему, он даже испугался немного. А что там было?

—Да так, ничего, — уклончиво ответила Настя.

В голове вертелось два вопроса: зачем она Лоубу и, как выясняется, Чипу и как ей теперь отсюда выбраться. — А что старый жиртрест от меня хочет? Ты не понял?

—Нет. Но не уверен, что это понравится тебе. Помнишь разговор о работоспособных хакерах?

—Да. — Настя живо представила себе, как ее мозги медленно

поджариваются, покрываясь хрустящей золотистой корочкой. Бред какой-то. Не хватало еще подумать, что Лоуб ее мозги есть станет.

—Думаю, ты ему нужна, чтобы достать что-то. И насчет твоих мозгов он церемониться не станет. Неспроста же он до сих пор в *работоспособном* состоянии.

—Да уж понятно — что. По-моему, всему миру сдался этот мифический файл Мацушиты! Дернул же меня черт…

—Почему же — мифический?

—Ну, может, и не мифический. Только я про него ничего не знаю. — Внутри неприятно заскребло подозрение. — А ты, часом, не для того ли пришел, чтоб про файл выведать? Ничего так и не узнали, решили в доверие тебя мне втереть? Не выйдет! Не знаю я про этот треклятый файл ничего! Не знаю, понимаешь!

На глаза опять навернулись слезы. Настя свернулась калачиком в постели и тихо заскулила, вытирая кулаком катящиеся по щекам соленые капли. Как же ей все это надоело! Все эти файлы, эта Сеть с ее ловушками и вечным двойным, тройным и так далее смыслом. Надоело, что все от нее чего-то хотят. Только она уже ничего не хочет. Ничего, только спокойствия. Уж лучше бы ее мозги сгорели в той ловушке в «Мацушите». Только не помнила она ничего. Что там было? Что же? Какой-то ангел… бред.

Настя совершенно отчетливо понимала, что это бред, что быть этого не может. Но уверенность росла с каждой секундой. Тот парень, что окликнул ее в толпе на Мэйн-стрит. Невысокий, с прической ежиком и усталыми глазами. Нет, ошибки быть не могло. Это был именно он — тот самый ангел, что спас ее из ловушки. Но тогда получается…

Тогда получалось, что он самый настоящий хакер. Ловушек «Мацушиты» вроде бы боялся сам Лоуб. Потому что тогда он полез бы за файлом сам. Уж очень этот файл всем нужен. Что же в нем такое? Что же к нему всех так тянет?

Деньги? Нет, денег у того же Лоуба хоть отбавляй, из-за денег ему рисковать незачем. Тогда что? Что-то, что не купишь за деньги. Это уж точно. Только что? Настя упорно перебирала в уме варианты, со скрипом разгрызая ноготь на большом пальце. Слезы больше не капали из ее глаз. Но ни одного удобоваримого варианта так и не появилось.

Но какое отношение ко всей этой истории имеет парень из Сети? Тоже охотится за файлом? Что он хочет от нее, для чего он ее отыскал? И самое главное — как? Совершенно точно, его нужно будет найти. Но вести себя с ним осторожно. Больше никому нельзя доверять.

—Что они ищут в Сети? — спросила она у Мухомора.

—Да не знаю я!

—Скажи, а ты зачем мне вообще все это рассказал?

—Не знаю, — ответил Мухомор, — надоело все. Врать тебе надоело. Я же вижу, что ничем хорошим это для тебя не кончится. Не могу я так.

—Пожалел, значит.

—Наверное, — парень немного смутился. Похоже, он вспомнил прошлую ночь и тут же сменил тему. — Я думаю, тебе уходить отсюда надо. Потом отсидеться где-нибудь. Думаю, долго они тебя искать не будут — Лоуб явно спешит. Что-то там их со сроками поджимает.

—Ну уж нет, — скорее самой себе, чем Мухомору, сказала Настя, — теперь я из принципа узнаю, чего все так вокруг «Мацушиты» последнюю неделю вьются. Помирать, так с музыкой! Завтра уходим. Вернее — я ухожу.

—Меня не берешь?

—Ты же засланный оказался, — усмехнувшись, сказала Настя. — А как отсюда выйти?

—Я так понимаю, через ту дверь, через которую мы входили. Только там охрана. Я проверял. Не думаю, что тебя выпустят.

—Охрана большая?

—Трое. И замок серьезный. Но замок я открою, — сказал Мухомор, постучав указательным пальцем себя по лбу, — а вот охрана — проблема посерьезней.

—Ладно. Завтра думать будем. Сейчас я уже думать не могу. Давай поспим хоть пару часов.

—Хорошо. Тогда я пошел к себе.

—Ага. Иди. Мне сейчас лучше одной побыть.

—Я понимаю, — сказал Мухомор, — ты мне теперь не доверяешь. Это нормально. Но знай, я все равно тебе помогу.

—Иди, помог уже. Я теперь никому не доверяю. Мухомор ушел, а Настя осталась наедине со своими мыслями. Несмотря на то что спать хотелось сильно, глаза аж щипало, она никак не могла заснуть. Она никак не могла поверить, что Мухомор, тот самый Мухомор, что рисковал жизнью ради нее, столько раз рвался ее защитить, что он оказался предателем. Это просто не укладывалось в голове. Или он не рисковал? Возможно, это были заранее рассчитанные ходы. Но что тогда насчет Чипа? Или его тоже понарошку убили? Всяко может быть, но вряд ли эти так называемые независимые издания будут сочинять.

Нет, что-то во всей этой истории не складывалось. Не получалось ладного рассказа у Мухомора. Тогда получается, он и теперь темнит, чего-то недоговаривает. Что не просто так, по

доброте душевной или от угрызений совести, рассказал ей все это. Значит, от нее ждут каких-то действий. Каких? Например, что она станет пытаться выбраться. Тем более Мухомор твердил, что, мол, выбираться отсюда надо.

Ну уж нет. Этого вы, ребята, не получите. Только что им от нее надо? Лоуб просто не хочет светиться в Сети, или это что-то другое? Скорее, что-то другое. Ведь, похоже, этот файл (или что там хранилось у «Мацушиты»?) был нужен всем просто кровь из носа. Настолько, что можно было бы и рискнуть. Тогда чем таким она приглянулась всей этой шайке?

Знать бы еще, что хранится у «Мацушиты». Что же разработали такое японцы, раз такие люди, как Лоуб, готовы потерять все, лишь бы завладеть этим? Что же это может быть? Чего ему, Лоубу, не хватает в этой жизни? И сколько ему той жизни-то осталось? Ему, поди, уже за восемьдесят. Тогда что же может быть для него столь ценно?

Нет, детали головоломки никак не хотели складываться в интересную и, самое главное, осмысленную картинку. Пока не хватало деталей. Слишком много пустых мест, и обрывки в целое сложить не удается.

И еще один фрагмент — парень с усталым взглядом. Только от ее ли головоломки этот фрагмент? Насте уже казалось, что все, что происходит в мире, как-то связано с треклятым файлом гадов японцев. Что же они там придумали такого незаменимого? Что же?..

Все-таки, не заметив как, она уснула. Ей снился странный жутковатый сон, в котором она залезала в лабиринт сервера «Мацушиты», где находила блестящий, словно бриллиант, цилиндр. Огромный ангел со светящимися крылами и усталым взглядом молча вел ее обратно, к выходу, и с грустью на лице отпускал, стоя у дверей и маша крылами ей вслед. Да только там ее поджидал Лоуб, хохоча на необъятной кровати. Он мертвой хваткой вцеплялся спрутовьими щупальцами в цилиндр, настойчиво стряхивая с другого его конца Настю. Руки Насти соскользнули, цилиндр остался у спрута, который, открыв пасть, полную огромных острых зубов, начинал с хрустом жевать свою добычу и проглатывать большими кусками. А Настя, потеряв точку опоры, летела в какую-то бездонную пропасть.

Она летела все быстрей и быстрей. Лоуб, пожирающий цилиндр, исчезал вдали, и в следующий момент она проснулась от жесткого столкновения с полом.

Первые несколько секунд она никак не могла понять, где находится. В панике попыталась вскочить и куда-нибудь спрятаться, но запуталась в одеяле и снова упала. Когда она

открыла глаза, перед ее взором стояла роскошная деревянная кровать, а то пространство, что кровать не занимала, было отделано с не меньшим шиком, чем ложе, с которого она свалилась. Точно, подземный дворец Лоуба.

Все произошедшее этой ночью мигом восстановилось в памяти, а дурацкий сон, из-за которого она и свалилась с кровати, медленно таял на задворках сознания. Итак: она никуда не бежит и выбраться попыток не предпринимает. Во всяком случае — пока. Невзирая ни на какие уговоры Мухомора. А самого Мухомора всеми силами надо пытаться убедить, что она все так же считает его своим.

И самое главное — ей необходимо попасть в Сеть. Только там она сможет получить хоть какую-то информацию, которая может помочь ей выбраться из этого положения.

Горести сваливались на нее одна за другой. Казалось бы, все складывалось хуже некуда. Только руки на себя наложить осталось. Но, что странно, теперь она ощущала какой-то азарт. Ей хотелось продолжать эту игру. И она больше не хотела видеть себя в роли защищающейся маленькой девочки. Она будет вести свою игру, она станет твердым орешком, костью в горле всей этой братии, что заставили ее стать такой. И пусть попробуют ее на вкус — вряд ли он им понравится.

31. 28 марта. Санкт-Петербург, квартира с видом на Невский проспект

Операция шла из рук вон плохо. Владимир Кириллович с остервенением размешивал давно растворившийся в кофе сахар. При каждом обороте ложка громко стучала по фарфору, угрожая разнести изящную чашку из кофейного сервиза девятнадцатого века на мелкие осколки. Ничего не клеилось.

Что-то там у них пошло не так. Эти их хакерские заморочки! У них все не как у людей. Ничего не поймешь из объяснений. Он понял только одно — они боятся и, что делать, точно не знают. Поэтому девчонку оставлять никак нельзя. В принципе, насколько Владимир Кириллович понял из разговора, они вообще не знают, как ее теперь использовать. И без нее они тоже ничего не знают. Олухи! Опытные, так сказать, ребята! Да какие там ребята! Старичье, что ни на есть!

И девчонка эта… Черт его дернул вести ее лично. Зачем ему, старику, это сдалось? Ну чем она ему приглянулась? Да мало ли в его жизни таких вот девчонок было! Нет, ему именно эту подавай. Он не находил себе места, его мысли были заняты только ею. Он уже практически наплевал на проект, на все, что они с таким трудом вытянули, собирая по крупицам информацию со всей Сети. Ему уже было все равно — он только хотел увидеть ее. Он хотел поговорить с ней, объяснить ей все. И может быть…

Нет, это просто безумие какое-то! Да теперь в проекте задействованы такие силы, столько поставлено на карту, что его самого разотрут в порошок, если он сунется. Хотя если уж совсем серьезно, то что с ним могут сделать? Это потом они, может, и спохватятся. А сейчас…

А сейчас надо было спасать девчонку. И проект. Только как это сделать одновременно, Владимир Кириллович никак не мог взять в толк. Взаимоисключающие моменты. Девчонка нужна ему, девчонка нужна проекту, девчонка нужна всем. И всем сдался этот проект. Никто про него ничего толком не знает, но всем он сдался! Еще бы! Такого еще не было и будет ли когда-нибудь еще — неизвестно. Такой шанс выпадает только раз в жизни. Если не раз в истории.

Да вот только зачем ему проект, если теперь у него вся жизнь только для одного и осталась. Точнее — для одной.

Чашка с аристократическим звоном ударилась об пол и

разлетелась на три крупных осколка. Дорогие брюки Владимира Кирилловича обдало коричневым потоком горячего кофе. Тоже, выискался любовник престарелый! Девчонка ему покоя не дает! Видите ли, никогда такого у него в жизни не было — и нате-здрасте. Тьфу, кобель! И с чего это он решил, что вообще чем-то может эту девчонку заинтересовать? Да ему только пальцами щелкни — миллион таких девок под окнами будет стоять, ждать своей очереди. Да и эта тоже будет. Не может — научат, не хочет — заставят.

Только он прекрасно понимал, что злится он на самого себя. Нужно было искать какое-то решение. Нужно что-то делать. Нужно спасать всех. И девчонку, и проект. Или в обратном порядке.

Только кто спасет его самого?

32. 28 марта. Токио. Лаборатория биософтов «Мацушита электрикс». Сеть

Джордж брел по предутренним темным улицам Токио не разбирая дороги, не зная, куда и зачем он идет. Мокрая снежная каша однообразно хлюпала под ногами, в ботинках было противно мокро и холодно, полы красивого коричневого пальто доктора Бишопа безвольно волочились по снежному болоту, безбожно пропитываясь влагой и теряя товарный вид. Наверное, доктор Бишоп очень расстроится, когда снова увидит свое дорогое пальто. Если, конечно, он его увидит. Вокруг, как всегда, было отвратительно и падал осточертевший всем мокрый снег.

Джордж не помнил, что произошло в вестибюле госпиталя. Он только запомнил, что окружающая его реальность вдруг как-то выцвела, словно старинная черно-белая фотография, а потом все исчезло. Очнулся все в том же фойе, только он уже стоял на коленях на холодном полу из искусственного камня, обхватив голову руками, с четкой уверенностью, что череп сейчас разорвется от невыносимой боли. Но голова не болела. Совсем. Никаких ощущений. Он даже не знал, почему решил, что голова обязательно должна болеть. Наверное, за эти дни уже привык к головной боли, и сознание отказывалось верить, что может быть по-другому.

Потом он осмотрелся. Увиденное немного удивило. Но совсем не шокировало — трое охранников, так и не успевших достать пистолеты (или что там у них было под пиджаками?), распластались в неестественных позах на полу, плотно стиснув закостеневшими руками головы. У одного, японца, из уха стекала тонкая густая струйка темно-бордовой, почти черной, крови. Они все были совершенно мертвы. Их застывшие позы не вызывали в этом никаких сомнений. Пульс щупать не было необходимости.

Парень-санитар, что привел Джорджа вниз, лежал рядом с ним. Глаза закатились, изо рта медленными толчками вытекала пена, но он был жив. Во всяком случае, пока. Он вяло шевелился и бормотал что-то нечленораздельное. Отчего-то у Джорджа была полная уверенность, что ничего другого он больше никогда не скажет.

И еще одна вещь ему была яснее, чем день, — все, что он видел вокруг, сотворил он. Нет, он никого не бил, ни в кого не стрелял, не производил никаких звуковых и электромагнитных

импульсов. Но сделал *это* с людьми именно он.

Сожаления по поводу случившегося он не испытывал. Эти люди стояли у него на пути. Они хотели помешать воплощению его мечты, нарушить ход его проекта. Они хотели не дать ему общаться с Голосом. Этого Джордж допустить никак не мог. И не допустил. И теперь у него была сила. Вне всякого сомнения, данная ему Древом. Голос говорил с миром через него. И он понесет его волю дальше.

Джордж шлепал по улице довольно долго — часа три, не меньше. Когда он, наконец, остановился, поднял голову и взглянул на высящуюся перед ним стеклобетонную громаду монументального здания, столь знакомого ему, на востоке уже вяло занималась заря. Он стоял перед главным входом, украшенным огромными гранитными ступенями, обрамленными золочеными металлическими перилами с вмонтированными в них системами микроклимата, чтобы на ступенях никогда не лежал снег, одной из величайших корпораций мира — «Мацушита электрикс».

Он пришел в их логово. Тех, кто хотел помешать ему. Тех, кто преследовал какие-то свои тайные цели, пока совершенно непонятные Джорджу. Но не это было главным — главное, они хотели помешать ему слышать Голос.

В фойе, как обычно, маялись от безделья двое охранников. В стеклянной будке (стекло, надо думать, у них там пуленепробиваемое) скучали еще трое. Сверкающее хромом пропускное устройство с турникетом призывно моргало лазером, считывающим личные данные сотрудников. Все было, как обычно. Ничего из ряда вон.

Из ряда вон оказалось появление здесь Джорджа. Это было ясно с первого взгляда. После нескольких мгновений замешательства, потребовавшихся охранникам, чтобы осознать, что перед ними именно Джордж Карнер, в фойе зародилась нездоровая суета, с каждой секундой грозящая превратиться в аврал вселенских масштабов. Двое наружных охранников заняли свои положенные позиции по сторонам от турникета, трое будочных принялись лихорадочно что-то набирать на стоящих перед ними терминалах и переговариваться с кем-то по всевозможным системам связи, которыми была оборудована их будка.

Похоже, подумал Джордж, его здесь не ждали. Точнее, ждали, но не сейчас. Ничего, пускай попыхтят, им полезно. А то совсем ребята засиделись. Его темно-фиолетового цвета губы медленно расплывались в саркастической улыбке, превращающей и так жутковатое лицо в совсем уж демонического вида маску. Его

внешность, да и само появление здесь нагоняли на охранников животный ужас. Это легко читалось по их лицам.

Джорджу было смешно. Вся эта суета, все это стремление жалких людишек остановить его, помешать ему выполнить свою миссию, не дать ему попасть в его лабораторию. Именно ЕГО лабораторию, где он работает над ЕГО проектом. Что бы там ни говорил Мастер. Пусть засунет свои измышления… Джордж сразу как-то и не нашелся, куда бы Мастеру лучше всего засунуть измышления.

Видимо, в этот момент охранникам наконец удалось согласовать свои действия с невидимым руководством, и они перешли в атаку. Те, что стояли у турникета, чуть не легли на него грудью, чтобы не дать Джорджу даже приблизиться к входу, а трое из будки вывалили наружу, на бегу выхватывая из укромных мест своих многофункциональных костюмов резиновые дубинки и электрошокеры.

Джордж засмеялся во весь голос. Он уже не мог сдерживать себя, этот фарс его здорово веселил. Джордж чувствовал в себе силы, и уверенность, что никто в этом здании не может больше ему навредить, росла с каждой секундой. Он снова чувствовал окружающую реальность в мельчайших деталях. Охранники были до отказа нафарширована разнообразной кибернетикой, ускорителями, усилителями, прицеливателями и прочей охранно-боевой ерундой. Правда, Джордж также отчетливо ощущал, как из-под их подмышек тяжелыми каплями падает на плотную ткань многофункциональной формы пот, выделяющийся во все большем количестве. Это страх заставлял потовые железы поступать так нехорошо с собственностью компании «Мацушита». Ведь форму теперь придется выбросить, она безнадежно испорчена.

Особенно после того, как обломки окровавленных костей пропороли ее на локтях и коленях.

Джордж хохотал во все горло. Его глаза закатились, а тело сотрясалось при каждом звуке «ха». Первые двое охранников, что уже нацелили на него свои шокеры, вдруг вздрогнули и рухнули на пол, как будто у них переломились ноги. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: именно это и произошло — из разорванных штанин у обоих торчали острые окровавленные осколки костей. Несколько секунд они таращились на свои кости, не в силах поверить, что видят именно то, что видят, а потом раздался душераздирающий крик боли. Однако это был не конец. Еще через несколько секунд с громким треском ткань их замечательных костюмов лопнула в рукавах, и оттуда, судорожно дернувшись, показались кости рук. Шокеры и дубинки покатились по полу.

Третий из бегущих охранников охнул и остановился столь резко, будто столкнулся с невидимой стеной. Было видно, как его тело сплющило спереди. Потом внизу хлюпнуло, и из всех отверстий замечательного многофункционального костюма нехотя, толстыми густыми струями потекла кровь. Обмякшее тело безвольным мешком опустилось на пол.

Двоих на парапете уговаривать не пришлось. Один, тот, что стоял слева, похоже, окончательно тронулся умом от увиденного. Его глаза тупо смотрели на Джорджа. Вернее, не на него, а сквозь него. Или он думал, что смотрит внутрь Джорджа? Собственно, Джорджу было совершенно все равно, куда он смотрит. Правый сохранял ясность ума, и именно это обстоятельство удержало его от каких бы то ни было возражений против беспрепятственного прохода Джорджа внутрь здания.

Джордж не знал, как он это делает. Ему было все равно. Он просто не дал им добежать. И они сломались. Как маленькие игрушечные человечки, тупо бегущие своими пластмассовыми ножками на натянутую перед ними раскаленную проволоку. Так он играл в солдатиков в детстве. Они всегда рано или поздно оказывались безногими. Мать ругала за это Джорджа, считая игрушки безвозвратно испорченными, а Джордж знал — они просто ранены. Ведь солдаты должны иметь ранения, иначе какие они солдаты.

Лифт возразить не пытался. Повез на семьдесят второй этаж сразу и беспрекословно. Куда ему, тупой машине, возражать. Он создан, чтобы служить. Подождите, Джордж со скрипом стиснул зубы, скоро все вы будете служить. Голосу и Древу. А он, Джордж, будет пастырем этого мира. И пророком Древа. Чувство восторга переполняло его. Но еще необходимо так много сделать.

Еще в лифте Джордж почувствовал, что у стеклянных дверей его лаборатории, тех, что не открывались на сигнал вживленного под кожу чипа, а требовали прикладывания пальца с подходящими отпечатками, ждала охрана. Восемь человек, вооруженных автоматическим оружием, подключенным вирт-конлекторами к мозгам солдат. Не киберы с глобальной системой наведения, конечно, но тоже стрелки весьма меткие. И дверь больше не считала рисунок кожи его большого пальца подходящим. Он знал это наверняка.

Ну что ж, проблема не велика. Ведь в этих замечательных черных автоматах, что стреляют так быстро и точно, установлены отличные источники питания. И электричество так легко скользит по проводам и схемам. По вирт-коннекторам и платам нейро-контактов. Прямо к нейронам, распространяясь по коре головного мозга со скоростью света. Яркая заря на планете мозг,

испепеляющая обитателей. Она так красива и так быстра. И так неумолимо безжалостна.

Джордж живо представил себе, как фиолетовая молния электрического разряда пробегает по извилистой серой поверхности, оставляя позади себя черное испепеленное поле. Сиреневые искорки еще пару раз пробегают по холмам и оврагам, дожигая оставшиеся признаки жизни, и исчезают в никуда. Красиво! Уголки его губ снова растянулись в блаженной улыбке. Глаза словно остекленели и нездорово блестели, выделяясь ярко-красными пятнами на общем фиолетовом фоне.

Когда двери лифта открылись, все восьмеро аккуратной кучкой лежали около стеклянной двери. От головы каждого к автомату, так и не выпущенному из рук, тянулся тоненький черный проводок.

За аккуратно уложенной кучей мертвых тел, за стеклом, с вытаращенными глазами стояли сотрудники его лаборатории. Увидев Джорджа, все бросились прочь, спотыкаясь и сбивая друг друга с ног. Дурачье! Они не знают, что им ничего не грозит.

Дверь открыть не получилось. Это расстроило Джорджа — все-таки он ожидал, что с электроникой будет еще проще, чем с людьми. Но с компьютерной сетью, ведающей дверьми, договориться не удалось. Точнее, не удалось даже вступить с ней в переговоры. Он совершенно не чувствовал электронные потоки.

Но — не беда. Вооруженная охрана должна иметь доступ во все помещения, иначе как она будет их охранять? Джордж подтащил одно из мертвых тел, плотно упакованных в черную пулеэлектронепробиваемую ткань, поближе к двери и приложил мертвый, но все еще хранящий тепло живого палец к сенсору. Двери послушно распахнулись.

— Привет, ребята! — во все горло закричал Джордж, входя в *свою* лабораторию. — Я вернулся, мы продолжаем работу, хоть нам и пытались помешать.

Откуда-то справа (из-под стола с терминалом, что ли?) вылез Скиннер. Вид у него был, мягко говоря, взволнованный. Очки сползли на щеку, держась на одном ухе, губы подрагивали.

— Здравствуйте, шеф, — заикаясь, сказал он, — вас здесь искали.

— Я заметил, — усмехнулся Джордж.

— А что это… у вас? — Скиннер поелозил пальцами по своей щеке, видимо, имея в виду цвет кожи Джорджа.

— Так, ерунда. Синяк большой.

— Мне кажется, вам бы лучше… отсюда… уйти.

— Не трусь! — успокоил его Джордж. — С этими разберемся. Нам предстоит большая работа.

— Но нас закрыли, — жалобно произнес Скиннер и наконец поправил очки.

— Что значит — закрыли? — рявкнул Джордж. Скиннер машинально сжался и схватил обеими руками дужки очков, которые, видимо, падали сегодня не один раз.

— Наш проект закрыли. Руководство приказало свернуть все работы. Было сказано, что проект закрыт как нерентабельный и опасный. И вас было велено не пускать.

— Наш проект?! — взревел Джордж. — Да это мой проект. Он всегда был МОИМ и ничьим больше. И закрыть его могу только я!

Где-то в глубине сознания Джорджа появился маленький червячок сомнения, который точил четкие логические построения, сформировавшиеся в голове за последние дни. Куда делся тот неуверенный в себе тюфяк, которым он был всю жизнь? Что с ним стало? Его больше не интересовало ничье мнение, он не считался ни с каким начальством. А ведь всего-то неделю назад он и в страшном сне не мог представить что-нибудь подобное. Что стало с ним за эти дни? Что изменилось? Что будет дальше? И хорошо ли, что все меняется так быстро? Что вообще все меняется?

Но только начавший выползать наружу червячок сомнения был тут же безжалостно уничтожен безмерной уверенностью в правильности своих решений. Никто не смел приказывать ему. Никто не имел права вмешиваться в его дела, в его работу над биософтами. Только он мог решать, что здесь хорошо, а что нет. Только он один был ответственен за появление в этом мире биософта. И он будет решать, что с ним делать дальше. И когда настанет время закрывать проект!

— Это мой проект! — снова рявкнул Джордж. — Ты, Скиннер, обеспечь безопасность сети лаборатории. Чтобы эти шавки не напортачили на наших серверах. И мне нужен Франц.

— Но нашу сеть аннулировали, — жалобно сказал Скиннер. Было очень заметно, что он боится своих слов. Похоже, Скиннер не знал, кого бояться больше — Джорджа или руководство «Мацушиты».

— И у тебя нигде не сохранилось резервных копий? — с ухмылкой на губах пропел Джордж. — Никогда в это не поверю.

— Есть. Даже с системой автоматического развертывания.

— Ну и развертывай. Давай, давай, — поторопил Скиннера руководитель лаборатории. — И где, в конце концов, Франц?

— Там, — Скиннер указал пальцем на дверь вивария.

— Ясно. Хоть этим ничего не меняется, — сказал Джордж и направился в помещение с подопытными животными.

Беспокоило только, отчего Ван Гаас так долго не вызывает

спецназ на помощь. То, что они поняли, что дело серьезное, — ясно: группы местной вооруженной охраны больше не появляются. Но не появляется и никто другой. Совершенно очевидно, руководство не хочет вмешивать в это дело чужаков. Даже невзирая на гибель людей. Все замнут и уладят. Вот только что мешает им попросить подкрепления у городских властей? Явно не любовь к нему, Джорджу. Но что тогда?

Джордж вдруг вспомнил, что эта кутерьма началась с поисков таинственного взломщика, не оставляющего следов. Его страха перед Мастером и перед тем, что проект закроют. Он тогда чуть не обгадился от страха. Где только теперь эти страхи?

Поиски ни к чему не привели. Теперь Джордж начал понимать, что никакого взлома не было. Да и Мастер, если уж на то пошло, говорил об этом. Он же сказал, что была утечка информации. То есть файл слили изнутри, не заходя сюда снаружи. Да только у Джорджа возникала все большая уверенность, что никто файл этот не сливал. Он слился сам. По своей собственной воле. И файл этот был…

Вдруг Джордж отчетливо почувствовал нечто. Он не мог объяснить, что это было. Словно какой-то зуд, раздирающий голову изнутри. Его что-то звало, что-то требовало откликнуться на призыв. И Джордж знал, что это, — Голос Древа звал его.

На ставших ватными ногах Джордж дошел до своего терминала, негнущимися пальцами подобрал со стола вирт-коннектор, воткнул штекер в разъем нейроконтакта, меню входа в виртуальность услужливо развернулось перед взором. Он отдавал себе отчет в том, что, подключившись к Сети, станет совершенно беспомощным — приходи и бери его тепленьким. Но он не мог сопротивляться этому зову. Это было выше его сил.

Сзади появился Франц, спросил, чего он хотел. Джордж жестом остановил его и коротко сказал: «Присмотри за моим телом». Отчего-то Джордж верил, что Франц на его стороне. Может, потому, что Франц, так же как и он, был помешан на биософтах, может быть — что-то чувствовал. В последнее время он вообще много чего чувствовал непонятного.

Палец утопил виртуальную надпись «Подключиться», и стеклянные стены лаборатории мгновенно сменились на пыльный коридор виртуальных помещений. Здесь делать нечего. Ему нужно… Собственно, он до сих пор не представлял, куда ему нужно. Он так и не понял, где обитал Голос, где росло Древо. Только подозрение, что необходимый локейт совсем рядом, рослое каждой минутой.

Джордж отключил виртуализатор и погрузился во мрак сетевого пространства, густо расчерченного потоками несущейся

информации. Казалось, Голос слышен отовсюду и ниоткуда сразу. На какое-то мгновение Джордж подумал даже, что Голос рождает его собственный мозг, что это новый и очень необычный вид шизофрении. Но тут же в темном бескрайнем пространстве Сети полыхнула яркая звезда, и Джордж мгновенно оказался перед Древом, ветви которого нежно обняли его за плечи.

Здесь он был своим. Светящиеся золотом листья мягко позвякивали, создавая неповторимую гамму звуков, исполненную смысла. В ней не было никаких слов, даже намека на слова. Но теперь Джордж пытался понять их. Все же сознание Древа было столь чуждо человеческому, что большая часть смысла ускользала от Джорджа. Но одно он чувствовал очень четко — Древу было безмерно одиноко здесь. Рядом с ним не было никого. И только он, Джордж, был единственным утешением виртуального пришельца.

Просьба Древа показалась Джорджу несколько странной. Вернее, не странной, а просто он не понимал, зачем это могло понадобиться виртуальному гостю его вселенной. Ну, в любом случае, выполнить ее было несложно.

И еще, беседуя с Древом, слушая его Голос, Джордж почерпнул просто неоценимое количество полезной информации. Голос не говорил ничего напрямую, просто, прикоснувшись к ветвям, проведя ладонями по золотистым листьям, Джордж обретал знание. Как будто он всегда это знал. Как будто эта информация сама сложилась в его голове. Голос помогал думать, и все.

В этот раз Джордж отключился от Сети самостоятельно. Когда он почувствовал, что ему уже пора идти, Древо само приподняло ветви, выпуская его из своих объятий. Похоже, процесс обмена информацией был двусторонним.

Моргнув и сфокусировав взгляд, Джордж увидел Франца. Тот на самом деле стоял около его кресла и охранял подключенного к виртуальности начальника. Все остальные вяло возились у своих терминалов. Видимо, Скиннер все-таки запустил свой саморазворачивающийся архив, и теперь сотрудники налаживали лабораторный сервер. Пора приниматься за работу.

— Франц, спасибо тебе, — устало сказал Джордж.

— Не за что, мистер Карнер, — отозвался Франц, — я тоже крайне возмущен действиями руководства. Столько работы, такие перспективы — и вдруг закрыть проект.

— Франц, Маверик у тебя?

— Нет. Но где-то здесь. Вы же знаете — он потеряться не может.

— Знаю. Тогда найди его и подключи к Сети. Пусть грызет

там все, что хочет. Должны же наши биософты работать.

— Хорошо. А зачем?

— Не знаю. Так нужно.

— Ну ладно, — Франц пожал плечами.

— И еще. — Да?

— Как ты думаешь, Франц, может, нам отойти от инъекционных форм?

— А что можно применить взамен? Что еще может столь быстро создать нужную концентрацию нейромедиаторов в головном мозге?

— Летучие молекулы, — задумчиво произнес Джордж, — слепки программ.

— Но они могут распространяться на большое расстояние. Это уже не будет индивидуальной инсталляцией.

— И не надо. Биософты массового поражения, — усмехнулся Джордж. — Должно быть эффективно.

В его голове всплывали все новые и новые идеи, и тут же, без промедления, возникали пути их решения. Казалось, все это появлялось само собой. Но Джордж знал — это рассказал ему Голос. И рассказал он немало.

— И еще, нам нужно поработать с программой. Ее нужно сильно изменить. Нас ждут великие дела! — с блаженной улыбкой пропел Джордж. Франц смотрел на него со смесью обожания и испуга. Джордж не взялся бы сказать, чего было больше. Но он был уверен, что Франц на его стороне. Он это чувствовал своим новым чувством. Своим замечательным новым чувством, недоступным другим людям. Чувством, что подарило ему Древо.

— И подключи Маверика к Сети. Обязательно.

— Хорошо, шеф, — сказал Франц и с озабоченным выражением лица отправился на поиски мышонка, подвергнувшегося биософтовому апгрейду.

33. 28 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»

Старик неистовствовал. Кроме того, он пребывал в панике. Исиро и сам чувствовал себя не лучше. Уж слишком все вышло из-под контроля. Становилось непонятным. Исиро больше не владел ситуацией. Он не видел выхода из ужаса, в который погружалась вверенная ему империя все глубже и глубже.

Карнер просто неуправляем. Он стал чем-то непонятным. Он превратился в Они. То, что он делал, не поддавалось объяснению. Это походило на фантастику, о таком Исиро даже не слышал.

Когда пришло известие, что группа захвата, посланная на семьдесят второй этаж, мертва в полном составе, Исиро отдал распоряжение отключить камеры наблюдения от сети минус четырнадцатого этажа. Незачем старику все это видеть. Он и так уже достаточно зол.

Исиро понимал, его карьера висит на волоске. И вместе с карьерой на том же самом волоске висят все далеко идущие планы. Старик мог разгневаться окончательно и сместить Исиро с поста заместителя генерального директора корпорации. И тогда все надежды и чаяния летели в тартарары. И ничего нельзя было сделать. Только стоять здесь, склонив голову в покорном поклоне, и тупо повторять: «Да, Мастер».

Карнера, похоже, трогать опасно. Призывать помощь со стороны — тоже. Незачем всем знать, что здесь происходит. Тем более теперь, когда Главный проект почти завершен. Любое вмешательство могло все испортить.

А ведь оставалось так мало. Буквально пара дней. И все датчики это подтверждали. Жаль, что нельзя ускорить процесс. Если бы все произошло сегодня… Если бы все произошло сегодня, то завтра Исиро было бы больше не о чем переживать. Тогда его было бы уже не достать. Никому.

Но оставалось еще почти три дня. Три дня на принятие решений и на сохранение статус-кво. И что-то надо делать с Карнером. Он стал представлять реальную угрозу. Неужели он разработал что-то у себя в лаборатории? Что-то, что скрыл. Хотя он работает совершенно в ином направлении. У него там мышки да кролики. Вряд ли это его изобретение. Тогда что?

На этот вопрос предстояло ответить. И ответ нужно найти в самое ближайшее время. До начала цветения. Потому что ничто не должно помешать цветению.

34. 28 марта. Калькутта. Подземный дворец Спрута. Сеть

Лоуб долго сопротивлялся, не позволял Насте подключиться к Сети. Он кричал, брызгал слюной, даже угрожал. Настя плохо понимала, в чем причина происходящего. Одно ей было совершенно ясно — Лоуб чего-то боялся. Что-то напугало его вчера. То ли в Сети, то ли в ней.

Настя не отступала, напирая на то, что ей необходимо тренироваться, что время уходит. Что, в конце концов, он обещал ее научить. Лоуб сдался. Скорее потому, что ему просто некуда было деваться, — Настя однозначно ему для чего-то нужна. У него не было выбора: или она, или никого.

Лоуб выбрал ее. Но сказал, что теперь лично будет за ней наблюдать и во всем направлять. При этом строго-настрого запретил самодеятельность в Сети.

Мухомор с утра вел себя нарочито вежливо и ничем не проявлял свои ночные намерения. Лишь только однажды, когда Лоуб не видел, хитро подмигнул ей. Но сегодня побег из Лоубова бункера не входил в ее планы.

Сегодня не время уходить. Да, она научилась управлять собственным восприятием виртуальности, да, она преодолела все Лоубовы ловушки, разгромила все его головоломки и барьеры. Но она не могла объяснить даже самой себе, как у нее это получилось. И не было никакой уверенности, что получится сделать это еще раз. Так что сегодня необходимо продолжить практиковаться в хакерском искусстве.

Особым даром, как оказалось, она наделена от природы, но не очень-то умеет им пользоваться. Для этого ей нужен Лоуб — лучший из профессионалов, живущих сегодня во всем мире. Только он мог научить ее использовать дар правильно.

Наконец Лоуб нехотя протянул ей проводок вирт-коннектора. Еще раз предупредил, чтобы без него — никуда. Потом воткнул штекер себе за ухо. То же самое сделала и Настя.

В этот раз они оба оказались в огромном аквариуме, до самого верха заполненном водой. Лоуб, как обычно, приняв облик спрута, носился туда-сюда, периодически выбрасывая следом за собой облачко чернил. Насте не нравилось находиться под водой — дышать в виртуальности совсем не обязательно, но привыкшее к постоянному дыханию тело требовало виртуального кислорода. Настя поплыла вверх, надеясь всплыть и вдохнуть воздуха. Но сверху аквариум был накрыт крышкой. Там не было ни одного

пузырька.

—Брось попытки всплыть. Эта комната хорошо подходит для осмысления полной виртуальности виртуального мира — дышать здесь, как ты понимаешь, может не только хакер, но и самый обычный человек. Вот только заставить себя это сделать может далеко не каждый. Хотя, конечно, — многие, — сказал Лоуб, выбрасывая очередное черное облачко, медленно расплывающееся в прозрачной воде.

—Ты видишь меня, видишь воду, стены. Но этого ничего на самом деле нет, — продолжал Лоуб, а Настя в это время беспомощно барахталась, пытаясь проковырять ногтями отверстие в потолке. Умение проникать сквозь стены почему-то никак не проявляло себя в этот раз. — Да перестань ты трепыхаться! Нет здесь воды, пойми. Просто возьми — и вдохни.

Это ничего не изменит в твоем состоянии. А можешь и вообще не дышать.

Легко сказать — Настя и так не дышала. И она очень остро ощущала, что ее легкие горят огнем от нехватки воздуха. В глазах потемнело, в висках гулко стучал пульс. Умом Настя понимала, что это ее тело, настоящее тело, в реале, реагирует так на недостаток кислорода в крови, потому что она никак не решается вдохнуть. Вернее, не решается вдохнуть ее мозг, не давая команды на вдох и там, в реале. Но она никак не могла заставить себя вдохнуть воду. Можно было бы сказать кодовую фразу выхода из виртуальности и вдохнуть полной грудью воздух лаборатории Лоуба. Но это означало сдаться. Нет, так не пойдет! После того, что она узнала этой ночью от Мухомора, желание все бросить и скрыться среди бомжей Калькутты исчезло само собой. Теперь она считала своим долгом довести начатое до конца. Каким бы он ни был. И она рассчитывала выйти из дела победителем. «Мацушиты», бандитов, Лоуба — кого угодно, всех, кто выразит хотя бы малейшее желание стать у нее на пути. Но для этого неплохо сначала научиться тому, что, как сказал Лоуб, могут и обычные люди. А она-то необычная. Она совсем необычная, как выяснилось. И на сегодня карт-бланш в ее руках — до тех пор, пока ее необычные способности нужны всем. Главное, не упустить момент, когда в ее услугах перестанут нуждаться. Тогда необходимо переходить к решительным действиям, или от нее просто избавятся. Или переведут в нерабочее состояние, в каковом пребывает шестеро из восьми известных хакеров. Или пятеро — что там говорил толстяк про третьего рабочего?

Погрузившись в мысли и машинально продолжая скрести ногтями гладкую поверхность потолка аквариума, Настя не

заметила, как дыхание перестало ей быть столь уж нужным. Организму по-прежнему было как-то непривычно не дышать, но в глазах больше не темнело и легкие не жгло. Похоже, погруженный в виртуальность мозг отпустил на свободу реальное тело.

—Вроде ты немного пришла в себя, — послышался голос Лоуба. Черный спрут, что плавал вокруг Насти, ничего не говорил, но Настя отлично слышала голос толстяка. Казалось, он возникает прямо в ее голове. Хотя именно так и было — и звук, и изображение действительно появлялись прямо в ее голове, загружаемые на зрительную и слуховую области коры ее мозга.

—Теперь попытайся проникнуть в суть вещей. Уйди из этого аквариума. Только не в Сеть, — вдруг спохватился Лоуб. — Посмотри на все это не затуманенным виртуализатором взглядом. Не обращай внимания на мир, что тебе навязывает электронная машина. Это только твое воображение — и больше ничего. Так пусть оно будет именно твоим, а не тем, что заставляет тебя принимать за свое бездушная машина!

Толстяк снова вошел во вкус. Он не мог остановиться, когда начинал говорить о Сети и виртуальности. Было заметно, как сильно ему этого не хватает. Но он не мог выходить в Сеть. Наверное, предположила Настя, у него была договоренность с Сетевой полицией — они не трогают хакера и его деньги (явно где-то награбленные), он не лезет в Сеть, да и вообще не отсвечивает. Не зря же для широкой публики известный и легендарный хакер Эндрю Лоуб был давно погибшим героем.

Настя напрягала зрение до рези в глазах, потом зажмуривалась. Она пыталась удариться о стену и просто опускалась на дно, не шевеля ни единым пальцем. Но все было тщетно — обилие воды и шесть гладких стен вокруг никуда не исчезали. Виртуальность не становилась менее реальной. Настя никак не могла преодолеть преграду, подаренную человечеству Чипом, сиречь Вениамином Луговым, в виде виртуализатора, наделяющего нарисованный выдуманный мир физическими законами мира реального, через которые никак нельзя было переступить. Можно было их обмануть, преодолеть с помощью каких-то технических средств. Но нельзя было взлететь, не воспользовавшись самолетом.

—Я не знаю, как это сделать! — в отчаянии выкрикнула Настя.

—Ну, это можно сделать с помощью разных программ, — сказал черный спрут. Потом он плюнул в Настю сгустком какой-то слизи. Она не успела увернуться, и мерзкий комок ударил ее в живот, с хлюпающим звуком расплывшись по всему телу. И

почему толстяк всегда использует омерзительные зрительные образы? Какой человек — такие и образы, впрочем.

Как только липкая слизь покрыла все Настино тело, внезапно, как будто кто-то дернул невидимый рубильник, свет померк, и все вокруг заполнили мириады летящих символов. Значки неслись с такой скоростью, что разглядеть их Настя не успевала. Более того, она обнаружила, что и ее тело тоже отсутствует. Но это привычно. Точно так же происходит и в том коридоре, который Чип назвал коммуникационным каналом.

—То, что ты видишь, — из ниоткуда раздался голос Лоуба, — это пространство оперативной памяти компа, к которому ты сейчас подключена. А бегущие значки — биты информации, перемещающейся внутри нее. В основном эта информация поступает из Сети. Люди, работающие с Сетью профессионально, — он сделал явный акцент на слове «профессионально», намекая на любительский характер Настиных занятий, — обычно оперируют в этом пространстве. Так удобней, не мешает та мишура, что ты видишь в виртуальности. Но не видеть мишуру совсем не означает не жить по ее законам.

—То есть? — не поняла его Настя.

—То есть попробуй выйти с этого сервера. Перейти хотя бы на соседний.

Настя не могла представить, где бы мог находиться выход. Вокруг мельтешили биты, они перетекали с места на место, а Настя даже не знала, как ей двигаться. Она стала присматриваться к потокам цифр и вдруг обнаружила, что как только она фиксирует взгляд на одном из потоков, тот замедляется, становится видимым и, если присмотреться к нему попристальней, обретает некий смысл. Не всегда понятный — не так уж и хорошо она знала программерские штучки.

Вот эта река информации течет куда-то вдаль, так и не возвращаясь назад. Нигде не видно повторений ее битовой последовательности. Может, именно этот поток и ведет к выходу. Может, он отвечает за связь этого сервера с другими.

Настя попыталась схватиться за бегущий поток цифр, но тут вспомнила, что без виртуализатора у нее нет рук и хвататься нечем. Но (о, чудо!) она уже неслась вслед за летящей в черноте светящейся рекой. Вот он, выход!

Радость от чувства победы была недолгой — скоро Настя ощутимо шлепнулась лбом обо что-то и в следующее мгновение обнаружила себя прижавшейся лбом к гладкой стене аквариума. Все так же под водой. Вокруг плавал жирный черный спрут и хохотал во все… ну, не горло, а что там у моллюсков.

—Вот видишь, — сквозь смех говорил Лоуб, — отключение

сигнала виртуализатора убирает только зрительные эффекты. Физику виртуального пространства не переделаешь. Ты же в реале не отменишь гравитацию, просто, скажем, надев темные очки.

—Но как тогда?!

—Ты меня просто веселишь, девочка. Ты что же, хакером себя считала, но при этом никогда не интересовалась, что же такое виртуальность, — продолжал хохотать Лоуб.

—Нет. Я всегда воспринимала виртуальность как должное.

—А как же ты хакерствовала? Как же ты мацушитовский, ха-ха, сервер грохнуть-то хотела, ха-ха-ха? — толстяк давился от смеха.

—Ломала защиту программами и вирусами. Или обманывала пропускные системы с помощью тех же вирусов, — раздраженно ответила девушка. Она и сама уже понимала, что все ее действия были дилетантскими. Ей было стыдно, что она оказалась практически никем в мире настоящих компьютерных взломщиков.

—Да-а. Много так наломаешь. Разве что, ха-ха, мелочь в подпольной пиццерии стащить можно.

—Но как мне «посмотреть незатуманенным взглядом»? Вы мне так и не сказали.

—Ну, это тебе надо самой придумать. До сих пор никто так и не понял, почему некоторые люди, да что там — просто единицы, могут не обращать на виртуализатор никакого внимания. Им, то есть нам, он не помеха. Хочешь лететь — лети, пройти сквозь стену — пожалуйста. Попробуй всмотреться в какой-нибудь объект, представь себе что-нибудь. Да не знаю, хоть головой о стену ударься.

Настя попробовала, стукнула головой о стену. Несильно, скорее машинально. Ничего не произошло. Это точно не ее метод. И хорошо, а то голову жалко.

Попробовала всмотреться. Оказалось, не во что. Вода была совершенно прозрачной. Взгляд ни за что не цеплялся. Вот разве что какая-то пылинка плывет. Или не плывет. Или…

Настя почувствовала, как ее будто затягивает внутрь этой пылинки. Она попыталась вырваться, но у нее ничего не получилось. Маленькая пылинка, невесть как оказавшаяся в программно чистой воде Лоубова аквариума, разрасталась со скоростью света, превращаясь в мириады миров, в целую вселенную. Пространство внутри было безгранично. Безгранично и безгранично доступно. Она могла попасть отсюда куда угодно. Во всяком случае, ей так казалось.

Ей приглянулась одна из мириада искорок, звездами уходящих в немыслимые дали. Что-то знакомое было в ней. Настя

двинулась к ней и очутилась в знакомой степи с надувной женщиной-хранительницей. Здесь делать нечего. Она уже собралась снова вернуться в ту безграничную вселенную, чтобы выбрать другую точку назначения, но тут в сухом степном воздухе появилась темная клякса расплывшегося тела головоногого моллюска.

— Неплохо, неплохо, — похвалил ее Лоуб, — только не надо метаться по серверу. И смотри — никаких попыток выхода в Сеть. Тем более что доступа туда нет физически. Лучше следи за моими действиями.

Надувная женская голова завела свою давешнюю песню о необходимости прохождения через нее. Бусы на ее шее устрашающе зашевелились. Но черный спрут резко взмыл вверх, плывя в воздухе, словно в воде, мягко шевеля массивными щупальцами, и выпустил прямо в лицо хранительнице струю черной жижи. Маскировочное облако головоногого моллюска медленно расплывалось. Видимо, для спрута и всех его производных везде была вода — известный программный ход, работа с оболочкой.

Черное облако облепило лицо женщины — воздушного шара, и она замолчала. Красная бусина тоже не вылетала.

—И что смотреть? — спросила Настя. — Это что, вирус?

—Ты не туда смотришь. Я же сказал — всматривайся в суть вещей, а не в нарисованное в твоем мозге изображение.

Настя вздохнула и стала всматриваться в частички черного муара, становившегося все более прозрачным.

Следующие несколько часов Настя беспрекословно выполняла распоряжения опытного хакера, внимательно запоминая все, сказанное им. Многое у нее получалось, еще большее — нет. Но с каждым действием, с каждым проникновением в «суть вещей», как это называл Лоуб, она чувствовала, что разум начинает сам подстраиваться под ее потребности и особенности виртуального мира. С каждой минутой она становилась все сильнее, уверенность в собственных возможностях росла.

В какой-то момент толстяк не на шутку испугал девушку — без предупреждения он внедрил в новомодный x100, установленный в ее голову покойным Чипом, вирус, блокирующий возможности процессора. Насте показалось, что она лишилась чего-то не менее важного в виртуальности, чем зрение в реале. Любая попытка посмотреть на поток информации без помощи виртуализатора так тормозила мышление, что она не то что не могла влиять на потоки, но даже не могла их толком рассмотреть. Все стало настолько медленным и бестолковым, что

это испугало Настю.

—Береги свое оборудование, — сказал ей Лоуб, когда объяснил, в чем дело, — нейроконтакт, процессор и, самое главное, береги мозги. Это, знаешь ли, самое нужное оборудование. И в реале, и в виртуальности. Поставь себе вот это.

Черный спрут протянул девушке одно из своих мясистых щупалец, в свернутом колечком конце которого была зажата маленькая темная коробочка. Настя взяла коробочку, но активировать ее не спешила.

—Что это? — спросила она.

—Файрвол. Собственные разработки. Когда активируешь его, он сам скачает самые последние обновления с сервера моих товарищей.

—Товарищей?

—Ну, с годами возникает желание поделиться опытом с молодежью. Виртуальность они, конечно, ломать не могут. Но тоже не лыком шиты. Программеры классные, и мозги привыкли держать в максимальной безопасности.

—Ладно, — сказала Настя и положила выданную ей коробочку с файрволом в карман. Лоуб проследил ее движение круглым спрутовьим глазом, но ничего не сказал. Нужно будет еще проверить, что в эту коробочку, кроме защитной программы, «товарищи» подсунули, подумала Настя. Не верила она Лоубу, не могла допустить, что он дал ей эту программу из альтруистических побуждений. Нет, здесь точно что-то нечисто. Или она слишком увлеклась манией преследования, разбуженной в ней Мухомором? Она не знала. Но, в любом случае, не помешает проявить осторожность. Единственное, в чем она теперь была уверена, — это то, что она совсем одна. Одна против всех.

—А как быть с моим процессором? — спросила она.

—Ты, смотрю, уже успела с ним сродниться. Теперь это *твой* процессор, — усмехнулся хакер. — Никак. Не думаешь же ты, что я стал бы портить твое оборудование? Вирус самоуничтожится через час, и работоспособность системы восстановится.

Как же, подумала Настя, обо мне он заботится. Просто «оборудование» очень уж нужно ему самому. Пока нужно. И пока непонятно — зачем. А ей сейчас нужно выйти в Сеть. Ей нужно найти того парня, что окликнул ее в Нет-сити. Она не знала, друг он или враг. Но на сегодня он был ее последней надеждой.

35. 28 марта. Сеть

Он снова вернулся к обычному состоянию, в котором не было тела. Не было ничего, кроме потоков информации Сети и его сознания, нигде конкретно не закрепленного. Он был сразу везде и, вместе с тем, нигде. Биты, описывающие его сущность, можно было стирать в сколь угодно большом количестве — тут же в другом месте Сети возникали новые, и его сознание не останавливалось ни на миг. Собственно, он до сих пор так и не понял, что же представляет его сознание. Он никак не мог посмотреть те биты, которыми кодировался его разум, — разве можно заглянуть в самого себя? А может, и не было никаких битов? Насколько он мог судить, его появление в Сети было первым событием такого рода. До сих пор никому не удавалось облечь разум человека в цифровую форму и поместить его на носители.

Его восприятие расширилось до безграничности. Конечно, Сеть, какой бы огромной она ни была, имела свои физические границы. Но он не ощущал никаких границ. Он мог отслеживать процессы, происходящие повсеместно, а мог сконцентрироваться на каком-то одном. Здесь, в Сети, он мог все, что угодно. Он был здесь богом. Хорошим или плохим — не ему решать.

Но был в Сети и дьявол. То чужеродное сознание, что проносилось ураганом по виртуальности, не замечая ничего и творя свои непонятные дела. Что задумало это нечто? Он не мог понять, а остальные, похоже, его просто не замечали.

Он искал везде, он пытался впитать всю информацию, до которой удавалось дотянуться. И везде, куда бы он ни глянул, находил следы того, другого. Везде обнаруживалось что-то лишнее, что-то, чего не должно было там быть. Эти биты не нарушали работу системы, они вообще непонятно что делали. Но они что-то делали. Он отчетливо ощущал это. Вот только не мог постичь, чего добивался чужой.

Но он искал не следы пребывания в Сети чужого. Он искал его логово. У каждого зверя есть логово, и у этого оно должно быть. Но хитрый зверь спрятался хорошо. Он не оставлял никаких логов, никаких ссылок не вело к нему. Он не хотел быть обнаруженным. Разве только…

Только однажды он почувствовал слабый, едва уловимый поток с одного из серверов. Точнее… Нет, это был не сервер. Он не мог понять, что это такое. Что-то очень сложное. Но оно не было порождением чужого разума. Оно просто было включено в общую систему чужим. И оттуда исходили какие-то сигналы.

Он полностью скопировал данные. Попытался расшифровать их, и это ему удалось. Биты оказались схемой, чем-то вроде 3-D чертежа. Только с очень необычного ракурса, как будто схему составляли лежа на полу. Он сохранил файл в ячейке памяти чьего-то компа, автоматически запомнив ее адрес.

Больше он ничего не нашел там. Он попытался заглянуть на этот несервер, но так же внезапно, как появился, сигнал исчез.

36. 29 марта. Лаборатория биософтов «Мацушита электрикс»

Маверик пробыл в виртуальности недолго, минут двадцать. Потом самостоятельно отключился (и как у него это получается?) и куда-то уполз. Очень целенаправленно, как будто куда-то спешил. Ну, на то он и ученая мышь.

Странно, но ломиться в лабораторию так никто и не стал. Даже просто прийти никто не пытался. Видимо, Джорджа решили оставить в покое. Вне всякого сомнения, за всеми действиями, проводимыми в виртуальном пространстве его лаборатории, велось пристальное наблюдение. Но ему было все равно — пускай смотрят. Ничего интересного им увидеть не удастся. Все самое интересное произойдет здесь, в реале. И никто не будет видеть это.

Как только все данные были восстановлены из области резервного копирования, созданной предусмотрительным Скиннером, Джордж отпустил сотрудников по домам. Вся команда, за исключением, возможно, Франца, не скрывала радости от того, что, наконец, может уйти от ставшего вдруг небезопасным начальника на достаточное расстояние. Джордж знал, что домой они не попадут. Им предстоит тяжелая ночь в закрытых помещениях службы безопасности «Мацушиты». И в глубине души ему было жаль их. Но им ничего не угрожало.

Джордж обошел лабораторию и уничтожил все камеры наблюдения. Даже те, о которых, как думала служба безопасности, он не знал. Теперь он знал обо всем. Ему необязательно было видеть маленькие черные точки, поблескивающие стеклом микрообъектива, чтобы знать, где они спрятаны. А какие они хрупкие — легкий удар металлическим стержнем, вытащенным из клетки с кроликами в виварии, и камеры нет. Хватит подглядывать, вынюхивать и все фиксировать! Хватит! Теперь это только его проект! И никто не вправе знать, что и как он здесь будет делать!

Покончив с камерами, Джордж безжалостно отключил, оторвал и отрезал все провода, соединяющие его комп с сетью «Мацушиты». Машина негодующе верещала. Джордж понимал ее чувства, если допустить, что у нее были чувства. Еще бы — бедную машину лишили сразу считай что двух третей органов чувств, части мозгов и огромного массива памяти, к которому у нее отродясь был постоянный доступ. Но она обрела в обмен на это нечто большее, то, чего у нее никогда не было раньше, что

она не могла понять и чего, похоже, боялась. Она обрела свободу. Теперь комп ни от чего и ни от кого не зависел. Никто не мог повлиять на его работу извне. Никто не мог вторгнуться в его владения и украсть его знания, объявив его проект своим. Никто!

Настало время действовать. Джордж открыл программу, позволяющую создавать цепочки молекул биософтов, подключил вирт-коннектор к разъему нейроконтакта за левым ухом. Виртуальное поле программы стало совсем маленьким после отключения всех сетевых соединений. Небольшой полупрозрачный куб со слабо светящимися зеленоватыми стенами заполняли разношерстные шары, символизирующие те или иные атомы. Джордж быстро, как будто он делал это раньше много раз, выхватывал нужные и складывал их в длинную цепочку нового биософта.

Он точно знал, чего хочет. Ему даже не нужно было запускать симулятор каскадной реакции, чтобы проверить действие биософта. Ему нужна была эта программа. Она была нужна Древу. Она нужна была им обоим.

Молекула разрасталась все больше, и скоро последний атом был добавлен в виртуальную картину. Оставалось только воплотить созданную формулу на синтезаторе.

Джордж вернулся в реальный мир. Как только перед его взглядом возникли серо-зеленые стены лаборатории, он почувствовал, как пристально за ним наблюдают. Со всех сторон: сверху, снизу и справа, он чувствовал людей со всевозможными подслушивающими и подглядывающими устройствами. Они хотели знать все. Ну, не страшно. Даже если они смогли считать что-то с его компа (а скорее всего — смогли), долго им не придется радоваться этому знанию.

Джордж отнес комп в каморку Франца, где располагался биосинтезатор. Пришлось еще немного повозиться с проводами — синтезатор был связан множеством пуповин с сетью. Потом подключил комп к агрегату и через десять минут получил пробирку с мутной синей жижей внутри. Его новый биософт. Осталось только загрузить программу.

В этот момент из коридора раздалось знакомое шипение открывающейся двери. Все-таки они не выдержали. Уж очень им интересно, что же такое он здесь делает.

Джордж взболтал мутную жидкость в пробирке и посмотрел ее на просвет. Испытаний не будет, подумал он и, резко запрокинув голову, выпил все до последней капли. Вкус оказался омерзительным. Джордж этого не ожидал, и его чуть было не вырвало. Только этого еще не хватало — вторую порцию зелья он сделать уже не успеет. Усилием воли ему все же удалось

удержать вещество в желудке.

Пробирка и комп отправились в мусоросжигательный агрегат. Сверхвысокочастотное излучение за пару секунд превратило предоставленные ему вещи в пыль. Теперь следов не осталось.

Молекулы быстро проникали в кровь Джорджа. Они неслись по сосудам прямо к его мозгу, они заставляли мозг вырабатывать новые нейромедиаторы, генерировать новые, неизвестные ему доселе импульсы.

Сначала Джордж почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев. Потом стал слышать какой-то нечленораздельный шум, доносившийся, казалось, сразу отовсюду. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что слышит мысли людей, находящихся вокруг. Только слышал он всех сразу. Сотни мыслей наслаивались одна на другую, сотни никчемных, грязных, бесполезных мыслей этих жалких людишек. Они сводили Джорджа с ума своим гулом.

Он попытался прислушаться, вычленить одного из общего гама. Но ничего не получилось — вавилонское столпотворение только набирало силу в его голове. И среди всего этого гвалта проступало что-то мощное и притягательное. Джордж сразу, как только услышал, понял, что это. Это был Голос. Тот самый, только теперь он слышал его без подключения, прямо здесь, в реале. Но как же ему мешал шум, что создавали людишки!

Его мысли прервал шорох, донесшийся из основного помещения лаборатории. Сквозь прозрачную дверь Францевых владений Джордж отчетливо видел черную полоску ствола автомата, неровно подергивающегося на фоне серого пола. И теперь автоматы не были подключены к мозгу стрелков. Учатся на ошибках, подумал Джордж и усмехнулся. Теперь им это не поможет.

И вообще — как надоел этот бестолковый шум человеческих мыслей. Он физически ощутил, как нечто теплой волной, несущей смерть вокруг, отделилось от его тела и понеслось навстречу врагам. Навстречу мерзким людишкам, только и знающим, что насмехаться над умными людьми. А потом красть их идеи.

Спустя мгновение из лаборатории донесся стук упавших на пол тел, а еще через пару секунд в радиусе пятидесяти метров не осталось в живых ни одного человека. Теперь шум бестолковых человеческих мыслей не мешал ему слышать Голос Древа. Как же были прекрасны его звуки!

И, Джордж был уверен в этом, Древо тоже слышит его. И это доставляет ему радость. Только что-то тревожное слышалось в Голосе. Что-то пошло не так.

Но Джордж обязательно справится. Во всяком случае, люди теперь ему не помеха.

37. 29 марта. На борту рейса Санкт-Петербург — Калькутта — Сингапур

Владимир Кириллович не находил себе места. Огромное кожаное кресло в салоне первого класса казалось ему твердым, маленьким и неудобным. Стюардессы, разодетые в шикарные индийские сари, раздражали своей нерасторопностью, черная икра, что подавали к завтраку, похоже, протухла еще в Иране, где ее вынули из, видимо, дохлого осетра. Самолет нещадно трясло, двигатели гудели. Солнце гадостно светило прямо в правый глаз из-под не закрывающейся шторы. Все раздражало.

Владимир Кириллович понимал, что это его дурное настроение, что стюардессы очень вежливы, ласковое бордовое солнце, только-только показавшееся из-за горизонта, очень даже мило окрашивает салон самолета в розовые тона. И икра отличная, и Иран совершенно ни при чем. Только все равно раздражало все. Ничего он не мог с собой поделать.

Эти идиоты совсем ополоумели. В Сеть ее решили не пускать, а еще пару раз проверить, и если подтвердится (что должно подтвердиться, Владимир Кириллович так и не понял), то сказали, что ее надо пускать в расход. Ее. Ту самую. Девушку. Настю.

Владимир Кириллович в сердцах с размаха стукнул рукой о столик с остатками завтрака. Чашечки и тарелочки посыпались на пол. Немногочисленные пассажиры первого класса заворочались в кожаных эргокреслах, пытаясь разглядеть, чем вызван потревоживший их шум. Подбежала стюардесса. Владимир Кириллович послал ее в самых откровенных выражениях. По-русски. Ничего, индусы прекрасно знают, что это значит и куда им теперь идти. Стюардесса так и поступила, то есть ушла, не забыв при этом молниеносным движением сгрести с пола рассыпавшуюся посуду.

Он сам не знал, для чего отправился в Калькутту. Девчонку спасать. Спаситель выискался. И что он скажет? Здрасте, товарищи хакеры. Я за девчонкой, теперь я буду руководить сетевой частью операции. Или есть другие варианты? Чем он мог мотивировать свой поступок? Ведь ясно же как день, что если Лоуб говорит, что девчонку лучше убрать и черт с ним, с этим проектом, то, наверное, так оно и есть. Уж кому, как не Лоубу, печься об успехе проекта. Уж он-то, пожалуй, самый заинтересованный в успехе операции. Остается, конечно, еще один выход — Лоуб может сам попробовать прогрызть дыру.

Большую и очень заметную. Только тогда ждать не придется — найдут его за час, а то и меньше. Но это уже его проблемы. Главное, что он готов на это пойти, лишь бы не пускать в дело девчонку. Что же в ней такого, что весь мир вокруг нее как будто с ума сошел?

Или бросить все к чертовой бабушке и скрыться с ней? Только, опять же, как ее забрать у Лоуба? Он не очень-то собирается ее отдавать.

Вопрос оставался открытым — что делать? Пока он летел в Калькутту.

38. 29 марта. Реальный мир. Место не установлено

Оба плохо понимали, что происходит. Мысли были разными, тела были разными, намерения и возможности были разными. Одинаковым было только одно — радость от возможности общения. Не с себе подобным, но просто с кем-то, кто хочет с тобой общаться. И может это делать. Наконец-то одному из них удалось наладить контакт с другим существом, имеющим желания и что-то непонятное. Что-то, что двигало им. Волеизъявление? Оно не могло понять, что это такое. Оно просто радовалось. И тот, второй, тоже с удовольствием приходил сюда. Сам не зная — зачем. Просто ему было здесь хорошо. Он, этот маленький комочек жизни, совсем не умел думать. Но от него шло тепло живого существа. И что-то, что можно было бы назвать мыслями. Что-то на них похожее.

Им было хорошо вдвоем. Только оно хотело большего. Оно хотело, чтобы других было много, и мыслей было много. И чтобы они были разные. Ведь это так прекрасно…

39. 29 марта. Калькутта

Все произошло как-то спонтанно и совсем не по плану. Собственно, и плана-то никакого не было. Просто Мухомор, проходя мимо Насти в длинном коридоре Лоубова дворца, подмигнул и отправился в сторону, где был выход из бункера. Настя как бы невзначай пошла следом.

Когда она подошла к шлюзу, Мухомор уже разговаривал с крупным индусом, расположившимся у двери. Видимо — охранником. Оба явно были недовольны друг другом. Настя шла к ним. Она хотела спросить у охранника, не выпустит ли он ее. Но не успела это сделать.

Когда она подошла к мужчинам, Мухомор уже вцепился руками в ворот формы стража, требуя, чтобы тот открыл дверь. Индус был заметно крупнее него, но Мухомор вцепился крепко и не отступал. Охранник изловчился и нажал какую-то кнопку на своем столе. Сирена не завыла, собственно, вообще никаких звуковых или световых сигналов не последовало, но из нескольких дверей в коридор высыпало с десяток слуг. И у некоторых в руках было оружие. Это очень не понравилось Насте.

Непонятно как, но Мухомору удалось швырнуть охранника так, что тот приложился головой о стену и на какое-то время потерял ориентацию. Этих секунд хватило, чтобы Мухомор успел набрать комбинацию цифр на кодовом замке двери.

Тяжелая металлическая дверь с шипением отошла в сторону. Путь к бегству был открыт. В считаные мгновения в Настиной голове успели пронестись мысли, правильно ли она делает, что бежит, не очередная ли это ловушка, и не подстроили ли это все Лоуб с Мухомором и кто там еще в этом участвует? Но вид открытой двери оставил только одну мысль — бежать, и как можно быстрей.

Настя рванулась в проем, всем телом отодвигая тяжелую створку. Она почувствовала, как Мухомор сунул ей в руку что-то маленькое и сказал, что это может пригодиться. Как только она оказалась снаружи, он стал закрывать дверь, одновременно что-то делая с замком. «Я закрою», — крикнул он, и в этот момент первые пули, выпущенные так и не успевшими добежать до места событий охранниками, ударили в металл двери. Первый удар, второй, третий. Потом Мухомор как-то странно всхлипнул, и пули снова застучали по металлу. Дверь с лязгом захлопнулась, но за мгновение до этого Настя успела увидеть, как Мухомор, весь в кровавых пятнах, медленно оседает на пол, прижимая тяжелую дверь спиной.

Это не было похоже на инсценировку. Мухомор умер совершенно по-настоящему. Умер, спасая ее. Еще одна смерть из-за нее. Сколько их еще будет? Сколько людей еще должны умереть, чтобы она, наконец, могла почувствовать себя в безопасности?

Она бежала по темному тоннелю, не разбирая дороги. Спотыкаясь о разбросанный по бетонному полу хлам, сбивая руки в кровь. Но каждый раз она вставала и продолжала бежать дальше. Звуков погони не было слышно. Видимо, Мухомору удалось сломать сложный кодовый замок, и охрана все еще возилась с ним, пытаясь открыть дверь.

Слезы катились по щекам, заливая глаза. Все равно в кромешной тьме тоннеля ничего не было видно. Она не знала, сколько уже пробежала. Она не знала, где она. Все, что она должна была делать — это бежать что есть сил. Так хотел Мухомор, он хотел ее спасти. И он поплатился за это. Как и все остальные — жизнью. Кто следующий?

День навалился на нее солнечной яркостью столь внезапно, что, полностью потеряв способность видеть, она рухнула на изрытый прогнивший пол древнего дворца, сильно разодрав штанину брюк. Из-под разорванной в лохмотья ткани медленными темными каплями текла кровь. В ее руках все еще был зажат маленький металлический брусок, который ей дал Мухомор, оказавшийся перочинным ножиком. И этим он предлагал ей отбиваться от преследователей? Она невольно улыбнулась и сунула нож в карман. Бедный Мухомор.

Настя без сил опустилась на какой-то бетонный уступ, обняв руками ноги и сдавив голень, из которой все продолжала сочиться кровь, и стала рыдать в полный голос. Ей было все равно. Пусть догонят, пусть используют и выбросят потом на помойку безмозглой дурой. Пусть делают что хотят. Ее уже по горло достал этот треклятый файл, Сеть, эти лоубы, хакеры, бандиты, японцы и все остальные, кому так нужен файл. Пропади все пропадом! Или, может, лучше самой все решить? Вон сколько вокруг арматур торчит — прыгнуть на одну с какой-нибудь покосившейся балки, и все, никому уже не добраться до нее.

Настя сама не заметила, как медленно вскарабкалась по уступу, на котором сидела, вверх, остановившись на самом краю. Внизу в разные стороны торчали три толстых, в пару пальцев, ржавых прута. Сзади по бетону в пыли тянулась грязная кровавая полоса. Выхода было два — или вперед на прутья, и все закончится очень быстро. Ну, если упасть неудачно, то все равно максимум час. Или назад, по крови, рваться к заветному файлу «Мацушиты». Она не знала, что выбрать. Ее взгляд падал то на

прутья, то на измазанный кровью бетон. Казалось, время для нее остановилось. Во всей вселенной была она одна, и перед ней открывалось два пути. Вперед или назад. Вперед или…

Дурнота подкатывала комком к горлу, перед глазами все начало плыть. Она уже с трудом цеплялась за шершавый бетон, еще несколько мгновений, и ее тело само бы решило, в какую сторону идти. Ее снова качнуло, руки промахнулись мимо опоры — всего сантиметр отделял ее от падения вниз. Голова ничего не соображала.

И вдруг резкий голос, неизвестно откуда взявшийся в ее вселенной, разорвал пелену, и Настя инстинктивно схватилась за неровный шершавый край, окончательно сдирая с пальцев кожу, останавливая ринувшееся вниз тело. Она зависла, схватившись разодранными пальцами за край бетонной платформы и зацепившись носком ботинка за ржавую петлю арматуры, пробившуюся наружу сквозь треснувший бетон. Прямо перед ее глазами, в паре метров внизу, лепестками смертоносного цветка торчали три железных штыря. Она больше не падала, но и не могла забраться обратно. И сбитые пальцы, из последних сил цепляющиеся за крошащуюся поверхность, долго не выдержат.

— Нет, Настя, остановись! — кричал голос сзади. — Не надо, стой!

Идиот, подумала Настя. Ее мысли быстро возвращались на привычную орбиту. Лучше бы помог, чем орать.

—Стой! Не прыгай! — не унимался голос.

—Да не прыгаю я! — кряхтя от натуги, прошипела Настя. — Я падаю.

—Сейчас, — сказал голос. Теперь он был намного ближе, а еще через секунду сильные мужские руки подхватили ее снизу, больно сжав левую грудь, и дернули наверх. Намертво сжавшиеся пальцы еще раз чиркнули по бетону, сдирая последние остатки кожи, и она упала на что-то мягкое. Видимо, на владельца сильных мужских рук.

—Спасибо, — немного отдышавшись, сказала Настя. Ее спаситель уже выкарабкивался из-под нее. Что-то в произошедшем показалось Насте странным, но она еще недостаточно пришла в себя и все никак не могла понять, что было не так.

—Не за что, — ответил спаситель и как-то испуганно отдернул руку с ее груди. Это был мужчина лет пятидесяти пяти, коротко стриженный, с небольшим, но отчетливым животиком. Обычно одетый. Говорящий по-русски, что само по себе уже было странным в трущобах Калькутты. Половину его лица закрывали большие, совершенно черные очки, так что разглядеть его глаза

Настя не могла. Как и в прошлый раз. Несмотря на дурноту и головокружение (видимо, крови из рваной раны на ноге вытекло много), она была уверена, что это тот самый мужик, что вывез их с Мухомором из аэропорта. Он что, следил за ней, что ли?

И она поняла, что казалось самым странным: он назвал ее по имени. Откуда он мог знать, как ее зовут? Нет, он совершенно точно за ней следил. Еще одна сила, которой нужен файл?

Настя украдкой оглянулась на провал со штырями — может, еще не поздно вернуться к пути вперед? Только нанизываться на штыри больше не хотелось.

—Вам тоже нужен этот файл? — спросила она, глядя прямо в его черные очки. Нет, кроме очков что-то еще в нем было знакомо. Где-то она видела его раньше. Еще до того, как все началось. Или в самом начале? Она никак не могла вспомнить.

—Подожди, — он не ответил прямо. Ни да, ни нет. Только «подожди». Стало быть, он собирался торговаться. Еще один торговец. Да что им всем далось в этом файле?

Настя шагнула назад, став в сантиметре от края. Теперь он не успел бы ее схватить, если бы она прыгнула вниз.

—Отвечайте!

—Подожди, — снова сказал он.

—Чего? — спросила Настя. Она чувствовала, он не уверен в том, что делает. Она была нужна ему. Всем нужна она, чтобы достать файл, который им тоже нужен. Похоже, очень нужен.

—Я… — он замялся. Он и на самом деле не мог подобрать слова.

—Вам. Нужен. Файл. Который. Могу. Достать. Только. Я? — чеканя каждое слово, спросила Настя.

—Да. Но не только ты.

—Вот как? — Настя искренне удивилась. — Тогда чего вы все ко мне при-дол-ба-лись?! — выкрикнула она. — Вот пусть *нетолькоя* его и достает. Мне не нужен ваш файл. Провалились бы вы вместе с ним!

—Но… Только… — Он никак не мог найти нужные слова. — Дело не только в файле. Вернее, не в файле вовсе. Я не за тем сюда пришел.

—А за чем? — Настя не понимала, что происходит, но отчетливо начинала чувствовать себя хозяйкой положения.

—За тобой.

—Угу, — недоверчиво промычала девушка. Кто бы сомневался, что он пришел сюда именно за ней. Файлом здесь и не пахло. Пахло собачьим дерьмом. И рухлядью. И Индией еще пахло. Такой назойливый запах благовоний.

Сзади подозрительно зашуршало. Послышались

приглушенные крики и далекий топот нескольких ног. Охранники Лоуба, наконец, открыли дверь. Скоро они будут здесь. Нужно выбирать — или обратно к Лоубу, или с этим героем-любовником, что пришел за ней, или на штыри. Нет, штыри, это, пожалуй, лишнее в списке. И Лоуб — было ясно как день, что он ее не отпустит. И даже если можно будет, мозги ей сохранять не станет. Они, ее замечательные мозги, нужны Лоубу только один раз.

А этот, в очках… О нем пока ничего не известно. Ни хорошего, ни, что более примечательно, плохого.

—Пойдем, прошу тебя, — мужик протянул к ней руку в просящем жесте, — клянусь, я не обижу тебя.

Ну, во всяком случае, пока — это спасение.

—Только мне нужен комп, — сказала она. — Без регистрации. И не ломаный. Мне барахла не надо. Сможешь достать?

—Хорошо, смогу, — ответил очкастый и почему-то рассмеялся.

40. 29 марта. Здание «Мацушита электрикс» — на грани реальности

Джордж пришел в себя. За окном уже начинали сгущаться сумерки. В Токио ночь наступает быстро, из-за туч, которые постоянным плотным серым ковром закрывают небо.

На фоне темных силуэтов зданий отчетливо выделялись белые снежинки, неспешно скользящие вниз, на встречу с землей. Там они сольются друг с другом, превратятся в отвратительную холодную кашу. Но это там, а здесь снежинки кажутся верхом совершенства. Наверное, подумал Джордж, он мог бы часами наблюдать за их падением.

Судя по свету, он провел в обществе Древа несколько часов. Он ничего не запомнил, осталось только радостное чувство, как после долгожданной встречи с лучшим другом. И все. Ничего конкретного в памяти не осталось. Древо что-то рассказывало ему, точнее, не рассказывало — делилось информацией. Теперь он мог воспринимать информационный поток, исходящий от Древа, но пока практически ничего не понимал. Только глубоко, на уровне подсознания, происходили неведомые Джорджу процессы.

И было что-то еще. Оно шло именно оттуда, из подсознания. Джордж не мог понять, что все это может значить, но он чувствовал, что Древо что-то тревожит. Теперь он постоянно испытывал ощущение опасности. И оно не было связано с охотой охраны «Мацушиты» на него. Нет, люди, пусть и хорошо вооруженные, теперь не представляли для него никакой угрозы. Чувство это исходило от Древа, Джордж был в этом совершенно уверен. Только он никак не мог понять, в чем состоит эта опасность, а следовательно, не мог ее устранить. Но если Древу что-то угрожает…

Если Древу что-то угрожает и ему могут причинить вред, то всем чаяниям и надеждам, что возлагал Джордж на чужой разум, не суждено сбыться. Нет, он обязательно должен во всем разобраться. Он обязан помочь Древу. Только он почти ничего не знал.

Он не знал, кем или чем являлось Древо, ведь образ дерева — это только эффект его восприятия участка виртуальности, на который проецировался чужой разум. Он не знал, откуда оно — в нашем ли оно мире или проникает из каких-нибудь других пространств, используя неведомые людям технические средства. И он до сих пор так и не понял, что, собственно, было нужно

Древу в его мире. Он никак не мог понять его намерений.

Джордж смотрел на падающие снежинки и никак не мог придумать, что же ему делать дальше. Его совсем не удивило то, что никто больше не пытался проникнуть в лабораторию. Он окинул взглядом помещение, в котором стоял. Теперь это мало напоминало ту лабораторию, что он привык видеть, — перевернутые столы, на полу три трупа в черных костюмах, безвольно разбросавших руки в стороны, оборванные провода компьютера, кучи невесть откуда взявшихся измятых и изорванных бумажек. Это больше походило на поле боя. Да таковым оно и являлось. Тут больше делать было нечего. Свою задачу Джордж выполнил. Он создал свой главный биософт. И программа теперь четко функционировала в нем самом.

Джордж в мельчайших деталях ощущал реальность. Если бы он знал, как должна выглядеть поверхность третьей планеты в системе альфы Центавра, если такая вообще существовала, то он наверняка смог бы в мгновение ока узнать, что там происходит. Он не знал, как это работает, он не понимал принципа созданной им формулы. Точнее, не он создал ее. Он ее просто собрал. Создало ее Древо.

Он ощущал все, кроме самого Древа. Например, он точно знал, что на крыше соседнего здания уже несколько часов лежал снайпер, прильнув глазом к окуляру прицела, что у него затекла спина и страшно чесалось левое бедро, но он не мог пошевелиться, чтобы, не дай бог, не пропустить цель. А целью был он, Джордж, хотя это было ясно и без волшебных способностей. Вернее, Древо он тоже чувствовал, только не мог понять, где оно. Временами Джорджу казалось, что Древо совсем близко, чуть ли не в соседней комнате, временами — что оно безмерно далеко. Где-то в других мирах, в других вселенных. Древо было чем-то отдельным от известной ему реальности. Оно было как бы само по себе.

За окном быстро темнело. Теперь Джордж скорее чувствовал, чем видел снежинки. Нужно было что-то делать. Четкого плана действий у него не было. Не было вообще никакого плана. Но и стоять на одном месте тоже надоело.

Джордж направился к двери, ведущей из лаборатории. На колонне, возле последней двери, той, что реагирует только на отпечаток пальца, висело зеркало. Джордж случайно бросил взгляд на гладкую поверхность, отражающую реальность, — пожалуй, если бы он не знал, что смотрит в зеркало, он не узнал бы самого себя. Начавшее коричневеть лицо осунулось, глаза с красной окантовкой вокруг радужки ввалились в глазницы, из уголка рта по подбородку стекала слюна. Вид он имел

совершенно непрезентабельный. Да что там — откровенно нездоровый был у него вид. Некогда красивое пальто доктора Бишопа измазано внизу и надорвано во многих местах сверху. Волосы торчали во все стороны, и вроде бы их стало несколько меньше. Гнусное зрелище. Зачем здесь это зеркало? Оно висит в этой реальности и отражает ее. Но теперь реальность можно переделывать. Ведь достаточно только представить, как должно быть правильно, и… Гладкая поверхность зеркала с треском вмиг покрылась густой сетью трещин.

Джордж подумал и решил, что пальто только портит и так неважный вид и тормозит движения. Он бросил его прямо на пол. Если надо, пусть Бишоп его заберет.

Все двери были открыты. В коридоре царила тьма. Только вдали нервно моргала красноватыми отсветами лампа аварийного освещения. Не считая тихого мерного гудения, издаваемого все той же лампой, никаких звуков слышно не было. Джордж даже не слышал мыслей, если не считать навязчивого желания снайпера почесаться. Кстати о снайпере — скоро предстоит пройти перед окном, в которое направлено дуло винтовки. И зоркий глаз неотрывно следит за всем, что там происходит. Настолько неотрывно и напряженно глядит глаз, что давление внутри повышается и повышается. Вот уже роговица начинает выпячиваться наружу, тихо лопаются сосуды. А напряжение все растет.

— Бах, — произносит Джордж. Его губы растягивает ухмылка. Ему смешно — лопнул от натуги.

Сквозь открытое окно послышался вопль боли и ужаса. Лишенный глаза снайпер взвизгнул еще несколько раз и затих — то ли взял себя в руки, то ли потерял сознание. Теперь можно спокойно идти. Никто больше не целится в него.

Внезапно Джордж понял, куда ему нужно идти, — оказывается, он ужасно проголодался. Нужно найти какой-нибудь еды. Кажется, на шестьдесят четвертом этаже был буфет. Вроде именно там Джордж его и ощущает. Раньше он никогда не ел на работе, не было времени. Ничего, теперь времени будет предостаточно. Теперь весь мир будет в его распоряжении.

Только идти придется пешком, эти гады отключили лифты. Джордж вполне мог бы их включить, ведь реальность теперь так легко изменить. Но служба охраны полностью обесточила кабины. А без электричества электродвигатели работать не станут. Это было ясно. Ну ничего, можно и пешком прогуляться. Все-таки вниз идти.

Мысли Джорджа были настолько поглощены едой, что он не почувствовал, как на соседней крыше место безглазого снайпера

занял кибер-стрелок. Он почувствовал неладное, только когда пуля, пущенная из не знающего промаха ствола, на скорости в полтора километра в секунду со свистом рассекала воздух.

Когда все закончилось, он пребывал в полном восхищении от скорости, которую способна развивать мысль. Куда там пуле! За время полета смертоносного кусочка металла Джордж успел осознать, что при всех необычайных способностях лишний вес никуда не делся, а мышцы совсем не стали работать быстрее, то есть уклониться от пули ему никак не удастся. Но нужно ли пуле лететь? Да и летит ли она вообще? Это смотря откуда начинать отсчет. Относительно его головы — да, летела. Но это раньше. А теперь все меняется. Быстро меняется.

Джордж поднял взгляд — прямо перед его носом, вращаясь вокруг своей оси с тихим свистом, висела раскаленная добела пуля.

41. 29 марта. Минус четырнадцатый этаж здания «Мацушита электрикс»

Орущий с экрана старик уже не производил совершенно никакого впечатления. За последние два дня Исиро устал до такой степени, что плохо понимал, где находится. К реальности возвращали только вопли голограммы Мастера.

Он и сам понимал, что все из рук вон плохо. Но он никак не мог понять самого главного — что вообще происходит. То, что творилось в здании, не лезло ни в какие ворота. Тут уже специалистами-программерами или вооруженной охраной не отделаешься. Впору было искать колдунов или шаманов.

—Ты понимаешь, какая это ответственность?! — донеслись до него выкрикиваемые Мастером слова. Эту фразу сегодня он слышал по меньшей мере раз сто.

—Да, Мастер, — автоматически ответил Исиро.

—Ты?.. — начал было старик, но молодой японец прервал его:

—Да, Мастер! Только я совершенно не понимаю, что происходит. Опасность давно уже вышла за все мыслимые границы критического уровня. Но вы не позволяете вызвать подмогу. Своими силами мы не справимся. Наверное, если бы я был уверен, что справимся с чьей-либо помощью, то давно бы уже обратился за ней. Но я не вижу выхода.

—Да как ты смеешь мне перечить?! — возмутился старик.

—Смею, — глядя прямо в голографические глаза, ответил Исиро, — только это ничего не меняет. Ни для меня, ни для вас. У нас проблема, и мы оба не знаем, как ее решить. Оба! И не надо говорить, что вы не в курсе — у вас есть доступ ко всем камерам наблюдения и виртуальной части компании.

—Да… — начал старик, но тут же захлебнулся от ярости.

—Не надо, — тихо сказал Исиро, — не пугайте меня. Вы уже ничего не можете. И помочь вам некому — две трети сотрудников разбежались. Вы же видели, что творит этот Карнер. Он стал Они. И я не знаю, чем это объяснить. И вы тоже не знаете. Так что остается совершенно неясным, как с ним можно бороться.

—Ты должен защитить наше детище! — теперь в голосе Мастера сквозь обычную властность и надменность стали проступать просительные нотки.

—Должен и намерен это сделать, — согласился Исиро, — только в охране теперь толку нет никакого. Она скорее будет привлекать внимание. Вы же знаете, Мастер, в помещения

Главного Проекта без цифрового ключа не попасть. Правда, Карнеру теперь никакие запоры не помеха. Так что остается только одно — отвлекать его внимание.

—Да, — сказал старик, — сделай это. Прошу тебя, Исиро. Ты сможешь. А когда начнется цветение… Я воздам тебе за все, что ты сделал для меня.

В уголках губ молодого японца мелькнула едва заметная улыбка.

—Да, Мастер, — сказал он. Не дожидаясь, пока погаснет экран, Исиро повернулся и пошел прочь из бункера. Ему надоело выполнять глупые прихоти старика, он слишком для этого устал. И похоже, в ближайшее время спать ему еще не придется.

42. 29 марта. Сеть, место не установлено

Все-таки было что-то непонятое в этом… Нет, он так и не смог понять, чем *это* являлось. Но там что-то было. Оно функционировало своим, совершенно неясным образом. Он потратил на подступы к *этому* несколько минут, пытался проникнуть внутрь, слиться со структурой, миновать ее и посмотреть, что находится дальше. Но все было тщетно — *это* не пропускало его. И он никак не мог понять почему. Ведь вся Сеть находилась в его распоряжении! Значит, *это* не являлось частью Сети? Или проблема была в другом?

Он даже пробовал найти в Сети другие, похожие участки, на которые ему не удалось бы попасть. Но все было тщетно — везде ему открывался путь, стоило только захотеть, и его сознание сливалось с абсолютно любым сервером. Но только не с *этим*.

Он снова и снова предпринимал попытки изучить механизм взаимодействия собственного разума с Сетью. И снова и снова у него ничего не получалось — он не мог рассмотреть себя со стороны. Куда бы он ни обратил свой взор, где бы ни пытался найти свои следы, ничего не обнаруживалось. Либо пустые кластеры, либо обычная информация, которая и должна была храниться на серверах. Никаких следов пребывания его там не было. Немудрено, что его никто не замечает. По всему выходило, что его просто нет. Но ведь он мыслит! А стало быть — существует. Этот постулат вроде бы никто никогда не подвергал сомнению.

За размышлениями о собственном бытии его и застал тот всплеск. Нет, это не было явление знакомого идентификационного номера нейроконтакта, что всегда появляется в Сети раньше подключения к ней сознания своего обладателя. Нет, этого ИН он никогда раньше не встречал. То, что он ощутил, напоминало скорее вихрь, торнадо, разорвавшее ровное течение битов — саму ткань Сети и огнем полыхнувшее по всем сопредельным серверам.

Этот огонь не узнать было невозможно. Это была она — Сикомора. Почти мгновенно он переместился на нужный локейт и впустил в свой разум виртуальность, придуманную людьми.

Это был все тот же Нет-Сити. Они оба стояли посреди Мэйн-Стрит, вокруг спешили по своим делам, не обращая на них никакого внимания, сотни, тысячи людей. И никому не было никакого дела до парня и девушки, стоящих друг напротив друга

и не решающихся подойти и заговорить. Толпа, словно речной поток, встретивший на своем пути мощный валун, огибала их по широкой дуге, чтобы в паре метров за ними снова слиться в шумный хаос центральной улицы.

— Здравствуй, Сикомора, — наконец произнес он и сделал шаг навстречу.

43. 29 марта. Калькутта, отель «Хилтон», номер люкс. Сеть

Мужик в очках сказал, что его зовут Владимир. Потом, отчего-то смутившись, добавил — Кириллович. Нет, все-таки этого Владимира Кирилловича она знала еще по той, прежней питерской жизни. И похоже, что он сам это прекрасно знает, только говорить не хочет, а Настя никак не могла вспомнить, где же она его раньше видела. Да и вообще он оказался удивительно немногословным. Все молчал да отводил глаза. Какой-то он странный оказался.

Правда, комп без какой бы то ни было регистрации вообще — ни цифровой в ПЗУ, ни даже обычной голографической или чернильной маркировки на нем не было — он нашел быстро. Просто достал его из своего небольшого, но сразу видно, что безумно дорогого, чемодана. Идентификаторов не было вообще нигде, даже на платах номера не стояли — Настя полюбопытствовала, открутила крышечки на задней панели. Получалось, что Владимир Кириллович его как бы сам сделал. Вместе с процессором и всеми потрохами. Потому что на заводе — и Настя была в этом абсолютно уверена, так как видела процесс своими глазами, — номера на платах печатают прямо на конвейере, и по-другому тот просто не работает. Но вообще такие компы есть большая тайна, которую Насте знать совсем было не нужно. Проблем от лишних знаний и так хватало.

Настроение было гнусное, раненая нога, которую Владимир Кириллович лично с большой заботой и любовью обработал каким-то прозрачным раствором и заклеил заживляющим пластырем, нещадно ныла. Сам Владимир Кириллович на разговоры не велся, и оставалось одно утешение — подключиться к Сети, а там видно будет. Тем более что теперь в Сети у нее была четкая цель. Кроме мацушитовского файла. Ей нужно было найти того парня, что окликнул ее, когда она появилась на Мэйн-стрит. Только как его найдешь? Она ведь даже не запомнила, на каком локейте тогда оказалась.

В этот раз она не стала применять свои необычайные способности. Просто чтобы не привлекать внимания. С помощью обычной транспортной системы добралась до Мэйн-стрит, вышла у центрального офиса Хотмейла.

Она успела только обернуться вокруг своей оси, зачем-то рассматривая прохожих, идущих во всех направлениях (как будто можно было найти кого-то конкретного в этом бушующем потоке

из тысяч людей), как прямо перед ней, чудесным образом раздвинув толпу, появился он. Прямо из ниоткуда — только что его не было, и вот он здесь стоит.

Они оба стояли и как идиоты смотрели друг на друга. А потом он протянул руку и сказал:

—Здравствуй, Сикомора.

—Здравствуй! — его имени она не знала.

Ее руки оказались в его ладонях. Ничего особенного — обычные руки, неухоженные, все в заусенцах. Но что-то внутри заставляло Настю не отпускать их. Словно она давно шла к нему, годы и расстояния, и вот, наконец, дошла. Он тоже стоял и с замершей улыбкой рассматривал ее лицо. Потом он предложил уйти из этого шумного места. Она согласилась.

— Тогда попробуй идти за мной. Я видел, ты это можешь сделать, — сказал он и так же неожиданно, как появился, вдруг исчез. Просто растворился в воздухе. Настя инстинктивно переключилась на восприятие информации, минуя виртуализатор. Снова темное безбрежное пространство Сети лежало перед ней, исчерченное мириадами потоков, перемещающихся, меняющихся. Все они, если присмотреться, складывались в какой-нибудь узор. Только ничего похожего на того парня Настя не увидела в этом хороводе битов.

Холодные щупальца страха мигом охватили ее сердце — неужели она опять его потеряла?! Настя металась от одного потока к другому, присматриваясь и внедряясь в них, но нигде она не могла найти следов ее нового старого знакомого. Он будто исчез, будто его вообще и не было здесь.

Когда в одном из потоков она вдруг увидела образ манящей ее руки, сразу поняв каким-то шестым чувством, что это именно он, она поняла, что прошло не больше пары секунд. А она уже успела пережить целую трагедию по случаю утраты друга и радость от обретения его обратно.

Она, не думая, нырнула в указанный ей поток и почти мгновенно оказалась в виртуальном ресторане. Интерьер заведения был выполнен в восточном стиле — все стены украшены мелким витиеватым орнаментом, в ячейках, отделенных одна от другой резными перегородками, стояли низкие, инкрустированные камнем столики, а посетители сидели на расстеленных на полу пестрых коврах и тюфяках. И самое главное — ее новый знакомый стоял тут же, рядом с ней.

—Пойдем туда, — сказал он, показывая на один из свободных столиков.

Они присели на ковры. Настя подобрала под себя ноги, устроившись на мягком полосатом тюфяке по-турецки.

—Извини, — сказал он, — я совсем забыл, что меня не видно. Боялся, что ты заблудишься.

—Я бы не успела.

—Наверное, — сказал он и улыбнулся чему-то своему.

—Тебя как зовут? — спросила Настя.

—А ты не помнишь? — удивился он.

—Нет, — Насте стало неудобно, что она ничего о нем не помнит. По всей видимости, их связывало нечто большее, чем просто мимолетное виртуальное знакомство. — Я помню только, что видела тебя, что мое освобождение из ловушки на сервере «Мацушиты» как-то связано с тобой. Но у меня амнезия развилась — я не помню никаких подробностей. Не помню даже, зачем в «Мацушиту» залезла.

—Ты хоть помнишь Токио?

—Токио?! — на лице девушки отобразилось неподдельное удивление. — Но я никогда не была в Токио. Вообще никогда в жизни.

—Но ведь… — начал он и замолчал, глядя в одну точку. Похоже, он пытался что-то вспомнить.

—Так как мне тебя называть? — спросила Настя.

—Зови меня Джеком. Так привычней.

—То есть на самом деле тебя зовут по-другому?

—Нет. На самом деле меня вообще никак не зовут. Меня вообще как бы нет.

—То есть? — не поняла его Настя.

—Об этом позже. Скажи, а ты в «Мацушиту» лазила откуда?

—Из дома, — сказала она и тут же осеклась. — Я понимаю, конечно, я законченная дура. Никто не станет ломать столь серьезный сервер из дома.

—Я не об этом. То есть в Токио ты не была?

—Да нет же! Я же сказала — никогда в жизни!

Лицо Джека выражало крайнее недоумение. Видимо, части мира не сходились в голове не только у Насти. Он пытался что-то понять, сопоставить одно с другим, но было ясно, что ему это не удается.

—Все-таки интересно, откуда я попал сюда? — пробормотал он.

—Ты о чем? — вкрадчиво спросила Настя. Джек вел себя не очень адекватно, и она начала задумываться, правильно ли сделала, что решила его найти. Нужно ли ей это? Да и вообще, зачем она его искала? Или это он ее нашел? Наверное, второй вариант больше похож на правду.

—Хорошо. Давай я все тебе расскажу. По порядку. Это покажется очень необычным. Очень! Только не перебивай меня.

—Хорошо, — сказала она и машинально схватила руками воздух перед собой. Сидя в кафе, она привыкла что-нибудь потягивать из стоящего перед ней стакана. А сейчас они ничего не заказывали.

—Что ты хочешь? — спросил Джек, заметив ее жест.

—Лайм.

Он не делал никаких пассов руками, словно фокусник, не лазил в карманы за всякими программными прибамбасами, которыми обычно пользуются мажоры, любящие называть себя хакерами. Он вообще ничего заметного не делал. Просто на столе перед Настей появился стакан с лаймом.

—Как ты это делаешь? — удивилась она.

—Слушай и поймешь. Хотя принципа этого действия я и сам не знаю.

И он начал свой рассказ. Рассказ был долгим. Он говорил, наверное, часа два без остановки. Иногда он запинался, будто что-то ему мешало, но спустя мгновение снова продолжал говорить.

Он рассказал о том, как однажды проснулся в Гонконге, в номере дорогого отеля, с большой суммой денег, не помня ни то, как туда попал, ни то, где взял деньги. Как встретил в китайском мегаполисе своего приятеля, как украл для него деньги на сервере какой-то незначительной фирмы. Рассказал о том, как в Сети наткнулся на паутину, приведшую его в конце концов в ловушку к Насте. О том, как он, по его мнению, отправился в Токио, чтобы помочь ей. Причем как добирался до Токио, он тоже совершенно не помнил. Просто очнулся там, и все. Потом он нашел в каком-то тоннеле с кабелями Настино тело, ставил ей капельницы. А дальше, используя созданный им самим вирус, проломил на мацушитовском сервере стену ловушки и освободил Настю из виртуального плена. А когда снова вернулся в реальный мир, то попался в лапы сетевой полиции.

—Но в Токио я не была, — перебила его Настя. — Это совершенно точно. Когда коннект оборвался, я очутилась в своей квартире, в Питере.

Только теперь это не ее квартира, подумала она. И в Питере ей лучше не показываться. Во всяком случае, пока все не уляжется.

—Наверное — нет, — ответил он. — Я думаю, это у меня был бред. То ли от наркотиков, то ли еще от чего. Дальше было самое интересное.

—Так ты под наркотой тогда был?

—Вроде бы да, — сказал он неуверенно. — Только я теперь не уверен, что все, что я помню, было на самом деле. Но эти синие

пластыри как-то очень уж глубоко врезались в память. И при чем здесь Кин, мой гонконгский приятель, мелкий наркодиллер? Может быть, я и в самом деле с ним встречался?

—Откуда ж мне знать? — сказала Настя. — Я и про себя-то, считай, ничего не помню. А что дальше-то было?

—Дальше? — он сделал паузу. — Дальше все исчезло. После того как полицейский выстрелил в меня, мир исчез, а я остался. Я думал, рехнусь, но как-то выжил. Потом попал сюда. Здесь ко мне память частично и вернулась.

—Сюда — это куда? — не поняла она Джека.

—Сюда — это в Сеть. Ты что, так и не поняла, кто я?

—Нет. Наверное, хакер. — Она понимала, что говорила ерунду. Но части информации в голове никак не хотели складываться. Несуществующий Токио (в смысле не существующий с Настей в нем), Гонконг, наркотики, сетевая полиция, выстрелы. То есть его ранили. Опять из-за нее. Но почему тогда исчез мир? Так говорят, когда убили. Но ведь вот он, перед ней. Или… смутная догадка, казалось, все время пытается сформироваться в четкую мысль, но ускользает в самый последний момент.

—Сикомора, я не живу в реальном мире. Наверное — не живу. На сто процентов я в этом не могу быть уверен. Но тот я, который сейчас разговаривает с тобой, существует только здесь, в Сети. Я — виртуальное сознание!

—Не называй меня Сикоморой, — почему-то сказала она. Повисла неловкая пауза.

—А как тебя называть? — спросил он, тоже явно думая о чем-то другом.

—Но как это может быть? — проигнорировала его вопрос Настя.

—Я не знаю, — всплеснул руками Джек, — я даже не знаю, на каком этапе перестал существовать в реальном мире. Наверное, как раз в тот момент, когда спасал тебя, я пребывал сразу в двух мирах одновременно. Поэтому и сознание путалось.

—Но в Токио я не была.

—Наверное, нет. Я тоже там, наверное, не был. Скорее всего, это была виртуальность в виртуальности. И знаешь, что еще?

—Что?

—Я могу охватить своим сознанием всю Сеть целиком, сразу. Могу узнать любую информацию, хранящуюся здесь. Но меня никто не видит. Меня как бы нет.

—А я?

—Что — ты? — не понял ее Джек.

—Но я же тебя вижу.

—Вот в этом и странность. Ты — единственная, кто меня может видеть. И еще, с самого начала, с той секунды, как я осознал себя здесь, у меня появилось непреодолимое желание найти тебя.

Настя пребывала в полном обалдении. Она не могла поверить в услышанное. Да такого просто не могло быть! Он разыгрывает ее! Или, что еще хуже, тоже, как и все вокруг нее, ведет свою двойную игру.

—Такого не бывает, — сказала она.

—Послушай… Так как тебя называть?

—Меня зовут Настя.

—Послушай, Настя. Ты помнишь, когда ты посмотрела на битовую структуру Сети, то не нашла меня. Ведь так?

—Да. Я даже следов твоих не нашла. Это что, какие-то хакерские штучки?

—Нет. Это, наверное, побочный продукт виртуальности моего сознания. Ты думаешь, я не пытался понять, каким образом я вообще здесь функционирую? Но я ничего не смог найти. Я не вижу следов своего пребывания в Сети, хотя я ощущаю, что занимаю Сеть всю, целиком. Я с ней — одно целое. Но вместе с тем меня в обычном понимании, в понимании физического мира, нет. Вообще нет. Я не существую.

—Но ты же мыслишь. Значит…

—Знаю, это уже приходило мне на ум. Но все факты указывают на то, что я не существую. Иногда я думал, что это все — результат моего сумасшествия, что никакой Сети, никакого виртуального сознания нет. Что все это — одна большая галлюцинация. Но ведь ты меня видишь!

—Да. Но… — Тут Настю осенило — она стала рассматривать пылинки в воздухе, как учил ее Лоуб, и тут же провалилась в битовую структуру Сети, как это назвал Джек. Чего тут только не было. Тысячи кодов с описанием мебели, коды посетителей и персонала виртуального ресторана, несчетное количество перекрестных ссылок. Все что угодно. Но никаких намеков на того человека, который сидел перед ней. Она снова вернулась в виртуальность. Джек никуда не исчез.

—Ничего не пойму, — сказала она, — кода твоего нет. Но как тогда виртуализатор тебя ко мне в голову засовывает? Откуда он тебя вообще берет?

—Я думаю, — ответил он, — виртуализатор меня не берет вовсе. Ты меня сама по себе видишь.

—Во дела, — искренне удивилась Настя. В голове у нее все перепуталось, и чувствовалась усталость. Она уже долго была в Сети. — Знаешь, мне, наверное, надо отключиться. Все-таки я не

виртуальная. А то уже долго я здесь.

—На самом деле ты здесь намного меньше, чем тебе кажется. Эта штука у тебя в голове здорово ускоряет твое восприятие.

—Угу, x100. Быстрый, да?

—Да. Правда, мне все равно немного тяжело с тобой общаться — с тех пор как стал виртуальным, я стал мыслить в миллионы раз быстрей. Мне не трудно подсчитать, сколько прошло времени по обычному, человеческому, времяисчислению с тех пор, как я здесь. Но по моим ощущениям, я здесь уже много-много вечностей. Я чувствую себя очень древним, — Джек улыбнулся. — Да, и есть еще одно обстоятельство, с которым я не могу справиться. В Сети существует еще какой-то разум. И он не человеческий. Я никак не могу понять, откуда он. Но этот чужой что-то замышляет в нашей Сети.

—Все-таки мне надо отключиться, — перед глазами у Насти все плыло, она плохо понимала, о чем говорит Джек. Похоже, возникли проблемы с ее телом. В реальном мире. — Как я смогу найти тебя?

—Не беспокойся — я сам тебя найду. Только подключись к Сети.

—У меня плавающий ИН, — сказала она.

—Я это понял, — улыбнулся Джек, — но ты отличаешься от всего, что здесь есть.

Насте определенно становилось хуже. В глазах потемнело, в висках ударами молота стучал пульс. Она в полузабытьи пробормотала кодовую фразу и очутилась в темноте калькуттского номера.

Я забыла с ним попрощаться, подумала она и потеряла сознание.

44. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс» — на грани реальности

Из огромного, почти во всю стену, окна Токио был виден практически весь. Море огней раскинулось от горизонта до горизонта. Огромное светящееся пятно раковой опухоли, взращенной людишками, на теле планеты. Эта еще вдобавок была припорошена снежной шелухой.

Джордж смотрел на мириады огней. В Токио настала ночь, но здесь не стало темно. Здесь все так же светло, как и днем. Только серый дневной свет, с трудом пробивающийся сквозь тучи, сменился гнилым желтоватым свечением электрических огней. Здесь давно не было ночи. Круглые сутки напролет свет сводил с ума животных и деревья, что остались в этом городе. Он сводил с ума и людей, только они не замечали этого, им нравилось сходить с ума, им нравилось, когда свет не кончается.

Ну ничего, думал Джордж, скоро этому всему придет конец. Скоро здесь снова можно будет узнать, что такое ночь. Ночь не как время для посещения ночных заведений, где жалкие людишки, уверенно выживающие из ума, прожигали свои никчемные жизни, а ночь как темное время суток. Когда темно, когда людям страшно. Так должно быть, так заведено природой.

Откуда у меня эти мысли? — подумал Джордж. Раньше его нисколько не заботило состояние уличного освещения и уж точно никак не беспокоила судьба городских зверушек. С чего это он вдруг решил задуматься о свете?

Он не знал, что ему делать дальше. В голове настойчиво зудели какие-то мысли. Некоторые из них он не понимал. То есть понимал, что он только что о чем-то думал, но, придя в себя, не мог даже приблизительно вспомнить о чем. И теперь он постоянно слышал Голос. Он пел, не переставая. Он шептал, он кричал, он гудел. Голос не уходил больше из головы Джорджа. Древо выбрало своего пророка, и оно хотело, чтобы Джордж защитил его. Он никак не мог понять, от кого он должен защитить Древо. Но желание это было настолько настойчивым и непреодолимым, что Джордж не мог противиться ему.

И еще — Джордж устал. Безмерно, до черноты в глазах. Но он не мог позволить себе задремать ни на минуту. Иначе Древу грозила опасность. Он постоянно держал окружающее пространство под контролем, но с тех пор, как он уничтожил все живое в радиусе пятидесяти метров вокруг себя, его оставили в покое. Они боялись его. Они наконец-таки поняли, кто здесь

главный. Они теперь знают, чей это проект. Они познакомились с Джорджем Великим, пророком Древа.

Его губы медленно растягивались в кривой ухмылке.

45. 30 марта. Калькутта, отель «Хилтоне», номер люкс

Владимир Кириллович задремал, сидя в кресле. Настя была в Сети уже больше двух часов, и однообразное сидение в мягком кресле убаюкало его. Он устал — перелет, побег от парней Лоуба, столько переживаний за последние несколько дней. Да и возраст давал о себе знать — тоже ловелас нашелся.

Подумать только, он, как какой-нибудь мальчишка, бегает за девчонкой, пусть и не совсем обычной, а потом вместе с ней убегает от шайки мелких бандитов! Рассказал бы ему кто такое пару недель назад — поднял бы на смех. А может, и по физиономии съездил бы.

И вот — заснул.

Когда он проснулся, на улице стемнело окончательно. Настя все так же лежала на постели, раскинув руки в стороны, черный проводок вирт-коннектора уходил за ее левое ухо. Точнее, на кровати лежит не Настя, а ее тело. Душа ее сейчас где-то далеко, на каких-то серверах, в виртуальном пространстве. Ее тело расслаблено, ни один мускул не дрогнет. Она была совершенно безмятежна и безумно красива. Ее тело в этой белой простыне…

Владимир Кириллович встряхнул головой, сгоняя морок похоти, закравшийся в его сознание. Да что там закравшийся — давайте говорить прямо, и не уползающий оттуда. Белые простыни… надо же. Белые…

И тут он заметил, что с левой стороны, там, где лежала раненая нога девушки, простыня совсем не была белой. В неярком свете ночного города, льющемся сквозь тонированное стекло окна, было отчетливо видно большое темное пятно.

Владимир Кириллович вскочил на ноги и двумя большими шагами подошел к лежащей на кровати девушке. Глаза ее были закрыты. Резким движением он сдернул простыню с ее тела и увидел насквозь промокшую от крови повязку. Простыня и матрац внизу, под девушкой, тоже были пропитаны бордовым. Сколько же тут натекло? Никак не меньше литра.

Быстрыми точными движениями Владимир Кириллович включил голоэкран компьютера — так и есть, соединение разорвано. Она уже не в Сети. Она просто без сознания. Он схватил ее запястье, пытаясь нащупать пульс, но дрожащие пальцы не слушались его, никакого биения ему так и не удалось найти. Тогда он прильнул ухом к ее груди — тихо-тихо стучало сердце. Жива!

Но Насте требовалась срочная медицинская помощь. Что делать? Владимир Кириллович пребывал в замешательстве. Он мог обратиться к своему коллеге по Тресту — достаточно только подключиться к Сети и попросить о помощи, и через пять минут соберутся лучшие врачи Калькутты, — но как он объяснит свое пребывание здесь? Это ставило под угрозу весь проект. Опять этот проект! Как же он въелся в мозг. Даже сейчас, когда жизнь самого дорогого для него человека висела на волоске, он никак не мог забыть о проекте. Будь он неладен! Но даже если отвлечься от проекта, его внезапное появление в Азии сильно обостряло отношения внутри Треста.

Просто вызвать «Скорую»? Неизвестно, когда она приедет. И потом, последуют долгие разбирательства, выяснения, кто он, кто Настя и тому подобное. Вряд ли из этого выйдет что-то хорошее.

Оставался только один вариант — обратиться к подпольным врачам. Тем, что специализируются на помощи криминальному миру и, как правило, приторговывают нелегальными органами.

Владимир Кириллович наотмашь ткнул в коробочку вызова виртуального портье. В центре комнаты под потолком появился голографический куб с расплывшейся в омерзительной улыбке головой.

—Мне нужно… — начал было он, но осекся. Что он делает, старый болван?! Виртуальный портье — это же компьютер. Это не человек. А о чем можно договориться с бесчувственной железкой?! Он же ничего нелегального даже помыслить своими электронными мозгами не может.

—Мне нужен портье, — сказал он наконец.

—Портье вас слушает, — отозвалась улыбчивая голова.

—Мне нужен портье-человек.

—Вас смущает мое электронное происхождение? — омерзительная улыбка на голографическом лице становилась все шире и шире. Так, поди, он скоро лопнет.

—Меня ничего не смущает, но я хотел бы поговорить с *человеком* из администрации. И будет лучше, если он подойдет в номер.

—Но…

—Никаких но, — заорал на него Владимир Кириллович, — сейчас же мне в номер администратора! Я буду жаловаться!

—Ну что вы, не волнуйтесь, — заворковала голова.

—Пошел вон, — сказал Владимир Кириллович и вырубил коммуникатор.

Администратор с искренне озабоченным лицом появился буквально через двадцать секунд. Его глаза бегали, а дыхание сбивалось — по всей видимости, он сюда бежал, чтобы успеть

подавить возмущение в зародыше. Владимир Кириллович быстро изложил ему свою проблему, настойчиво выдворив его из спальни, где лежала Настя. Администратор изображал глубокое раздумье — самое время дать ему денег. Вот тут не облажаться бы — не с кредитного же чипа ему валюту сбрасывать. Есть ли достаточное количество наличности? Владимир Кириллович залез во внутренний карман пиджака, висящего на стуле, — к счастью, российская любовь к бумажным деньгам не подвела, в кармане лежала увесистая пачка новых йен. Отодрав примерно половину, он протянул деньги администратору. Здесь, в Калькутте, такой суммы хватило бы, чтобы купить небольшую квартиру.

У администратора тут же загорелись глаза, а от подсчитанной в уме суммы отшибло способность к внятному изъяснению, поэтому он что-то прохрипел, энергично закивал головой и исчез в дверях.

Владимир Кириллович, словно загнанный зверь, рыскал по номеру взад-вперед. Он не находил себе места, он не знал, что ему делать. А если врача не приведут? Ну, тогда этот администратор пожалеет, что на свет родился. Но что толку, если он не успеет?

Он в очередной раз подошел к лежащей на кровати девушке. Кровь, похоже, продолжала сочиться из раны. Жгут, что ли, наложить. Владимир Кириллович принес из ванной полотенце, скрутил его и туго перетянул бедро Насти. Но кровь густой темной жижей продолжала стекать на постель. Сколько же ее вытекло?

Ему показалось, что прошла вечность, пока появился врач. Немолодой европеец, судя по акценту — немец, войдя в номер, уверенным жестом отодвинул Владимира Кирилловича в сторону и немедля направился в спальню. Здесь он быстрыми движениями надел резиновые перчатки, снял все повязки и полотенце, стер кровь какой-то шипящей при прикосновении губкой и, грубо поворачивая ногу руками, осмотрел рану.

—Что делать будем? — спросил он.

—То есть? — не понял его Владимир Кириллович.

—Ну, ногу, девушку — сохраняем или на запчасти?

—Да… — наверное, если бы в номере был еще один врач, этого Владимир Кириллович пристрелил бы.

—Спокойно! — одернул его медик. — Я понял, будем лечить.

Действовал он быстро и уверенно. Сначала вытащил из своего увесистого саквояжа запечатанный в пластик набор инструментов, подвесив к бра над кроватью пластиковый пакет с прозрачной жидкостью, подключил капельницу. Потом он занялся

непосредственно раной — что-то чуть-чуть подрезал, что-то перевязал, засунул в рану какой-то очень красивый, поблескивающий хромом инструмент, щелкнул им там. Потом другой блестящей штукой, похожей на обычный канцелярский степплер, быстро провел по коже, оставив на ней едва заметную полосу полупрозрачных скобок.

—Готово! — провозгласил он. — Вообще-то кровопотеря большая, но выкарабкается. За пару суток будет как новенькая.

Врач вытащил увесистый агрегат, очень напоминающий «кольт» сорок пятого калибра, понажимал какие-то кнопки на его задней панели и, приставив ствол агрегата к Настиному плечу, впрыснул ей медикаменты.

—Вот еще один пакет с раствором, поменяете, как этот закончится, это несложно. И вот, — он протянул Владимиру Кирилловичу плотную пластиковую визитку. На лицевой стороне было написано «врач» и стоял номер сетевого локейта, на обороте — сумма в новых йенах. Видимо, гонорар в таких случаях был стандартным. Размером со вторую небольшую квартиру в Калькутте. Владимир Кириллович молча отдал ему деньги.

—Если что, — сказал на прощанье врач, — обращайтесь. Повторные консультации по текущему случаю — бесплатно.

Владимир Кириллович закрыл за ним дверь на замок и вернулся в спальню. Настя пришла в себя и смотрела на него. Ее лицо было почти такое же белое, как подушка, на которой она лежала.

—Пить, — чуть слышно прошептала она. Владимир Кириллович выдернул из охладителя бутылку с минеральной водой. Налил полную чашку и поднес к губам девушки. Она сделала несколько глотков и закрыла глаза. Через минуту она снова их открыла и сказала:

—Мне нужно в Сеть.

—Но… — попытался возразить Владимир Кириллович. Несмотря на слабость, ее глаза выражали такую решимость, что он не мог ей противиться.

—Очень надо, правда, — сказала она, и Владимир Кириллович воткнул штекер вирт-коннектора в разъем ее нейроконтакта.

46. 30 марта. Сеть — виртуальное сознание

Джек сразу почувствовал неладное, когда она внезапно отключилась. Он ведь еще так много не успел ей рассказать. Он ждал, когда она появится снова. Долгие секунды шли одна за другой, но она так и не появлялась. Он пытался объяснить это тем, что в реальном мире время течет совсем не так, как в виртуальности. Но все равно ему было неспокойно.

И вдруг его мысли были прерваны мощным сигналом чужого. Сигнал исходил с того объекта, *несервера,* как называл его Джек. Сильный и, как всегда, безмерно чужеродный, заставляющий вздрагивать все его существо.

Джек направил внимание в эту зону Сети, но *несервер* снова не пускал его. Снова что-то невообразимо шумное и беспорядочное, но такое знакомое преградило ему путь. Что же это могло быть? Казалось, природа этого явления — вот она, дотянись и возьми, но каждый раз простое решение ускользало.

Сигнал чужого изливался в человеческую Сеть, транслируемый непонятным образованием, не пускающим Джека внутрь, несколько миллисекунд. Долго, очень долго. За это время огромные массивы чуждой информации осели в сотнях закоулков Сети. Что они там делают? Джек не мог понять. Их действия были столь же чужеродны, как и сознание чужого, оставляющего эти фрагменты. Интересно, можно ли проследить эти действия, находясь снаружи, в реальности? Если знать, куда смотреть, то наверняка можно. Наверняка чужие программы встраивались в программы людей, словно ДНК смертоносного вируса, сливающиеся с геномом клеток ничего не подозревающего организма, и начинали свою методичную, но невидимую работу. Пока невидимую. Но что-то же должен хотеть этот чужой. Ведь им что-то движет. Иначе к чему все эти действия?

Джек чувствовал: нечто ужасное грядет, если не остановить этот процесс. И если не сделать это вовремя, то ужас может выбраться и в реальность.

И тут он почувствовал, что в Сети появилась Настя.

47. 30 марта. Сеть, виртуальный ресторан «Сезам». Чужой

Настя вошла в виртуальный мир в том же ресторане. Джек сидел перед ней. Как будто и не уходил.

—Ты что, ждал меня здесь? — спросила она.

—Я же говорил, я всегда во всей Сети. Везде одновременно.

—Интересно. Мне трудно это себе представить.

—Что с тобой случилось? — на его лице читалась искренняя обеспокоенность.

—Кровотечение. Я себе ногу повредила. Но теперь все должно быть нормально. Там, в реале, мое тело лечат. Ногу подлатали. За мной присматривает какой-то мужик. Я не знаю, кто он, не могу ему доверять. Но у меня нет другого выбора — за мной охотятся… Я даже не знаю, кто они такие. Складывается впечатление, что за мной охотятся все, кому не лень.

—Что им от тебя нужно?

—То, из-за чего я попала в ловушку, из которой меня вытащил ты. Так что ты тоже участвуешь в игре, — улыбнулась Настя. — Но тебе же ничего не угрожает, ты же виртуальный?

—Да, наверное. А кто этот мужик?

—Не знаю. Появился невесть откуда. Он уже не первый раз на моем пути появляется. И где-то я его раньше видела. Вот только не могу никак вспомнить — где.

—Может, тебе лучше отключиться и быть начеку?

—Нет, он и на самом деле обо мне заботится. Не знаю почему. Наверное, я ему нужна, чтобы достать этот файл. Как выяснилось, кроме меня его может достать только Лоуб.

—Этот старый жирный козел?! — удивился Джек.

—Да. А ты знаешь Лоуба?!

—Знал. Раньше. Но его же расстреляла сетевая полиция при захвате.

—Как выяснилось — не расстреляла. Он теперь делает вид, что скрывается. Купается в роскоши. Видно, слил полицейским нужную информацию в обмен на жизнь. Только в Сеть не ходит. Правда, знаешь, похоже, ему здорово не хватает Сети.

—А почему только ты?

—А почему я тебя вижу? — ответила Настя вопросом. За последние несколько дней она узнала о себе столько нового, что хватило бы для фантастического романа. — Ты же сказал, что видел мои способности. Хотя я и сама не знаю всего, что могу здесь, в Сети. Откуда это у меня?

—Так это не программные штуки?

—Нет, я это делаю, когда хочу. Сама по себе, без каких-нибудь технических средств. Пока, правда, я еще не очень научилась управлять этими способностями. Ты вроде бы что-то хотел мне рассказать? — сменила тему разговора Настя.

—Да. Ты знаешь, чем дальше, тем мне все больше кажется, что все, что происходило с тобой и со мной в последнее время — по меркам реального мира в последнее, — как-то связано между собой. Может быть, это и не так.

—Ты говорил, что в Сети есть кто-то еще. Я тебя правильно поняла? А то в тот момент я уже не очень хорошо соображала.

—Правильно, — ответил Джек. Лицо его сделалось серьезным. — в сети время от времени появляется еще один разум. Похожий на меня. Он… трудно объяснить, он как будто отдельно от Сети существует, и похоже, что его тоже никто не видит. Его структура настолько чужеродна, что человеческое сознание не замечает его, выкидывая из восприятия, как деталь, которая просто не может существовать.

—А ты?

—А я живу в Сети. И когда он появляется здесь, то вытесняет меня. И я ничего не могу с этим сделать. Он не поддается никаким воздействиям.

—Зло выйдет из Сети, — задумчиво произнесла Настя.

—Что? — не понял ее Джек.

—Ничего. Так, один человек говорил. Что зло выйдет из Сети. Но ему никто не верил, и все считали его сумасшедшим. Теперь он мертв. Как все, кто пытался мне помочь.

Джек на секунду замолк. Он не знал, что ответить на это.

—Надеюсь, тебя не постигнет та же участь, — сказала Настя, улыбнувшись.

—Надеюсь — нет. Я же практически вечный, если не отключить Сеть полностью.

—Но чужой разум… Что ему нужно?

—Мне кажется, у него есть какой-то план. Он появляется здесь периодически, оставляет в Сети участки сумбурного, совершенно бессмысленного кода, которые никто не замечает. Их пропускают все сторожевые программы, для них это пустой набор знаков, как комментарии. Но я чувствую, этот код что-то делает. Хотя действия увидеть не могу. Трудно объяснить — просто чувствую. И мне совсем не кажется, что намерения у этого чужого добрые.

—Как ты думаешь, кто он? — спросила Настя. — ИскИн?

—Искусственный интеллект? Самозародившийся или созданный военными на секретном суперкомпьютере где-нибудь в

глубоком подземелье? Нет, вряд ли. Не может нечто, родившееся под руководством или на базе созданных человеком программ, быть столь же чужеродным, как этот чужой. Нет, это к людям не имеет никакого отношения.

—Тогда откуда он приходит? Тебе удалось узнать?

—Не совсем, — сказал Джек, — я нашел место, откуда он появляется здесь. Но я не смог проникнуть в него.

—Ты же говорил, что существуешь сразу во всей Сети. Как же может быть, чтобы ты не мог проникнуть в какой-нибудь сервер? Это же тоже часть Сети.

—Это не сервер. Я не знаю, что это.

—Туда можно попасть?

—Конечно. Вот номер локейта, — Джек протянул ей оборванный кусок бумаги с написанными на нем вкривь и вкось цифрами.

—Встретимся там, — сказала Настя и, последовав за несуществующими пылинками виртуального пространства, провалилась в черноту. Написанный на листке номер ярко пламенел двоичным кодом прямо перед ней. Это должно быть легко, попасть туда, зная точное место расположения. Нужно лишь узнать, какой из потоков, что в великом множестве неслись перед ней, ведет в эту точку. Настя попыталась не смотреть никуда, не концентрироваться на одном из потоков, а воспринять их все сразу. Вот оно!

От количества информации, хлынувшей в мозг одновременно, закружилась голова. Настя открыла глаза и поняла, что стоит рядом с Джеком в незнакомом ей месте. Это было похоже на парк. Только какой-то запущенный, неухоженный. Трава на газонах поднималась до пояса, большую часть деревьев оплетал плющ, дорожки засыпаны высохшей листвой. Здесь была ночь. Глубокая. Тот мертвый час, когда даже в густонаселенных городах на улицах нет ни одного человека. Когда, кажется, природа замирает, готовясь к переходу в новые сутки.

Впереди, у обширного газона, на котором и стоял Джек, висел одинокий фонарь, медленно раскачиваясь под легким ветерком. Тени деревьев вытягивались то с одной стороны от фонаря, то с другой, и казалось, что ветви пытаются схватить Джека, но все никак не могут до него дотянуться.

А в нескольких метрах от бордюра, в густой сочной траве, стояла дверь. Самая обычная, такая деревянная и основательная дверь. Стояла прямо посреди газона. Никаких признаков того, куда она могла бы вести, не было.

—Где мы? — спросила Настя.

—Это еще не застроенная область виртуального

пространства. Пустой сервер, — сказал Джек.

—А откуда тогда парк?

—Парк? Здесь нет парка. Просто коды разметки диска и, — он указал рукой на дверь, — вот это.

—Это дверь, — сказала Настя. «Становится всё страньше и страньше, сказала Алиса», — ей вспомнилась строчка из бессмертного творения Льюиса Кэрролла. Стало быть, теперь она может и коды разметки диска видеть. И вообще — находиться на пустом дисковом пространстве.

—Дверь?! — не понял ее Джек. Похоже, он был удивлен не меньше Насти. — Но ведь здесь даже кода никакого нет. Просто какой-то потенциал, как будто пылинка прилипла к диску. Но чужой появляется именно отсюда. И периодически оттуда выходит еще что-то. Какие-то сигналы. Очень знакомые, но я не могу понять, что это. Ты можешь увидеть код этого… этой двери?

Настя отключила виртуализацию. Парк исчез. Исчезло вообще все — вокруг была только непроглядная темень и несколько одиноких кодов, видимо из той самой разметки. Прямо перед ней висело яркое однородное пятно. Не код. Вообще никаких знаков. Просто пятно, как и говорил Джек. Стало быть, виртуализатор, как и в случае с Джеком, тут совершенно ни при чем. Образ парка рождало ее сознание, само по себе.

—Нет, кода нет, — сказала Настя, вернувшись в «парк», — только пятно какое-то. Но…

Насте вдруг пришла в голову идея — если это дверь, то почему бы ее не попытаться открыть. Она решительным шагом направилась к двери. Высокая трава оказалась мокрой от росы, а может быть, здесь недавно прошел дождь.

Настя взялась за ручку — на ощупь та оказалась холодной и металлической, и резко дернула на себя. Такого результата она не ожидала — дверь совершенно легко открылась, и Настя, не удержав равновесия, повалилась во влажную траву. Теперь намокла вся одежда. Но это ее не беспокоило, она, открыв глаза от изумления, смотрела в дверной проем. Там, за обычным деревянным косяком, уходил в невообразимую даль бесконечный тоннель, стены которого постоянно извивались, что-то выплевывали и вообще, казалось, жили самостоятельной жизнью.

—Пойдем, посмотрим, — предложила Настя, указав на дверь кивком головы. Джек молча перешагнул через порог, отошел на несколько шагов и подождал, пока Настя присоединится к нему.

—Как ты это сделала? — спросил он. Его глаза разве что не выпадали из орбит от удивления.

—Не знаю, — честно призналась Настя, — просто открыла. Дверь не была заперта.

—Ты и в самом деле очень необычная девушка.

Они шли по коридору, который постоянно извивался, плевал в путников мерзкой слизью и вел себя совершенно негостеприимно. Со всех сторон доносились оханья, вздохи, стоны, словно они попали в ад и за ближайшим углом черти мучают грешников. Все время у Насти в голове возникала какая-то назойливая мысль, но она никак не могла уловить ее сути. Вот вроде бы начинали появляться опознаваемые черты, как тут же зыбкий силуэт растворялся в дымке тайны. Что-то было не то с этим тоннелем. Прав Джек, вроде бы здесь все очень знакомо, только не поймешь что.

Они шли уже около получаса. Тоннель постоянно петлял, иногда вдруг проход прямо перед ними обрушивался, но тут же сбоку, как по мановению волшебной палочки, возникал новый тоннель. Впереди показался выход. Настя и Джек прибавили шаг — очень уж хотелось побыстрее выйти из этого живого лабиринта.

Настя перешла на бег, думая про себя. С каждым ударом ноги о пол пещеры в голове повторялось одно и то же слово: «живого, живого, живого…»

Осознание пришло неожиданно, навалилось на нее тысячетонной скалой. Ноги подкосились, и она упала на пол. В ее голову лились неудержимым потоком мысли, эмоции, воспоминания. Чужие мысли, чужие эмоции! В глазах потемнело, она не могла вдохнуть. Казалось, еще немного, и голова лопнет, разорванная изнутри врывающимся в нее потоком информации, словно полиэтиленовый пакет, подставленный под струю ниагарского водопада.

—Не-е-ет! — вырвался из нее крик боли. — Останови это!

Настя каталась по полу, сжав голову руками, и вопила на грани ультразвука. Джек не мог понять, что с ней происходит, — на цифровом уровне здесь не было ничего, только хаотически меняющийся код со все так же ускользающим смыслом.

—Что остановить? — закричал он.

—Останови его! Я больше не могу! Он живой! Убери его! Убери! — продолжала Настя.

Стало ясно, что причиной происходящего с Настей являлся тоннель. Недалеко, метрах в тридцати, был отчетливо виден свод, за которым тоннеля больше не было. Что там находилось, отсюда было не понять. Джек стремительно поднял девушку и как мог быстро побежал к выходу. Настя извивалась в его руках, не переставая кричать, и несколько раз он чуть было ее не упустил. Шаг, еще, еще. Тоннель напоследок впился в щиколотки маленькими колкими щупальцами, но Джек рванулся, и

извивающиеся псевдоподии легко отвалились. Все. Они на свободе.

Он опустил глаза на девушку и посмотрел на нее. Настя судорожно дышала, губы ее дрожали, по щекам катились слезы.

—Он живой, он живой, — дрожащим голосом повторяла она.

—Кто живой? Все хорошо, успокойся, все прошло, — успокаивал ее Джек.

—Этот тоннель, — Настя приподнялась на руках, тыльной стороной ладони вытерла глаза, но слезы снова крупными каплями потекли вниз, — он живой. Ты был прав — это не сервер, это человек. Мы были в голове у живого человека! — она снова зарыдала, громко всхлипывая.

—Как это? — сказанное Настей сознание Джека никак не могло воспринять.

—Кто-то подключил живого человека к Сети. Место подключения — это та дверь, через которую мы вошли. И ведет этот ход сюда. Они используют его как транслятор.

—Как такое возможно?! — удивился Джек.

—Не знаю, но он страдает, он ничего не может с этим поделать, — сказала Настя, и слезы опять покатились по ее щекам. Она сидела и плакала. Ну почему, куда бы она ни пошла, везде она натыкается на боль, страдание и смерть! Просто какой-то злой рок преследует ее. Но настигает других, оставляя ее наблюдать за их страданиями. Куда же ее занесло? Что вообще происходит, и чем все это закончится?

Рядом с глухим стуком упал Джек. Настя повернулась. Его взор затуманился, как у пьяного, руки беспорядочно молотили воздух, как будто он пытался за что-нибудь схватиться и не находил опоры.

—Где мы? — без интонации произнес он, смотря в никуда слепыми глазами. — Это не Сеть. Где мы?

Настя стала трясти Джека за шиворот, надеясь привести его в чувство. На самой периферии поля зрения уловила какое-то шевеление. Она посмотрела прямо перед собой — огромный холм, состоящий из шевелящихся корней какого-то исполинского дерева, как клубок змей, сплетенных в брачном танце, стремительно рос прямо из земли, закрыв собой уже полнеба. Корни шевелились, протягивая к ней свои острые глянцевые концы, их становилось все больше. От ужаса Настя не могла пошевелиться.

И тут с вершины холма из корней ей в глаза ударил яркий слепящий свет, барабанные перепонки разрывало заполнившее собой все низкочастотное гудение. Вот и трубы Страшного суда, подумала она. Потом поток неистовой силы подхватил ее и

бросил оземь, проломив ее спиной твердь.

Настя падала в черное небытие, не прекращая от ужаса кричать что было сил.

Вокруг были сумерки, а откуда-то справа струился желтоватый искусственный свет. Она кричала еще несколько секунд, пока не поняла, что лежит на кровати в хилтоновском номере, а в дверях, справа от нее, с усталыми и красными после бессонной ночи, но вместе с тем полными страха глазами, стоит Владимир Кириллович.

48. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс», минус четырнадцатый этаж

—Что происходит, ты можешь мне объяснить? — голос старика был чрезвычайно спокоен. Он буравил холодным взглядом коротко стриженную макушку Исиро, опустившего голову в почтительном поклон слишком низко и не решающегося поднять на Мастера глаза, как того требовал протокол.

—Нет, Мастер. Я не знаю, что происходит. Я никогда не видел и не слышал о таком, — ответил молодой японец. Его руки, вытянутые по швам, била мелкая дрожь. От усталости — он не спал вот уже третью ночь подряд — и от страха. И боялся он вовсе не Мастера. Он боялся Карнера. Он не знал, что с ним приключилось, но это не так уж сильно его беспокоило. Беспокоило его то, что он не представлял себе, как можно с ним справиться.

—А что, собственно, происходит? — голографический старик на экране всплеснул руками. — Что *такого* произошло? Какой-то сумасшедший американец — никогда не доверял этому народу — терроризирует полздания моей компании, а ты, тот, к кому я относился как к сыну, кого я всему научил и кому доверил дело всей своей жизни, строишь из себя идиота и не можешь справиться с одним полоумным бандитом. Как это понимать, Исиро?

—Он творит нечто невообразимое, Мастер, — Исиро не оправдывался, он просто рассказывал. — Он больше не человек. С ним что-то произошло. Он может изменять реальность.

—О какой реальности ты говоришь? О виртуальной? Тогда его вдвойне стоит скрутить и направить его способности в нужное русло. Да, люди, которые могут управлять виртуальностью, редки, но они существуют. Открою тебе секрет, Исиро, я раньше сам это мог. Не теперь.

—Нет, Мастер, — прервал его молодой японец, — я говорю о реальном мире. Его пытались убить двое снайперов — у одного без всяких видимых причин разорвало глаз, со вторым все в порядке. Но он кибер и промахнуться не мог. У нас есть видеозапись того, что сделал Карнер.

—И что же?

—Он остановил пулю. Прямо перед своим лицом.

—Поймал руками? — с усмешкой спросил Мастер.

—Нет, она сама остановилась. Карнер в этот момент не совершал никаких видимых действий.

—Я посмотрю ваш файл, — сказал Мастер, — но у вас было и другое задание. Вы выяснили, куда произошла утечка информации? Ты в курсе, Исиро, что полтора часа назад утечка произошла повторно? Или мне вам все нужно рассказывать?!

—Нет, Мастер. Все заняты Карнером. Включая службу безопасности.

—Ты очень меня расстроил, Исиро, — сказал старик, — ты подвел меня. Боюсь, я не могу и дальше на тебя опираться. Когда проект будет завершен, ты должен будешь оставить свой пост. Такова моя воля!

—Нет, Мастер, — снова сказал Исиро.

—Что? — старик, похоже, был настолько ошарашен ответом, что не поверил услышанному. Он просто переспрашивал, чтобы удостовериться, что понял Исиро неправильно.

—Нет, Мастер, — повторил Исиро более громко. Теперь он поднял голову и смотрел прямо в глаза старику. Его глаза выражали решимость и уверенность в себе. Ни следа усталости в них больше не осталось. Молодой японец был готов к решительным действиям. — Этого не случится!

Исиро вытащил из кармана пиджака маленькую плоскую коробочку — пульт дистанционного управления небольшими детонаторами, подключенными к щепотке взрывчатки каждый, которые он собственноручно, с большой любовью прикрепил к проводам в нужных местах. Эта идея пришла ему в голову давно, почти год назад, когда стало ясно, что успех проекта практически гарантирован. Именно тогда он задумался: а что, если Мастера не станет? Совсем не станет. Ведь именно он, Исиро, был его преемником. И Мастер не забывал это упоминать при общении с разными людьми. Сейчас уже ни у кого не возникало сомнений, кто возглавит корпорацию.

Палец мягко надавил на кнопку, помеченную цифрой 1. Здание не содрогнулось, штукатурка не посыпалась. Внешне вообще ничего не изменилось.

—Что это? — спросил Мастер. Его лицо выражало ужас.

—Это пульт, — спокойным голосом объяснил Исиро. — Я с его помощью привел в действие взрывчатку, закрепленную на оптоволоконном кабеле. Том самом, что идет от вашего саркофага. Том, что связывает вас с Сетью. Что, непривычно ощущать себя пленником саркофага?

—Исиро, одумайся! Что ты делаешь?! — воскликнул старик.

—Выполняю задуманное, — охотно объяснил Исиро. — Связи у вас нет, так что не старайтесь — все равно никто не придет вам

на помощь. И в файлах, где ваши распоряжения относительно будущего компании, изменить ничего не сможете.

—Я оставлю записку здесь, — выражение лица старика стало суровым.

—Вряд ли. Неужели вы думаете, что я не знаю, где находится ваша память? Там у нас взрыватель под номером пять стоит, — сказал Исиро и нажал вторую кнопку.

—А-ах, — казалось, старик просто вздохнул.

—Да-да, Мастер. У вас закололо сердце? Это потому, что оно не работает больше. Да у вас и не было никакого сердца. Уже сколько? Лет тридцать, как за него насос работает.

—И ты думаешь, что тебя не поймают, что не найдут того, кто оставил взрывчатку? — Старик задыхался на каждом слове, его лицо посерело — аниматоры постарались на славу, виртуальная голограмма четко передавала состояние того, кто ею управлял. И вдруг Мастер вздохнул полной грудью, и цвет его лица изменился.

—А теперь включился резервный насос. Но это не беда. Для этого есть третья кнопка, — Исиро надавил пальцем на пульт в третий раз, — а взрывчатку не найдут вообще. Ну не в насосе же она стоит, в самом деле. А кабели, бывает, замыкает. Ну, случилось такое вот недоразумение. На фоне проблем с Карнером — это все мелочи. Ведь так? Вам что, дурно, Мастер?

—Мерзавец! — прохрипел старик. Голографическое изображение человека вцепилось руками в края экрана, ноздри раздулись, рот судорожно хватал воздух. Но при этом пожилой человек не утратил лица, он смотрел прямо на своего убийцу.

—Да, Мастер, я такой. А вы не знали? Простите, но сейчас вам станет совсем дурно — я просто обязан отключить рециркуляцию питательного раствора в вашей банке для уродцев. А то еще вековое дерьмо наружу выплывет.

Четвертый микровзрыв вызвал короткое замыкание в оставшейся резервной системе, и жизнеобеспечение саркофага отключилось полностью. Внизу, в зале с саркофагом, отчаянно завыла сирена. Голоэкран потух, и старик исчез навсегда. Теперь необходимо действовать быстро, через несколько секунд здесь появится персонал.

Исиро нажал последнюю кнопку, и сплавившиеся провода послали разряд в ячейки памяти, которые использовал мозг Мастера. Теперь от него не осталось ничего, кроме полуразложившегося, ни на что не годного тела. Оказывается, все не так уж и сложно, если знать, в каких местах нужно надорвать сверхнадежную систему. Дальше она уже разваливается самостоятельно.

Молодой японец быстро засунул пульт в карман и бегом спустился к саркофагу. На лице его уже было участливо-обеспокоенное выражение. Через пять секунд тяжелая металлическая дверь открылась, и в помещение вбежали с десяток работников технической службы и врачей. Все они, не обращая никакого внимания на Исиро, бросились к аппаратуре. Это неправильно, подумал Исиро, теперь им надо привыкать к новому хозяину.

— Скорее, — гаркнул он на них, — вы что, не видите?! В работе системы сбой, жизнь Мастера в опасности! Живей же, олухи!

49. 30 марта. Калькутта, отель «Хилтон», номер люкс

Когда Настя закричала не своим голосом, Владимир Кириллович проснулся мгновенно, но дезориентация после беспокойного сна давала о себе знать. Когда он добрался до спальни, по пути несколько раз споткнувшись и больно приложившись плечом о косяк двери, Настя уже не кричала. Она сидела на кровати с застывшими от ужаса глазами, ее руки быстро перебирали одеяло, а губы тихо бормотали что-то бессвязное. Она уже отключилась от Сети. Было ясно, что там что-то сильно испугало ее. Нет, с погружениями в виртуальность надо завязывать. Как минимум, пока она не придет в норму физически.

Он подошел, обнял ее за плечи. Все ее тело била мелкая дрожь, он будто прикоснулся руками к трансформаторной будке. Владимир Кириллович что-то шептал ей на ухо, стараясь успокоить, но сам плохо понимал, что делает, — такая близость к девушке сводила с ума. Он просто потерял голову, он не мог остановить себя. Губы продолжали сами собой нашептывать ей на ухо слова успокоения, руки обнимали ее, гладили ее тело. Он потерял над собой контроль. Когда небритой щекой он почувствовал слезы, стекающие по ее прелестному лицу, он стал целовать ее щеки, глаза. Его губы сами нащупали ее губы и впились в них в поцелуе страсти.

Настя вздрогнула, что-то промычала и с силой оттолкнула Владимира Кирилловича от себя.

—Что вы делаете?! — возмутилась она.

—Извини, — сказал Владимир Кириллович. — Прости, я не контролировал себя. Поверь, я не причиню тебе вреда. Просто…

—Просто — что? — Настя говорила напористо, но было видно, что она все еще не пришла в себя после того, что произошло с ней в Сети. — Вы постоянно говорите какими-то полуфразами. Да что вам вообще от меня нужно?!

—Успокойся, — мягко произнес Владимир Кириллович. — Это трудно объяснить.

—Попытайтесь, — зло бросила девушка.

—Я наблюдаю за тобой с самого начала, как только ты вышла из дома, когда освободилась из мацушитовской ловушки.

—Точно! Теперь я вспомнила — вы и есть тот таксист, что меня к «Медведям» подвозил. — Настя на мгновение задумалась, потом в ее глазах загорелся огонь понимания. — Точно! А я тогда все думала — что же меня смутило в вашей машине. Теперь

понимаю — комп со спутниковым модемом, тот, что вы газеткой накрыли. Такой, поди, дороже машины стоит. И что вам от меня надо?

—Ты сама знаешь. Ты ведь меня убеждала, что мне от тебя нужен файл. Тот самый, из «Мацушиты». Вернее, тогда мне нужно было только это.

—А теперь нужна и я сама, не так ли? Не слишком ли много вы хотите?! Вам и файл достань, и девкой для развлечений для вас побудь! Да кто вы такой?!

—Перестань, — одернул ее Владимир Кириллович. Он и сам понимал, что ситуация выглядит именно так, как говорит Настя. — За эти дни… Не знаю, как сказать. Я многое могу в этом мире, но такого со мной еще не случалось. Я мог бы сказать, что ты мне очень нравишься, но это было бы неправдой. Наверное, я люблю тебя, — он перевел дух.

—Замечательно! — всплеснула руками Настя. — Влюбленный мафиози! Такого я еще не видела. Теперь что — мне надо переспать с вами и поклясться в вечной любви? А после в знак ее, любви вечной, преподнести вам файл? А если я не согласна? Что тогда? Ноги в бетон и в океан?

—Хм, — усмехнулся Владимир Кириллович, — как-то ты не выглядишь напуганной собственными предположениями.

—Да надоело мне пугаться уже. За последнюю неделю я столько раз пугалась, что меня уже ничем не проймешь. — Внезапно ее лицо побледнело, и она замолчала.

—Только тем, что ты сейчас увидела в Сети? Так? Что там было? И вообще, может, ты расскажешь мне, зачем тебе так срочно нужно было попасть в Сеть. Да еще с незарегистрированного компьютера?

—Сначала вы расскажите мне, что в этом файле. Почему все хотят его получить? Почему все хотят его получить именно от меня, я вроде как поняла. Теперь про сам файл…

—Хорошо. Только сразу хочу предупредить: что конкретно в том файле, я не знаю.

—Вот дела! — Настя искренне удивилась. — Так чего же вы все за ним так охотитесь, если ничего про него не знаете?

—Дело в том, что я являюсь одним из руководителей очень могущественной организации.

—Преступной, — вставила Настя.

—Да, преступной, — согласился Владимир Кириллович, — мы занимаемся кражей информации. Разного рода информации. Если не ошибаюсь, ты с большим воодушевлением занималась тем же. Только в не столь промышленных масштабах и, надо заметить, со значительно меньшим успехом.

Настя отвела глаза. Ведь он совершенно прав.

—Так вот, к нам попала информация, что «Мацушита» готовит к выпуску что-то новое и необычайно грандиозное. Сама понимаешь, мимо такого куша мы пройти не могли. У нас уже был готов детально разработанный план по разрушению защиты сервера «Мацушиты». И тут появляешься ты! В самый неподходящий момент. И эти три олуха, которые наняли твоего дружка. До сих пор ума не приложу, откуда они узнали про файл. Когда ты угодила в ловушку, мы решили, что операция окончательно провалена и теперь в «Мацушите» укрепят защиту настолько, что и микроб не просочится. Но в корпорации твое появление и не заметили, а ты спаслась каким-то совершенно чудесным образом. Поэтому за тобой сразу же была установлена слежка.

—И вы поэтому за мной сами лично следили? Какая честь! За мной следил лично главарь всемирной мафии!

—Нет. Вообще я привык не доверять важные дела никому, когда могу сделать их сам. А потом — я не хотел, чтобы тебе причинили вред.

—А Лоуб? — спросила Настя.

—Лоуб, — Владимир Кириллович замялся. Ему не хотелось открывать ей все карты. Как говорится — меньше знаешь, крепче спишь. — Лоуб появился потом. К нашей организации он не имеет отношения.

—Ага, — с ехидной улыбкой на лице воскликнула Настя, — кажется, я начинаю понимать. Вы решили кинуть своих товарищей по всемирной мафии. Ведь так?

—Послушай, — начал было Владимир Кириллович, — не лезь не в свои дела.

—Нет уж! — возмутилась девушка. — Теперь это и мои дела! И вы сделали это моими делами. Причем я как-то не могу вспомнить, чтобы я кого-нибудь об этом просила! Так что давайте, выкладывайте все.

Владимир Кириллович вздохнул, но продолжил рассказ:

—Когда ты была в «Медведях», пришла другая информация по поводу разработок «Мацушиты». Позволь мне не сообщать ее тебе.

—Это еще почему?!

—Хотя бы потому, что человек, добывший эту информацию, теперь мертв.

—Но… — начала Настя, но внезапно ее лицо изменилось, глаза в ужасе открылись. — Вы убили его, чтобы предотвратить утечку?

—Нет, конечно, не я. Я не занимаюсь убийствами, —

слукавил Владимир Кириллович.

—Конечно, вы ведь предводитель. Но вы отдали приказ, так?

Владимир Кириллович молчал. Сделать из девочки дурочку не получалось. Да ему, если честно, и не хотелось. Она прекрасно все понимала. И про файл имела право знать — она столько претерпела из-за него. Но если он не сможет помочь… Вообще-то, если он не сможет ей помочь, знает она что-либо про файл или нет, не будет никого интересовать. Так что скрывать правду смысла не было.

—Так, я спрашиваю?! — она с шумом выдувала воздух через ноздри, на лбу пульсировала жилка.

—Да, — Владимир Кириллович опустил глаза, — в моем бизнесе по-другому нельзя.

—И меня тоже собираетесь в расход?!

—Я же тебе объяснил — мои планы относительно тебя изменились.

—А раньше мне была уготована та же участь, ведь так?!

—Да. Но я и прилетел сюда именно для того, чтобы отобрать тебя у Лоуба. Старый жиртрест совсем из ума выжил. Он испугался твоих способностей и предлагал убрать тебя сейчас, не дожидаясь окончания операции. Боялся потерять над тобой контроль.

—Так что насчет Лоуба? Он в эту историю как попал?

—Его привлек я, когда получил новые данные относительно файла. Рассказал ему все. И про тебя в том числе. Он очень возбудился от этого рассказа. Сказал, что тебя нужно заполучить любой ценой. Вот мы тебя и вели. Начиная от «Медведей», когда ты оттуда сбежала, дальше Мухомора подсуетили, он тебя к Чипу отвез. Ну и к Лоубу, я так понимаю, тебя уже Чип направил?

—Именно он. Только мне интересно, кого вы еще убивать собираетесь? Всех, кроме меня, уже устранили — информатора этого вашего, Чипа, Мухомор с дыркой в груди под землей у Лоуба лежит. Кто еще в программе значится?

—А Мухомор-то как? — удивился Владимир Кириллович. С этим питерским кибером-недоучкой он особо близко знаком не был, но с чего это Лоубу его убивать — он и не в курсе был. Просто наняли в помощь.

—Он меня спасти пытался. Надоело ему с вами в одну дудку дуть.

—Ага, вот, значит, как ты в эти развалины попала. Что-то Лоуб молчит, не сообщает мне, что тебя не уберег. Стало быть, ищет, Ну, пусть ищет. А с Чипом по-дурацки получилось — я здесь на самом деле не виноват. Это пацаны мои распустились совсем. Но они свое получили.

—Так все-таки ради чего вы их всех жизни лишили? Ради чего я попала в эту мясорубку? Что такого в этом файле?

—Я не знаю, файл это или что-то еще. Но мы надеялись, что это можно выкрасть через Сеть, — Владимир Кириллович все еще пытался не выдавать Насте тайну «Мацушиты».

—Не томите, — спокойно произнесла Настя, — Я все равно от вас не отстану, пока не скажете. И файл я достану. Только вам он не достанется, если сейчас соврете.

—Брось, — сказал Владимир Кириллович, — оставь эту затею. Давай уедем отсюда. Я смогу обеспечить нашу безопасность. Во всяком случае, твою — точно смогу. Не нужен файл.

—Отвечайте, что в нем.

—Ладно. По непроверенным данным, не доверять которым у меня нет никаких оснований, в «Мацушите» открыли секрет… — В этот момент пронзительно завопил его мобильник. Владимир Кириллович чертыхнулся и посмотрел на маленький голоэкран — коллеги по «всемирной мафии» вызывали на сеанс связи. Пора было организовывать безопасное подключение. Надо вызвать Рому — начальника охраны. Хватит им делать вид, что их здесь нет и что он прилетел в Калькутту совершенно один.

—Извини, дела, — сказал он Насте и забрал у нее незарегистрированный комп.

50. 30 марта. Сеть, резервное копирование

Джек вдруг понял, что его ощущение Сети изменилось. Если бы он был живым, вернее, живущим в реале, существом, он мог бы сравнить это ощущение с внезапно возникшим параличом половины тела. Нет, не половины, процентов девяноста. Он больше не ощущал всю Сеть. Он чувствовал какое-то пространство, но по сравнению с Сетью это было лишь жалкой каплей в сравнении с океаном. Его отрезали от Сети. И вокруг везде, куда ни глянь, в обилии были видны следы чужого. Ужас обуял его.

Ему сделалось дурно. На него наступала чернота. Он терял сознание. Но ведь, кроме сознания, у него ничего не было! Он попросту исчезал! Мысли путались, мир таял в темной дымке. Его снова поглощала тьма. Ему попросту не хватало пространства, слишком мал оказался сервер, куда его заманил чужой, чтобы вместить в себе человеческое сознание.

Он умирал. Снова умирал, уже во второй раз.

Правда, теперь не было никаких жизненных функций — только сознание. Так что правильнее было бы сказать, что он исчезал, а не умирал. Мир стремительно сужался, все уходило в бездонную черноту, в одну пульсирующую абсолютно черную точку. Точка становилась все меньше и меньше. Джек изо всех сил цеплялся за остатки признаков мира, но все исчезало с катастрофической быстротой, и скоро не осталось ничего, за что можно было бы ухватиться, с чего можно начать отсчет. Ничего, только он. Мысли остановились, поскольку мыслить было не о чем. Больше ничего не было, функционирование сознания остановилось.

Джек не знал, сколько так продолжалось — одна точка пространства, одна застывшая мысль. Может, минула секунда, может — вечность, а может, все началось еще до того, как успело закончиться.

По всей Сети, со всего неисчислимого количества серверов, подключенных к ней, по проводам и радиоволнам, неслись друг к другу биты, байты, просто электромагнитные импульсы. Повинуясь какой-то неведомой воле, какому-то неизвестному процессу, эти ничего не значащие кусочки информации сливались воедино, снова разбивались, копировались, отсылались, стирались и воссоздавались вновь. Началось резервное копирование данных.

Потом, когда резервное копирование завершилось, безмерно малая абсолютно черная точка вспыхнула ярким огнем, внезапно стала расширяться, мгновенно поглотив все мыслимое пространство, и разразилась оглушительным взрывом. Большой взрыв свершился, вселенная разума была воссоздана.

Джек очнулся в Сети. Насти рядом не было. Это было странно — он не помнил, как они попрощались.

51. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс». Другая Сеть

Уже давно был день, но вокруг, и в коридорах, и в офисах, царила тишина, которой здесь не было, наверное, никогда. Никто так и не пришел. Во всем здании суетились только где-то внизу. Очень далеко отсюда, глубоко под землей. Там что-то случилось, и все страшно переживали. Джордж это отчетливо чувствовал, но ему было все равно. О нем там никто не вспоминал. Часть переживала за какого-то другого человека, часть за себя, испытывая сильную неуверенность в собственном будущем. Но это все их людская суета. Джорджа это не касалось.

После того как он все-таки поел, выпотрошив холодильник и найдя в нем упаковки полуфабрикатов, которые пришлось съесть в исходном виде — электричество так и не включили, Джордж поднялся к себе на семьдесят второй. Там он и находился с тех пор.

Он сильно изменился за эти дни. Теперь это не был упитанный, немного обрюзгший мужчина средних лет с быстрыми пытливыми глазами и повадками хронического неудачника. Нет, теперь прямо на полу разоренной лаборатории биософтов сидел осунувшийся, изрядно похудевший человек в мятой изодранной одежде, с буро-коричневой кожей, слезящимися, бессмысленно пялящимися на пустую стену напротив красными глазами. Его губы были приоткрыты, из уголка рта белесой нитью медленно стекала струйка слюны. Волосы, свалявшиеся за эти дни в грязные короткие дреды, торчали во все стороны, местами они были выдраны, там сиреневыми пятнами блестел лысый череп. Во всем его облике не было и намека на былую суетность и вечное ожидание неудачи. Теперь он был предельно уверенным в себе и предельно безразличным к внешнему миру существом. Большой и указательный пальцы его правой руки медленно вращались, перекатывая белую остроносую пулю. Ту самую, что остановила свой полет, повинуясь воле этого человека.

Джорджу было хорошо. Теперь он с Древом был единым целым. Теперь они вместе порождали Голос. Они пели в унисон. Их мысли текли быстро и гладко, идеи рождались одна за другой. Теперь они знали все. Их знания слились в единое целое. Джордж был Древом, и Древо было Джорджем.

И с ними был еще кто-то третий. Джордж не мог понять, кто это. Что-то очень знакомое было в третьем разуме,

объединившемся с ними в единую сеть, только он никак не мог понять — что. Этот третий, надо сказать, умом не блистал и большого вклада в мощь коллективного сознания не делал. Но все же он добавлял в их союз какой-то уют и тепло. С ним тоже было хорошо.

Пока их было только трое. Но это пока. Пройдет немного времени, и эта новая Сеть заменит старую, виртуальную. Такое живое единение не могло сравниться ни с какой виртуальностью. Их Сеть обогатится миллионами участников. Он, Джордж, пророк новой Сети, понесет Голос в массы. Он заставит отречься людей от их бессмысленных занятий, он покажет им красоту мысли. Он изменит этот мир! Обязательно!

И никто больше не сможет ему помешать.

52. 30 марта. Сеть, закрытый информационный канал

— Каковы ваши успехи? — спросил первый, одутловатый мужчина средних лет, обращаясь к другому собеседнику, постоянно пребывающему в возбужденном состоянии.

—Невелики. След теряется в калькуттских трущобах. Я предлагаю начать ускоренную разработку нового плана захвата объекта. Мы только теряем время.

—Но вы же утверждали, что у вас все под контролем, — первый явно подначивал недовольного. Он кивком указал на третьего собеседника, мужчину с выраженными восточными чертами лица. — Может быть, стоит передать контроль над Индией нашему азиатскому коллеге? Ему все-таки ближе.

—Не надо только вот этих ваших размышлений, — недовольный снова возмущался. — Если хотите — я приношу вам свои извинения за высказывания в ваш адрес во время нашей прошлой встречи. Но я говорю о другом. Вы что, не слышали новостей?

—А что нового случилось в мире? На Токио упала ядерная бомба, и подземные банки данных остались без присмотра?

—Вы что, правда ничего не знаете?! — искренне удивился недовольный.

—Ну, право, вы и даете, — вмешался третий, — все телеканалы только о том и вещают, что вокруг «Мацушиты» творится что-то непонятное. Руководство корпорации никаких заявлений не делало. На крыше соседних зданий видели снайперов. Практически никакой информацией корпорация с миром не обменивается. Они там закрылись, как в саркофаге. У них что-то произошло наверняка. Но они пытаются не привлекать лишнего внимания.

—Вот именно, — сказал недовольный, — они теперь боятся утечки и ограничили контакты с внешним миром по максимуму. Мне кажется, сейчас самое время действовать! Если у них что-то серьезное, то большая часть охраны за Сетью не следит.

—Может быть, вы и правы, — задумчиво сказал первый, — хорошо, я отдам распоряжение своим хакерам. Мы, как обычно, занимаемся внутренним контуром безопасности?

—Думаю — да, — сказал третий, — не будем нарушать традиции.

—Кстати, — сказал первый, — а что слышно о том наркотике?

—Что это вы вдруг заинтересовались миром грез?

—Ну, во-первых, если вы помните, обнаружился он впервые в моем секторе. У трех неизвестно откуда взявшихся полудурков, которые тоже хотели мацушитовский файл. А во-вторых — помнится, вы упоминали о разгоне в Сети под действием наркотика. Так эта его особенность очень нам бы сейчас пригодилась.

—В этом смысле его ценность практически утрачена — наркотик, как выяснилось, настолько меняет биохимию мозговых процессов, что договориться с человеком под этим новым кайфом совершенно невозможно, Он превращается в, как вы изволили выразиться, полудурка. С совершенно неясными намерениями. А что касается происхождения вещества, то этот их китаец, Кин, кажется, действительно получил рецепт зелья по обычной электронной почте. Наши товарищи обращались ко мне с просьбой помочь в установлении локации пославшего письмо. Но мы оказались бессильны — локации нет. Она не зашифрована, ее просто нет. Как будто письмо самозародилось на почтовом сервере.

—Это тоже нужно будет исследовать. Какая-то новая технология, о которой мы не знаем?

—Возможно. Мои ребята обязательно передадут вам копии цифровых подписей письма. Думаю, лучше это сделать с помощью курьеров. Не нужно лишних следов.

—Это точно, — согласился недовольный. — Следы нам не нужны.

—Тогда предлагаю всецело посвятить ближайшее время подготовке к операции. Я думаю, нужно действовать не позднее следующего утра. Время может быть упущено. Все согласны?

—Да.

—Да.

53. 30 марта. Калькутта, номер люкс отеля «Хилтон»

Владимир Кириллович пробыл в Сети недолго, не больше получаса. Когда вернулся в реал, он был явно чем-то встревожен. Настя напомнила ему, что он обещал ей рассказать все про файл, и он, спросив, на чем остановился, продолжил. Вернее, закончил. Одним словом: «бессмертие». Настя, не поверив своим ушам, а может, ей просто показалось, что она не поняла, переспросила, и он повторил, что, по слухам, в «Мацушите» открыли секрет бессмертия.

Радость и восхищение охватили ее. Ведь наконец-то сбылась давняя мечта человечества, побеждена сама смерть. Теперь люди не будут ограничены коротким сроком, отпущенным им природой. Теперь талантливые и гениальные смогут творить практически вечно. Несомненно, бессмертие даст мощный толчок и научно-техническому прогрессу. Однако недолго ей виделось все это в радужном цвете. Она тут же поняла, что люди, изобретшие технологию, не собираются ею ни с кем делиться. Иначе все новостные каналы уже взахлеб рассказывали бы только об этом. И более того, другие люди, услышав про изобретение, хотят его украсть. Использовать его в своих, не менее корыстных, целях. И хотят сделать это ее, Настиными, руками.

—Вы ведь не собирались сделать этот секрет достоянием общественности? — спросила Настя.

—О боже, — всплеснул руками Владимир Кириллович, — ну до чего же ты наивная! Ну, конечно же, нет! Для чего мне, да и кому угодно, идти на риск — воровать файл у такого гиганта, как «Мацушита», чтобы сделать его достоянием общественности? Пойми, это просто глупо!

—Может быть. Зато честно. — Настя вполне могла смириться с кражей денег, какой-то технической информации. Но бессмертие… Это же для всех, это же должно быть доступно каждому!

—В чем честность? Мы ведь даже не собирались продавать этот секрет. Все мы, те, кто посвящен в секрет этого файла, немолоды. Мы хотели использовать его только для себя. Ну, может быть, для кого-то из близких. Ты себе вообще представляешь, что будет с миром, если все вдруг, в одночасье, станут бессмертными?

—Ну… — Насте виделось что-то вроде рая, только без ангелов. Но она понимала, что это глупо, поэтому вслух свои

мысли не высказывала.

—Что ну? Это будет целая прорва дебилов и бомжей всех сортов на ограниченном пространстве при ограниченных ресурсах. Это будет хаос, какого еще не видела человеческая цивилизация. Ты это понимаешь?

—Но… — Да, наверное, он прав. Если вдуматься, то так и получится. Но все равно это неправильно. Опять все блага достаются самым пронырливым и вороватым. Преступникам достанутся эти блага, вот кому. — То есть вы тут будете такие бессмертные божки, кому хочу — жалую бессмертие, а кто не слушается — пошел вон, так, что ли?

—Ладно, закончили с бессмертием, — примирительным тоном сказал Владимир Кириллович, — тем более что информация относительно файла непроверенная, и это вполне может оказаться очередной уткой. Уже сколько раз так бывало. Да и не нужно оно мне такой ценой. Пусть Лоуб сам забавляется. У нас теперь другая задача — мои, так сказать, коллеги намерены совершить операцию по захвату файла. Необходимо состряпать какую-нибудь лажу, чтобы выглядело правдоподобно.

—Зачем? — не поняла его Настя.

—Ну, не отдавать же им, в самом деле, бессмертие!

—А почему мы не будем его брать сами? — Настя потеряла нить рассуждений Владимира Кирилловича. Сейчас, спустя столько перенесенных ею страданий, спустя столько убитых людей, она твердо решила для себя, что достанет этот файл. А что с ним делать — решит потом. В конце концов, если его может достать только она, то и распоряжаться им будет тоже она. Если файл как следует запрятать в Сети, то подобраться к нему без ее ведома и согласия будет практически невозможно. И пусть тогда пытают — все равно ничего не получат.

—Потому что это слишком рискованно, — откуда-то из другого мира ответил Владимир Кириллович. Настя его не слушала, все ее мысли занял алгоритм программы, настроенной на уничтожение файла при несанкционированном доступе. Надо, чтобы ни к чему нельзя было подкопаться. И с мацушитовкого сервера нужно исходную копию стереть. Да, это выход!

—Я не хочу тобой рисковать, — продолжал мужчина, — мне не нужно бессмертие без тебя.

Ага, подумала Настя, он опять о своей безответной любви песню завел.

—Послушайте, — возмутилась она, — а с чего вы взяли, Владимир Кириллович, что вы мне нужны?!

—Я ни на чем не настаиваю, — пошел он на попятную, — мы ведь можем быть просто друзьями. Пока. А дальше видно будет.

—Это после всего, что я по вашей милости пережила?!

—Ты обещала рассказать, что тебя напугало в Сети, — резко поменял он тему разговора.

—Обещала, — нехотя согласилась Настя. И действительно — не о том они разговаривают. Прежде чем лезть в как крепость охраняемый сервер «Мацушиты», нужно все досконально взвесить. А она нутром чувствовала, что Джек и все, что с ними происходило в Сети, как-то связано с этим треклятым файлом.

Она, стараясь не вдаваться в подробности, рассказала Владимиру Кирилловичу все с самого начала, с того момента, как Джек освободил ее из виртуальной ловушки. «Главарь всемирной мафии» слушал очень внимательно, периодически задавал короткие вопросы, чтобы уточнить ту или иную деталь. Когда Настя закончила свой рассказ, он несколько минут просидел молча, совершенно не шевелясь, уперев подбородок в скрещенные, упертые локтями в колени руки. И только желваки на его челюстях время от времени вздрагивали. Он думал.

—Очень любопытный рассказ, — сказал он наконец. — Ты хоть понимаешь, что программу бессмертия, этот файл, или что там у них, уже как минимум один раз запускали?

—То есть? — Настя не понимала. Вернее, она уже поняла, но никак не хотела поверить в это. Не может быть бессмертие таким. Не может! Без общения, без желаний, без развития. Без жизни, в конце концов!

—То есть этот твой Джек, это виртуальное сознание, он по сути своей бессмертен. У него нет тела. Ты сама говоришь, что у него вообще ничего нет, даже кода, которым описывался бы его разум! Его невозможно убить! Разве что отключить всю Сеть разом, полностью все серверы.

—Вроде так, — неуверенно произнесла Настя. Да нет, не вроде. Все именно так, как говорит Владимир Кириллович. Только как Джек попал в этот эксперимент? Как он стал бессмертным? Он ведь даже ничего о файле не знает. Только то, что Настя пыталась его заполучить. Или он все лжет? Или опять — кругом заговор и обман? Даже в Сети, даже с тем, кого считал своим другом? Кому же тогда можно верить? Но зачем Джеку обманывать ее? Что он может из этого выгадать, ведь он уже и так бессмертен?

—Как он туда попал?

—Куда? — Настя была поглощена своими мыслями и не сразу вникала в суть задаваемых ей вопросов.

—В Сеть.

—Он говорил, что сам точно не понял. То ли его убили, и он потом очнулся в Сети, то ли он очутился в Сети, минуя

подключение через нейроконтакт, а потом умер. Он сам не знает. Но это все происходило как раз в тот момент, когда он меня спасал. И выяснилось, что он не может отделить то, что было в Сети, от того, что, как ему кажется, происходило в реале. А спасал он меня в реале в Токио, хотя я там никогда вообще не была. Правда, он говорил, что был под сильным кайфом в тот момент. Какой-то новый наркотик. Он им еще какого-то своего дружка из Гонконга угощал. Только он не уверен, был ли в Гонкон-ге.

—А дружка как звали, не помнишь?

—Как-то он говорил, китаец вроде… — Настя пыталась вспомнить короткое китайское имя, но в памяти в этом месте было черное пятно.

—Не Кин, случаем?

—Точно! Именно так! А что? Вы откуда это знаете-то?

—По своим каналам. Что-то очень странное происходит в Сети. Что-то очень не чисто с этим мацушитовским бессмертием. Наверное, прав был Веня, когда говорил, что в Сети зло. Ох и прав! — Он разговаривал скорее сам с собой, чем с Настей. Глаза его смотрели в одну точку, где-то между его лицом и журнальным столиком, перед которым он сидел, а указательный палец правой руки мерно выстукивал дробь по столешнице все того же столика.

—А кто такой Веня? — спросила Настя.

—Веня, Вениамин Луговой — это Чип. Он так говорил.

—Я знаю.

—Так что нужно уносить ноги от этого файла, и побыстрее, — решительно подняв голову, сказал Владимир Кириллович.

—Ну уж нет! — возразила Настя. — Тут такое происходит, а мы — побыстрее?

—Тебе нужно это бессмертие? — спокойным голосом спросил он.

—Нет, — немного подумав, ответила девушка.

—И мне — нет. Поэтому собираемся и ближайшим рейсом летим домой. А ребята мои с файлом дела уладят.

—То есть как?! — искренне удивилась Настя. — А зло в Сети? А если это правда? Нет, вы меня во все это втравили, так что теперь я доведу дело до конца. И потом, я же рассказывала, что произошло, когда мы столкнулись с этим чужим. Что он использует чужой разум как транспортную систему. Я не думаю, что он собирается на этом остановиться.

—Но при чем здесь мы? Пускай в «Мацушите» сами со своим злом борются. Нам… — Он внезапно осекся, как будто вспомнил что-то важное. Разве что в лоб себя кулаком не ударил. Только вспомнил он что-то нехорошее, потому что явственно побледнел

лицом.

—Что случилось?

—Н-нет. Не знаю… — Похоже, он не хотел говорить это ей.

—Говорите!

—Хорошо. Только ты в этом участвовать не будешь! Этим займутся специально обученные люди. Из моей команды. Не все ж им только сетевым бандитизмом заниматься.

—Хорошо, — тут же согласилась Настя. Ей очень хотелось узнать, что произошло, поэтому была готова согласиться с чем угодно. — Говорите!

—Собственно, ты это и сама можешь узнать. Только телевизор надо включить — в «Мацушите» что-то происходит. Пока никаких официальных заявлений не последовало, но обстановка вокруг их главного офиса в Токио нездоровая.

Она так и знала! Джек был прав — чужой уже вырвался на свободу. И скоро его будет не остановить. И вряд ли эти специально обученные люди смогут что-нибудь сделать — все входы и выходы на сервер и так закрыты, да еще и чужой наверняка принял меры к их укреплению. Нет, справиться с этим могла только она!

Комп без регистрации лежал на столе. В полутора метрах от нее. И он был включен.

Настя рывком поднялась с постели, резким движением вонзила штекер вирт-коннектора в гнездо нейроконтакта и, мимолетным движением ткнув во всплывшую перед ней надпись, тут же оказалась в виртуальности. Теперь ее нельзя вытащить отсюда, не убив. А этого делать «главарь всемирной мафии» не собирается. У него на нее виды.

Она лишь успела услышать, как поздно рванувшийся вперед Владимир Кириллович выкрикнул: «Нет!»

54. 30 марта. Пятьдесят восьмой этаж здания «Мацушита электрикс»

Исиро сидел за огромным пустым столом, выполненным из дорогого темного дерева, рядом с куклой, изображавшей Мастера, — символ сильного и всемогущего руководства. Символ империи. За спиной молодого японца за толстым стеклом в вечном медленном танце кружили снежинки. Они все так же неумолимо двигались вниз, чтобы в обычной своей манере смешаться с грязью улиц и потерять чистоту и невинность. Чтобы слиться с бурлящей жизнью современного мира, в котором никому ни до кого нет дела. Они выпали из высоких серых туч, висящих над этим грязным городом, и скоро их путь закончится, они достигнут предначертанного для них конца.

Исиро думал, что он, наверное, как эти снежинки — выпал из тучи, когда ему одному из нескольких тысяч посчастливилось попасть в такой гигант, как Мацушита, проделал свой блистательный путь по небу, став, по сути, руководителем компании, и вот сейчас был в нескольких метрах от грязной земли. Где его растопчут, разомнут и уничтожат, чтобы сгрести через полдня его труп лопатами снегоочистителя. Его тротуар уже приближался, и он больше не был чист и невинен, как эти застывшие причудливым узором капельки воды. Что он наделал?!

Вердикт медиков был быстр и однозначен — пациент мертв. Исиро находился там до самого конца, когда открыли саркофаг и извлекли то, что несколько часов назад было Мастером. Его чуть не вырвало — в мутной склизкой жиже питательных растворов плавало полуразложившееся тело двухсотлетнего старика. Сколько лет он провел так — обитая в виртуальном пространстве, сохраняя ясность ума и жизнь за счет искусственных и подключенных к нему чужих органов? Тридцать, сорок, пятьдесят? Исиро не знал. Для его двадцати девяти — целую вечность. Да, этот человек ждал с большим нетерпением, когда разработанная с подачи юного Исиро технология закончит, наконец, свой долгий путь созревания, и он сможет жить свободно, не будучи обремененным немощью собственного тела. Этот человек был молод и энергичен душой, несмотря на прожитые два века.

И теперь его не стало. Потому что Исиро не захотел делиться бессмертием. Не захотел делиться компанией. И вообще ему осточертел этот мерзкий старик с его идиотскими самурайскими замашками.

Исиро со всего размаха ударил кулаком по столу, дерево отозвалось гулким басовитым стуком. Что он наделал?! Механики, разобрав всю систему управления саркофагом, только разводили руками — система была продублирована по всем направлениям, но случились непредвиденные неполадки в жизненно важных узлах. Может ли это быть покушение? Нет, никаких признаков насильственного проникновения в систему, просто совпадение, несчастный случай. Другого ответа быть и не могло — слишком хорошо за эти годы изучил Исиро устройство саркофага, чтобы допустить промашку. Следы взрывчатки искать никто не будет, все выглядит как короткое замыкание. А главный теперь он, и только он может отдать приказ о дополнительном расследовании. Но он этого делать не станет.

Только что он будет делать с компанией? Все разваливается на глазах — ситуация с Карнером зашла в тупик, каким-то неведомым полем он не пускает никого в добрую половину здания. Рядовым сотрудникам ничего не рассказывают, но люди нервничают, информация потихоньку просачивается. Здание окружили репортеры и, словно стервятники, ждут, когда их добыча затихнет после предсмертных судорог, чтобы можно было спокойно подойти и полакомиться падалью. Ох, как они любят падаль!

Теперь корпорация не может выйти в Сеть, теперь все контракты и заказы полетят к чертям. Все производство рушится. Еще три-четыре дня изоляции, и экономику империи, созданной Мастером, будет не восстановить. Их доступ отрезан Карнером. Контакты оптоволоконной линии находятся на шестьдесят втором этаже, который находится во владениях этого монстра. И что с ним приключилось? То, что произошло, было какой-то фантастикой. Что-то он, Исиро, упустил в самом начале. И эти утечки, о которых говорил Мастер. Их природа так и осталась невыясненной. А Карнер говорил, будто что-то нащупал. Не это ли стало причиной его фантастического превращения?

Исиро не видел выхода из сложившейся ситуации. Он сидел, положив руки на темное шершавое дерево, и из его красных воспаленных из-за бессонных ночей глаз медленно стекали скупые слезы. Слезы ученика, предавшего своего Мастера.

Чтобы сохранить лицо, оставался только один выход. В небольшом деревянном сундучке, что стоял у стены справа от него, хранился набор для выполнения обряда сепуку. Мастер ему об этом рассказывал. Да, похоже, выход только один.

Или нет? Главный проект скоро будет завершен. Ведь должен же кто-нибудь воспользоваться плодом многолетнего труда тысяч людей, ни один из которых даже не подозревал, над чем работал.

И до цветения остался всего один день.

55. 30 марта. Калькутта, номер люкс отеля «Хилтон»

Он закричал «нет», но было уже поздно. Ее тело обмякло и безвольно упало на кровать. Компьютер выскользнул из рук, съехал по простыне и повис на черном проводке вирт-коннектора. Владимир Кириллович машинально поднял комп и положил его рядом с девушкой.

Что она творит?! Зачем ей все это?! Ведь он приехал сюда для того, чтобы избавить ее от этого кошмара, увезти туда, где спокойно и безопасно. Зачем она сама лезет во все это?

Или она права? Похоже на то, что происходящее сегодня в Сети и за ее пределами — достаточно только включить телевизор на каком-нибудь из каналов новостей — представляет реальную угрозу. Не только для корпорации «Мацушита электрикс» и компьютеров невинных пользователей. Для всего человечества. Зло пришло из Сети, именно оттуда, как и говорил Веня. Бедный старик, он так и не узнает, что был прав. Ведь он предостерегал всех. И его, своего Вовку, тоже предупреждал. Над ним все смеялись. А он всегда знал о Сети больше, чем кто-то мог себе представить.

Но почему спасать мир должна именно она? Есть много здоровых мужиков, специально обученных спасать мир. Это их удел, их работа.

Только как бы он ни убеждал себя, он знал, что по-другому не получится. Только она могла беспрепятственно перемещаться по Сети без всяких взломщиков и вирусов. Только она могла общаться с этим виртуальным сознанием. И только она могла найти чужого. И Владимир Кириллович чувствовал, что искать надо быстро.

Пора заняться подготовкой группы перехвата частичного контроля над внутренним контуром безопасности «Мацушиты». Его коллеги по «всемирной мафии» — Владимир Кириллович невольно улыбнулся — займутся остальными разделами. Понятно, ничего путного они не найдут. Да и вряд ли им удастся так легко сломать одну из лучших в мире защит. Но шуму наделают изрядно, а это будет девчонке на руку.

Он вышел в другую комнату, закрыв дверь в спальню, и по телефону вызвал начальника охраны, расположившегося в таком же номере этажом выше.

56. 30 марта. Сеть, коннект из номера люкс отеля «Хилтон», Калькутта

Ворвавшись в виртуальность, Настя очутилась в незнакомом темном месте. Одна, Джека не было рядом. Это взволновало ее — он говорил, что существует сразу во всей Сети, и не мог не заметить ее появления.

Вокруг был разбросан разнообразный хлам, гильзы от патронов довольно крупного калибра. Стены комнаты, в которой она очутилась, были отделаны потрескавшимся от времени неопределенного цвета светлым кафелем. Местами участки сколов были явственными следами от ударивших в стену пуль. На полу везде темнели какие-то пятна — то ли масло разлито, то ли загустевшая и подсохшая кровь. Рядом с ней стояла жестяная канистра с непонятными иероглифами на косо наклеенной этикетке. Прямо над ней было окно без рамы, в проеме быстро летели темные рельефные тучи.

Куда это ее занесло? Какая-то сетевая игра, что ли? И где, собственно, Джек?

Настя попыталась встать, но запуталась в чем-то типа пледа, в который оказалась закутанной, и растянулась на полу, измазавшись в темной жидкости. Нет, все-таки, похоже, оружейное масло. Вот из этой канистрочки. Прямо перед ее носом обнаружился увесистый автомат, бережно прислоненный кем-то к кафельной стенке. От него, как видно, и гильзы.

Настя поднялась на ноги, отерла руки о плед и осторожно выглянула в окно. Там раскинулся разрушенный город. Ветер трепал остатки листьев на обгорелых искореженных деревьях, по булыжной мостовой летели бумажки и пакеты. Никого не было. По антуражу похоже на сетевую игру про войну. И чего ее сюда занесло?

Вдруг на ее плечо легла рука. Настя вскрикнула от испуга и, резко дернувшись в сторону, обернулась. Перед ней стоял Джек. И тупо улыбался.

— Ты с ума сошел, так меня пугаешь?! — возмутилась Настя.

—Извини, — Джек уже хохотал.

—Что с тобой случилось, когда меня из Сети выбросило? До сих пор не могу понять, как это произошло. Или я от страха не заметила, как код произнесла?

—А ты куда делась? Я тебе показывал место, куда ведут

следы чужого. А ты отключилась.

—То есть? — их воспоминания явно не сходились. — А дальше, когда мы по живому тоннелю шли, помнишь?

—Нет. Не шли мы, — сказал Джек, и его лицо замерло и побледнело.

—Что? — с испугом спросила Настя.

—Боже! Опять эта память, которая берется непонятно откуда. Будто вся моя жизнь записана в таинственном банке данных, и воспоминания выдаются мне порциями, как будто очередной файл открывается.

—Что с тобой там случилось?

—Там не было Сети. Мне там было душно, слишком маленькое пространство. Я думал, что умер. А потом что-то произошло здесь, в Сети, и я снова воскрес. Ты понимаешь, я помню, как был мертвым! Уже во второй раз! — Его глаза выражали неподдельный ужас и страдание. — Почему это происходит со мной?! Я больше не хочу!

Настя не знала, что сказать. Джек был бессмертным, но был обречен помнить, как умирал каждый раз, чтобы воскреснуть через доли секунды. Какой-то неведомый механизм в Сети производил резервное копирование его данных и восстанавливал их при необходимости. Данных, которых на самом деле не было. Было лишь нечто, существующее в электрических схемах виртуального мира, который называют Сетью. Он был душой, заблудшей в проводах.

—Где это было? Куда мы попали? — спросила Настя.

—Не знаю. Я не успел понять. А что ты говорила о живом тоннеле? Что ты имела в виду?

—А ты не понял? — изумилась Настя. — Это не тоннель, мы были в голове какого-то человека. Не знаю, как мы туда попали, но я думаю, что это технология чужого. Он поработил этого человека и использует его мозг для соединения с Сетью.

Джек, не говоря ни слова, продолжал смотреть на нее с любопытством. Кажется, какая-то картина начинала вырисовываться в ее голове.

—Видимо, этот человек подключен к Сети, а чужой поддерживает телепатическую связь с ним или что-то еще в этом роде, и так попадает в наш виртуальный мир. И из этого можно сделать вывод, что у чужого нет прямого доступа в Сеть. Где же он находится?

—И кто это с ним сотрудничает? — сказал Джек.

—Нет! Этот человек не сотрудничает с ним. Его заставили это делать, и он страдает. Думаю, долго он не протянет. Но тогда чужой найдет кого-нибудь еще. Но как нам найти этого чужого?

—Возможно, он не из нашего мира.

—Теперь я начинаю верить, что возможно все. Кстати, — Настя вдруг вспомнила рассказ Владимира Кирилловича о неизвестном наркотике, найденном у трех ее первоначальных нанимателей, — как выглядел наркотик, который ты своему знакомому китайцу подарил?

—Кину? — спросил Джек.

—Да, ему.

—Круглые такие пластыри, яркого, прямо пронзительно синего цвета. Только получается, что я у Кина и не был на самом деле.

—Может, и не был, а наркотик такого же описания этот твой Кин вовсю продавал. И формулу чудесную он узнал из неопознанного электронного письма. Я начинаю подозревать, что письмом ты и был. В некотором роде. Но откуда у тебя взялась эта формула? Как-то это должно вязаться между собой. Вот только как?

Куски замысловатой головоломки вертелись в ее голове, никак не желая складываться. Только, казалось бы, начинала проявляться картинка, как тайный смысл ее сюжета вдруг ускользал вновь. Не хватало каких-то деталей.

—А при чем здесь наркотик? — спросил Джек.

—Я думаю, — сказала Настя, — что наркотик — это дело рук чужого. Он ему зачем-то нужен. Его исследовали, и оказалось, он каким-то образом меняет у человека восприятие Сети. На уровне биохимии мозга — я в этом не разбираюсь, просто мне рассказали. Информации можно доверять. И больше никаких зацепок. Но должен же этот чужой оставлять хоть какой-то осмысленный след!

—Я нашел только вот это. Перехватил, когда он транслировал это куда-то в Сеть. В непонятное место, которое быстро исчезло.

Джек вытащил из кармана маленький светящийся кубик, который с тихим шорохом развернулся в витиеватую схему, нарисованную полупрозрачными лучами в воздухе. Это было похоже на сильно вытянутый по вертикальной оси план. Как будто смотрели снизу, от самого пола.

—Что это? — спросила Настя.

—Не знаю. Не рассматривал еще.

—Попробуй изменить в этом точку просмотра и повернуть вот так. — Она показала как. Джек выполнил. Теперь это больше всего походило на выдранный из общего плана кусок коридора, выполненный в трехмерной проекции. Что-то это очень ей напоминало. Она это уже раньше видела, только полностью.

Настя потянулась сознанием к своему тайнику, устроенному в Ботаникуме, там, где хранятся все оцифровки виртуальных деревьев, что растут в Сети. Там, у самых корней огромного сикомора, в глубоком дупле, у нее хранились несколько вирусов, взломщиков и электронные схемы некоторых серверов, которые ей удалось достать. Вот оно дупло, вот он сундук. Схемы — Настя быстро открывала каждую, вставляла в них полученную от Джека картинку, вертела ее и сравнивала степень совпадения. Третья совпала на девяносто три процента. Настя посмотрела на цифровую подпись — схема сервера «Мацушиты». Кто бы сомневался!

Настя положила схемы в карман брюк и практически мгновенно вернулась к Джеку.

—Вот, — сказала она, показывая Джеку принесенную схему. — Как и следовало предполагать, это участок коридоров «Мацушиты». Не знаю, виртуальных или реальных. Общей структурой и внешним видом виртуальное здание главного офиса от его реального прототипа не отличается. Разнятся только закрытые участки лабораторий.

—Опять «Мацушита», — пробормотал Джек.

—Да, опять, — согласилась девушка.

—Вот, видишь? — Джек указал на конечную точку маршрута во фрагменте, помеченную красным квадратом. — Этого на твоей схеме нет.

— Значит, у тебя карта реального здания. У меня здесь все виртуальные ходы записаны. Во всяком случае, те, кто мне это дал, уверяли, что это так.

—Может, чужой находится там, в Токио?

—Мне кажется, что это вполне может быть. Только кто он? И как с ним бороться? Сетевыми методами, как я понимаю, нам его победить не удастся. Что за монстр там поселился?

—И еще — почему схема была так странно нарисована?

—Да, — согласилась Настя, — как будто с точки зрения…

Она почувствовала, как что-то мягкое шевелится возле ее ноги. События минувшей недели научили ее действовать быстро и решительно — совершенно рефлекторно она схватила стоящий у стены автомат и опустила тяжелый приклад на пол, туда, где что-то копошилось. Гулкий удар, эхом отлетевший от стен, и тихий писк. Настя подняла приклад — на полу лежало тельце раздавленной белой мыши.

—…мыши, что ли, — закончила она фразу, — где это мы? Что тут за мерзость всякая бегает?

—Игровой сервер «Тотальная война». Кстати, место предельно защищенное. Чтобы игроки уровни не перескакивали.

Вероятность того, что нас здесь подслушивают, минимальная. Я думал, ты специально это место выбрала.

—Нет, просто очутилась здесь как-то сама собой, — сказала Настя и отшвырнула трупик мыши к стене, с глаз долой. Похоже, ее необычный мозг привык работать с виртуальностью и уже выбирал места и способы проникновения в них самостоятельно, без ведома сознания. Да уж, за последнюю неделю ее мировоззрению пришлось сильно расширить свои границы. То ли еще будет?

—Ты можешь считать информацию с камер наблюдения «Мацушиты»? — У Насти возникла идея.

—Я могу считывать любую информацию в Сети. Я переплетаюсь с любой информацией, она у меня ну как кровь, что ли, — пустился в объяснения Джек.

—Не разглагольствуй, — остановила его Настя, — у нас нет времени. Посмотри, нет ли камеры в отмеченном на схеме помещении?

—Есть, — тут же ответил Джек, — и еще там куча разнообразных датчиков: температуры, влажности, давления и много чего еще.

—Что там?

—Да ничего особенного. Загон какой-то, маленький и весь светится. Горшок стоит по центру, в него кабель воткнут, и дерево в нем растет. Странное какое-то дерево, саксаул, что ли? Без листьев, черное. И все.

—И что это? — Ответ был у самой поверхности, но никак не хотел всплывать. Настя поняла, что у Джека то же ощущение.

—Не знаю. Дерево просто. Только зачем ему провода?

В голове у Насти мысли, как будто жернова мельницы, в которую попал камень, медленно и со скрипом провернулись, стали в нужное положение и… И тут ее осенило! Ну конечно же! Джек говорил, что чужой оставляет метки в Сети, он генерирует свой код, но абсолютно бессмысленный, пустой для всех человеческих программ. И кажется чем-то совершенно чужеродным всем, кто его вообще может увидеть (то есть опять же Джеку). И именно этот кабель, что видел Джек, и был причиной того, что чужой мог создавать свои коды — его научила это делать Сеть, в него вливали какую-то информацию, что-то в нем меняли и, наверное, контролировали. Но подозревали ли те, кто это делал, что их детище обретет разум? Что у него возникнут свои желания и намерения? Или это и было целью эксперимента?

А чужеродным код был, как видно, из-за того, что деревья не могут думать двоичным кодом, которым «думает» вся Сеть. Потому что чужой — это то самое дерево, черное, похожее на

саксаул. Разумное дерево!

—На дереве вообще ничего нет? — спросила Настя Джека.

—Что-то есть. Три оранжевых не то плода, не то бутона. А что?

Вот оно! Вот теперь все сходится. У Насти было такое чувство, что она знала это очень давно, но отчего-то забыла, и теперь все вновь всплыло на поверхность. Кусочки информации, которые она узнавала в последние два дня, постепенно откладывались в памяти, и подсознательно она складывала кусочки головоломки снова и снова, пока не стала видна вся картина целиком. Теперь ей была понятна вся цепочка.

—Чужой — это дерево, — сказала она. Джек открыл было рот, но Настя жестом заставила его замолчать. Она не хотела сбиться с мысли. — Эти оранжевые плоды (или что там они есть) должны содержать вещество, которое позволяет человеку стать бессмертным. Оно как-то меняет передачу электрических импульсов в мозге человека, что позволяет создать из этих импульсов виртуальное сознание. Судя по всему, это вещество с чьей-то помощью дереву удалось воспроизвести в виде того наркотика, который принимал ты. Поэтому ты и обрел бессмертие — ты был под действием этого вещества и забрел на сервер «Мацушиты», где дерево и сделало тебя бессмертным.

—Но я… — начал Джек.

—Ты — бессмертный! — выпалила Настя. Он не хотел видеть очевидные вещи. Или он боялся их видеть такими, какие они есть. — Это очевидный факт. Тебя, как показывает опыт, даже отключением не убьешь.

—Но что оно делает в Сети? Ищет желающих стать бессмертными? Я, между прочим, своего согласия не высказывал!

—Не знаю я, что оно делает. Ты можешь понять логику дерева? И я нет. Мы не деревья, у него свои взгляды на жизнь. Только я знаю, что оно вполне способно вливаться в человеческое сознание посредством чего-то типа телепатии — вспомни тот живой тоннель. Так что на сегодня никаких препятствий к проникновению в Сеть создать для него не удастся. Я думаю, что это свойство ему с лихвой заменяет способность к свободному передвижению.

—Я думаю, его нужно уничтожить, — отчетливо произнес Джек.

—Да, — согласилась Настя, — похоже, что другого выхода у нас нет. Или оно уничтожит нас. А если не уничтожит — так превратит во что-то, удобное для его древесных нужд.

—В компост оно нас превратит.

Несмотря на серьезность момента, Настя прыснула от смеха:

—Ну, тебе-то это точно уже не грозит.

—Туда можно проникнуть, — сказал Джек. — Собственно, эта схема и есть описание того, как туда попасть. Судя по всему, путь идет по коридору, а здесь, — Джек показал несколько участков пути, не совпадавших с линиями на Настиной схеме, — через вентиляционные каналы. Должен же к дереву воздух поступать.

—Эти каналы большие?

—Не знаю. На схеме не указано, а камер там нет.

—Подожди, — Настя вдруг вспомнила, что на сервере «Мацушиты» в открытом сетевом доступе находятся только общие помещения. Все лаборатории, хранилища закрытой информации и система охраны, к которой, как она подозревала, относились и камеры видеонаблюдения, к общей Сети подключались очень редко, один-два раза в неделю, и на непродолжительное время. — А как ты вообще видишь камеры в «Мацушите»? Они же не подключены к Сети.

На лице Джека отразилось недоумение — он действительно видел их, но и сам не понимал как. Только, похоже, он тоже уже догадался, как это было возможно.

—Ты думаешь, я через чужого и этот живой тоннель теперь всегда подключен к закрытой части мацушитовского сервера?

—По-моему, вариантов больше нет. Ты остался там — ведь именно на сервер «Мацушиты» мы тогда и попали — и воссоздался здесь. А потом две твои ипостаси слились в единое целое. Как это дерево делает такое с людьми?

—Ты лучше другое спроси — кто научил его такое делать, — сказал Джек.

—Мы это обязательно выясним, — сказала Настя. — Я отключаюсь. Надеюсь, мне удастся уговорить моего нового знакомого помочь в организации. Он человек влиятельный. С его помощью многое можно сделать.

—Береги себя, — вдруг проявил заботу Джек.

—Хорошо, — улыбнулась Настя. Она обняла его и поцеловала в щеку. Потом подумала и поцеловала в губы. Интересно, подумала она, чувствует ли он что-нибудь. — И ты себя береги. Скоро увидимся, я тебе обещаю.

57. 30 марта. Здание «Мацушита электрикс»

Все существо Джорджа вдруг пронзила острая боль. Он словно лишился половины тела. Его сознание разорвало связь с Древом, и Голос смолк. Они потеряли третьего. Совсем потеряли. Должно быть, он умер.

Джордж вытер растекшуюся по подбородку и груди слюну первым попавшимся в руки листком бумаги. Бумага впитывала плохо, и склизкая жижа только размазывалась. Нужно сходить в туалет, воспользоваться полотенцем. Да и вообще умыться. Мысль о туалете привела к осознанию того, что, когда он был вместе с Древом и тем, третьим, его мочевой пузырь несколько раз успел опорожниться прямо в брюки. Должно быть, от него ужасно разило. Нужно переодеться — пророк должен выглядеть прилично. Хотя внешний вид не имеет никакого значения, это только жалкие людишки всю жизнь кладут на то, чтобы купить дорогой костюм, дорогое пальто. Еще что-нибудь дорогое. Но скоро все изменится. И наконец-таки ценится станет разум, а не внешний вид. Но пока нужно быть презентабельным, а то люди к ним не пойдут.

Ноги затекли страшно. Первая попытка встать закончилась неудачей, и Джордж рухнул в кипы рассыпавшихся по полу бумаг, больно ударившись плечом о стол. Лежа на ковре, правой рукой он нащупал что-то под бумагами. Что-то мягкое и теплое. Джордж порылся в куче и вытащил оттуда маленькое белое пушистое тельце.

Это был Маверик. И он был мертв. И он был тем самым третьим — вот для чего Древо велело ему подключить мышонка к Сети.

— Они убили его! — выкрикнул в пространство Джордж. Его голос был полон боли и отчаяния. Кто такие они, он, впрочем, не задумывался.

Буря гнева зарождалась в его сознании. Ярость охватила его. И тут он снова услышал Голос — Древо было встревожено так же, как и он. Оно чувствовало опасность. Оно боялось и просило его защиты. И еще, оно почему-то хотело, чтобы Джордж подключился к Сети.

Он подошел к ближайшему компьютеру, вошел в виртуальность. Он не боялся, он был уверен, что в Сети его защитит Древо.

58. 31 марта. Калькутта, номер люкс в отеле «Хилтон»

Было уже далеко за полночь. За окном до горизонта разношерстным ковром огней раскинулась Калькутта. Владимир Кириллович смотрел невидящим взглядом в окно и барабанил пальцами по подоконнику.

Все, что рассказала ему Настя, звучало очень неправдоподобно. Как фантастический рассказ. Но только факты действительно сходились. Теперь было два варианта дальнейших действий — плюнуть и забыть или ворваться в здание «Мацушита электрикс» и уничтожить дерево. Второй вариант звучал для Владимира Кирилловича не менее фантастично, чем рассказ Насти. Можно, конечно, подключить официальные органы, но даже если допустить, что им поверят, на перепроверку фактов уйдет много времени и может быть слишком поздно.

Посылать туда вооруженную группу бессмысленно — охрана «Мацушиты» по масштабам могла бы сойти за армию небольшой страны, и любую вооруженную команду сомнут еще на лестнице, ведущей ко входу. Тогда что делать? Собирать вещи и лететь домой? Владимир Кириллович никогда не тяготел к участиям в авантюрах, но здесь было совсем другое. В этом случае на карту было поставлено слишком многое. И если уж на то пошло, что он будет делать в мире, превратившемся в лес всепланетного масштаба? Огромный, высокоинтеллектуальный лес! Нет! Он не хотел быть деревом!

План, предложенный Настей, был сумасшедшим, но он мог сработать. Собственно, это был и не план вовсе — просто она рвалась в бой и считала, что ей все по силам. Как это свойственно молодежи! Он и сам был таким много лет назад.

Но, как бы там ни было, этот ее виртуальный друг, бессмертное виртуальное сознание, с которым могла общаться только она, мог очень помочь. Ведь он имел доступ куда угодно и в Сети и, как ни странно, в закрытом мацушитовском сервере. Правда, он не мог влиять на ход вещей в виртуальности, но это могла делать Настя. Таким образом, они представляли собой идеальную команду — один добывает любую информацию в неограниченном объеме, другой ее перераспределяет по необходимости. И проникнуть в хорошо охраняемое здание обычной девушке будет куда проще, чем группе отборных бойцов.

Владимир Кириллович поднял со стола телефон, нажал кнопку дозвона и с ходу сказал:

— Мне нужен ближайший рейс в Токио. — Какое-то время он слушал, видимо, ему рассказывали о вариантах полетов. Потом сказал.: — Хорошо, тогда сейчас выезжаем.

59. 31 марта. Токио, здание «Мацушита электрикс», реальное и виртуальное

Огромное здание из черного стекла, исчерченного тонким витиеватым узором, уносилось ввысь и исчезало где-то далеко, на уровне облаков. Точная копия своего виртуального близнеца. Токийский, он же главный, офис корпорации «Мацушита электрикс».

Настя стояла перед лестницей, ведущей к широким стеклянным дверям, окруженная возбужденными репортерами, которых за натянутую демаркационную ленту не пускали охранники, и куталась в тоненькую красную курточку с яркой эмблемой и японскими иероглифами на спине. Джеку удалось узнать, что на третьем этаже что-то случилось с предохранителями и в «Мацушите» ждут электрика. Почему предохранителями не занимались штатные электрики, осталось не ясным, но это было все равно. Куртку ей выдали еще в аэропорту, сразу по прибытии. Под ней, тщательно закрепленные — Владимир Кириллович лично все подергал и перепроверил — и обернутые в специальную пленку, чтобы их не ловил металлодетектор, висели комп (разумеется, без регистрации), снабженный спутниковым модемом и каким-то необычным софтом, и набор электронных и простых металлических отмычек. В руках она держала изрядно тяжелый саквояж с монтерскими инструментами, который уже два квартала оттягивал ей руку. В сваленных кучей железках, разделенный на несколько частей, лежал пистолет.

Настя выплюнула жвачку в мокрую снежную кашу, которая уже успела пробраться в ботинки, и решительным шагом направилась к людям в черном с автоматами наперевес. Показала карточку, которую ей выдали вместе с курткой. На нее молча взглянули и молча же пропустили за ленту.

В гордом одиночестве Настя поднялась по ступенькам. Черное стекло услужливо разъехалось в стороны, и она оказалась в фойе. Здесь было, тепло. Возле парапета и чуть поодаль в стеклянной будке стояли охранники. Лица у всех настороженные и, Насте показалось, даже испуганные. К ней рванулись сразу двое, спросили, кто такая и куда. Она сказала, что предохранители чинить. К счастью, никто из них не стал говорить по-японски. Проверку тела на металлодетекторе и саквояжа на

рентгеновском сканере она прошла быстро и без проблем. В спину уходящей Насте охранник крикнул, что лифты временно не работают, и показал рукой, где лестница. «Хорошо, что вам на третий», — усмехнувшись, сказал он.

Настя мысленно застонала — хорошо, но ей на самом деле нужно на шестьдесят шестой. Она подняла голову — казалось, лестничному маршу, елочкой убегающему вверх, не было конца. Она шагала по ступеням, смахивая со лба пот, и куртка уже не казалась ей излишне тонкой. Теперь ей было жарко, но оставлять куртку на лестнице не стоило — ее могли здесь найти и поднять тревогу. Тяжелый саквояж тоже приходилось тащить с собой — в ее направительном листке витиеватым почерком в разделе «этаж» стоял плохо понятный знак, который можно было понять как римскую тройку, а можно было принять и за «111». И если ее бы здесь обнаружили, она могла бы просто сказать, что ошиблась этажом. Правда, ей было очень интересно посмотреть на того идиота, который согласился бы идти на сто одиннадцатый этаж пешком.

На шестьдесят первом она почувствовала легкий шум в голове, а на шестьдесят четвертом ей уже было настолько нехорошо, что она испугалась, что может потерять сознание. Сначала Настя решила, что это результат усталости, но три минуты сидения в попытке отдышаться ни к чему не привели. Ей становилось все хуже, а в глубине ее сознания зарождался какой-то животный ужас, нашептывающий все громче и громче: «Беги! Беги! Беги! Беги…» Она никак не могла заставить себя пройти еще два этажа. Всего два этажа!

Тогда она попробовала спуститься ниже, и, когда миновала шестидесятый этаж, наваждение прошло. Может быть, это и есть причина всего ажиотажа вокруг «Мацушиты»? Нужно было выяснить обстановку. Ей была необходима помощь друга.

Настя включила комп и подключила вирт-коннектор к своему нейроконтакту. Джек был тут как тут. Она быстро обрисовала ситуацию и поинтересовалась, что видно на камерах наблюдения на ближайших к ней этажах выше шестьдесят второго. Джек ответил, что не видит людей ни на одной из них, а на семьдесят втором две трети камер просто не работают.

Вот оно, место, откуда исходит эта волна, вызывающая приступы дурноты и панического страха. Вне всякого сомнения.

Нужно проверить, что там находится в виртуальности, — Настя уже успела привыкнуть, что в этой истории события реального мира плотно переплетены с виртуальными. Только для этого необходимо найти кабель внутренней сети «Мацушиты», чтобы подключиться к ней.

Джек объяснил, как это сделать. Нужно было идти на шестьдесят первый, нужно было пересилить свой страх. Потому что на шестидесятом засели охранники, не решившиеся подняться выше, а ниже вообще было полно оставшихся в здании служащих. Дрожащими руками Настя открыла тяжелую дверь и, прильнув спиной к стене, чтобы не попадать в обзор камеры наблюдения, вошла на этаж.

Первым делом она разбила камеру первой попавшейся железкой из саквояжа — вряд ли на это обратят внимание. Ну, вышла из строя еще одна камера. Потом ей пришлось минут десять повозиться с панелью стены, чтобы добраться до ярко-белого оптоволоконного кабеля — все-таки саквояж перла не зря. Все верно, вот он. Джек указал место совершенно точно. Теперь воткнуть в него вот эту специальную иголочку, и Настя проверила данные, которые показывал ее комп: она в местной сети. Воткнуть за ухо штекер вирт-коннектора — секундное дело.

Настя просматривала потоки информации один за другим, стараясь найти что-нибудь необычное. Очередной поток оказался настолько быстр, что, попав в него, она едва не потеряла сознание, до того как ее мозг рефлекторно не ограничил объем поступающих в него по вирт-коннектору данных. И две трети перемещающихся данных были какой-то белибердой. Наверняка этот поток шел от того самого дерева. Или, наоборот, к нему. Только от кого? Неужели их уже двое?

Настя двинулась к источнику информации. Здесь, в месте, где это генерировалось, все было обычным. Самый обыкновенный комп, это не вызывало сомнений. То есть кто-то уже нашел общий язык с деревом. Или его заставили это сделать?

Настя ворвалась в информационную структуру компа, мгновенно переключившись на восприятие виртуальности, только такой, какой ее понимало ее сознание, а не виртуализатор нейроконтакта. Похоже, человек, подключившийся к этому компьютеру, общался с деревом не только посредством Сети. Возможно, это и создавало эффект, заставлявший ее терять сознание.

Внезапно она почувствовала, что ее заметили. Не только почувствовала — стены просторного зала, где она оказалась, вдруг превратились в кишащее червями месиво и стали стремительно сужаться, угрожая раздавить Настю. Это могло быть простым спецэффектом, если бы воспроизводилось виртуализатором. Но мозг ошибиться не мог, опасность была реальной, и зал превратился в боевой вирус, стремящийся поразить сознание девушки, лишить ее разума.

Настя защищалась совершенно рефлекторно. Как любой

человек, который видит, что на его голову несется дубина, пытается закрыться и отразить удар. В считаные мгновения ее виртуальное тело превратилось в подобие огромного морского ежа, иглы которого с треском пронзили летящие на нее стены. А потом она выпрыснула из игл яд. Ей совсем не было интересно, как это выглядело в виде битовой матрицы. Она тут же отключилась от виртуальности.

60. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Безумие

Нечто, неизвестно как забравшееся в компьютер, через который Джордж был подключен к Сети и общался с Древом, вдруг, в мгновение ока, разродилось по меньшей мере сотней разнообразных боевых вирусов и исчезло. Древо издало вопль и выбросило его из виртуальности. Но, по всей видимости, некоторые из вирусов успели проникнуть в его сознание.

Голову жгло огнем, он не понимал, что происходит, куда бежит и что делает. Он хотел только избавиться от этого жуткого огня, что разъедал его мозг. Он совершенно перестал ощущать мир вокруг, его сверхъестественные способности покинули его, но он по-прежнему слышал Голос Древа. Только это и удерживало его от прыжка из окна головой вниз, в холодную снежную кашу, чтобы унять этот страшный огонь.

Древо что-то делало с его мозгом, и боль понемногу отступала. Она не прошла совсем, но спустя минут десять Джордж мог хотя бы ориентироваться в пространстве. Глаза слезились, в голове ударами молота стучала жгучая боль, но он мог передвигаться.

Теперь у него была цель. В Сети Древо вложило в его мозг карту. Теперь он знал, как добраться до Древа. Знал, где оно.

И еще он знал, что то нечто, отравившее его мозг, представляет для Древа угрозу. Настал час защитить Древо. И тогда они смогут продолжить начатое.

61. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Реальная виртуальность

Очутившись в реальном мире, Настя некоторое время сидела на ступеньках, приходя в себя. Потом она встала и попробовала снова подняться выше. Теперь на голову ничто не давило и в глазах не темнело. Похоже, она правильно определила источник экстрасенсорного воздействия.

Вот он, шестьдесят шестой этаж. Такой же белый коридор, как и на шестьдесят первом. Также — ни души. Также зыркают стеклянными глазами две камеры наблюдения. Вроде бы Насте удалось не попасть в кадр. Уже привычным движением она сшибла сначала первую, а потом и вторую камеры. Все, кина не будет!

Теперь за дело. Настя достала из саквояжа рулетку и стала отмерять необходимое расстояние. Здесь проходил тот самый вентиляционный короб, который вел к помещению с деревом. Место на стене найдено, осталось добраться до самой вентиляции.

Снова ей пришлось поработать инструментами для того, чтобы снять со стены несколько белых пластиковых панелей. Во второй раз это получилось быстрее. Внутри стены проходили тысячи разнокалиберных проводов, труб, стояли какие-то опоры, а в глубине, под всем этим, виднелся поблескивающий жестью короб вентиляции. Слава небесам, он был достаточного размера, чтобы Настя могла в него залезть. Вот только добраться до него сквозь джунгли проводов будет непросто.

Настя осмотрелась и обнаружила недалеко пожарный щит. Японцы тяготели к старым традициям, поэтому она не особенно удивилась, обнаружив на щитке топор с длинной пластиковой ручкой, аккуратно выкрашенный в красный цвет. Настя попробовала лезвие — настоящий металл, не бутафория. Широко размахнувшись, она вонзила колун в сплетение проводов. Топор издал скрежет, соприкоснувшись с алюминиевой опорой, и погрузился глубоко в кучу медных зарослей. Девушка работала инструментом как заправский лесоруб, и скоро в стене сформировалась дыра, достаточная, чтобы она могла в нее протиснуться. Теперь оставалась лишь тонкая стенка вентиляционного короба.

Настя размахнулась и изо всех сил вонзила топор в жесть. Короб в ответ издал столько шума, что слышно, наверное, было даже на улице. Быстро расширив отверстие, она отогнула рваные

края, бросила топор и заглянула в отверстие. Темная шахта уверенно уходила вверх, не меняя своих размеров. Дальше предстояло лезть внутри.

Куртка полетела на пол, Настя еще раз проверила тщательность крепления компьютера на ее теле. Выбрав в саквояже нужные детали, она собрала пистолет и воткнула его сзади за пояс джинсов. Холодный металл очень мешал свободно двигаться. В последний раз она осмотрела все вокруг — не забыла ли она чего нужного. На глаза ей попался топор. Нести его в шахте будет неудобно, но придется взять с собой — о чем они думали, когда собирали оборудование? Чем она уничтожит дерево, из пистолета его расстреляет, что ли? Топор просто необходим. Да и не исключено, что жестяной короб придется рубить еще где-нибудь.

Подумав, Настя выбросила пистолет и прикрепила топор к спине скотчем так, чтобы металлический колун не бил по голове. Неудобно, но двигаться можно. Осталось взять специальные крюки, чтобы двигаться внутри короба вверх, и веревку для страховки. Ей предстояло подняться по металлической шахте вверх на два этажа — к сожалению, выше это вентиляционное ответвление не проходило рядом со стенами, и забраться в него из коридора можно было только здесь.

Теперь настало время воспользоваться фантастическим оборудованием, которым ее снабдили люди Владимира Кирилловича. Настя даже не подозревала, что такое существует в природе.

Во всей операции она видела только одну реальную проблему — для того, чтобы найти камеру, где росло дерево, и не заблудиться в вентиляции, ей необходимо постоянно быть на связи с Джеком. Но это возможно только в виртуальности. Однако, находясь в виртуальности, она не могла двигаться. Получался замкнутый круг. Который разрешил один из специалистов Владимира Кирилловича.

В компьютер был установлен специальный софт, который блокировал отключение нейроконтактом двигательных зон коры головного мозга во время сеанса подключения к виртуальности. Таким образом она могла одновременно быть в виртуальной реальности и ползти по шахте. Существовало только одно но — этот процесс требовал очень больших ресурсов и сильно нагревал процессор, ее замечательный x100. Настю предупредили, что если она почувствует боль за ухом, то нужно немедленно отключаться — это значит, что разогрелась кость под нейроконтактом.

Она тщательно закрепила на голове ободок с двумя камерами и фонариком — камеры будут снимать то, что должны видеть ее

глаза, и транслировать это в виртуальность. С их помощью, находясь в виртуальности, она будет видеть так, как если бы не подключалась. И при этом общаться с Джеком. Может, даже смотреть на него. Все готово, пора подключаться. Она еще раз подергала детали, закрепленные на ее теле, от них зависела ее жизнь. Все в порядке.

Штекер вирт-коннектора с тихим щелчком вошел в гнездо нейроконтакта. Одно движение, и она уже в Сети. Вот нужный поток — это изображение с ее камер. Если не вертеть головой слишком уж резко, то почти как глазами смотришь.

Настя заглянула в шахту. Далеко вверху, освещаемая светом фонарика, маячила голова Джека.

— Вперед, — скомандовал он, и, воткнув в податливую жесть первый крюк, Настя залезла в шахту.

62. 31 карта. Здание «Мацушита электрикс». Между пятьдесят восьмым и шестьдесят восьмым этажами

Исиро медленно шагал по ступеням узкой винтовой лестницы. По ней нужно было пройти десять этажей, чтобы попасть в оранжерею. К их Главному проекту. Ведь в момент цветения нужно находиться рядом. В правой руке Исиро болтался толстый черный провод. В левой был зажат деревянный ларец с ножами для сепуку. Все необходимое он взял. Осталось только дойти и довести дело до конца.

Сколько этажей он уже прошел? Трудно сказать — обороты винтовой лестницы не соответствовали этажности здания. На эту лестницу можно попасть только с пятьдесят восьмого, предварительно открыв герметичную потайную дверь, закрытую специальным магнитным ключом и кодовым замком со сверхсложной системой шифровки. Вокруг было несколько метров армированного бетона, который невозможно пробить даже артиллерийским снарядом. Так же, как и куб, где находился Главный проект, надежно экранированный от любых излучений, способных внести изменения в его код.

Внезапно он понял, что Главный проект находится в зоне, контролируемой Карнером. Как он мог забыть об этом? Неужели и этому, его последнему плану суждено провалиться? Но ведь он уже должен был войти в эту зону. Отчего тогда ему не становится дурно и он не падает замертво, как это происходило с остальными? Карнер решил его пропустить? Или этот американский монстр больше не контролировал ситуацию?

На мгновение Исиро задумался, а не вернуться ли ему назад, чтобы попытаться восстановить нормальную работу здания. Но быстро отказался от этой идеи. Нет, он уже выбрал свой путь, и его надо пройти до конца. Что бы там ни случилось с Карнером.

И он продолжил подъем.

63. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс», лифтовая шахта

Джордж теперь знал, что попасть к Древу можно только через пятьдесят восьмой этаж. Опять этот пятьдесят восьмой! Туда есть выход только из лифта, который сейчас не работает.

Боль в голове немного утихла, отодвинулась куда-то вглубь, но он чувствовал, что попавшая в него программа что-то точит в его мозгу. Она его ест потихоньку, хрумкает челюстями. В его ушах стояло тихое, но отчетливое: «хрум, хрум, хрум». Даже Голос не мог заглушить эти чавкающие звуки.

Но это ерунда. Если он защитит Древо, оно поможет ему. Оно вытащит из его мозга паразита, пожирающего его изнутри. Нужно только попасть на пятьдесят восьмой этаж.

Кряхтя от усилий, Джордж руками раздвинул створки лифтовой шахты, содрав с ладоней кожу. Кровь частыми каплями падала на пол, но он не замечал этого. Все его внимание занял толстый трос, натянутый как тетива лука точно в центре лифтовой шахты. Туда нужно было допрыгнуть и как-то не сорваться вниз. Другого выбора не было.

Джордж разбежался и с хриплым криком бросился внутрь шахты. На мгновение ему показалось, что он не допрыгнет, но вонзившийся острыми иглами в ладони трос развеял его опасения. Осторожно перебирая руками, он стал медленно скользить вниз, громко считая этажи. Чего он полез в шахту здесь — мог бы спуститься до пятьдесят девятого по лестнице? Но понимание пришло поздно.

К пятьдесят восьмому Джордж стер о сталь троса ладони до кости. Соприкасаясь с металлом, кость издавала неприятный стук.

Прямо перед ним были закрытые двери. Этаж был тот, но предстояло открыть выход. Джордж поднялся по тросу немного выше и прыгнул в сторону двери. Пальцы ударили по пластику двери, срывая ногти, и заскользили вниз, оставляя на грязно-серой поверхности десять кровавых полос. Чудом ему удалось зацепиться за края небольшого порожка, выступающего в пространство шахты лифта. Кое-как он подтянулся и смог даже встать на этот порожек. Рискуя сорваться вниз, из последних сил приоткрыл двери и вывалился в уже ставшее ему привычным длинное помещение с деревянным полом.

64. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс», реальная виртуальность

Настя карабкалась по жестяному коробу, вонзая крюки в мягкий металл и подтягиваясь. Периодически она втыкала в стену специальные петли, в которых была закреплена страховочная веревка. Она совершала восхождение на невысокую жестяную гору. Это оказалось тяжелее, чем она думала вначале, и уже через три метра дыхание сбилось, а пот катил градом. Но она продолжала карабкаться дальше. И вот, наконец, вертикальный подъем закончился.

Дальше пришлось двигаться ползком, как будто под пулеметным обстрелом. Торчащие из жести клепки каждый раз больно драли кожу на животе.

Джек постоянно сообщал ей, в какой поворот повернуть, а какой пропустить. Вентиляционный канал сильно петлял и переплетался с дополнительными ответвлениями — то ли резервными, то ли созданными для особой очистки поступающего воздуха.

Настя очень устала, она продолжала движение из последних сил. Более того, в черепе за ухом она начинала ощущать легкое покалывание. И оно становилось все сильней — скоро ей придется отключиться от виртуальности, и она не сможет слышать Джека. Она боялась, что не успеет добраться до камеры с деревом, пока температура процессора позволяет ей общаться с Джеком. Без него она просто заблудится в этом жестяном лабиринте.

Боль нарастала, сил оставалось все меньше, и из-за этого она двигалась медленнее и медленнее. Скоро боль стала совсем нестерпимой. Оставалось два варианта — заблудиться в вентиляции или спалить мозги.

И тут Настя заметила слабое свечение впереди. Она, несколько раз промахнувшись мимо кнопки, выключила фонарь. Теперь было отчетливо видно, что спереди струится слабый белый свет — она недалеко от камеры.

Губы быстро прошептали кодовую фразу выхода. Ничего не изменилось, но Настя уже была в реальном мире. Она видела свет своими глазами. Она вынула штекер, тот был горячим. В голове пульсировало, но боль медленно отступала.

65. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Между пятьдесят восьмым и шестьдесят восьмым этажами. Джордж

Джордж настиг его в паре поворотов от двери. То, что внутри кто-то есть, он понял сразу, только подойдя к потайной двери — она была открыта. С какой-то стороны, присутствие здесь постороннего было даже на руку Джорджу. Ему было достаточно только мельком взглянуть на замок, чтобы понять, что самостоятельно открыть его он не смог бы.

Тогда он последовал за неизвестным по лестнице, стараясь быть настолько тихим, насколько это возможно. Он слышал того человека, чувствовал его. Но это постоянное чавканье, заполняющее его мозг до краев, пожирающее его изнутри, очень мешало. Он не смог предугадать, что незнакомец тоже слышит его. И ждет его там, наверху.

Сделав очередной виток вокруг опорного столба, Джордж был сбит с ног сильным ударом в голову. Когда он поднял глаза, то увидел высокого молодого японца в дорогом черном костюме, медленно спускающегося к нему по треугольным ступенькам. Чуть выше, за японцем, лежала небольшая деревянная коробочка, явно старинная, и толстый черный шнур или провод.

Джордж посмотрел выше, скользнул взглядом по ногам, животу и груди человека, спускающегося к нему, и увидел его лицо. Этого человека он почему-то совсем не ожидал здесь увидеть. Восточные раскосые глаза смотрели на Джорджа с не меньшим удивлением.

66. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Между пятьдесят восьмым и шестьдесят восьмым этажами. Исиро

Исиро не сразу его узнал. То, что предстало перед ним, мало чем напоминало известного ему ранее не уверенного в себе полноватого американца. Всклокоченные волосы, которых местами не хватало, слипшиеся от запекшейся крови, совершенно неестественный цвет кожи, темно-фиолетовый с мерзкими желто-коричневыми разводами, изодранная, ставшая какой-то бесформенной одежда, разбитые в кровь руки. И самое главное — это его глаза. Глаза безумца. Они выражали ярость и неудержимую решимость, в них читались злость и беспощадность. Но в них не было разума. Это были глаза неведомого существа, а не человека. Но при всем это, вне всякого сомнения, был Джордж Карнер. И его Исиро совсем не ожидал увидеть здесь. Неужели ему стало известно про Главный проект? Но откуда?

Смутная догадка возникла в его голове — не иначе, что Карнер и был причиной той самой утечки. Мастер ошибся в нем. И эта ошибка стоила ему жизни. Но не Исиро — он не даст провести себя какому-то вшивому американцу. Он завершит начатое. Пусть посланный им в Сибуя киберстрелок и не смог совладать с Карнером.

Сделав еще два шага, Исиро резко, без размаха, вонзил носок своей дорогой туфли в лицо Джорджа. Там что-то хрустнуло, и штанину обрызгало склизкими кровяными ошметками. Исиро шагнул еще, чтобы закончить мучения этого жалкого существа, но безумец внезапно рванулся вперед, схватил его за ногу и повалил на ступеньки.

67. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Оранжерея. Настя

Когда Настя доползла до источника света, боль за ухом почти прошла. Осталось только легкое головокружение, но оно не очень мешало. Больше мешала сложная система фильтров и вентиляторов, преграждавших ей путь. Она уже видела освещенную белым светом комнату и силуэт чего-то, видимо — дерева. Аккуратно, стараясь не касаться лопастей вращающегося вентилятора, она подергала торчащую перед ней конструкцию — довольно прочно, но сломать можно. Сейчас очень пригодился бы топор.

Настя попыталась оторвать топор от спины, но тот держался крепко. В тесном пространстве вентиляционного короба оказалось невозможным отодрать длинную ленту скотча. Девушка попыталась оборвать клейкую ленту о жестяной потолок, но поверхность металла была гладкой.

Она оказалась в западне. Цель была рядом, но находилась за преградой. Орудие, которым можно было бы преграду уничтожить, было еще ближе, но до него она не могла добраться. Назад ползти в темной трубе тоже невозможно.

В отчаянии Настя металась из стороны в сторону, ударяясь то об одну, то о другую стену шахты. И тут ее внимание привлек стук, который раздавался каждый раз, когда она ударялась правым бедром о жесть. Мгновенно перед ее взором предстала картина: она выбегает через бронированную дверь, а Мухомор протягивает ей что-то, зажатое в руке, и говорит: «Возьми, это тебе пригодится». Она тогда усмехнулась. А сейчас не верила своему счастью.

В кармане джинсов лежал тот самый перочинный нож. Почему она переложила его из тех разорванных штанов, когда они спешно покидали хилтоновский номер в Калькутте, она не знала. Но он был здесь.

Мысленно благодаря Мухомора, она достала нож, открыла его и разрезала ленту скотча. Пришлось еще немного повозиться, чтобы отодрать от майки остатки ленты вместе с топором, а потом она резко ткнула своим инструментом во вращающийся вентилятор. Пропеллер звякнул и замер.

Ломать фильтры было неудобно — негде размахнуться, но все же дело продвигалось достаточно быстро. Скоро очередь дошла и до прикрывающей часть прохода стены.

Выбросив вперед топор, который с гулким звоном упал на

пол, Настя следом выпала из вентиляции сама. Пол оказался бетонным, больно ударив в руки и колени. Раненая нога заныла сильнее.

Она очутилась в небольшом замкнутом бетонном кубе, со стороной где-то метра в три. Ей это чем-то напомнило одну из ловушек Лоуба — оттуда она смогла выбраться, суждено ли уйти отсюда? Все пространство вокруг залито равномерным ярким, просто слепящим глаза, белым светом, источника которого Насте так и не удалось обнаружить. В самом центре помещения, не отбрасывая тени, стоял обычный глиняный горшок для растений, где-то метр в диаметре, в котором исчезал витой провод, тянущийся из противоположной стены. Тоже белый.

А из горшка торчал гладкий и черный как смоль ствол дерева, разветвляющийся на три толстые короткие ветки, заканчивающиеся коническими остриями. На каждой ветке висело по ярко-оранжевой коробочке в форме сердечка, размером с кулак, от которых исходило мягкое сияние. Как от тлеющего угля. Шкатулки с бессмертием.

Дерево было красиво в своей лаконичности — ничего лишнего. Даже листьев на нем не было. Грацией черного блестящего тела оно напоминало змею. Змею, вцепившуюся ядовитыми зубами в судьбу человечества, напомнила себе Настя.

Она подняла топор, размахнулась и опустила острый металл, покрашенный красной краской, на гладкую черную поверхность у самого корня. Колун тупо вгрызся в податливую плоть дерева.

И в этот момент все три бутона с тихим хлопком открылись, мгновенно заполнив бетонную камеру светло-оранжевой микроскопической пыльцой. А сзади, за Настиной спиной, также тихо лязгнул замок и открылась дверь.

68. 31 марта. Здание «Мацушита электрикс». Оранжерея. Джордж

Когда эта мразь, называющая себя заместителем генерального директора, этот выскочка Исиро Катагава сломал ему нос и верхнюю челюсть, от чего чавкающие звуки стали раздаваться не только внутри головы Джорджа, но и снаружи, он решил, что проиграл. Нет, он не собирался просто так сдаваться, он ринулся в бой. Но японец был в более выигрышном положении сверху, ему не заливала глаза кровь, и его череп был цел. Если бы не случайность, выпавшая из деревянной шкатулки, что принес сюда Исиро, Джордж больше не встал бы со ступенек.

Случайностью оказался короткий кривой нож, который без всяких раздумий Джордж вонзил туда, где, по его мнению, находилось тело японца. Он понял, что не ошибся, услышав приглушенный всхлип. Он выдернул нож и воткнул его еще. И еще. И еще.

Он сбился со счета, сколько раз он втыкал в уже мертвое тело Исиро древнее лезвие. Когда он повернулся, то увидел, что вся правая половина тела японца изорвана в клочья, под ними уже скопилась порядочная лужа крови.

Абсолютно инстинктивно Джордж порылся в карманах дорогого костюма. Там он обнаружил два магнитных ключа — одним уже открыли дверь внизу, второй открывал верхнюю.

Не помня себя, шатаясь на слабеющих ногах, он поднялся на самый верх, приложил магнитный цилиндр к замку и толкнул послушно открывшуюся дверь.

То, что он увидел внутри, привело его в ужас, которого он доселе не знал: измазанная грязью девчонка в рваной одежде вонзала топор в Древо. Да, Древо оказалось именно древом, и ему грозила самая настоящая опасность быть срубленным.

Переходящий в ультразвук вопль «Нет!» исторгся из его груди и…

Последнее. 31 марта. Нейронная Сеть.

Как только оранжевая пыль проникла в ее ноздри и, отпечатавшись на рецепторах, запустила программу в ее голове, Настя услышала душераздирающий вопль боли и отчаяния. Крик не был облечен в слова, это был рев загнанного зверя, понявшего, что смерть уже близко. И слышала она этот вопль не ушами — рев и стенания разрывали ее мозг изнутри.

Ее руки ослабли, и она опустила их, едва не выронив ручку топора. И в этот момент она сквозь нечеловеческий вопль почувствовала безмерно сильную волну ненависти, смешанную с отчаянием и жаждой мести, исходящую откуда-то сзади.

Импульс был настолько силен и враждебен, что, повинуясь инстинкту, Настя рывком вырвала застрявшее в древесине острие топора и с размаха ударила в его источник.

С чавкающим звуком топор утонул в грудной клетке существа, которое, похоже, когда-то было человеком. Но сейчас оно утратило человеческие черты. И только безумные глаза с удивлением смотрели на топор, из-под которого потоком хлынула кровь. Существо медленно опустилось на колени, булькая, в уголках его рта пузырилась кровь. В испуге Настя рванула рукоять, выдернув острие из груди безумца. Его взгляд остекленел, и существо повалилось ничком на пол. Лужа темно-багровой крови медленно растекалась по белоснежному полу.

Настя, наверное, так и стояла бы в оцепенении, позволяя телепатическому воплю разрушать свой мозг, если бы вдруг не поняла, что слышит Джека. Как это возможно, она же не в виртуальности?

—Убей его! — кричал он. — Убей его, оно разрушает виртуальность!

—Кого? — тупо спросила Настя. Она уже не понимала, где находится и что происходит.

—Сруби дерево! Оно уничтожит виртуальность своими импульсами! Сруби его!!!

Спокойными, размеренными движениями Настя снова подняла топор, повернулась к цветочному горшку. Ей казалось, что все это происходит не с ней, что она спит и скоро кошмар закончится, достаточно лишь проснуться. Тремя точными и сильными ударами перерубила черный ствол. Дерево медленно завалилось вбок и упало на бетон. Телепатический вопль боли стал постепенно затихать.

А Настя стояла рядом со срубленным трупом и слышала голоса. Десятки, сотни, нет, уже тысячи голосов. Она не сразу поняла, что это мысли людей. Только теперь до нее дошло, что способность слышать мысли, первой из которых была мысль агонизирующего дерева, появилась у нее из-за оранжевой пыльцы, которая стремительно разлеталась по вентиляционной системе здания «Мацушита электрикс», вылетала из темного жестяного провала на крыше и уносилась ветром, чтобы достичь каждого уголка на земном шаре. Пыльцы было много, и Настя знала, что ее хватит на всех. Девушка начинала слышать каждого, кто вдыхал хоть одну молекулу этого вещества. Она знала все о намерениях этих людей, об их стремлениях и желаниях. Она могла слушать всех и выделить из общей массы каждого. Это было похоже на рассматривание потоков информации в Сети. И люди слышали ее, она чувствовала их удивление открывшейся вдруг чудесной способности.

Вот к этой Сети, образованной невообразимым числом нейронов миллионов человеческих мозгов, подключился Владимир Кириллович, который сидел в машине в двух кварталах отсюда. А ведь он действительно меня любит, подумала Настя.

Теперь, чтобы общаться, людям не будет нужды куда-то идти, звонить, подключаться к виртуальности. Не нужны даже слова. Теперь люди всегда будут вместе. Теперь не будет нужды во лжи, собственно, не будет возможности солгать. К этому еще нужно будет привыкнуть. Мир становился другим, и прежним ему уже не стать никогда!

Не было у дерева никакого бессмертия — его оно испытало один раз, на Джеке. И эксперимент не удался. Дереву не нужен был виртуальный разум как таковой, ему нужно было общение. Оно было безмерно одиноко. И именно из-за этого разумное дерево изменило заложенную в него программу, вырастив в своих бутонах не эликсир вечной жизни, а средство коммуникации. Но его не поняли. Да и смогло ли бы человечество пережить объединение в нейронную Сеть с деревом? Вид мертвого безумца, исковерканной кучей лежавшего в луже собственной крови, говорил, что, скорее всего, — нет.

Ну почему, для того чтобы жить, мы обречены убивать?! По щекам Насти текли слезы, оставляя на измазанной грязью коже белые полосы. Она опустила топор на пол и, обойдя истерзанный труп, вышла через открытую дверь на винтовую лестницу.

Она вышла в новый мир, в котором не нашлось места разумным деревьям.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ДРЕВО ВОЙНЫ

В мире, где контроль над рынком информационных технологий захватили могущественные транснациональные корпорации, нет места милосердию. Эту истину хорошо усвоил Джордж Карнер, руководитель службы электронной безопасности «Мацушита электрикс», которому было поручено разобраться с утечкой стратегической информации с сервера корпорации. Настя, начинающий питерский хакер-виртуал по кличке Сикомора, этого не знала и лишь чудом выбралась из чудовищной ловушки, подстроенной Карнером. И если бы не загадочный Джек, существующий только в цифровом пространстве, девушке суждено было бы исчезнуть. Однако по ее следам уже идут беспощадные гончие, привыкшие жестоко уничтожать хакеров не в виртуальном, а в настоящем мире...

ISBN 978-5-699-40471-1